

ИНОСТРАННАЯ ПОЧТА ТОЛСТОГО

Очерки Э. Г. Бабаева

Подготовка текстов писем и переводы Т. Н. Волковой*

ПРЕДИСЛОВИЕ.— ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО.— «УРОКИ ВАШИХ КНИГ».— «В ПОИСКАХ НОВОГО ТЕАТРА».— ВОСПИТАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ.— ВСТРЕЧИ.— В СПОРЕ С АВТОРОМ.— К «РАБОЧЕМУ НАРОДУ».— ТРИ ВОЙНЫ.— В ОТВЕТ НА ТРЕБОВАНИЯ ВЕКА.— ПРИЛОЖЕНИЕ: «ПИСЬМА ИНОСТРАНЦЕВ К ТОЛСТОМУ» (ОБЗОР Т. Н. ВОЛКОВОЙ).

ОТ РЕДАКЦИИ

Переписка Толстого с иностранными корреспондентами продолжалась несколько десятилетий. В архиве писателя (АТ) хранится около *девяти тысяч* писем к нему из зарубежных стран. Для их полной публикации понадобились бы десятки томов.

В настоящей работе представлено *сто двадцать пять* писем. Они отобраны редакцией «Литературного наследства» в результате ознакомления со всеми письмами иностранцев к Толстому. Это корреспонденция, полученная Толстым из Австралии, Австрии, Англии, Аргентины, Бельгии, Германии, Голландии, Дании, Испании, Италии, Канады, Мексики, Польши, Португалии, Румынии, Сербии, США, Франции, Чехии, Швейцарии и Швеции. Письма даны в переводах с английского, немецкого, итальянского, испанского, сербского и французского языков. Некоторые иностранцы писали Толстому по-русски. За единичными исключениями, публикуемые ниже письма появляются в печати впервые.

Иностранная почта Толстого — наименее изученная часть его огромной переписки. То немногое, что было опубликовано, связано, главным образом, с именами известных писателей: Р. Роллана, Дж. Б. Шоу и др. Между тем, огромный интерес представляет и переписка Толстого с «неизвестными друзьями». В ней затронуты самые острые вопросы эпохи. В последние годы заметно усилился интерес к этим документам. В печати начинают появляться адресованные Толстому письма из славянских стран, стран Латинской Америки и Востока. В большей же своей части эта переписка до последнего времени продолжала оставаться почти неизвестной.

Все письма, вошедшие в предлагаемую публикацию, были прочтены Толстым. На некоторые из них были написаны ответы — либо самим Толстым, либо по данному им указанию его близкими, друзьями и помощниками. На конвертах некоторых писем Толстой сделал пометку: *Б. О.* — «без ответа». Далеко не все письма, попавшие в эту категорию, не заслуживали ответа. Но некоторые из них «повторяли вопрос», который уже многократно задавали Толстому другие корреспонденты. В отдельных случаях именно в этих письмах можно найти то, что особенно глубоко характеризовало эпоху

* Т. Н. Волкова произвела первичное изучение и отбор писем в Архиве Толстого, а также подготовила к печати письма на русском языке и перевела письма английские, немецкие, французские. Письма на испанском и итальянском языках подготовили к печати и перевели Н. И. Горбункова и З. М. Потапова, сербско-хорватские письма — И. Д. Очак и Т. П. Попова. В комментировании отдельных писем использованы материалы, предоставленные редакции Т. Н. Волковой, Б. А. Гиленсоном, Н. И. Горбунковой, М. Д. Моричевой, М. И. Перпер и З. М. Потаповой. Редактирование переводов писем осуществлено М. Е. Михелевич (англ. и франц.) и В. К. Тарасовой (нем.). В текстологической работе принимала участие М. И. Беляева.

Толстого. Настойчивое повторение корреспондентами из разных стран и в разные годы одних и тех же вопросов воссоздает непосредственное ощущение жизненных импульсов, проникавших в творческую лабораторию писателя.

Группировка писем по наиболее значительным и актуальным темам литературы, истории, общественной и политической жизни ясно очерчивает круг вопросов и проблем, занимавших Толстого в его переписке с современниками. Редакция отнюдь не могла и не стремилась сделать публикацию исчерпывающей ни по тематическому охвату, ни по материалу. Публикация должна показать на наиболее характерном материале, какой отклик пробуждала у современников во всем мире деятельность Толстого — художника, публициста и моралиста. Печатаемые письма наглядно свидетельствуют о том, как складывались и росли мировая известность и мировое значение Толстого — художника и мыслителя. В Ясную Поляну прибывали тысячи писем из всех уголков мира. Многие из этих писем явились ответом на те конкретные вопросы демократии и социализма, которые, по словам Ленина, были поставлены Толстым и явились отражением мирового значения русской революции.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Переписка была для Толстого живой формой общения с «большим светом» — народом (т. 57, стр. 89). Это общение — от начала литературной известности Толстого и до последних дней его жизни — становилось все более значительным, по мере того как переписка постепенно расширялась и охватывала не только Россию и Европу, но и отдаленные страны Азии, Африки и Америки. «Живешь в деревне, — говорил Толстой о Ясной Поляне в 1910 г., — и получаешь со всех концов, как по сходящимся радиусам, сведения о самом дорогом для тебя...»¹

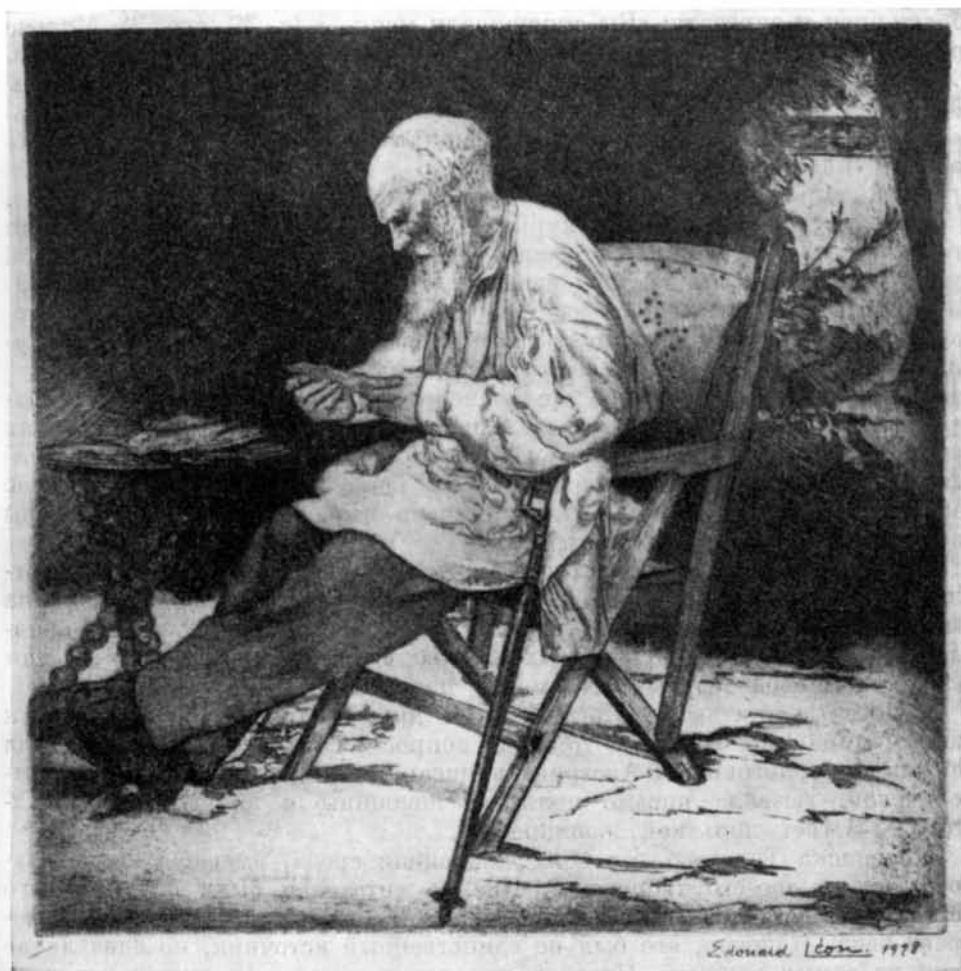
Толстой считал самым дорогим для себя «братское общение с людьми». Именно в этом, по его мнению, и состоит высшая цель и назначение искусства. «Мне всегда особенно радостно чувствовать, — писал Толстой, — свое братское общение с людьми, которые географически, и этнографически, и политически, казалось бы, так отдалены, как только могут быть отдалены люди...» (т. 80, стр. 107).

Среди корреспондентов Толстого были видные писатели, ученые и общественные деятели его времени; были среди них и малоизвестные и совсем неизвестные люди. Во многих письмах были «заявлены требования» — выдвинуты современные задачи, которые он не мог не учитывать, даже в том случае, когда не считал возможным ответить на них письмом.

Некоторые письма особенно привлекали его внимание. «Я иногда по конверту узнаю, которое из писем будет интересно, — говорил Толстой. — Если конверт написан большими красивыми буквами: „Его сиятельству графу Льву Николаевичу Толстому“, то я уж знаю, что это будет, по меньшей мере, бессодержательное письмо. Но если на конверте написано мое имя неправильно и дрожащей рукою, вроде того, что „Льву Миколаевичу Толстову“, то я знаю, что письмо будет интересно, и открываю его раньше других. И зачастую мои ожидания оправдываются»².

Конечно, это последнее замечание относилось к письмам крестьян в его русской переписке. Но нельзя не видеть, что и в письмах иностранцев Толстой искал и находил именно то, что было наиболее значительным по смыслу. Поразителен неиссякаемый интерес Толстого к людям. В письмах корреспондентов, которые обращались к нему за советом и поучением, он словно искал поучения для самого себя. «Был рад возможности вступить с вами в общение», — эти слова повторяются в письмах Толстого как лейтмотив его огромной переписки.

«Отец просил передать, — писала Т. Л. Толстая одному из корреспондентов, — что ответы на ваши вопросы изложены им в его сочинениях и он очень рад бы был, если бы они удовлетворили вас» (т. 68, стр. 289). До тех пор пока такие ответы были возможны, Толстой мог сохранять уверенность, что он остается «с веком наравне».

ТОЛСТОЙ

Офорт французского художника Эдуарда Леона, 1928

Музей Толстого, Москва

Разумеется, не всегда представлялось возможным ограничиться указанием на сочинения Толстого. В письмах содержались и новые вопросы, которые нельзя было оставить без внимания. Многие публицистические замыслы Толстого были связаны с его перепиской.

В 1893 г. Толстой получил письмо от профессора философии Берлинского университета Г. фон Гижицкого, который просил ответить на два вопроса: что понимать под словом религия и возможно ли существование нравственности, независимой от религии.

«Я имел намерение немедленно ответить на ваше достойное письмо, — писал Толстой фон Гижицкому. — Но так хорошо поставленные вами вопросы представляют для меня такой глубокий интерес, что я старался ответить насколько возможно обстоятельно, что отняло у меня больше времени, чем я думал, так что я только теперь покончил с моим ответом. Ответ-статью, приблизительно в один печатный лист, я написал по-русски и теперь дам ее перевести на немецкий язык» (т. 66, стр. 401).

«Ответ-статья» Толстого называется «Религия и нравственность». Это именно статья, хотя и написана она в форме письма и начинается

обращением к адресату: «Вы спрашивали меня...» (т. 39, стр. 3). Многие другие письма Толстого публиковались как статьи. Так, например, письмо Р. Роллану появилось в 1888 г. в журнале «Неделя» под названием «О ручном труде». Для печати предназначались «Письмо к китайцу», «Письмо к японцу» и другие письма-статьи, написанные в ответ на личные обращения иностранных корреспондентов.

Индийский корреспондент Таракуатта Дас прислал Толстому письмо, а также несколько номеров журнала «Free Hindustan». Толстой начал ответ как письмо, а написал философскую статью о судьбах восточной культуры. Статья эта состоит из нескольких глав, снабженных эпиграфами, но в ней сохранились все признаки эпистолярного жанра. И в первой главе мы читаем под эпиграфами слова личного обращения: «Получил ваше письмо и два номера журнала...» (т. 37, стр. 259).

Форма прямого разговора с современниками о самых насущных жизненных проблемах делала письма Толстого особенно опасными с точки зрения цензуры. «Письмо „О праве“... в свое время,— пишет В. Ф. Булгаков,— не согласилась напечатать ни одна иностранная газета, не говоря уже о русских,— до такой степени выраженные в нем взгляды расходятся с общепринятыми»³.

Каждая новая книга Толстого вызывала множество читательских откликов. И нередко Толстой обосновывал свой новый замысел ссылками на эти письма. Так, например, книга «Царство божие внутри вас» начинается обзором писем, полученных по поводу сочинения «Так что же нам делать?» Это своеобразный мост между двумя книгами.

Некоторые статьи Толстого связаны друг с другом, как письма к разным лицам по одному и тому же вопросу. Статья «О присоединении Боснии и Герцоговины к Австрии», написанная в ответ на письмо А. Петровичевой, вызвала письмо польской женщины и новую статью Толстого — «Ответ польской женщине».

Переписка Толстого — особая жизненная среда, имевшая значительное влияние на его творчество. Письма читателей были для Толстого источником достоверных сведений об умственной и нравственной атмосфере века. Конечно, это был не единственный источник, но едва ли не один из самых важных. Недаром некоторые письма он включал в свои сочинения как замечательные документы исторического значения. Так, в статье «Патриотизм и правительство» приведены письма сторонников мира из разных стран Европы и Америки (т. 90, стр. 437).

Толстой находился в самом центре современности. Его переписка — по существу злободневна и публицистична. Пожалуй, нет ни одного сколько-нибудь значительного события общественной жизни его времени, которое бы не нашло своего отражения в этой своеобразной летописи мира. Толстой испытывал необходимость в активных и злободневных жанрах, желая ответить на «заявленное требование». И он нашел эти жанры. Это были «статья-письмо» и «письмо-статья», значительно расширившие рамки и возможности эпистолярной литературы и публицистики.

«Всякое сочинение,— говорил Толстой,— est une lettre de l'auteur à ses amis inconnus» * (т. 73, стр. 282). Книга должна пройти — от автора к адресату — тем же путем, «через множество городов и деревень», каким проходят письма. Даже роман Толстой называл «письмом»: «Я всё пишу свое совокупное — многим — письмом в „Воскресении“» (т. 71, стр. 515).

Ежедневная почта приносила вести о том, что «письма» доходят по адресу. «Неизвестные друзья» вступали в общение с автором. Одну из самых важных побудительных причин, заставлявших писать Толстому, определил Дж. Уоллис, «неизвестный друг».

* это письмо автора к своим неизвестным друзьям (франц.).

№	Год, в котором и число	Отъ кого получено акт.	О чемъ.	Примечание	№	Год, в котором и число	Кому выдано акт.	О чемъ.	Примечание
79	1909	Великий князь	Просвещение	79		1909	Великий князь	Просвещение	79
80	"	Великий князь	Просвещение	80		"	Великий князь	Просвещение	80
81	"	Великий князь	Просвещение	81		"	Великий князь	Просвещение	81
82	"	Великий князь	Просвещение	82		"	Великий князь	Просвещение	82
83	"	Великий князь	Просвещение	83		"	Великий князь	Просвещение	83
84	"	Великий князь	Просвещение	84		"	Великий князь	Просвещение	84
85	"	Великий князь	Просвещение	85		"	Великий князь	Просвещение	85
86	"	Великий князь	Просвещение	86		"	Великий князь	Просвещение	86
87	"	Великий князь	Просвещение	87		"	Великий князь	Просвещение	87
88	"	Великий князь	Просвещение	88		"	Великий князь	Просвещение	88
89	2009	Великий князь	Просвещение	89		"	Великий князь	Просвещение	89
90	"	Великий князь	Просвещение	90		"	Великий князь	Просвещение	90
91	"	Великий князь	Просвещение	91		"	Великий князь	Просвещение	91
92	"	Великий князь	Просвещение	92		"	Великий князь	Просвещение	92
93	"	Великий князь	Просвещение	93		"	Великий князь	Просвещение	93
94	"	Великий князь	Просвещение	94		"	Великий князь	Просвещение	94

КНИГА РЕГИСТРАЦИИ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ, ПОСТУПАВШЕЙ НА ИМЯ ТОЛСТОГО.
СТРАНИЦА С ЗАПИСЯМИ ПИСАТЕЛЯ ОТ 19—20 ОКТЯБРЯ [1899 г. (85—86)]

Разворот

Архив Толстого, Москва

Перевод с английского

Фолл-Ривер, Масс(ачусетс). США. 1 мая 1905 г. *
193, Winter str(eet)

Уважаемый сэръ!

Много лет назад, когда я был молод и преподавал в канзасских прериях, я прочел «Les Misérables»⁴. Я понял, что свет, озарявший жизнь каторжников, был отражением той благодати, которую излучал добрый епископ, — на мой взгляд, главный герой всего повествования.

Книга произвела на меня большое впечатление, и я хотел было написать об этом ее автору, но затем подумал, что ему, быть может, это будет безразлично, или же он решит, будто мне что-нибудь от него надо.

Много лет спустя я узнал, что Виктор Гюго бывал очень рад, когда даже совсем безвестные люди говорили ему, что его великий труд помог им в жизни.

Я пишу вам, чтобы поблагодарить вас за то хорошее, что дали мне ваши книги. Голос мой слаб, но он звучит в унисон с вашими пророчествами. И хоть я только горсть праха, все же я принадлежу к той же цепи гор, что и вы, высочайшая в мире вершина! Потому что всё, что вы делаете и говорите, так справедливо и нужно.

Искренне ваш Джемс Уоллис

На конверте: Count Leo Tolstoy. Yasnaya Poliana. Russia

Это письмо может служить своеобразным эпистолярным эпиграфом к почте Толстого. Каждое первое письмо корреспондента, обращенное к Толстому, являлось, в сущности, ответным, так как содержало в себе отклик на то или иное сочинение писателя. Нетрудно представить себе, какое значение имела для Толстого его переписка. Письма позволяли ему судить о том, какие проблемы зреют там, в глубине жизни. «Возьмусь за письмо, — отмечал Толстой в дневнике. — Тут заявляются требования» (т. 53, стр. 138).

Переписка была для Толстого неотъемлемой частью творчества, потому что творчество — высшая форма общения с людьми.

«Нет, это так же важно, что пять тысяч человек или пять человек будут читать, — говорил Толстой. — Это — общение с человеческой душой»⁵.

И то, что было написано даже не для пяти, а только для одного человека, «по случаю», как ответ на «заявленное требование», обладало долговечностью слова и мысли, как все, что писал Толстой.

Книги его путешествовали по свету и приобретали друзей. Толстой сказал однажды о своем детище: «То, что я с болью рожал, теперь бежит по улицам. И слава богу!» (т. 52, стр. 130).

Переписка Толстого была поистине мирообъемлющей. Письма приходили из Франции и Гватемалы, Индии и Трансвааля, Японии и США, Дании и Англии, Китая и Австралии... Чтобы обозначить на географической карте все страны, откуда Толстой получал письма, понадобилась бы карта обоих полушарий. Перелистывая страницы переписки Толстого — этой необычайной по искренности книги, как бы совершаешь кругосветное путешествие. Толстой обошел весь мир, побывав в таких отдаленных уголках, где до него никто из русских странников никогда не был.

И если «всякое сочинение» Толстой называл «письмом автора к его неизвестным друзьям», то его переписку можно назвать интеллектуальным романом, который не имеет себе равных во всей мировой литературе.

Люди, события и проблемы — все, что хранит эта переписка, которая, действительно, была, говоря словами Р. Роллана, «стежью духа, связующей Восток и Запад»⁶, имеет не только историческое, но и самое актуальное современное значение.

* Дата почтового штемпеля. — Ред.

I

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

1. УИЛЬЯМ РОЛСТОН

В 1878 г. в Ясную Поляну пришло первое письмо иностранного корреспондента, обращенное к Толстому как к писателю, уже заявившему свое имя в европейской литературе. Это письмо принадлежало перу бывшего библиотекаря Британского музея, критику и переводчику Уильяму Ролстону (1828—1889) ¹.

Ролстон был довольно хорошо известен не только на Западе, но и в литературных кругах России. Он встречался с Тургеневым, поддерживал знакомство с П. Д. Боборыкиным, Н. И. Стороженко и другими русскими писателями, историками и критиками. Ролстон немало сделал для ознакомления английских читателей с русской литературой. Ему принадлежит перевод басен Крылова и фундаментальное исследование о русской народной поэзии ².

Еще в 1866 г. Тургенев рекомендовал вниманию Ролстона целую плеяду русских реалистов и прежде всего Толстого: «Очень рад, что вы хотите познакомить ваших соотечественников с нашей литературой,— писал Тургенев.— Не говоря уже о Гоголе, я думаю, что произведения графа Льва Толстого, Островского, Писемского и Гончарова могут представить интерес и по своей новой манере восприятий и по передаче поэтических впечатлений; нельзя отрицать, что со времени Гоголя наша литература приняла оригинальный характер; хотелось бы знать только, достаточно ли выявлена эта оригинальность, чтобы возбудить к ней интерес и других наций. Ваше мнение, оценка и выражение симпатий были бы здесь бесконечно ценны» ³.

В 1872 г. американский литератор Ю. Скайлер, бывший консул Соединенных Штатов в Москве, опубликовал свой перевод «Казаков» Толстого. Повесть была встречена в Англии и Америке с огромным интересом. Ролстон решил тогда ближе познакомить читателей с Толстым. Но сведения, которыми он располагал, были очень скудны. Кроме краткой биографической справки о Толстом, приложенной к переводу Скайлера, в его распоряжении не было других материалов. В 1878 г. Ролстон судил о Толстом почти понаслышке. Даже те книги русского писателя, которые к тому времени уже появились в английских изданиях, были известны ему только по названиям.

Ролстону пришлось начать с добывания необходимых сведений о Толстом. Сведения эти он хотел получить из самого надежного источника. Скайлер посоветовал ему обратиться прямо в Ясную Поляну. По-видимому, этот совет одобрил и Тургенев. Получив столь авторитетные напутствия, Ролстон и принял решение написать Толстому.

Замысел его статьи выходил за литературно-критические рамки. В английских публикациях о России наиболее значительное место занимали политические мотивы, так что читатели не могли получить сколько-нибудь верного представления о русском народе, его быте, нравах и понятиях. Роман «Война и мир» казался Ролстону произведением, которое могло бы помочь иностранцу понять русский народ.

Истинное значение Толстого как художника и мыслителя оставалось неясным и самому Ролстону и не от недостатка проницательности, а потому что известность русского писателя в Европе еще только начиналась.

Сейчас нам кажется, по меньшей мере, странным выраженное в письме к Толстому обещание Ролстона прочесть «Анну Каренину» в том случае,

если его статья о «Войне и мире» будет иметь успех. А в 1878 г. это был деловой разговор критика о литературных новинках, исторического и художественного значения которых не понимал не только Ролстон, но и многие даже в России.

Письмом из Буживаля от 1/13 октября 1878 г. Тургенев известил Толстого, что Ролстон намерен написать статью о «Войне и мире», и рекомендовал его как вдумчивого и добросовестного критика. «Вы, вероятно, уже получили от моего приятеля В. Ролстона, английского литератора и любителя нашей словесности,— письмо, в котором он просит вас дать о себе несколько биографических заметок,— писал Тургенев.— Надеюсь, что вы ему не отказали, так как он человек очень хороший и серьезный, не какой-нибудь корреспондент или фельетонист... С своей стороны я ему послал небольшой перечень известных мне фактов из вашей литературной и общественной жизни и полагаю, что вы на меня за это сетовать не будете»⁴.

За несколько дней до получения этого письма пришло в Ясную Поляну и письмо самого Ролстона.

Перевод с английского

Лондон. 4 октября 1878 г.
8, Alfred Place, Bedford Square

Милостивый государь!

Я не имел удовольствия быть вам представленным, но у нас есть общие друзья, и один из них, мистер Юджин Скайлер, с которым я сегодня виделся, сказал, что, на его взгляд, я могу обратиться к вам и без официального знакомства с вами.

Я намерен написать статью о «Войне и мире» для одного из наших журналов — «New Quarterly» — и желал бы сообщить кое-какие сведения об авторе. Г-н Скайлер дал краткую биографическую заметку при своем переводе «Казаков». Но мне хотелось бы сказать побольше, в особенности в связи с вопросами воспитания, которым вы посвятили так много времени.

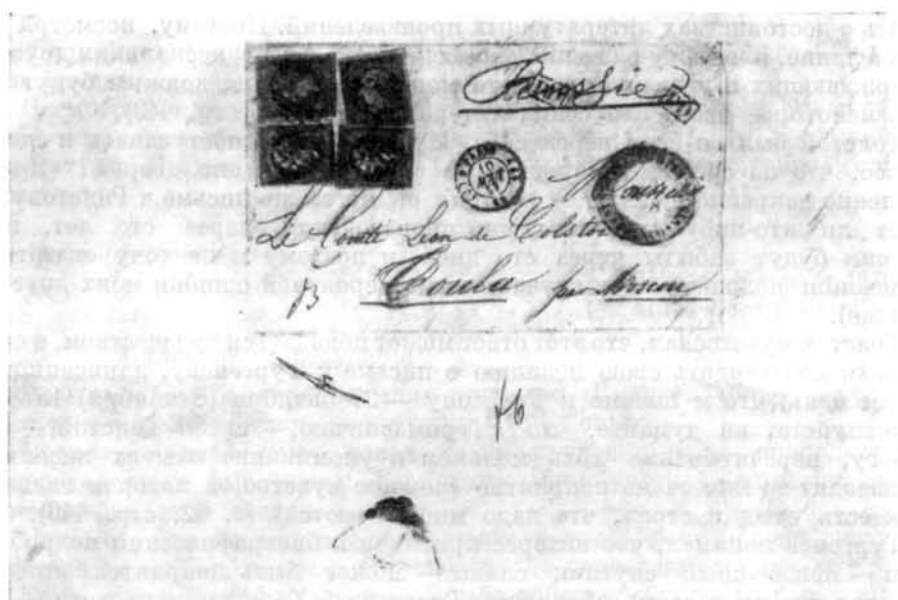
Ваше «Детство», «Отрочество» было переведено и опубликовано здесь несколько лет назад и, кажется, в Америке переведены «Военные рассказы», но сам я никогда их на английском не видел⁵.

Я не читал «Анны Карениной», но хочу в своей статье просто упомянуть об этом романе. Если же статья привлечет к себе то внимание, которого заслуживает ее тема, я прочту «Анну Каренину» и вторую статью посвящу ей.

Если вышли какие-нибудь хорошие биографические статьи о вас и какой-либо полный обзор ваших произведений, будьте добры, сообщите, где они появились. Если же вы, сверх того, возьмете на себя труд прислать мне сведения о себе, я буду вам премного обязан.

Критического разбора в моей статье не будет: о произведениях, которые были переведены, читатели-англичане могут судить сами, а критических заметок о непереведенных книгах никто читать не станет. Моя цель — просто выбрать и систематизировать ряд картин русской жизни, многие из которых я почерпну в «Войне и мире», и предоставить английской публике вынести о них собственное суждение.

Я слышал о французской книге под заглавием «Катя» (или что-то в этом роде), которая является переводом вашего произведения, а также о немецкой книге, озаглавленной, мне кажется, «Семейная жизнь». Но я их не видел и не знаю, которому из ваших сочинений они соответствуют⁶.

САМОЕ РАННЕЕ ИЗ СОХРАНИВШИХСЯ ПИСЕМ ИНОСТРАННЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ
ТОЛСТОГО

Письмо парижского банкира и экономиста Э. Пегот Ожье от 10 августа 1857 г.

Последний лист с адресом

Архив Толстого, Москва

Мне очень хотелось бы знать: существует ли какая-нибудь статья о «Войне и мире» или об «Анне Карениной» на французском или немецком языках.

Должен с грустью отметить, что английскую публику в настоящее время интересуют только политические статьи о России. И это достойно сожаления, потому что моим соотечественникам следовало бы быть лучше осведомленными о том, что в действительности представляют собой русские люди.

Надеюсь, вы простите мне мою бесцеремонность.

Остаюсь искренне восхищенный и почтительно преданный

У. Р. Ш. Ролстон

P. S. Мне нужно закончить статью к декабрю.

Толстой долго не отвечал ни Тургеневу, ни Ролстону.

Шла осень. Стояли отличные дни. «Я не солгу, если скажу, — признавался Толстой, — что меня не было дома, т. е. что я не находился сам в себе, а где-то ailleurs*. Ходил на охоту, учил детей, обедал, принимал гостей, когда приезжали, но если должен был от себя что-нибудь делать, то ничего не мог» (т. 62, стр. 445).

Однако написанное через месяц письмо к Ролстону оказалось кратким и точным, как тезис эстетики Толстого. «Я вполне убежден многочисленными примерами писателей, которых современники ставили сначала очень высоко, но которые затем были совершенно забыты еще при жизни, — писал Толстой, — что современники не могут правильно

* в другом месте (франц.).

судить о достоинствах литературных произведений. Поэтому, несмотря на мое желание, я не могу разделять временную иллюзию нескольких друзей, утверждающих с уверенностью, что мои произведения должны будут занять некоторое место в русской литературе» (т. 62, стр. 449).

Толстой был во всем верен себе. И когда слава постучалась к нему, первое, что он сделал, — спросил, не ошиблась ли она дверью? «Я совершенно искренно не знаю, — говорил он в том же письме к Ролстону, — будет ли кто-нибудь читать мои произведения через сто лет, или же они будут забыты через сто дней, и поэтому я не хочу оказаться в смешном положении, в случае весьма вероятной ошибки моих друзей» (там же).

Толстой чувствовал, что этот ответ может показаться чудачеством, и счел нужным подтвердить свою позицию в письме к Тургеневу, написанном в тот же день, что и письмо к Ролстону — 27 октября (8 ноября) 1878 г. «Пожалуйста, не думайте, что я гримасничаю, — писал Толстой, — но, ей-богу, перечитывание хоть мелком и упоминание о моих писаниях производит во мне очень неприятно сложное чувство, в котором главная доля есть стыд и страх, что надо мной смеются» (т. 62, стр. 446).

Тургенев понимал, что интерес критиков к биографическим подробностям — неизбежный спутник славы — может быть неприятен автору. Он счел своим долгом «ободрить» Толстого. «Хоть вы и просите, — замечал Тургенев, — не говорить о ваших писаниях, — однако не могу не заметить, что мне никогда не приходилось „даже немножко“ смеяться над вами; иные ваши вещи мне нравились очень, другие очень не нравились; иные, как, напр<имер>, „Казак“ доставляли мне большое удовольствие и возбуждали во мне удивление. Но с какой стати смех? Я полагал, что вы от подобных „возвратных“ ощущений давно отделались. Отчего они знакомы только литераторам, а не живописцам, музыкантам и прочим художникам? Вероятно, оттого, что в литературное произведение все-таки входит больше той части души, которую не совсем удобно показывать»⁷.

Это письмо не понравилось Толстому. Он усмотрел в нем какую-то скрытую мысль или насмешку и с большим раздражением писал Фету: «Вчера получил от Тургенева письмо. И знаете, решил лучше подальше от него и от греха. Какой-то задира неприятный» (т. 62, стр. 453).

Переписка Толстого с Тургеневым и Ролстоном на время оборвалась. Однако Тургенев сообщил Ролстону необходимые для статьи о «Войне и мире» сведения.

Статья Ролстона «Романы графа Льва Толстого» была напечатана в апрельском номере журнала «Nineteenth Century» (1878). В статье содержится краткий обзор литературной деятельности Толстого от «Детства» до «Анны Карениной», но основное место занимает пересказ содержания «Войны и мира» (о других произведениях Ролстон упоминает лишь вскользь, ограничиваясь библиографическими замечками). Он избегает подробностей при изложении сюжета «Войны и мира», опасаясь, что они могут ослабить впечатление от картины в целом.

Ролстон, разумеется, понимал, что такого рода пересказ не может заменить самого произведения. «То, что романы Толстого обладают многими достоинствами, — писал он в статье, — доказывает единодушие и энтузиазм, с которыми они были встречены русской читающей публикой. И невозможно справедливо судить о романе по очерку его содержания: это все равно, что пытаться представить себе райскую птицу по ее костяку»⁸.

Ролстон излагает только два эпизода из жизни Толстого — его службу в Севастополе и яснополянские педагогические опыты. Характерно, что к педагогической практике Толстого он отнесся (по-видимому, не без влия-

ния Тургенева) несколько скептически, отдав предпочтение его литературным трудам.

Несмотря на неполноту материала, статья Ролстона имела большое значение как один из первых очерков творчества Толстого в английской литературе. Статья пользовалась успехом, и Ролстон вскоре сообщил Толстому:

Перевод с английского

Лондон, 1 апреля 1879 г.
8, Alfred Place, Bedford Square.

Милостивый государь!

Посылаю вам бандеролью мою статью о «Войне и мире», опубликованную в апрельском номере журнала «19th Century».

Несколько дней тому назад я имел удовольствие преподнести ее императорскому высочеству герцогине Эдинбургской один из первых экземпляров этой статьи.

Надеюсь, она не вызовет у вас полного неодобрения, хотя знаю, что писатель не любит, когда его произведение пересказывает кто-то другой.

Если статья не дойдет до вас, будьте добры сообщить мне, и я выплюю вам другой экземпляр письмом.

Искренне ваш
Уильям Р. Ш. Ролстон

Ни в дневниках, ни в письмах Толстого нет упоминаний об этой статье. И письмо Ролстона осталось без ответа. Толстой молчал, оставляя похвалы на совести критиков точно так же, как он обычно не отвечал на хулу.

Ролстон бывал в России. В 1872 г. его принимал в Спасском-Лутовинове Тургенев. Но Тургенева уже не было в живых, когда Ролстон в 1884 г. вновь собрался в Россию. Он хотел усовершенствовать свои знания в русском языке, побывать на археологическом съезде в Одессе, изучить былины и собрать материал для новой книги.

О планах Ролстона рассказал Толстому профессор Н. И. Стороженко. И тогда у Толстого возникла мысль пригласить Ролстона к себе в Ясную Поляну.

Толстой попросил Стороженко передать это приглашение. В письме к Толстому Ролстон сообщил о целях своего путешествия в Россию.

Перевод с английского.

Лондон, 4 марта 1884 г.
8, Alfred Place, Bedford Square.

Милостивый государь!

Позвольте мне от всего сердца поблагодарить вас за чрезвычайно любезное приглашение, о котором я только что узнал от моего друга, профессора Стороженко. Я просто потрясен вашей добротой, тем, что вы так сердечно предлагаете гостеприимство постороннему человеку, и несколько обеспокоен мыслью, что, может быть, обременю вас. Но возможность изучить жизнь русской деревни при таких благоприятных обстоятельствах настолько соблазнительна, что я готов отбросить все сомнения и воспользоваться вашей добротой. Искренне надеюсь, что буду в состоянии хотя бы в малой степени отплатить за нее своим английским языком в обмен на русский, к которому, как меня уверяет г. Стороженко, ваша молодежь готова меня приобщить.

Осенью позапрошлого года наш покойный друг Тургенев пригласил меня провести следующее лето у него в Спасском. Его болезнь лишила меня этой прекрасной возможности ознакомиться с русской деревней, а равно и огромного удовольствия побыть в обществе одного из моих лучших друзей. В 1872 году я провел с ним в Спасском десять дней, и это было для меня чрезвычайно интересное время.

Главной целью моего посещения России в нынешнем году будет совершенствование моих познаний в русском языке. Я не собираюсь писать книгу о России, но надеюсь издать книгу о былинах, если смогу осуществить свое намерение посетить Олонецкую губернию и посетить местность, где сохранились интереснейшие следы старой русской поэзии.

Я никогда не занимался публицистикой. Но все, что свидетельствует о жизни народа в любой стране, представляет для меня чрезвычайный интерес.

Я всегда сожалел о неосведомленности моих соотечественников в отношении России и охотно сделал бы что-нибудь, чтобы ее рассеять.

Если здоровье позволит, я постараюсь пробыть в России подольше. Больше всего беспокоило меня, как я буду переносить летнюю жару. Ваше любезное приглашение избавляет меня от этой заботы. Искренне надеюсь, что не дам вам повода в этом раскаться.

В настоящее время планы мои таковы: я предполагаю приехать в Петербург в мае, а оттуда направиться в Каргополь. По возвращении думаю на короткое время заехать в Москву. Затем, если это по-прежнему окажется для вас не слишком неудобным, я воспользовался бы вашим любезным гостеприимством. Позднее мне хотелось бы присутствовать на археологическом съезде в Одессе, а после этого поселиться на зиму в Москве.

Однако слабое здоровье не позволяет мне строить какие-либо твердые планы надолго вперед. Как буду я переносить русскую зиму — не могу сказать, пока лично с ней не познакомлюсь. Но что бы ни случилось, я навсегда сохраню чувство теплой благодарности к вам за вашу большую доброту ко мне.

Искренне ваш

У. Р. Ш. Р о л с т о н

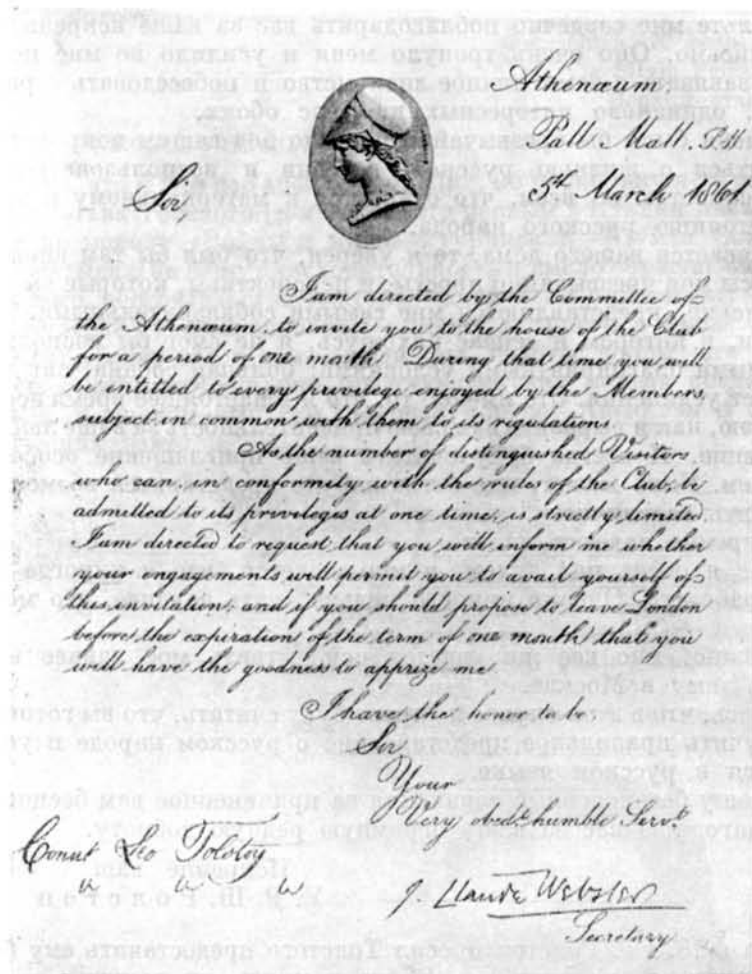
Толстой не мог не ответить на это письмо, однако в томах переписки 1880-х годов, помещенной в «Юбилейном издании», имя Ролстона не упоминается.

Ответ Толстого опубликован там как «письмо неизвестному», датированное январем — маем 1884 г. (т. 63, стр. 174) ⁹.

Письмо начинается обращением по-английски: «Dear sir!» Далее весь текст написан по-русски. Речь в нем идет о предстоящем визите Ролстона в Ясную Поляну. «Место у нас в деревне прекрасное, семейство, надеюсь, не неприятное, пища хорошая и вообще может быть сообразована с вашими вкусами, но семейство наше очень велико и у нас помещение, может быть, не так удобно, как бы вы желали <...> Если бы случилось почему-нибудь, что вам неудобно жить у меня, то прямо скажите это и мы устроим иначе» (т. 63, стр. 174).

Н. И. Стороженко, по-видимому, сообщил Толстому о слабом здоровье Ролстона. Вот почему Толстой так подробно писал об условиях жизни в Ясной Поляне.

Путешествие Ролстона в Россию, однако, не состоялось. С наступлением весны его здоровье ухудшилось, и он ответил на приглашение Толстого грустным письмом.

БИЛЕТ ТОЛСТОГО НА ПРАВО ПОСЕЩЕНИЯ ЛОНДОНСКОГО КЛУБА
«ATHENÆUM», 5 МАРТА 1861 г.

Был вручен Толстому во время его пребывания в Лондоне
Архив Толстого, Москва

Перевод с английского

Лондон. 26 апреля 1884 г.
8, Alfred Place, Bedford Square.

Милостивый государь!

Я слишком задержался с ответом на ваше любезнейшее письмо. Объясняется это нерешительностью, в которой я некоторое время находился.

Когда я писал г. Стороженко о своих планах на лето, мне казалось, что я вступаю в полосу хорошего здоровья. Но случилось иначе. Последний месяц я был ни к чему не годен, и пока нет никакой надежды на улучшение. Я вынужден поэтому, к величайшему сожалению, отказаться от моего намерения провести лето в России, а вместо того поеду в Экс-ла-Бэн или на воды в Германию. Для меня это большое разочарование. Но, быть может, если здоровье мое восстановится, я смогу побывать в России осенью. Боюсь, однако, строить какие-либо планы, потому что в последние годы они так часто, почти всегда терпели крушение.

Позвольте мне сердечно поблагодарить вас за ваше искреннее и дружеское письмо. Оно очень тронуло меня и усилило во мне постоянное желание завязать с вами личное знакомство и побеседовать о различных вопросах, одинаково интересных для нас обоих.

Для меня было бы чрезвычайно полезно под вашим покровительством ознакомиться с жизнью русской деревни и воспользоваться вашей осведомленностью во всем, что относится к материальному и нравственному состоянию русского народа.

Что касается вашего дома, то я уверен, что был бы там вполне счастлив. Вкусы мои чрезвычайно просты, и перспективы, которые вы рисуете в вашем письме, представляются мне самыми соблазнительными. Но в том состоянии, в котором я сейчас нахожусь, я не смог бы воспользоваться даже самыми благоприятными условиями: больная собака, как вам известно, ищет уединения. Это именно то, что я в настоящее время испытываю.

Не знаю, как и выразить вам свою признательность за ваше любезнейшее предложение. Я всегда буду считать ваше приглашение особой честью и отличием. Быть может, мне когда-нибудь представится возможность отблагодарить вас лично.

Я искренне надеюсь на это.

Сейчас я очень пал духом, и мне кажется, что я никогда не смогу больше работать. Однако никогда нельзя знать заранее, что может случиться.

Возможно, мне все же удастся осуществить мое давнее намерение провести зиму в Москве.

Надеюсь, что в этом случае я вправе буду считать, что вы готовы помочь мне получить правильное представление о русском народе и усовершенствоваться в русском языке.

Приношу бесчисленные извинения за причиненное вам беспокойство и снова благодарю вас за вашу огромную редкую доброту.

Искренне ваш
У. Р. Ш. Р о л с т о н

Когда в 1878 г. Ролстон просил Толстого предоставить ему биографические сведения для статьи о «Войне и мире», он получил отказ; через шесть лет ему понадобились сведения о жизни и поэтическом творчестве русской деревни, и Толстой обещал ему свое полное содействие.

Ролстону не удалось побывать в Ясной Поляне. В 1889 г. он умер, не осуществив своего желания.

Знакомя своих соотечественников с русской литературой, Ролстон изучал первоисточники, собирал библиографию и, главное, вступал в общение с крупнейшими представителями литературной жизни России. Его знакомство с Тургеневым и переписка с Толстым проложили важные пути русско-английских литературных отношений.

2. АНДЖЕЛО ДЕ ГУБЕРНАТИС

Через полгода после получения Толстым первого письма от У. Ролстона в Ясную Поляну пришло еще одно аналогичное письмо, на этот раз из Италии, — от Анджело де Губернатиса (1840—1913), известного в свое время итальянского литератора и ученого. Он обратился к Толстому с просьбой прислать для своего словаря биографий современных писателей «Dizionario Biografico degli Scrittori Contemporanei»¹ портрет и автобиографические сведения.

Губернатис был одним из первых итальянских критиков, писавших о Толстом. В 1869 г. в журнале «Rivista Contemporanea» появилась его статья, посвященная «Войне и миру».

Перевод с французского

Флоренция, 20 февраля 1879 г.
Via Silvio Pellico, 1.
Первый этаж.

Уважаемый учитель!

Возможно, что я для вас абсолютный Икс, но поскольку я-то имею честь знать графа Льва Толстого (тем более, что первым в Италии писал о нем в 1869 году по поводу «Войны и мира» в туринской «Rivista Contemporanea»), рассчитываю на вашу снисходительность и смело обращаюсь к вам по поводу одного обстоятельства, которое живо меня интересует.

Мой «Биографический словарь», книжку которого я имею честь вам преподнести, убедит вас в том, — если вы будете добры его просмотреть, — что Россия там широко представлена как первая среди славянских стран. В первом выпуске помещен портрет Аксакова и с десятка биографических заметок.

ТОМ

— 996

nina. • L'edizione di tutte le opere del Tolstoy giunge finora a undici volumi. (Non vuol essere confuso con l'illustre poeta lirico e drammatico conte Alessio Tolstoy; morto da pochi anni). Ciò che s'ammira maggiormente ne' racconti del conte Leone

Tolstoy è una gran finezza d'osservazione psicologica e un'arte insuperabile nell'animar poeticamente le scene più intime e certi paesaggi raccolti. Un saggio del suo gran romanzo «La guerra e la pace» si legge nella *Rivista Contemporanea* di Torino del 1869, diretta in quell'anno dal prof. De Gubernatis.

Tomè (Ginseppe), scrittore lombardo.

ТОЛСТОЙ

Граюра неизвестного итальянского художника

Из книги: Angelo de Gubernatis, Dizionario Biografico degli Scrittori Contemporanei, t. II, Firenze, 1879

Портрет помещен при статье А. Губернатиса о Толстом

Вы, без сомнения, понимаете, уважаемый мэтр, что мы не можем обойтись без вашего портрета. Но как его получить? Вы отошлете меня к тому, который дан в начале собрания ваших сочинений. Я им располагаю, но русские, которые удостоились чести знать вас лично, уверяют, что русская гравюра так исказила оригинал, что вы сами себя там не узнали бы, ибо портрет Крамского — совершенно другое дело. Как же быть? — Набраться храбрости и обратиться к самому графу Толстому в надежде, что он согласится прислать мне свою фотографию.

Позволяю себе вложить в письмо небольшую анкету. Надеюсь, что вы напишете несколько слов в ответ на ее вопросы. Не слишком ли это много? Но ведь просьба идет к вам из Италии, а говорится, что мы — баловни Европы! Побалуйте же меня немножко и поскорее обрадуйте, если можете, исполнением просьбы вашего скромного и преданного младшего собрата.

Анджело де Г у б е р н а т и с

Еще в октябре 1878 г. по поводу издания своих избранных сочинений с биографией и портретом в «Русской библиотеке» Толстой писал Н. Н. Страхову: «Когда дошло дело до биографии, до портрета, я живо представил себе всё, да и дело есть, то я испугался. Ради бога, нельзя ли на попятный» (т. 62, стр. 445).

Это замечание объясняет, почему запрос Губернатиса остался без ответа.

В полном составе словаря Губернатиса свыше двухсот имен русских писателей, ученых и общественных деятелей. Среди них — Д. И. Менделеев, П. Н. Яблочков, Н. Н. Миклухо-Маклай, А. М. Бутлеров и многие другие. Из крупнейших писателей в словаре представлены Герцен, Достоевский, Тургенев, Чернышевский, Салтыков-Щедрин, Островский, Толстой и Гончаров. Статья о Толстом невелика по объему (она в пять раз короче статьи о Тургеневе).

«Собрание сочинений Толстого (не путать со знаменитым лирическим поэтом и драматургом А. Толстым), — пишет Губернатис, — вышло в одиннадцати томах. В произведениях гр. Л. Толстого привлекают тонкость психологических наблюдений и несравненное искусство, проявленное им в интимных сценах и некоторых пейзажах»².

В 1899 г. Губернатис вновь напомнил о себе Толстому. Он пригласил его в Рим на международный конгресс ориенталистов. «Вы путешествовали некогда по Европе, — писал он. — Говорят, что теперь вы больше не путешествуете и, как Антей, набираетесь силы от родной земли»³.

Толстой не отвечал Губернатису. Но письма итальянского литератора и ученого являются свидетельствами раннего и глубокого интереса к творчеству русского писателя на Западе и по времени совпадают с той эпохой, когда складывалось европейское признание Толстого-художника.

3. ПЕТЕР ЭМАНУЭЛЬ ГАНЗЕН

В 1880-е годы в литературу стран Западной Европы стали проникать с Севера и Востока «новые веяния». «Производили свое мирное завоевание сначала русский роман, а потом и скандинавская драма», — отмечал П. Д. Боборыкин в книге «Столицы мира»¹.

Естественно, что и в России возник большой интерес к скандинавской литературе. Успех сопутствовал новым русским переводам Андерсена, Ибсена, Бьёрнсона. «Очень бы желал удосужиться, чтобы выучиться по-датски», — говорил Толстой (т. 65, стр. 78).

В то же время в Дании, Норвегии и Швеции усиленно переводились русские романы, снискавшие всеобщее признание на Западе. Получают громкую известность имена Тургенева, Гончарова, Толстого и Достоевского.

Эта эпоха живого обмена культурными ценностями создала замечательный тип, если можно так выразиться, «двустороннего переводчика», каким был датчанин Петер Эмануэль Ганзен (1846—1930). Ему принадлежат образцовые переводы с датского на русский и с русского на датский. Ганзен пользовался искренним расположением Ибсена и Гончарова, Толстого и Бьёрнсона, ценивших его не только как литератора, но и как человека.

Деятельность Ганзена была замечательна во многих отношениях. Он переменял несколько профессий, прежде чем нашел свое призвание. С 1865 по 1870 г. он был актером Королевского театра в Копенгагене — городе, где он родился и вырос. Затем Ганзен поступил на службу в Северное телеграфное агентство и в 1871 г. переселился в Россию. Сначала он жил в Сибири, а потом обосновался в Петербурге. Здесь он заведовал телеграфной школой и преподавал английский язык в Электротехническом институте.

Изучив культуру, быт и язык России, Ганзен стал пробовать свои силы в литературе и добился замечательных успехов. В 1877 г. в Копенгагене был издан роман Гончарова «Обыкновенная история» в его переводе. «Теперь позвольте рекомендовать вашему вниманию роман другого графа Толстого (Льва): „Война и мир“, — писал Ганзену Гончаров 17 июля 1878 г., — вы, конечно, знаете его по слуху, если не читали сами. Это — положительно русская „Илиада“, обнимающая громадную эпоху, громадное событие — и представляющая историческую галерею великих лиц, описанных с натуры — живою кистью — великим мастером»².

Ганзену, принявшемуся было за перевод «Обломова», Гончаров довольно решительно посоветовал: «Откиньте „Обломова“ в сторону и займитесь гр. Толстым» (письмо от 30 августа 1878 г.).

Ганзен последовал совету Гончарова. Он начал переводить «Анну Каренину». Но ему не довелось ни окончить эту работу, ни приступить к «Войне и миру». Оба романа вскоре оказались изданными в Дании в переводах В. Герстенберга³.

Тогда Ганзен взялся переводить «Детство» и «Отрочество». Когда книга была напечатана (1885), Гончаров поздравил его с успехом: «Радуюсь, что вы трудитесь так много над сближением русской и датской литературы...»⁴

Ганзен прислал Толстому свой перевод с дарственной надписью по-французски: «Автору в знак глубокой преданности от датского переводчика. С.-Петербург. 16 октября 1885 г.». Та же дата стоит и на его первом письме к Толстому⁵.

«Увлекаясь чтением произведений Толстого, — писал Ганзен в своих воспоминаниях, — которые часто напоминали мне датского писателя Серена Киркегора, имеющего много общего по духу с Толстым, я захотел познакомиться с ним моих соотечественников. Переводы эти, так же как переводы с датского языка на русский сочинений Киркегора, я всякий раз посылал Льву Николаевичу...»⁶

В первом письме Ганзен писал о статье Киркегора (Кьёркегора) «К самоиспытанию», в которой дается своеобразная, свободная от церковной догматики трактовка Евангелия. Ганзен имел все основания предполагать, что эта тема заинтересует Толстого. Кроме того, своим письмом он хотел обратить внимание Толстого на первую публикацию своего русского перевода сочинения Киркегора «Enten — Eller» («Одно из двух») в журнале «Северный вестник»⁷. Избранные статьи из этой книги, произшедшей в свое время большое впечатление на датское общество, были напечатаны в сентябрьской — декабрьской книжках того же журнала 1888 г. под названием «Гармоническое развитие эстетических и этических начал в человеческой личности».

Подлинник по-русски

С.-Петербург. 16 октября 1885 г.

Глубокоуважаемый Лев Николаевич!

Позволяю себе при сем письме послать вам экземпляр моего датского перевода «Детства» и «Отрочества». Книга эта вышла уже месяц тому назад в Копенгагене, но прежде чем послать ее к вам, я желал узнать предварительно, какое она произведет там впечатление и насколько удалось мне передать на своем родном языке это дорогое для меня по его высоким достоинствам сочинение.

Результат оказался в высшей степени благоприятный, и я теперь с спокойной совестью могу отправить перевод к вам.

Меня не только благодарят за то, что познакомил датскую публику с таким единственным в своем роде литературным творением, где не знаешь, чему больше удивляться — гениальному изображению психической жизни детства или чисто классическому по своей простоте изложению, — но просят еще непременно перевести также и «Юность», о которой я написал краткую заметку в конце перевода.

Издатель мой на днях выразил мне то же желание, которое я, конечно, с удовольствием исполню, жалея только, что вторая, «более счастливая половина юности» автора до сих пор еще не явилась в печати. Но ввиду широкого воспитательного значения книги, смею надеяться, что вы найдете возможность исполнить когда-нибудь данное обещание.

Внимательно следя за вашей литературной деятельностью в последние годы, я не ожидаю особенно заинтересовать вас этим сообщением, но позволю себе, однако, просить вас принять эту книгу как знак той глубокой любви, которую во время моего пребывания в России (с лишком четырнадцать лет) развила во мне вообще ее прекрасная, богатая литература и ваши сочинения в особенности.

Есть у нас в Дании один замечательный поэт-мыслитель, у которого я нахожу очень много сходства с вами, многоуважаемый Лев Николаевич. Фамилия его — Серен Киркегор, и вряд ли он вам известен, если не попался вам в руки недавно вышедший первый выпуск нового журнала «Северного вестника».

Я тут начал знакомить с ним русскую публику, но не скажу, чтобы выбор редакции был вполне удачный, так как незнакомый вовсе с автором читатель вряд ли из напечатанных отрывков сумеет составить себе о нем верное понятие.

Покойный К. Д. Кавелин, прочитав уже напечатанный теперь отрывок, выразился весьма сочувственно, но прибавил притом, однако, что для русской публики, мало знакомой вообще с немецкою, а тем более с датскою философиею, тонкое изложение датского писателя наверно пропадет бесследно.

Из других сочинений того же автора, переведенных мною, но еще не напечатанных, есть одно, к переводу которого главным образом побудила меня ваша литературная деятельность последних трех лет. Сочинение это озаглавлено «К самоиспытанию» и состоит из трех статей, из которых первая трактует о том, как следует читать Евангелие.

Хотя статья написана для читателей-протестантов, я не сомневаюсь, что она и для русских читателей может служить хорошим наставлением, если переделать ее и применить к духовным потребностям русского человека.

Не знаю, будет ли такая работа мне по силам, но несомненно, что ваши указания были бы здесь чрезвычайно дороги, и я был бы вам очень благодарен, если бы вы позволили мне прислать вам этот перевод для прочтения.

В надежде, что вы удостоите меня благоприятным ответом, остаюсь глубоко преданный вам

П. Г а н з е н

Адрес мой: Заведующему телеграфной школой П. Э. Ганзену. Дровяной переулок, д. 4, кв. 4.

Увлечение философией Киркегора было характерным для того времени явлением. Слава пришла к датскому философу после его смерти, и скандинавская литература конца XIX столетия испытала заметное воздействие его идей. Не обошлось и без преувеличений: «Можно подумать, — писал известный критик Г. Брандес, — что Ибсен стремился стать поэтом Киркегора». Что касается самого Ибсена, то он считал подобное утверждение «чистейшим недоразумением». «Я вообще мало читал Киркегора, — признавался Ибсен в письме к Ганзену, — а понял из его сочинений еще меньше»⁸.

Это недоразумение заставляет с большой осторожностью подходить к мнению Ганзена о «сходстве» Толстого и Киркегора. Это тем более важно, что в наши дни экзистенциалисты выводят начала своей глубоко пессимистической и реакционной философии не только из книги Киркегора «Понятие страха», но и из повести Толстого «Смерть Ивана Ильича». По отношению к Толстому, во всяком случае, это истолкование имеет явно преднамеренный и произвольный характер.

Ганзен не был философом, и его интерес к Киркегору имел по преимуществу литературный характер.

Его внимание привлекли выступления Киркегора против официальной церкви (навлекшие на него гонения клерикальной партии), защита строгой нравственности и тезис самоусовершенствования. Он понимал, что именно это и может оказаться интересным для Толстого.

Прошло три года. Ганзен переслал через П. И. Бирюкова в Ясную Поляну свои новые переводы сочинений Толстого и Киркегора. Обширное письмо его от 9 мая 1888 г. содержит довольно подробное изложение религиозно-этических идей датского философа с многочисленными выписками из его сочинений.

Подлинник по-русски

С.-Петербург. 9 мая 1888 г.
Набережная Пряжки, д. 10, кв. 4.

Глубокоуважаемый Лев Николаевич!

Имея честь при этом прислать вам с Павлом Ивановичем последний перевод мой из двенадцатого тома ваших сочинений, я просил его также передать вам несколько новых переводов из сочинений датского писателя Киркегора.

Из двенадцатого тома помещено в настоящем переводе «Чем люди живы», «Упустишь огонь, не потушишь», «Два старика», «Где любовь, там и бог», «Статья о переписи» и «Так что же нам делать?».

Осенью выйдут: «Смерть Ивана Ильича», «Много ли человеку земли нужно?», «Крестник», «Ильяс», «Кающийся грешник», «В чем счастье?» и «Власть тьмы».

Как по отзывам датских газет, так и из частных писем от знакомых я могу заключить, что последние сочинения ваши произвели едва ли не сильнейшее впечатление в Дании, чем знаменитые ваши романы.

Особенное внимание возбудили приведенные мною в виде «Вступления» отрывки из «Исповеди». Ее называют «образцом автобиографии» и глубоко сочувствуют описанному в ней перевороту в деятельности автора.

Отдавая должное великим достоинствам главной статьи «Что же нам делать?», «не могут, однако, вполне согласиться с автором в его реформаторских стремлениях». Относительно же маленьких рассказов существует лишь одно мнение: что «нет ничего им подобного во всемирной литературе, что нет проповеди, могущей действовать более назидательно так, что ими может увлечься каждый, в ком жива любовь к человеку, все равно, называется ли он христианином, евреем или магометанином».

В Дании переведены теперь почти все ваши сочинения, из которых на мою долю выпало перевести наиболее дорогие для меня «Детство», «Отрочество», «Юность», составляющие первый том, и затем двенадцатый том ваших сочинений, из сопоставления которых ясно видно, насколько автор остался верен самому себе.

Хотя я не имею чести быть лично знаком с вами, но, читая ваши сочинения уже лет десять и занимаясь три года переводами их, невольно зарождалось во мне духовное знакомство с автором, которому я обязан столь многими дорогими и важными для моего личного развития впечатлениями.

Желая хоть чем-нибудь отплатить вам за это, я стал переводить ваши сочинения на датский язык.

Но хотя переводами и объяснительными предисловиями и удалось мне установить на родине верный взгляд на вашу авторскую деятельность, я, тем не менее, чувствую себя в неоплатном долгу перед вами.

Переводы с датского языка отдельных статей Киркегора есть новая попытка уплаты этого же нескончаемого долга, все увеличивающегося с каждым новым вашим сочинением, и я счел бы себя счастливым, если бы опыт этот удостоился одобрительного отзыва с вашей стороны.

Я очень сожалею, что первая моя попытка познакомить с сочинениями Киркегора русскую читающую публику вышла не совсем удачной. Но в этом виновата главным образом издательница «Северного вестника», которая настолько увлеклась автором, что не сочла нужным ни подвергнуть статью какой-либо обработке, ни даже показать ее кому-нибудь из компетентных лиц до ее напечатания⁹.

«Афоризмы эстетика»¹⁰ более тщательно отделаны, но так как ни та, ни другая статья не дают надлежащего понятия об авторе, я считаю долгом своим прибавить здесь несколько слов, тем более, что Павел Иванович просил меня об этом, не считая возможным припомнить и передать вам все, что я ему говорил по этому поводу.

Киркегор прежде всего религиозный писатель, и если он начал свою деятельность эстетическо-этическим произведением «Enten — Eller» («Entweder — Oder»), то лишь для того, чтобы подготовить почву для своих религиозных сочинений. При этом руководила им мысль: современное образованное общество чуждо всего истинно религиозного, живет в какой-то путанице эстетическо-этических, с легкой примесью религиозного, понятий. Следовательно, чтобы растолковать ему значение религии, нужно прежде всего помочь ему выйти из этой путаницы понятий, в которой оно живет.

Для этого нужно завлечь его именно тем, чем оно само увлечено больше всего: эстетическим.

О необходимости применения такого приема Киркегор говорит в «Ключе к моей виноватой деятельности» следующее:

«Для того чтобы удалось воистину довести человека до назначенного места, нужно прежде всего позаботиться о том, чтобы отыскать его там, где он находится, и там же начать действовать на него. Вот тайна умения оказывать людям помощь в чем бы то ни было. Всякий, не обладающий этим умением, лишь заблуждается, полагая, что сумеет помочь другому человеку. Чтобы воистину суметь помочь другому, я должен, конечно,

I Kamp for Lykken.

Livsbilleder

Grev Léo Tolstoj.

Oversat fra russisk af Em. Hansen.

Med Forfatterens Portræt og Hørsnitte.

Kjøbenhavn.

Andr. Schouz Forlag.

1888.

Leo Tolstoj.

«В БОРЬБЕ ЗА СЧАСТЬЕ». СБОРНИК ПРОИЗВЕДЕНИЙ ТОЛСТОГО, ИЗДАННЫЙ НА ДАТСКОМ ЯЗЫКЕ (КЮПЕНГАГЕН, 1888)

Титульный лист, фронтиспис с портретом Толстого и фразы с дарственной надписью переводчика:

«Автору, глубокоуважаемому Льву Николаевичу от искренно преданного ему датского переводчика Петра Г а н с е н. С.-Петербург. 24 февраля 1888»
Личная библиотека Толстого. Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Автору

глубокоуважаемому

Льву Николаевичу

от

искренно преданного ему

датского переводчика

Петра Гансена.

С. Петербург

24 февраля
1888.

понимать больше его. Но прежде всего, вероятно, должен я также понимать то, что понимает он. Раз я не понимаю того, что понимает он, я не могу и помочь ему моим высшим пониманием чего-либо другого. Если же, несмотря на это, я все-таки хочу, чтобы человек подчинился моему высшему пониманию другого, то это лишь потому, что я тщеславен или горд. Следовательно, вместо того, чтобы быть ему полезным, я, в сущности, хочу лишь, чтобы он преклонился предо мною. Всякая же истинная помощь начинается самоуничижением: желающий помочь должен сначала смириться перед тем, кому хочет помочь, т. е. понять, что помогать — не значит властвовать, а служить, что желающий помогать должен быть не властолюбивее, а терпеливее всех, что желание помочь — это готовность до поры до времени смириться с тем, что тебя считают неправым и непонимающим того, что понимают другие, которым ты хочешь помочь».

Но, однако, воздерживаюсь от дальнейших выписок, так как иначе пришлось бы перевести всю книгу.

Начав таким образом эстетическо-этическим произведением, Киркегор обеспечил все-таки себя от недоразумений по поводу главной своей цели, прибавив в конце книги небольшую духовную речь: «Назидание в мысли, что перед богом мы всегда виноваты».

После «Одного из двух» сочинения Киркегора быстро следовали одно за другим под разными псевдонимами.

В этих сочинениях развивал он различные взгляды на жизнь, пока, наконец, ему не удалось, таким образом, «перенести всю жизнь в рассуждения, которые, будучи усвоены читателем, могли бы, в свою очередь, перенести его в самую жизнь».

Этот огромный труд, в котором он описывает ту «кругосветную поездку в сознании человека», которую приходится совершить каждому для достижения простоты душевной, постоянно чередовался с религиозными сочинениями под собственным именем автора.

Религиозные беседы его были «прямые сообщения», которые можно было и принять прямо. Другие же сочинения требовали от читателя «той кругосветной поездки в собственном сознании» для достижения евангельской простоты, без которой ему нельзя ни понять Евангелия, ни стать христианином в истинном смысле слова, и от которой избавлен лишь обладающий уже этой простотой и не нуждающийся, следовательно, в громадном обходе чрез знания.

В своих псевдонимных сочинениях Киркегор имел в виду лишь образованного читателя нашего времени, заблудившегося в различных областях знаний и потерявшего из-за них смысл жизни. Главная цель Киркегора была уничтожить заблуждение, в котором живет наш век, считая себя христианским веком, между тем как он не имеет даже отдаленного представления о том, что нужно разумеать под словом «христианство».

Для этого Киркегор старался прежде всего восстановить должный порядок в понятиях, воскресить в памяти людей утраченное представление об истинных идеалах человечества и побудить к искренности.

Не желая дать ничего нового, он хотел лишь «в одиночку прочесть древние письма, оставленные индивидуальными, гуманными жизненными отношениями людей между собой, то есть все старое, знакомое и дошедшее до нас от предков, прочесть вновь и прочувствовать по возможности более искренно, чем это принято делать с давних пор».

Применение здесь выражения «в одиночку» (соло) обусловливается личным воззрением Киркегора на жизнь: масса — ложь, истина — единица.

Следуя примеру самого автора, я, чтобы ознакомить с ним русскую публику, начал переводить его сочинения под псевдонимом Виктора Эремита, но так как я не мог дать все сочинение зараз, то и нельзя было ожидать возбудить этим внимания в более широком круге читателей.

Сам автор написал свои семь псевдонимных сочинений (около двухсот печатных листов) в три года, а мне для перевода их потребовалось бы, по крайней мере, лет шесть, не говоря уже о средствах на их издание.

Видя, что таким образом не скоро удастся мне дойти до перевода религиозных сочинений Киркегора, я и решился теперь начать прямо с них, что, пожалуй, и будет вернейшим путем к ознакомлению с автором в России, где религиозное движение и потребность в здоровой духовной пище может быть теперь сильнее, чем где-либо за границей.

Сознавая всю важность этого шага и глубоко преклоняясь перед всем, что вами сделано на этом пути, я и решаюсь теперь представить на ваш суд сделанные мною переводы с покорнейшей просьбой, если труд мой встретит ваше сочувствие, помочь мне советами и указаниями.

Извиняясь за нескладность моего письма, которое приходилось писать наскоро,

остаюсь глубоко преданный вам
П. Г а н з е н

На конве, те: Его сиятельству
графу Льву Николаевичу Толстому.

Толстой не ответил на это письмо, хотя у него уже сложилось весьма благожелательное отношение к Ганзену. Вскоре в Ясной Поляне произошла сердечная встреча Толстого с его датским переводчиком.

Узнав от В. Г. Черткова о «Крейцеровой сонате», Ганзен попросил дать ему рукопись для перевода. Толстой отвечал согласием. Обрадованный и обнадеженный этим обещанием, Ганзен писал Толстому:

Подлинник по-русски

С.-Петербург. 27 января 1890 г.

Глубокоуважаемый Лев Николаевич!

Позвольте мне прежде всего поблагодарить вас за обещание прислать мне рукопись «Крейцеровой сонаты» для перевода.

Мне очень тяжело было знать, что в городе повсюду читали это ваше новое произведение, и не иметь возможности самому присутствовать при чтении.

Зато теперь меня утешил Владимир Григорьевич, указав мне на целый клад — массу неизвестных мне до сих пор ваших сочинений. Из них особенно просятся на перевод «Ходите в свете, пока есть свет» и «Краткое изложение Евангелия».

Казалось бы, что в последнем нового ничего найти не может, но, хотя это и так, хотя учение Христа нам всем давно известно, оказывается, все-таки, что без посредника-истолкователя нам не обойтись, и слава богу, что вы взялись за это святое дело!

Из великого множества печатных отзывов о моих датских переводах ваших сочинений последних лет присылаю вам здесь один, который привожу почти целиком как образчик отношения датской прессы к вашим трудам.

Благодарный и преданный вам Г а н з е н

Р. S. Если Владимир Григорьевич еще не уехал из Ясной Поляны, прошу передать ему, что я сегодня виделся с его женою. Она при мне только что вернулась от знакомых и чувствовала себя вполне хорошо.

На конверте: Заказное.

Московско-Курской ж. д. ст. Ясенки.

Графу Льву Николаевичу Толстому.

Отправитель П. Ганзен. Офицерская 37/41, кв. 8.

К своему письму Ганзен приложил выписку из датского журнала «Literatur og Kritik», где помещен был отзыв на сборник повестей и рассказов Толстого, изданный под названием «В борьбе за счастье». «Достигнув такой почти беспримерной в художественном отношении высоты, какой отличается роман „Анна Каренина“, — говорится в отзыве, — великий писатель вдруг как будто совершенно отрешился от всякой художественности и всецело погрузился в строгое молчание. Результат получился поистине поразительный. Толстой воспрянул с обновленными поэтическими силами и еще более развитой художественностью».

В январе 1890 г. Толстой писал Черткову: «Список с последн(ей) редакции „Крейц(еровой) сон(аты)“ жена списала и отдала Стороженке, он будет хлопотать. Маша же наносит на ваш список все перемены, и мы придем его вам, чтобы вы отдали милому Ганзену» (т. 87, стр. 4).

Наконец рукопись была получена и Ганзен уже подготовил к печати перевод, когда узнал, что Толстой пишет «Послесловие». Он решил отправиться в Ясную Поляну и получить из рук автора заключительные страницы с тем, чтобы датский перевод «Крейцеровой сонаты» был полным.

Толстой с удовольствием ожидал приезда Ганзена, так как надеялся, что это «даст толчок к работе» и «Послесловие», наконец, будет окончено.

В дни пребывания в Ясной Поляне Ганзен продолжил разговор о Киркегоре, начатый еще в письмах. Толстой познакомился с афоризмами Киркегора, и одно из его высказываний об искусстве произвело на него сильное впечатление.

«Например, — говорил Киркегор, — на деле отречение от мира, уход от его благ и соблазнов — дело нешуточное; но отрешиться от земли вместе с поэтом, твердо сознавая в то же время, что мир со всеми его благами по-прежнему остается к твоим услугам, — какое это тонкое эстетическое наслаждение!»¹¹

Но если поэт заставит людей почувствовать «натиск идеала», принять его всерьез, перенести его из области воображения, поэзии, в действительность, он перестанет быть только поэтом, и на его долю выпадут все бедствия и страдания, уготованные для пророка.

Ганзен вспоминал впоследствии, что, выслушав этот отрывок до конца, Толстой несколько минут молчал, потом встал и, не сказав ни слова, ушел к себе...

«Вообще, — пишет Ганзен, — Лев Николаевич очень высокого мнения о Киркегоре, хотя находит, что датский философ молод, вследствие чего у него много задора».

Толстой советовал Ганзену «серьезно взяться за дело ознакомления русской публики с замечательным мыслителем». Он считал, что надо прежде всего написать биографию Киркегора.

Толстой знал немногие сочинения Киркегора и говорил только о тех, которые ему были известны. Вот чем, по-видимому, и объясняется важное замечание в воспоминаниях Ганзена: «Переводы с датского языка на русский сочинений Киркегора я всякий раз посылая Льву Николаевичу, но переписки по этому поводу у нас не возникло».

В Ясной Поляне Ганзен пробыл пять дней. Чтобы ускорить получение копии «Послесловия» к «Крейцеровой сонате», он сам взялся за переписку белого экземпляра.

Окончив работу, он передал рукопись Толстому для просмотра и получил ее спустя некоторое время «в неузнаваемом виде» — всю в поправках: перед ним был новый вариант «Послесловия». Ганзен приготовил новую копию текста, и ее постигла та же участь.

Сначала ему помогала разбирать рукопись М. Л. Толстая, а потом он уже самостоятельно справлялся с этой задачей и даже уверял, что

«ВЛАСТЬ ТЬМЫ» НА СЦЕНЕ КОПЕНГАГЕНСКОГО «ДАГМАРТЕАТЕР»
(«DAGMARTEATER»), 1891 г.

Первая постановка драмы в Дании

Литография неизвестного художника

Музей Толстого, Москва

общее мнение, будто почерк Толстого труден, — следствие сильного преувеличения. За четыре дня Ганзен пять раз переписал «Послесловие».

Просматривая очередной вариант, Ганзен как-то сказал Толстому:

«— Вот тут была у вас одна прекрасная мысль; жаль, что вы не оставили ее.

— Что одна мысль! — ответил Толстой. — Ведь одним кирпичом не выстроишь дома; надо множество их, так и тут. Одна мысль ни к чему; надо, чтобы их были сотни; тогда вытеснятся худшие и, наконец, что-нибудь да выйдет».

Приготовив пятый список, Ганзен с вечера отдал рукопись Толстому, надеясь рано утром дописать последние страницы. Но каково же было его удивление, когда он на другой день вошел в кабинет и увидел перед собой неожиданную картину: «Лев Николаевич, только что вставший с постели, еще в халате и с взъерошенными волосами, сидел уже за письменным столом, исправляя рукопись, — пишет Ганзен. — Никогда не забуду того добродушного лукавого взгляда, когда он поднял на меня глаза, точно говоря: „Больно скоро захотел!“». Толстой сказал, что это последняя переделка. Но Софья Андреевна и Мария Львовна, присутствовавшие при разговоре, советовали Ганзену не доверять этим его словам:

— Ну, на это не надейтесь! Он еще десять раз переделает!

Ганзен сумел понять и оценить своеобразную творческую атмосферу Ясной Поляны. Он уехал, увозя с собой не только «последний», как ему тогда казалось, вариант «Послесловия», но и лучшие воспоминания о встрече с Толстым. Вернувшись в Петербург, он написал письмо в Ясную Поляну, приложив к нему и письмо своей жены, Анны Васильевны Ганзен (урожд. Васильевой), которая просила Толстого ответить ей на вопросы о семейном воспитании детей.

Подлинник по-русски

С.-Петербург. 16 апреля 1890 г.
Офицерская 41, кв. 8.

Позвольте прежде всего поблагодарить вас, Лев Николаевич, за оказанный мне вами и вашим семейством ласковый прием. Затем прошу извинить меня с женой, если, только что вернувшись от вас, я позволю себе утруждать вас просьбой — разъяснить нам, главным образом, жене, некоторые вопросы, о которых мне не удалось поговорить с вами во время моего пребывания у вас.

Если я долго не приезжал к вам, зато попал как раз в такое для меня šťastливое время, когда вы были заняты самой для меня близкой и дорогой работой.

Искупался я у вас, Лев Николаевич, не только в свежем деревенском воздухе или в прекрасном симпатичном семейном кружке вашем, но, главным образом, в той удивительной по своей ясности и простоте сфере мышления, в которой вы не только сами постоянно вращаетесь, но которую распространяете на всех окружающих вас.

Мало того, что я у вас перестал курить, но, бросив эту вредную привычку, я отстал и от других привычек того же рода, как-то: пить за обедом вино и после обеда кофе, обе такие вещи, которые без всякой пользы волнуют кровь и затемняют рассудок.

И удивительно не столько то, что я, пожив такое короткое время у вас, отстал от всего этого, как то, что я мог предаваться всему этому так долго, не подозревая даже, насколько все это бесполезно и даже вредно.

Владимир Григорьевич совершенно справедливо заметил по этому поводу, что важен тут факт: как можно вообще избавиться от разных дурных привычек и как, раз только мы начнем уходить из-под их власти, привычки эти сами оставляют нас одна за другой.

Как вы теперь, наверно, уже знаете, Лев Николаевич, из письма Владимира Григорьевича, я тотчас же по приезде передал ему копию, снятую в Москве с рукописи, отправленной вам обратно Поповым на другой день после того, как он с Дунаевым сняли предварительно для себя копии.

Возможные изменения и дополнения я покорнейше просил бы вас сообщить мне теперь же, чтобы я мог пользоваться ими, когда в начале будущей недели приступлю к переводу «Послесловия». Я уже держал здесь корректуру пятого листа «Сонаты», которую ждут не дождутся в Дании.

Особенно волнуется ваш хороший датский критик г. Рудольф Шмит¹², книгу которого я доставил вам. Он вновь написал мне письмо по поводу первых двух листов «Сонаты», которые прислал ему мой издатель, и видно из письма, с каким нетерпением он ждет от вас маленький отзыв о своей книге. Но я посоветовал ему вооружиться пока терпением.

Не успел я еще приступить к переводу комедии вашей «Исхитрилась», или, как я полагаю перевести по прежнему названию, «Плоды просвещения», а из Копенгагена уже сделали мне запрос о разрешении поставить ее на сцену в моем переводе. Насколько мне известно, театр этот, «Dagmar-theater», пользуется хорошей репутацией, и весьма интересно посмотреть со временем, какой выйдет результат от этой попытки, которая, если состоится, является первой попыткой поставить русскую пьесу на датскую сцену.

Прилагаю портрет Серена Киркегора (фотография с рисунка карандашом 1838 года) и два его сочинения: «Enten — Eller» («Entweder — Oder») и «Stadier paa Livets Vej» («Stadien auf dem Wege des Lebens»). Во втором томе первого сочинения находится оригинал переведенной мною для «Северного вестника» статьи; в первом томе — «Афоризмы эстетики», а в послед-

нем сочинении — статья «In vino veritas», статья «О браке» и об одинокой жизни ради идеи. Эпиграф на заглавном листе первого тома: «Разве один разум крещен? Разве страсти язычники?»

Извините, Лев Николаевич, если я на первый раз после пребывания у вас напишу вам наскоро нескладное письмо, но я только что получил записку от И. И. Горбунова, известившую нас, что он едет завтра утром к вам, и так как жена написала уже свое письмо к вам, то мы не хотим упускать верного случая доставить его в ваши руки.

Вместе с моим сердечным приветствием прошу передать вашей супруге Софье Андреевне, что я не успел еще побывать у баронессы Менгден. Но должно извинить меня то, что я всю прошлую неделю был занят по утрам экзаменами, а по вечерам переводом, который все еще не окончен, а издатель между тем торопит, посылая корректуру, и больной земляк просит после 11 мая свезти его на Кавказ. Как управляюсь, то непременно постараюсь побывать у баронессы.

Экземпляр «Крейцеровой сонаты», который теперь, наконец, отпечатан на ремингтоне, оказался настолько неверным и избыточным ошибками, что придется его перепечатать. Надеюсь выслать через две недели.

Евангелия на датском языке и датско-немецкий учебник, обещанные мною Марии Львовне, я не успею теперь отправить с Ив. в. Горбуновым, а пошлю отдельно на днях.

Примите еще раз, Лев Николаевич, мою искреннюю благодарность и вместе с супругой и милыми детьми лучшие пожелания от вашего преданного

П. Г а н з е н а

Толстой ответил на письмо Ганзена и его жены 25 апреля 1890 г. Между прочим, он сообщал ему: «Послесловие я опять перерабатывал, и кажется, что оно улучшилось. И кажется тоже, что я уже не в силах более его переделывать. Разные подробности о послесловии и комедии передаст вам Ив(ан) Ив(анович)» (т. 65, стр. 78).

Таким образом, предсказание Софьи Андреевны и Марии Львовны сбылось. Толстой опять переделал «Послесловие», а Ганзен уже держал в это время корректуры «Крейцеровой сонаты». Наконец И. И. Горбунов-Посадов привез ему последний вариант «Послесловия».

Ганзен познакомился с новым вариантом и признал, что исправления были и необходимы, и удивительны, так как по-новому освещали тему и придавали ей большую выразительность. Об этом он писал Толстому в письме от 30 апреля 1890 г.

Подлинник по-русски

С.-Петербург. 30 апреля 1890 г.

Очень мы благодарны вам, Лев Николаевич, за ваше доброе письмо. Если и нельзя было ответить в письме, как вы это говорите, на все вопросы жены о боге и вечной жизни, зато на вопрос о воспитании вы дали такой полный ответ, что этим ее вполне успокоили¹³. Относительно других вопросов я не хотел останавливать ее, раз она написала вам об этом.

Хотя она и внимательно прочла все ваши последние сочинения, но по летам своим (двадцать лет), невзирая на свое умственное развитие, она все-таки, по-моему, еще слишком молода для решения поставленных в этих сочинениях главных вопросов. Если вообще годом совершеннолетия считается двадцать первый, то я думаю, что возраст этот еще недостаточно зрелый не только для обсуждения вопроса о боге и вечной жизни, но даже об этой жизни, в которую человек такого возраста только что успеет вступить.

Полагая с Киркегором, что зрелым возрастом для человека, желающего решить для себя вопросы о жизни и смерти, придется считать средним числом тридцатый год его жизни, а что раньше этого срока нельзя и решить вопрос о религии, исповедуемой им по своему внутреннему убеждению, я и не вмешивался никогда да и еще не вмешиваюсь в так называемое религиозное воспитание детей, ограничиваясь тем чисто гуманитарным указанием, общим для всех так называемых христианских вероисповеданий нашего времени.

Мы очень рады были узнать от Ивана Ивановича, что вы здоровы, Лев Николаевич, и уже работаете в поле. Но относительно тех сведений, которые он, по вашему письму, должен был сообщить нам по поводу «Послесловия» и комедии, он отзывался полным неведением, особенно по поводу комедии.

Насчет «Послесловия» вы сами пишете нам, что вряд ли последует дальнейшая переделка, и я тотчас же приступлю к переводу. Вчера вечером нам его доставили от Владимира Григорьевича, и по прочтении его мы просто диву дались, как это вы нашли возможность еще так много дополнить и улучшить то, что уже казалось вполне оконченным.

Судя по тем отзывам, которые теперь доходят до меня от датского издателя и других лиц, уже познакомившихся с «Крейцеровой сонатой» еще до выхода ее, то успех, ожидаемый у нас, настолько чужд всяких английских и американских опасений, что «Послесловие», может, и не явится у нас необходимостью, но как предупреждающее возможные недоразумения оно, конечно, всегда будет уместным, делая, однако, излишним всякое дальнейшее истолкование с моей стороны.

Относительно комедии я на днях написал Марии Львовне. Я надеюсь окончить перевод во время поездки и надеюсь, что к сроку возвращения (середина июня) и вы, Лев Николаевич, пожалуй, окончите свои поправки.

Завтра отправляю семейство в Райвола по Финляндской железной дороге, где я нанял деревенскую избу, и по возвращении из поездки возьмусь за перевод выпущенных мест из «Что же нам делать?» для нового датского издания.

Желаю вам доброго здоровья.

Преданные вам А. и П. Г а н з е н ы

На конверте: Московско-Курской желез<ной> дор<оги>,
ст. Козловка-Засака.

Льву Николаевичу Толстому
(в имение «Ясной Поляны»).

В 1890 г. «Крейцера соната» вместе с «Послесловием» вышла на датском языке в переводе Ганзена.

В августе того же года Толстой получил от Ганзена письмо из Финляндии с обзором важнейших высказываний датских критиков по поводу «Крейцеровой сонаты».

Подлинник по-русски

Райвола. 3 августа 1890 г.

Лев Николаевич!

Присылаю вам при этом письме перевод некоторых отрывков из отзывов датских газет о «Крейцеровой сонате». Получил я до сих пор всего восемь, но только половина представляет интерес.

Скудость отзывов объясняется отчасти летним сезоном, когда вообще господствует затишье в литературе и в особенности в критике; главным же

образом, как я думаю, трудностью самой задачи критики: обсуждение такого сочинения, как «Крейцера соната».

Одна газета, от которой я ожидал самого интересного отзыва, вдруг представила самый невозможный. Статья без подписи старается, и весьма неудачно, иронизировать над автором, причем не признаёт даже художественных достоинств сочинения.

ПОМЕТА ТОЛСТОГО НА КОНВЕРТЕ ПИСЬМА ПЕТЕРА ГАНЗЕНА ОТ 3 АВГУСТА 1890 г.:

«Интересное письмо с выписками статей. Не решаются ни осуждать, ни согласиться»

Архив Толстого, Москва

Это выходит тем нелепее, что статья появляется в «Politiken» — газете, вообще претендующей на компетентность по части литературной критики. В ней сотрудничают оба брата Брандеса, но как проповедникам свободной любви «Крейцера соната» не могла, конечно, прийтись им по вкусу, и они предпочли умолчать о ней, предоставляя бездарному сотруднику скомпрометировать газету.

Но как ни глупа и пошла эта статья, в ней все-таки нет и тени той бесшабашности, с которой, к стыду русской прессы, отнеслись к «Крейцеровой сонате» некоторые не только в газетах, но и в журналах.

Объясняется это, как я уже сказал, трудностью самой задачи критики. Не будь «Послесловия», дело не представилось бы таким трудным. Один рассказ еще можно было бы разобрать кое-как, отведя ему место в числе более или менее превосходных произведений известного писателя.

Один датский критик в «Tidens Ström»* так прямо и говорит, что «без „Послесловия“ „Крейцера соната“ явилась бы поэмой, потрясающей драмой, рассказанной самим героем, и произвела бы свое могучее действие, приводя в движение струны, отдающиеся в сердце каждого человека».

* «Течение времени». — Примеч. П. Ганзена.

Но вот «Послесловие», исключив всякую возможность смотреть на сочинение с обыденной, чисто эстетической точки зрения, круто переносит читателя в совсем другую область, ставя при этом вопросы, трактуемые в рассказе, ребром и без каких-либо компромиссов.

Как тут быть? Если бы еще автор был каким-нибудь вновь выступающим писателем, тогда нетрудно было бы справиться с задачей, но вот — автор оказывается одним из самых выдающихся современных писателей, тот самый, которого все недавно возносили до небес, и вдруг он-то и написал такое «Послесловие»! Что теперь делать?

Читатель, если он мало-мальски добросовестен, пожалуй, еще знает, что делать, но критик? Как ему быть?

И в таком-то затруднении очутился не один какой-нибудь выдающийся критик — он тоже знал бы, что сказать, — а вся эта орава газетных писак, которым непременно нужно высказаться о каждом новом сочинении великого писателя. А ведь в этом последнем сочинении великий писатель отнял у них все, весь ореол, окружавший до сих пор излюбленные их пороки, наслаждения и даже заблуждения.

Если Сократа, по словам Платона, хотели укунить за то, что он отучал современников от разных глупостей, то что же предпринять против автора, который камня на камне не оставляет в той храмине, в которой современное человечество уживалось так хорошо?

Лучше всего рисует это ошеломляющее, озадачивающее действие, которое произвела «Крейцера соната» с «Послесловием» на критику, то, что все, точно стоворясь, отождествляют Позднышева с автором и упрекают последнего за какие-то, будто бы ни с чем несообразные требования абсолютного воздержания, забыв совершенно, кем были первоначально заявлены эти требования, как раз и поставленные самим автором в эпиграфе. Вот где невольно припоминаются слова Киркегора: «Есть у меня одна замечательная книга, никому из современников моих не известная. Называется она „Новым заветом“».

Сообщение Марии Львовны о том, что вы теперь совсем поправились, Лев Николаевич, нас очень обрадовало. Представляя себе, как закипела у вас теперь работа, нельзя удержаться, чтобы не спросить: над чем вы теперь трудитесь?

На Пасхе вы мне говорили, что готовите одно облюбванное вами сочинение, куда заносите все самое лучшее¹⁴. Тогда вы надеялись окончить его к осени, но теперь приходится, к сожалению, опасаться, что болезнь, постигшая вас летом, вам помешала.

Примите от меня с женой сердечный наш привет и передайте его Софье Андреевне и милым вашим детям.

Искренне преданный вам П. Г а н з е н

На конверте: Заказное, в Тулу.

Гр: ффу Льву Николаевичу Толстому
в : менье «Ясная Поляна».

На письме Толстой написал: «Интересное письмо с выписками статей. Не решаются ни осуждать, ни согласиться».

Ганзен был не только переводчиком, но и критиком. Ему принадлежат статьи о скандинавских писателях, печатавшиеся в России, и статьи о русских писателях, печатавшиеся в Дании. Ганзен стремился найти общность проблематики в творчестве писателей-современников. Особенное внимание Ганзена привлекало творчество Ибсена и Бьёрнсона.

Ганзен сопоставил «Крейцерову сонату» с пьесой Ибсена «Гедда Габлер»¹⁵ и статьей Бьёрнсона «Единобрачие и многобрачие»¹⁶ и нашел в этих произведениях некоторое сходство.

Подлинник по-русски

С.-Петербург, 7 августа 1891 г.
Фонтанка, 177, кв. 7.

Я все надеялся, Лев Николаевич, вновь увидаться с вами нынешним летом в Ясной Поляне. Надежда эта, к сожалению, не сбылась, и я пользуюсь случаем передать вам через Ивана Ивановича кое-какие работы.

За невозможностью беседовать с вами лично, я, как ни боюсь посягать на ваш досуг, прошу вас уделить несколько часов на прочтение их и, если они достаточно интересуют вас, не отказать сообщить мне ваше мнение по поводу некоторых возбужденных в них вопросов.

Перевод мой «Oplysningens Frugter» («Плоды просвещения») вызвал несколько хороших газетных отзывов, из которых я вижу, что и эта пьеса понята у нас так же хорошо, как другие ваши сочинения.

«Власть тьмы» хотели поставить в предстоящем сезоне на «Dagmar-theatret», но я еще не получил по этому поводу формального извещения о решении дирекции.

«Крейцерова соната» вышла в моем переводе вторым изданием, как теперь оказывается, одновременно с разрешением первого русского.

С этих пор мой семилетний труд по переводу ваших сочинений на датский язык временно и, надеюсь, ненадолго прекратился, и я взялся за моих любимых датско-норвежских писателей — Киркегора, Ибсена и Бьёрнсона.

Что касается первого, то мы с женой предприняли переработку духовной речи его «Лилии и птицы», которая в новой форме, надеюсь, произведет на вас лучшее впечатление, нежели в первоначальной. Прошу при этом передать Ивану Ивановичу для пересылки мне оставшихся у вас двух статей Киркегора «In vino veritas» и «О Дон-Жуане», которые также нужно подвергнуть капитальной переработке¹⁷.

Затем в настоящее время мы заняты переводом, вернее сказать, переработкой Бьёрнсонова призыва к северной молодежи «Единобрачие и многобрачие».

Удивительные речи эти, появившиеся уже лет пять тому назад, к сожалению, дошли до меня только недавно.

Причина отчасти та разбрасываемость, которая не позволяет мне следить, как подобает, ни за русской, ни за датской литературой, отчасти же невнимательность моих датских издателей, не приславших мне эту замечательную брошюрку.

Чтение этого воззвания просто в жар бросит, настолько оно горячо и убедительно. Местами кажется, что слышишь автора «Крейцеровой сонаты», до того оно близко к этому сочинению как по мысли, так иногда и по самой форме выражения.

Как только перевод мой выйдет в печати, я не премину тотчас же выслать вам экземпляр. Пока же не могу отказать себе в удовольствии переписать два места, произведшие особенно сильное впечатление на Ивана Ивановича еще тогда, когда я прочел ему их в переводе прямо с листа.

Я вперед знаю, что вы не сойдетесь со многими из взглядов Бьёрнсона, но останется довольно и того, что в силу вашей с ним солидарности по одному из важнейших вопросов о сохранении нравственной чистоты в молодости не может не вызвать удивления и радости.

Если бы Суворин находился на высоте своего призвания как издатель, я бы отнес эту статью к нему для напечатания, желая доставить ей возможно большее распространение в кругу читателей, но он недавно по поводу Ибсена высказал такое равнодушие, что и обратиться к нему не хочется.

Переведя «Гедду Габлер», я тотчас же предложил ему рукопись для напечатания, но, несмотря на то, что обращался письменно и к нему и затем, по указанию его секретаря, к его управляющему книжным магазином «Нового времени», я не удостоился даже ответа.

Специальный журнал драматических произведений «Артист» согласился было печатать мой перевод, но в сентябре; предложение было сделано в апреле.

Издатель же «Северного вестника», узнав о моем переводе, сам пригласил меня поместить его в этом журнале и, благодаря ему, я имею теперь возможность прислать вам печатный экземпляр.

Хотя Ибсен уже давно приобрел такую известность за границей, что издатели различных национальностей заблаговременно спешат приобрести право на перевод его новых сочинений, ни одно из его предыдущих творений за последние годы не взволновало общество до такой степени, как «Гедда Габлер».

Помимо литературных достоинств пьесы, это объясняется отчасти тем обстоятельством, что Ибсен, вообще выступавший как бы ходатаем женщин, в этой пьесе дает два страшно отрицательных типа, из которых особенно героиня Гедда ставит большинство из критиков, не говоря уже о публике, в тупик.

В Дании совершенно не поняли эту пьесу, и первое представление ее в «Королевском театре» сопровождалось даже довольно упорной борьбой между сторонниками автора и противниками вообще всего норвежского.

В берлинском «Residentstheater» ее приняли с восторгом, хотя и ожидали скандала.

Из русских отзывов о ней я видал только одну рецензию, написанную Чуйко в «Одесском вестнике»¹⁸, и хотя автор ее, по-моему, как раз нашел ключ к разгадке «прекрасного сфинкса», как принято называть Гедду, ему все-таки недостает прозорливости или просто внимательности к указаниям, данным самим автором.

Один из пайщиков «Северного вестника» тоже сказал мне прямо, что перевод ему больше нравится, чем сама пьеса, героиня которой ему совершенно непонятна.

Мне стоило, однако, только обратить его внимание на две главные черты Гедды — стремление к полной личной свободе и отрицанию всяких нравственных обязанностей — и лицо его сразу просияло: «Вот так! — сказал он, — этого я, действительно, не сообразил. Теперь я еще раз прочту пьесу и наверное пойму ее лучше».

Мне особенно хотелось бы узнать ваше мнение об этой пьесе, Лев Николаевич. Что до меня, читая ее, я не мог отделаться от того впечатления, что перемена в обычных авторских приемах Ибсена (до сих пор он преимущественно выставлял женщин как бы образцами) произошла под влиянием чтения «Крейцеровой сонаты».

Еще несколько слов о «Перчатке», переведенной г-жой Кузминской¹⁹. Первое действие я прочел с удовольствием, но другие два поставили меня в совершенный тупик.

Дело в том, что перевод, по-видимому, сделан с последнего, совсем переделанного автором издания. Но если пьеса теперь и выигрывает в быстроте хода драматического действия, зато конец ее так отрывочен, что невольно ставит читателя в тупик: «А что же дальше?»

В первом издании разрыв Свавы с женихом происходит во втором действии в присутствии всех членов обоих семейств. Затем происходит борьба Свавы с окружающими и особенно с матерью, из разговоров с которой видно, что Свава именно от нее научилась не поступать в своих требованиях относительно вопросов о нравственной чистоте.

Кончается же пьеса тем, что жених, убитый горем, уезжает в Америку. Перед отъездом он вымаливает у Свавы дать ему хоть намек на то, что вина его когда-нибудь может быть прощена, и Свава, убежденная матерью в своей чрезмерной строгости, невольно дает ему этот намек. На вопрос матери: «Ты обещала!» Свава, скрывая свою голову на груди матери, отвечает: «Кажется».

По-моему, конец этот куда вернее и человечнее.

Этим я кончу это длинное послание, в надежде, что оно застанет вас в добром здоровье. Затем прошу вас принять от имени жены и своего и передать вашей супруге и всему семейству искренний привет.

Преданный вам

П. Г а н з е н

Ганзен выбрал из речи Бьёрнсона отрывок, который действительно звучит как публицистический комментарий к повести Толстого.

«Сколько людей платится впоследствии роковыми ошибками при выборе жизненных путей за то, что чувство прекрасного рано загрязнилось и испортилось в их душе,— писал Бьёрнсон.— Нечистые дела и помыслы так или иначе, но всегда оставляют свой след, и нужен огромный подъем духа, чтобы стереть этот след и вновь восстановить полную душевную гармонию».

В одной из статей о Бьёрнсоне Ганзен писал о его творческих и общественных целях, определяя линию сходства с гуманистическими тенденциями русской литературы: Бьёрнсон — «горячий поборник нравственного очищения и возрождения современного общества; целомудрие, строгое единообразие и, наконец, уничтожение войны — вот идеалы, во имя которых он живет и неутомимо трудится...»²⁰.

В сентябре 1891 г. Ганзен прислал Толстому еще одно письмо (не получив ответа на предыдущее).

Он был лично знаком с Бьёрнсоном и хотел передать Толстому привет от «седого чародея».

Подлинник по-русски

С.-Петербург. 6 сентября 1891 г.
Фонтанка, 177, кв. 7.

Надеюсь, Лев Николаевич, что присланные с Иваном Ивановичем письмо и переводы вами получены. При этом письме (в ценной посылке через Тулу) позволяю себе прислать вам переводы упомянутой в предыдущем письме статьи Бьёрнсона и его предисловие к сочинению Арнольдсона «Закон, а не война»²¹.

На мой вопрос, где и как Бьёрнсон читал эту речь, он ответил мне прекрасным письмом, отрывок из которого помещен в рукописи вместо предисловия.

О том, насколько Бьёрнсон проникнут симпатией к вам, Лев Николаевич, свидетельствует особенно конец письма, где он трижды просит передать вам поклон: «hils (т. е. кланяйтесь), hils, hils Tolstoj!», что я и исполняю с величайшей радостью.

Он сообщает мне также, что кончил текст к оратории «Мир», которую Эдуард Григ теперь перекладывает на музыку. «Если она удастся,— пишет Бьёрнсон,— то это будет вроде призыва ко всему миру».

В настоящее время Бьёрнсон пишет еще социальную драму²².

А вы что пишете, дорогой Лев Николаевич? Скоро ли мне опять придется взяться за перевод нового вашего сочинения? Я уж соскучился: целый год как прекратился этот труд, самый дорогой в моей жизни.

Статья «Единобрачие и многобрачие» помещена уже в извлечении в «Новом времени», а сегодня я получил разрешение из цензуры на отдельное издание, так что можно надеяться на самое широкое распространение.

Не имеете ли вы по поводу этого сказать мне кое-чего?

Очень бы обрадовался каждому вашему совету или указанию.

Преданный вам П. Г а н з е н

На конверте: Через Тулу.

Станция «Ясинка». В имение «Ясной Поляны».

Льву Николаевичу Толстому.

Ганзен знакомил Толстого с той общественной средой, к которой он впоследствии обратился с «Письмом» по поводу Гаагской конференции (1901 г.).

Оратория Бьёрнсона «Мир» связана с Лондонским мирным конгрессом 1891 г.

Этому конгрессу Толстой посвятил несколько иронических, но с болью написанных страниц в «Царстве божием внутри вас». Главным недостатком лондонского конгресса Толстой считал то, что конгрессмены не шли дальше благих пожеланий о мире, не ставили вопроса о социальных причинах войны. Письмо Ганзена оказалось наполненным самыми злободневными вопросами современности, которые чрезвычайно занимали Толстого.

Что касается Ибсена, то еще в 1889 г., прочитав его пьесу «Комедия любви», Толстой составил о нем резко отрицательное мнение, которое не изменилось и в последующие годы. Он усматривал в его драматургии ницшеанские тенденции. Особенно чуждой была для него склонность Ибсена к символическим образам. «У него во всех пьесах идут на гору...», — шутиливо говорил Толстой.

«Бьёрнсона я читал еще летом: „Новые веяния“, — писал Толстой Ганзену 14 сентября 1891 г., — очень хорошая, интересная вещь. Читал тоже по-английски его роман, переведенный под заглавием „In God's Way“. Тоже хороший. Он во всем верен себе, искренне любит добро и потому имеет что сказать и говорит сильно. И я всё, что он пишет, читаю и люблю, и его самого тоже. Но не могу того сказать про Ибсена. Его драмы я тоже все читал, — писал Толстой, — и его поэма „Бранд“, к<оторую> я имел терпение дочесть, все выдуманы, фальшивы и даже очень дурно написаны в том смысле, что все характеры не верны и не выдержаны» (т. 66, стр. 45).

Толстой решительно отдавал предпочтение Киркегору и Бьёрнсону перед Ибсеном:

«Репутация его в Европе доказывает только страшную бедность творческой силы в Европе. То ли дело Киркегор и Бьёрнсон, хотя и различные по роду писаний, но оба имеют еще главное качество писателя — искренность, горячность, серьезность. Seriously думают и говорят то, что думают и говорят» (там же).

Толстой не принял драматургии Ибсена, как впоследствии он не принял и театра Чехова. Интересно отметить, что Ибсен также критически отнесся к драматургии Толстого. В письме к Ганзену, с которым он был хорошо знаком, Ибсен писал: «Драму „Власть тьмы“ я прочел с большим интересом. Не сомневаюсь, что она в надлежащем верном и беспощадном исполнении должна произвести сильное впечатление со сцены. Мне кажется, однако, что автор не вполне владеет драматической техникой. В пьесе больше разговоров, чем драматических явлений, и диалог во многих местах кажется скорее эпическим, нежели драматическим; вообще вся

ДРАМА БЬЕРНСТЬЕРНЕ БЬЕРНСОНА
«КОРОЛЬ» (ПАРИЖ, 1897),
ПРИСЛАННАЯ ИМ ТОЛСТОМУ
В ФЕВРАЛЕ 1897 г.

Обложка

Личная библиотека Толстого
Музей-усадьба «Ясная Поляна»

вещь является не столько драмой, сколько рассказом в диалогах. Но главное налицо. Дух гениального поэта живет и проявляется здесь во всем»²³.

В письме от 14 сентября 1891 г. Толстой принес извинения Ганзену за то, что рукописи статей Киркегора «In vino veritas» и «О Дон-Жуане», присланные с Горбуновым-Посадовым в Ясную Поляну, пропали. «Статьи Киркегора, о кот<орых> вы пишете, я знаю, что были у меня, но до сих пор мы с Машей не могли их найти,— писал Толстой.— Поищем еще. Но если не найдутся, скажите, очень ли это будет вам неприятно? Посылают мне рукописей много, а порядка заведенного нет и часто пропадают» (т. 66, стр. 45).

«Верно кто-нибудь взял их со стола, заинтересовавшись содержанием, да и унес, забыв сказать Льву Николаевичу,— так объяснял мне исчезновение статей один наш общий знакомый, хорошо знавший порядки в доме,— пишет Ганзен в своих воспоминаниях.— Мало ли народу ходит к нему? Двери всегда открыты, рукописи прямо на столе: хочешь — читай, хочешь — бери, снимай копии». «Ну, что же мне было сказать на это, раз я узнал вдобавок, что и с собственными рукописями Льва Николаевича случается нередко то же самое? Этою же „простою правов“, вероятно, следует объяснить и распространение в публице в рукописных копиях не оконченных еще или набросанных вчерне сочинений Льва Николаевича»²⁴.

Ганзен был удивлен отзывом Толстого о пьесах Ибсена. Он не согласился с этой оценкой, хотя и не счел возможным вступать в спор с Толстым.

Подлинник по-русски

С.-Петербург. 21 сентября 1891 г.
Фонтанка 177, кв. 7

Дорогой Лев Николаевич!

Сердечно благодарю вас за письмо, которым вы нас обрадовали. С нетерпением будем ждать теперь присылки нам от Черткова рукописей.

Сочувственное отношение ваше к сочинениям Киркегора и Бьёрнсона — двум любимым писателям моим — меня очень радует, зато не могу сказать, как меня огорчает резкое ваше суждение, почти осуждение Ибсена.

Я глубоко уважаю ваше мнение, но тут оно выразилось таким неожиданным образом, что с первого раза просто ошеломило меня. Не может быть, чтобы в ваших словах не было правды: в этом деле нет более компетентного судьи, чем вы. Но, если так, то выходит, что я с лишком двадцать пять лет, читая Ибсена, увлекался какой-то фальшью, а этого я допустить не могу.

Огромное значение Ибсена для его родины признано даже его противниками, и, следовательно, тут что-то не так, а как — в толк не возьму.

Надеюсь, что вы теперь получили статьи Бьёрнсона «Единобрачие и многобрачие» и предисловие его к книге Арнольдсона «Закон, а не война между народами».

Согласно указаниям Ивана Ивановича Горбунова, я отправил их уже 6 сентября заказной посылкой на Тулу, так как на Ясенку можно отправлять лишь простую корреспонденцию.

Я недавно познакомился с Н. Н. Страховым, который при первом же свидании подарил мне свою последнюю статью «Толки о Толстом»²⁵. Николай Николаевич так удачно разобрался в этом хаосе, что мне остается только одно: в виде дополнения написать маленький очерк о Киркегоре. С ним ведь было то же, что и с вами: пока он писал только эстетические сочинения, его боготворили, но как только он начал свою нравственную проповедь, отношение публики к нему изменилось. Люди стали злиться, бранить его за «его» непомерные требования. Этим они, по его меткому выражению, «только выразили свой страх перед натиском идеала».

Для предполагаемой статьи я перевел одну характерную статью Киркегора, которую прилагаю. Это ответ его на сетования его противников и неразумных сторонников, которые возмущались его «резкими выражениями».

Что касается затерявшихся переводов Киркегора («О Дон-Жуане» и «In vino veritas»), прошу не беспокоиться из-за них. Найдутся — хорошо, а нет, придется вновь перевести, авось выйдет еще лучше, благо тому, что у меня теперь такая прекрасная помощница.

Жена благодарит за поклон и просит в свою очередь передать вам сердечный привет. Мой поклон Софье Андреевне и всему семейству.

Преданный вам П. Ганзен

На конверте: Через город Тулу.

Станция Ясенки. В имение «Ясной Поляны».

Льву Николаевичу Толстому.

На этом переписка Ганзена с Толстым обрывается. Девять его писем к Толстому замечательно характеризуют личность и литературные мнения критика и переводчика, который внес большой вклад в русско-скандинавские культурные связи.

II

«УРОКИ ВАШИХ КНИГ»

1. ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗГОВОРА

Первые переводы сочинений Толстого появились за границей еще в 1850-х годах. Но европейская, а вместе с ней и мировая, слава пришла к нему позднее.

Есть своеобразный «тургеневский период» известности Толстого за рубежом. Именно Тургенев познакомил влиятельных критиков и писателей Запада И. Тэна, Э. Абу, Ю. Шмидта, У. Ролстона с произведениями Толстого.

Как бы завершением этого периода явился выход в 1886 г. в Париже книги М. де Вогюэ «Русский роман». Для многих читателей на Западе это сочинение стало первым знакомством с Толстым.

Тургенев сам был мэтром и придавал мнению мэтра решающее значение. Когда Флобер сравнил Толстого с Шекспиром, Тургенев воскликнул: «Не знаю, что скажут господа критики <...>, но для меня вопрос решен: „Flaubertus dixit“ *.

Остальное не имеет значения»¹. Толстой знал, как много сделал Тургенев для того, чтобы его произведения были поняты на Западе. Но для Толстого «Flaubertus dixit» значило неизмеримо меньше, чем для Тургенева. Скорее даже именно это «Flaubertus dixit» могло вызывать у него сомнение. Толстой к этому времени уже окончил «Исповедь» и в заботах об успехе своих произведений ни в Париже, ни в каком другом месте Европы не принимал никакого участия.

С середины 1880-х годов, т. е. уже после смерти Тургенева, начинается новый период известности Толстого за рубежом. «Исповедь» и последовавшие за ней философско-публицистические и художественные произведения переводились на все европейские языки.

Русская литература воспринималась как глубоко самобытное явление, которое имеет непреходящую ценность в общечеловеческой культуре. К 1886 г. относится письмо голландского журналиста И. Х. Хойера.

Нужно отметить, что Хойер, говоря о художественных произведениях Толстого — о «Войне и мире» и «Анне Карениной», — большое место уделяет религии. Это объясняется не только тем, что он почувствовал определенные тенденции творчества Толстого, и не только тем, что он сам был, судя по письму, религиозным человеком. В 1880—1890-е годы в Европе заговорили о «кризисе цивилизации», и в этой сложной умственной атмосфере «отказа от духовных ценностей», как реакция на «унизительные формы моральной распушенности и цинизма», религия приобрела значение «спасительной надежды».

«Мэтры того времени, — писал Р. Роллан в своих воспоминаниях, — Тэн, Ренан — признавали этот кризис без малейшей надежды (можно даже сказать, без малейшего желания выйти из него). Бурже в своих „Очерках современной психологии“ (1883—1885), изданных в то время <...>, констатировал во французской элите наличие „смертельной усталости от жизни, мрачного ощущения тщетности любых усилий“. И Баррес в своих „Чернильных пятнах“ (1884) отмечал у Верлена „последнюю степень нервного возбуждения истощенной расы“. „Франция умирает, — писал Ренан, — не тревожьте ее агонии“»². Протест против этих настроений упадка и заключается в себе письмо Хойера, на котором лежит сильный отпечаток времени.

* Так сказал Флобер (лат.). — *Ред.*

Перевод с французского

Арнем. Голландия. 14 апреля 1886 г.

Граф!

Имя ваше проложило себе путь к нам. Моя родина, Голландия, с некоторых пор живет вашими книгами, ими восхищаются, их изучают, каждое новое произведение приветствуется с невыразимой радостью. Отчасти это объясняется огромным литературным дарованием, которым вы обладаете, или, лучше сказать, которое обладает вами; с другой стороны, — чистым, глубоко религиозным духом, проявляющимся в ваших романах.

Наше интеллигентное, просвещенное, может быть, следовало бы даже сказать — слишком просвещенное, общество, скептическое, насмешливое, немножко усталое и пресыщенное, с каким-то трепетом счастья обнаружилось в ваших произведениях ту глубину и свежесть чувства, те акценты, мужественные и нежные одновременно, которые давно уже утеряны европейской литературой. Скажу больше: наше общество захвачено, проникнуто тем жаром, который придает вашим произведениям вера в бога и в душу бессмертную.

Я литератор, писатель, редактор большого научно-литературного журнала, издающегося в Амстердаме. Я читал ваши книги, и они взволновали меня, потрясли до самых глубин моего существа.

Я перевел из них несколько отрывков, которые и прочел, вместе с моими комментариями, перед избранной аудиторией здесь, в Арнеме, а также в Гааге и Лейдене перед голландскими студентами. Сердце мое было переполнено, я не мог молчать.

Где бы я ни рассказывал о вас и о ваших романах, это всегда производит глубочайшее впечатление. Могучая, возрождающая сила ваших книг проникала в душу людей и как бы приподнимала их над землей.

Мне хотелось бы, граф, чтобы вы могли видеть и слышать неистовые рукоплескания студентов в конце моего доклада. Эти рукоплескания молодежи предназначались не мне, я был только посредником: они предназначались вам, граф, они неслись в Россию. Я видел, как эти молодые люди, которые — увы — загрязняют свое воображение нечистотами современной французской литературы, которые хвастают тем, что ни во что не верят, были растроганы до слез вашими прекрасными, красноречивыми произведениями. Вы возродили в их душах благородные стремления к высокому и божественному, которого они, благодаря своей молодости, жаждут, несмотря на все их бравады и притворный скептицизм.

Глубокое, продолжительное молчание следовало за каждой сценой из «Анны Карениной» и «Войны и мира» и разрешалось криками восторга.

Ключ от их сердца — в ваших руках. Сердца их раскрылись, и в их криках была благодарность вам, либо же благоговение перед вечными истинами, которые глаголят вашими устами.

Так вот, граф, позвольте сказать вам, что вы сами не подозреваете, сколько добра вы делаете тысячам ваших современников. Вы апостол вечного, нетленного Евангелия, вне которого — говорю по собственному опыту — спасения нет. Вы поколебали мой скептицизм и отогрели сердце. Вы открыли мне обширные горизонты. Я человек состоятельный, вы научили меня получать наслаждение от денег, употребляя их на благо ближнего. Благодарить вас за это — значит воздать хвалу обожаемому Великому Неизвестному, вдохновившему вас. Мы, дети этого странного и печального века, больны духовно. Каждый старается скрыть свою душевную рану. Но когда видишь, как упорно стремятся люди заразить своим недугом своих близких, становится жаль наших современников. И они, действительно, достойны сожаления: мечась в пустоте, они утерали ключ к существованию, и жизнь их бесплодна, несмотря на удовлетворенное тщеславие, несмотря на кумиры искусства и науки, которые они себе воздвигли.

Мне кажется, что с верой и религиозной жизнью происходит то же, что и с низшей, неорганизованной природой. Зимой соки дерева уходят из ветвей и стволов. Не приходит ли зима по временам и к нам? Духовная жизнь отливает к центру вселенной, покидает человечество, прекращает свое движение. И в такие периоды, что бы ни делалось, оживить ее не удастся, точно так же, как не заставишь дерево раньше времени расцвести... Единственно, чего можно добиться, — это внешних форм веры, видимости, мертвых символов. С одной стороны, цепляются за букву вероучения: мы видим, как возникает сухой, нетерпимый фанатизм, тем более нетерпимый, чем меньше в нем искренности и глубины. С другой стороны, цинизм и утонченный, изящный скептицизм. И потом вдруг — неизвестно как и почему — к ветвям приливает сок и приходит новая весна, новое цветение. И это неудержимо. Поток сносит всё: высокомерную науку, всепрезирающие системы. Перед божественным дыханием, овевающим мир, склоняется всё.

Христианское учение не умерло. Оно возродится, изменившись, но все же возродится. Снова запоют виффлеемские ангелы. В России ли произойдет это? Наши взоры обращены к России, ваш голос пленяет нас, трогает, делает нас мягче и лучше.

Бог да сохранит вам жизнь и власть — самую завидную, благословенную власть — утешать своих современников и говорить им слова, которые никогда не забудутся.

Надеюсь, вы простите, что докучаю вам, излагая на дурном французском языке то, что мог бы лучше выразить на своем родном.

Да благословит вас бог, граф, и вас, и ваших близких.

И. Х. Хойер

*На конверте: Russie,
à monsieur le comte Léon Tolstoï,
écrivain romancier. Moscou.*

В русской литературе — и это главное — был открыт источник гуманистической веры в то, что человек «не только животное», а «существо нравственное» и «ответственное за свои поступки».

Огромное впечатление производил художественный реализм Толстого. «Нет, вы не мистик, — писала Толстому французская писательница Анжела де Сен-Франсуа, — мистика — не ваш жанр»³. Неудовлетворенность итогами натурализма выражена и в письме Р. Роллана: «Я не могу примириться с незнанием внутренней сущности вещей»⁴.

Толстой — художник и мыслитель — раскрыл перед всем миром народные начала русской жизни так, что его гуманистическая мысль приобрела общественное значение далеко за пределами его родины.

Письмо Стенли Уизерса, английского почитателя Толстого, указывает именно на эту особенность восприятия творчества великого русского писателя за рубежом.

Перевод с английского

Поплэрс, Сэль Чешайр, Англия
28 января 1889 г.

Граф!

Не могу удержаться, чтобы не сообщить вам, с каким восторгом встречают мои соотечественники ваши книги, которые стали выходить у нас по-английски. Многие из нас имели счастье познакомиться с ними несколько лет назад во французских переводах, но теперь, когда их переводят и на наш язык, интерес, с которым читающая публика встречает каждый ваш том, ни с чем не сравним. «Утро помещика», «Казлаки», «Смерть Ивана Ильича»⁵ — вот пока то, что издано г. В. Скоттом.

Что бы я ни сказал, я не смогу достаточно выразить личное мое восхищение вашим творчеством, а, главное, вашей жизнью, насколько я ее знаю. Для меня особенно важны ваши религиозные сочинения, которые показывают, как мыслящий человек может в наш ничтожный век жить жизнью истинной. «В чем моя вера» и «Христианство Христа»* не могут не иметь влияния на разум религиозных людей. Англичане же, как часто говорил дорогой наш Мэтью Арнольд⁶, — народ религиозный.

В наш век прежде всего гонятся за богатством, но широко распространяется и недовольство тем, какой оборот принимает дело.

Нужен могучий наставник, который своей проповедью уравнил бы бедного с богатым, чтобы существенно изменить направление жизни английского общества. Если сделать это по силам одному человеку, я не сомневаюсь, что человек этот — вы!

О, если бы у нас в Англии появился ваш последователь, достойный великого русского учителя!

Но я, кажется, заговорился: ведь единственное мое желание было — просто поблагодарить вас от всего сердца за урок, который содержится в ваших волнующих книгах.

Ничто за последнее время не производило на меня такого глубокого впечатления. Вот за это я и благодарю вас.

Хочется прибавить, хоть и совестно вас беспокоить: не можете ли вы собственноручно написать мне несколько слов, уведомляющих о получении этого письма.

Буду вам бесконечно признателен.

С глубоким уважением

остаюсь, граф, искренне преданный вам,
Стенли Уизерс

На конверте: Count Lyof Tolstoi.

Yasnaia Poliana. Toulia. Russia.

Внешним показателем успеха книг Толстого за рубежом были не только многочисленные издания и переиздания, но и тот громадный спрос на них, который отмечался повсюду. Банковский секретарь Э. Д. Робб по-своему, но очень точно обозначил признаки несомненного успеха Толстого. Он воспроизвел в письме к Толстому уличную сценку продажи его книг в Америке.

Перевод с английского

Эльдора. Штат Айова. 3 апреля 1894 г.

Граф Лев Толстой!

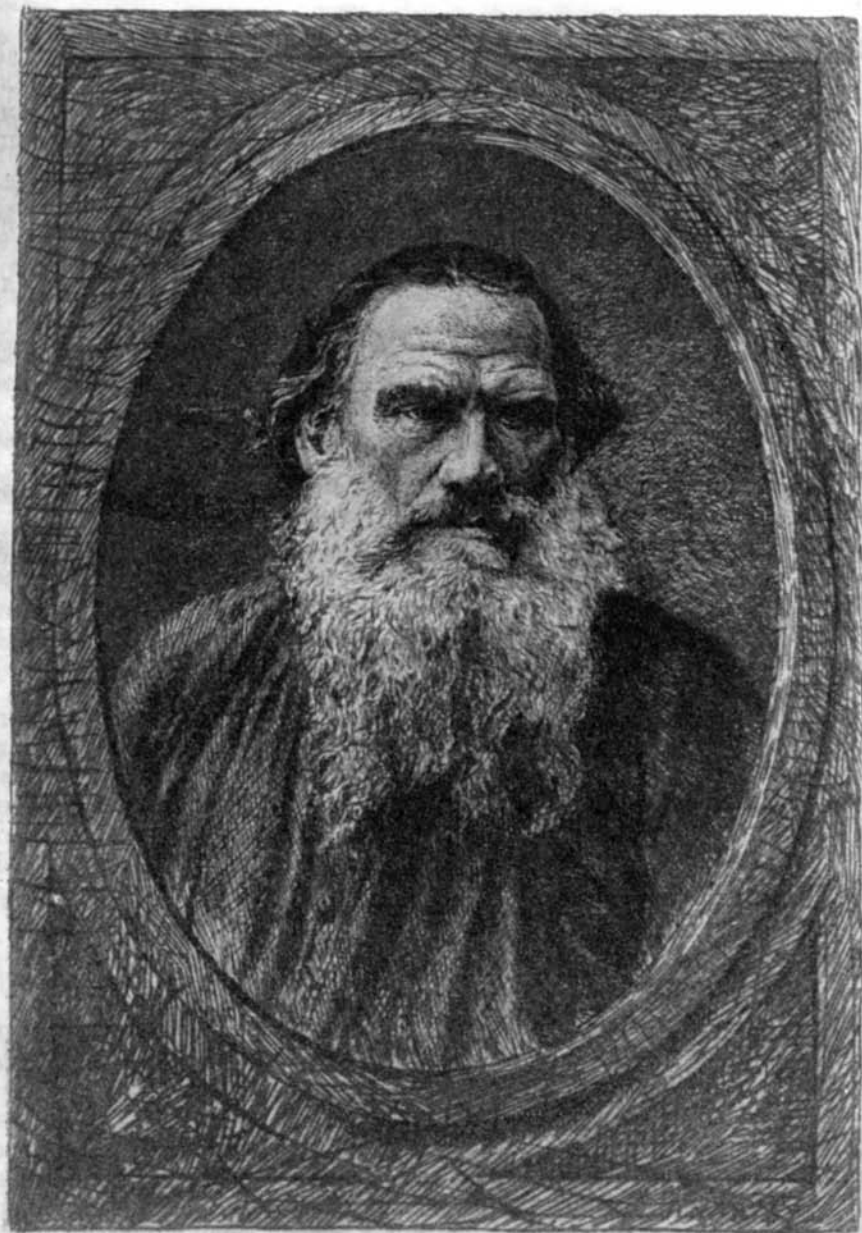
Надеюсь, вы простите меня за то, что я обращаюсь к вам. Мне хочется в нескольких словах сказать вам, как высоко мы, американцы, ценим ваше творчество и с каким страстным интересом читается здесь все, что выходит из-под вашего пера.

Мы с вами незнакомы. Но известно ли вам, что штат Айова занимал одно из первых мест в Соединенных Штатах в деле помощи вашим соотечественникам, когда в вашей стране был голод?

Итак, если даже мы и незнакомы, — я из того штата, о котором только что упоминал, и это придает мне некоторую смелость.

Помню, как я впервые услышал о вашей «Крейцеровой сонате». Я ехал на Восток, и один попутчик посоветовал мне прочесть ее. Итак, я купил книгу в Гамильтоне (штат Онтарио), прочел ее и, как я уже говорил, очень ею заинтересовался.

* Название английского сборника религиозных произведений Толстого. — *Ред.*

Leo Tolstoy.

ТОЛСТОЙ

Офорт немецкого художника Людвиг Кюна. Отпечатан в Бреславле, 1887

Музей Толстого, Москва

Я никогда не видел прежде, чтобы книга раскупалась так, как «Крейцера соната». В Буффало, Монреале, Бостоне, Нью-Йорке — в любом из больших городов продавцы стояли на углах улиц со своими огромными корзинами, наполненными вашими произведениями, и весь день распродавали книги, едва успевая отпускать одного покупателя за другим.

Это, конечно, всего лишь небольшой эпизод, но он подтвердит то, о чем вы уже знаете, — что мы, американцы, интересуемся вашими произведениями и восхищаемся вами.

Простите, пожалуйста, за это длинное письмо и верьте, что я ваш поклонник и доброжелатель.

Искренне преданный
Эллис Д. Робб

На конверте: Count Leo Tolstoy.
Polya Naïga. Province of Tula. Russia.

Но дело, конечно, не в этих внешних признаках успеха. Внутренней основой влияния Толстого было и в высшей степени присущее ему свойство сближать средствами искусства народы. То, что было глубоко народным дома, на родине, оказалось в равной степени важным и понятным повсюду. «Искусство нашего времени, — говорил Толстой, — должно быть всемирно и потому должно соединять людей». Имея в виду эту главную цель, он с огромной смелостью рассеивал предрассудки и предубеждения, накопленные веками вражды между народами.

В ряду свидетельств современников о мировом значении Толстого заслуживает внимания письмо известного немецкого журналиста, критика, биографа Толстого Эугена Цабеля. «Реализм Толстого, как и всех русских писателей, вышедших из школы Гоголя, не имеет в себе ничего подражательного чужим образцам, — писал Цабель в одной из статей, — а возник совершенно самостоятельно из культурных особенностей русской жизни»¹. Исходя из самобытности и оригинальности творчества Толстого, он говорил о его роли и значении в европейской и мировой литературе.

Перевод с немецкого

Берлин. 7 мая 1894 г.
N.-W. Kronprinzen-Ufer, 24.

Глубокоуважаемый граф!

Вчера пришло письмо моей уважаемой доброжелательницы, госпожи Анны Сейрон², а в письме приятный, поразительный сюрприз: ваш портрет, изумительно похожий, передающий характерные ваши черты, — фотография, приведшая меня в восторг и совсем еще не известная в Западной Европе.

До сих пор я считал, что портрет, приложенный к двенадцатому тому русского собрания ваших сочинений, — лучший из всех вообще существующих. Но тот, который со вчерашнего дня стоит на моем письменном столе и никогда не будет с него убран, намного превосходит прежний заданностью, своеобразием, огромным и вместе с тем простым человеческим величием. Как будто читаешь на этом лице глубокое сочувствие бедности, страданию, темноте и некий таинственный ток исходит от того, кто на него глядит, и заставляет его мысль и чувства следовать за великим русским писателем и философом.

В этом драгоценном памятном подарке, которому ваша подпись придает еще большее значение, я вижу несравненную, завидную награду за мои слабые попытки пробудить и углубить интерес своих соотечественников к новейшей русской литературе.

Во второй половине нашего века соотношение между русской и немецкой литературами резко изменилось. Раньше наши писатели помогали русским в выработке их собственных литературных взглядов, служили для них образцом. Теперь же мы привозим русских писателей к себе из-за границы, восторженно их принимаем, чтобы учиться у них и узнавать от них, в чем истинная правда и красота творчества писателя.

Вы не поверите, граф, как многочисленны в Германии люди, находящие в ваших сочинениях отдохновение, душевный подъем, источник вечной красоты и мудрости. Благодаря таким глубоким произведениям, как «Война и мир» и «Анна Каренина», вы стали у нас одним из самых популярных писателей. А религиозно-философские произведения, выходящие из-под вашего пера, появляются все без исключения в многочисленных переводах, всесторонне обсуждаются и комментируются, осыпаются похвалами и подвергаются нападкам, как все подлинно выдающиеся явления литературы.

Позвольте еще раз поблагодарить вас за то, что вы подарили мне свой портрет, лучше которого я не мог бы желать. Взгляну на свой письменный стол, и мне кажется, что я говорю с вами; словно своим присутствием вы освещаете мой кабинет, словно требуете от меня, чтоб отсюда исходило только одно благородное и чистое.

Мое восхищение вами как писателем беспредельно, а равно и любовь к вам — человеку, который отнесся ко мне так гуманно и благородно.

Примите, граф, мою почтительную благодарность.

Глубоко вас уважающий

Эуген Ц а б е л ь

Значение Толстого определено той гуманистической основой его мировоззрения, которую мы сейчас назвали бы интернационализмом. В письме румынской корреспондентки Толстого, начинающей писательницы Луизы Воль говорится о русской литературе как провозвестнице единения братских народов.

Перевод с французского

Фольтичени (Румыния). 24 ноября 1897 г.

Милостивый государь,

Уже давно хочется мне вам написать. Я медлила, медлила, а затем извещение о вашей болезни помешало мне это сделать.

Теперь я призываю на помощь всю мою смелость и приношу глубокую благодарность автору «Анны Карениной» и «Войны и мира».

В этом письме я хочу также выразить свою признательность всем вашим предшественникам — великим русским писателям, из которых вы остались теперь единственным.

Ни в одной современной литературе — говорю это совершенно искренне — я столько не почерпнула, как в русской.

Вы, как пророк, провозгласили, что человек есть человек, независимо от того, какой он национальности и каково его положение в обществе. Но вы делаете и больше: вы работаете с крестьянами, и дети ваши тоже работают с ними. Вы подаете пример. Ж. Ж. Руссо проповедовал правила естественной жизни, но не следовал им сам. Этим он подрывал значение своего учения. Вы доказываете свое человеколюбие, проводя его в своей повседневной жизни, как <1 нрзб> кровью доказал свою солдатскую доблесть.

Прошу у вас великой милости. Я пишу сама, но посоветоваться мне не с кем. Будьте добры, дайте мне совет, что мне делать, чтобы достичь цели.

Знаю, что талант не всем дается, но были же и очень способные люди, которые ничего не создали, потому что начали не так.

Еще раз прошу вас, дайте мне несколько добрых советов в моем писательском призвании.

Благодарю вас заранее.

Ваша скромная почитательница

Луиза В о л ь

На конверте: M-r le comte Leo Tolstoï.

Russie.

С середины 1880-х годов интерес к творчеству Толстого уже не ограничивался художественными вопросами, но был обращен и к философии, и к социологии. И если применительно к тургеневскому периоду можно говорить о мировой славе, имея в виду европейское признание, то, собственно, толстовский период был завоеванием славы в масштабе всех цивилизованных стран и народов.

2. «ВОЙНА И МИР»

23 января 1880 г. в парижской газете «Le XIX Siècle» было напечатано открытое письмо Тургенева к известному писателю Э. Абу. Обращаясь к нему как к редактору этой газеты, Тургенев, по существу, адресовался и к французским читателям, взволнованно и торжественно представляя им Толстого и «Войну и мир» — «великое произведение великого писателя». Роман незадолго до того (осенью 1879 г.) был выпущен в свет издательством Hachette в переводе Ирины Паскевич¹.

«Лев Толстой — наиболее популярный из современных русских писателей, а „Война и мир“, смело можно сказать, — одна из замечательнейших книг нашего времени <...>, — писал Тургенев. — Целая эпоха, богатая великими событиями и крупными фигурами <...> целый мир, множество типов, схваченных живьем из всех кругов общества, развертываются перед читателем».

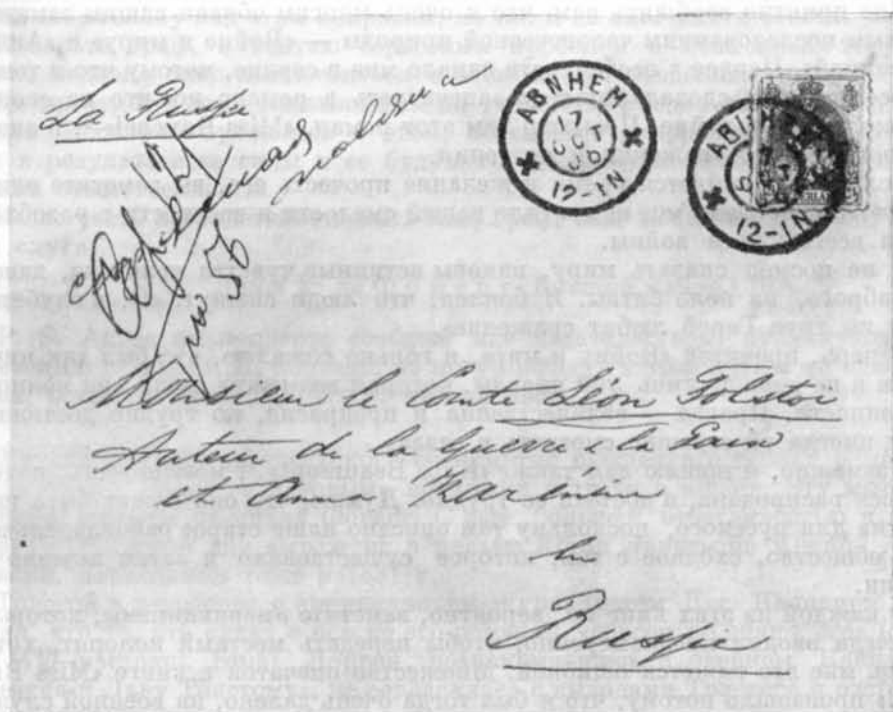
Представление об историческом романе было связано на Западе с определенными литературными образцами. Тургенев прежде всего отметил оригинальные, самобытные черты романа Толстого, не имевшие для себя образца в западноевропейской литературе. «Способ, каким граф Толстой обрабатывает свой предмет, — писал Тургенев, — столь же своеобразен, как и нов; это не метод Вальтер Скотта и, само собой разумеется, также не метод Александра Дюма. Граф Толстой — русский писатель до мозга костей; и те из французских читателей, кого не оттолкнул немногие длиноты и причудливость некоторых оценок, будут вправе сказать себе, что „Война и мир“ дала им более непосредственное и верное представление о характере и темпераменте русского народа, вообще о русской жизни, чем если бы они прочитали сотни сочинений по этнографии и истории.

Здесь есть целые главы, в которых никогда не придется ничего изменить; здесь есть исторические лица (как Кутузов, Ростопчин и другие), чьи черты установлены навеки; это непреходящее <...> и это — подлинная Россия»².

Письмо Тургенева к Абу является своеобразным предисловием к роману Толстого. Надо сказать, что первые оценки «Войны и мира» были сделаны на Западе в частной переписке, которая служит наиболее непосредственным и быстрым откликом на то впечатление, которое оставляет чтение.

Так, Флобер в письме к Тургеневу говорил о «Войне и мире»: «Это перворазрядная вещь! Какой художник и какой психолог!.. Мне кажется, что кое-где есть места, достойные Шекспира! Я вскрикивал от восторга во время чтения..., а оно продолжалось долго. Да, это сильно, очень сильно»³.

Слова Флобера Тургенев «с дипломатической точностью» сообщил в письме Толстому.

АДРЕС НА ОДНОМ ИЗ ПИСЕМ ИНОСТРАННОЙ ПОЧТЫ ТОЛСТОГО:

«Россия. Господину графу Льву Толстому, автору „Войны и мира“ и „Анны Карениной“. В Россию».

Конверт письма голландской корреспондентки Х. С. Хоуард от 15 октября 1906 г. Арнем

Адрес (написан по-французски)

Архив Толстого, Москва

Это было одно из первых писем с отзывом иностранного читателя (и какого читателя!) о романе. А затем, по мере того, как в разных странах появлялись свои переводы «Войны и мира», иностранная почта становилась все более обильной.

По искренности тона и непосредственности чувства отзывы читателей явились важным свидетельством того, что «Война и мир» — «подлинная Россия» — принята и в других странах как нечто «свое».

В 1887 г. Толстой получил письмо от бывшего майора американской армии Джона У. Фореста.

Он рекомендовался как писатель, автор романа «Мисс Равенел». Его письмо содержит размышления о войне и мире, рабстве и свободе, о мужестве солдата и писателя, о русском романе. Важно отметить его проныцательную мысль о сходстве реализма Толстого и Стендаля. Толстой, как известно, испытывал к Стендалю «симпатию за смелость», как он писал об этом в письме к С. А. Толстой (т. 83, стр. 410)

Перевод с английского

Нью-Хейвен. Коннектикут. Соединенные Штаты Америки
25, College St<reet> 30 апреля 1887 г.

Дорогой граф!

Обращаюсь к вам по-английски, так как знаю, что русские сильны в языках. А также потому, что довольно хорошо говорю и читаю по-французски, но пишу плохо.

Мне приятно сообщить вам, что я очень многим обязан вашим замечательным исследованиям человеческой природы — «Войне и миру» и «Анне Карениной». Первое в особенности запало мне в сердце, потому что я тоже был солдатом и сделал попытку запечатлеть в романе кое-что из своих переживаний на войне. Посылаю вам этот роман, «Miss Ravenel» ⁴, в знак моего глубокого уважения и почтения.

Если у вас найдется время и желание прочесть его, вы заметите один большой недостаток: мне не хватило вашей смелости и честности в разоблачении всего ужаса войны.

Я не посмел сказать миру, каковы истинные чувства человека, даже и храброго, на поле битвы. Я боялся, что люди скажут: «О, в глубине души вы трус. Герой любит сражение».

Теперь, прочитав «Войну и мир», я горько сожалею, что был так ничтожен и не смог достичь той правды, которая возможна лишь при полной искренности. Правда — величественна и прекрасна, но трудно достижима, и иногда ей страшно смотреть в глаза.

Возможно, я пошлю вам также «Kate Beaumont» ⁵, мою повесть, которая вся распродана, и достать ее трудно. Думаю, что она может быть интересна для русского, поскольку там описано наше старое рабовладельческое общество, сходное с тем, которое существовало и затем исчезло в России.

В каждой из этих книг вы, вероятно, заметите американизмы, которые я иногда вводил преднамеренно, чтобы передать местный колорит, хотя теперь мне это кажется ошибкой. Множество опечаток в книге «Miss Ravenel» произошло потому, что я был тогда очень далеко, на военной службе, и не мог сам держать корректуру.

Тридцать пять лет назад я познакомился во Франции с двумя вашими соотечественниками: Георгием и Евгенией Львовыми ⁶. Их называли князьями, впрочем, кажется, они и были князья. Они действительно звали меня в Москву, а княжна Евгения Львова (младшая) обещала найти мне русскую жену. Интересно, нашла ли бы она для меня такую очаровательную женщину-загадку, как ваша Наташа? Я на всю жизнь влюбился в эту девушку, несмотря на свои седины. Мне кажется, она даже могла бы отвлечь меня от благородной Кити Левиной. Что касается Анны Карениной (бедная, блестящая, отчаявшаяся Анна!), увы! как разбила она свою жизнь, каким несчастным могла сделать меня! А ваша добрая маленькая Соня, которую никто не оценил по достоинству и которая не могла выйти замуж из-за отсутствия приданого! Получив отказ у Наташи, что несомненно случилось бы, я предложил бы руку и сердце ее кузине, так как не в наших правилах думать о приданом.

Из Сони вышла бы почти столь же прекрасная жена, как Кити, если бы муж ее был достоин хорошей жены и не был разрушителем своего домашнего очага.

Да, граф, ваши персонажи для меня — живые, настоящие люди, такие же, как и вы сами, и составляют столь же неотъемлемую часть русской жизни. За последние годы вы, Достоевский и Гоголь населили то пространство, которое раньше было для меня безлюдной пустыней, отмеченной лишь географическими названиями.

Приехав теперь в Россию, я стал бы разыскивать Наташу, Соню, Анну, Пьера и Левина с большей уверенностью, что встречу с ними, чем с русским царем. И если бы мне сказали, что они умерли, я очень огорчился бы и сказал: «Как? Все?»

Почему все русские романисты пишут так искренно и правдиво? В литературе до сих пор не было ничего похожего, если не считать произведений малоизвестного Стендаля. Случаен ли реализм в России? Или он происходит из каких-то особенностей национального характера? Я долго ломал себе голову над этим вопросом, но так и не смог найти ответа.

Поверьте, граф, я считаю серьезным пробелом в моей жизни то, что только недавно смог ознакомиться с вашими произведениями.

Да пребудет с вами Всевышний и да укажет Он России истинный путь! Россия бесспорно нуждается в этом, вследствие искушений, возникающих в результате ее силы и ее будущего, несомненно исполненного громадной ответственности.

Имею честь засвидетельствовать вам, граф, свое почтение. Ваш покорный слуга

Джон У. де Ф о р е с т, бывший майор США

P. S. Адрес на конверте сообщен мне издательством, публикующим переводы с русского. Я, конечно, не могу прочесть в этом адресе ни одного слова, остается лишь надеяться, что он верен ⁷.

Характерно для читательского восприятия суждение о героях романа как о живых людях, с которыми возможна встреча в жизни. Эту мысль с тонким юмором развивал Форест. С еще большей отчетливостью и непосредственностью она выражена в письме Юнис Лоррен из Южной Австралии, написанном тоже в 1887 г.

Толстой в разговоре с американским журналистом Дж. Кеннаном заявлял, что те, кто судит о нем по его романам, «совсем не знают его» (см. стр. 417 настоящ. тома). Лоррен, познакомившись с очерком Кеннана «Поездка к Льву Толстому», не согласилась с выводами Толстого и отстаивала перед автором достоинства его романов.

Нам ничего не известно о Лоррен, кроме того, что она жила в Аделаиде, в Южной Австралии, и сумела с замечательной искренностью выразить свои чувства, вызванные чтением книг Толстого. Ее письмо принадлежит к числу тех свидетельств, которые позволяют понять, чем был дорог Толстой для своих современников.

Перевод с английского

Аделаида. Ю<жная> Австралия.
7 августа 1887 г.

Дорогой граф!

Я не успокоюсь, пока не поблагодарю вас за то огромное наслаждение, которое доставил мне ваш роман «Война и мир». Благодаря ему русские люди XIX века ожили для меня. Я собственными глазами увидела битву с Наполеоном; у меня такое чувство, будто я лично знакома с князем Андреем и Николаем Ростовым, с милой Наташей и Марьей Болконской, этой настоящей святой. Образ княжны Марьи заставил меня понять, как прекрасна доброта — ничего подобного я еще не встречала в художественной литературе.

Все эти люди стали для меня близкими друзьями, и я просто не в состоянии с ними расстаться.

Спасаясь от мелких забот и трудов, составляющих жизнь женщины, я то и дело возвращаюсь к созданным вами страницам, чтобы соприкос-

нуться с той великой, грандиозной битвой, которую ведут великие умы и народы, ищущие свободы и правды.

Я читала рассказ одного американца о том, как он посетил вас в вашем имении. Вы сказали ему, что он вас совсем не знает, если прочел только ваши романы. О, нет! Я чувствую, что хоть немного знаю вас, поскольку имею возможность с любовью и вниманием следить за вашими мыслями и идеями на стольких страницах.

Как благородна, как превосходна та статья, которой вы разъясняете, почему именно жизнь ваша кажется непоследовательной по отношению к вашему учению.

Конечно, мысли и стремления каждого человека должны быть благороднее, чем его образ жизни; ведь к идеалу совершенства мы можем только стремиться. Но было бы непростительной слабостью отказаться от достижения высокого идеала только потому, что мы сознаем невозможным достичь его в жизни.

Как вы мне помогали во многих случаях, граф! Благодарю вас тысячу раз!

Далеко, далеко, здесь, в Австралии, слабая женщина, благодаря вашему учению, становится лучше. Она любит вас и благоговеет перед вашей великой душой за эту помощь.

«В чем моя вера» — это еще одна книга, которая даст мне наслаждение, послужит поддержкой и наставлением к более мужественной, чистой, христианской жизни.

Как справедливо ваше суждение о том, что различие в национальности и климате — ничто; здесь, в самой далекой южной точке цивилизованного мира, души людей имеют те же потребности, испытывают те же трудности и те же стремления, что и Пьер, Андрей Болконский или княжна Марья у себя на холодном Севере при совершенно другом правлении.

Целую с благоговением ваши руки

Юнис Л о р р е н

На конверте: Via Naples.

Count Leo Tolstoi near Yasnaya Polyana.

Tula. Russia.

Кажется, нет ничего более банального, чем утверждение, что художник открывает перед нами «целый мир, неведомый и прекрасный». И нет мысли, которая так часто, как эта, повторялась бы в письмах читателей к Толстому. Ее высказывали в разные годы разные люди с таким энтузиазмом, как будто они сами впервые открыли эту истину и спешили сообщить о ней художнику.

Важно и то, что роман воспринимался и оценивался читателями не отвлеченно, а всегда в связи с теми или иными событиями общественной жизни или личной биографии автора письма. Так, читательница Мери Тейер из США писала Толстому, что роман «Война и мир» не только «открыл перед ней целый мир», но и послужил ей нравственной опорой в дни англо-бурской войны.

Перевод с английского

Монэджок. Нью-Гэмпшир. 2 августа 1900 г.

Графу Л. Н. Толстому

Глубокоуважаемый сэр!

Прочитав, что вы удивлены тем, как мало американцы сочувствуют бурам, я решаюсь послать вам брошюру с данными анкетного опроса по этому поводу. И хотя большинство из нас полностью на стороне бу-

ров, мы, к стыду нашему, позволяем правительству и газетам погрязать в соображениях материального блага или того, что этим благом считается.

Наше теперешнее правительство, виновное в том же преступлении на Филиппинах, что и Англия — в Южной Африке, не смеет обвинять Англию. В самом деле, положение более чем унижительное!

Надеюсь от всего сердца, что вы всё еще верите: буры, в конце концов, победят. Ибо я чувствую, что вы понимаете лучше всех, чем решается судьба народов.

Насколько мне известно, очень немногие еще надеются на победу буров. Но и весьма немногие умеют смотреть в глубь вещей и понимают, как много значит нравственная сила. Много энергии тратится понапрасну, с единственной целью доказать, что буры находятся на очень низкой ступени и не имеют права на свободу. Как будто существуют лучшие доказательства человеческой ценности и достоинства, чем та высочайшая, героическая решимость, которую проявляют буры. Как будто цивилизация может предъявить что-либо более высокое и драгоценное, чем самоотверженность этих людей!

Не могу удержаться, чтобы не сказать вам, как много значит для меня ваша книга «Война и мир», хотя я и читала ее только в английском и немецком переводах. Она для меня выше всех известных мне книг. Это целый мир, в ней есть все, чего жаждет душа человеческая. Я никогда с ней не расстанусь. Особенной поддержкой явилась она для меня в последние месяцы, когда началась англо-бурская война. Она открыла нам многое относительно таких вот столкновений.

Надеюсь скоро прочесть последнее ваше произведение, известное здесь под заглавием «Воскресение».

Посылаю вам еще одну-две брошюрки, кроме той, о которой упоминала выше, хотя вполне возможно, что вы уже читали их.

Я написала письмо на машинке, чтобы не затруднять вас своим дурным почерком.

С благодарностью всегда ваша
мисс Мери Тейер

На конверте: Count L. N. Tolstoï.
Selo Jasnaya Polyana.
Government of Tula. Russia.

В 1901 г. к Толстому обратился писатель и профессор Пизанского университета Алессандро д'Анкона с вопросом о том, кто был прототипом аббата Морио в «Войне и мире»:

Перевод с французского

Пиза. 3 ноября 1901 г.

Милостивый государи!

С моей стороны, конечно, большая дерзость просить у вас разъяснений относительно одного из ваших персонажей, которого вы пожелали оставить нераскрытым. Но братское чувство, объединяющее писателей, побудило меня предпринять этот шаг и послужит мне извинением за смелость, с которой я к вам обращаюсь.

Я довольно значительное время занимаюсь изучением биографии аббата Пятоли, который играл довольно важную роль в политической жизни Польши и России конца XVIII века. Читая ваш прославленный роман «Война и мир», я узнал, мне кажется, своего соотечественника в аббате Морио, о котором вы неоднократно упоминаете. Сходство настолько поразительно, что я не сомневаюсь в правильности своей догадки. Но вы

премного меня обяжете, если сообразоволяте подтвердить истинность моего предположения.

Заранее бесконечно благодарен вам за ответ, который надеюсь получить.

Желаю, чтобы хороший климат и отдых помогли восстановлению вашего здоровья, пошатнувшегося от усиленной умственной и физической работы.

С глубочайшим уважением
ваш Алессандро д'Анкана

Из университета в Пизе.

На конверте: M-r le c-te Léon Tolstoï.

Villa de la comtesse Panine à Yalta.

Station Koréiz. Crimée. Russie.

Письмо осталось без ответа. Но профессор Анкона был прав. В черновиках романа названо настоящее имя аббата: «В Петербурге жил в то время известный изгнанник Abbé Piatoli» (т. 13, стр. 176). Там же дана и его характеристика: «Экс-аббат, как и все маниаки, видимо оживленный страстным вниманием Pierre'a, в тысячный раз, без малейшей скуки, рассказывал весь свой план переустройства Европы, тот самый, который через Чарторыйского был подаваем государю» (там же, стр. 194).

Интерес к прототипам был показателем пристального внимания к роману, который все чаще становился предметом исследования историков. И в этом также проявлялось признание Толстого как художника и мыслителя.

Пьятоли, итальянец по происхождению, был приближенным польского короля Станислава. Его подозревали в «якобинстве»⁸.

В 1800 г. Пьятоли переселился в Петербург. Здесь он встретился со своим воспитанником А. Чарторыйским и через его посредничество решил представить Александру I «проект вечного мира», основанный на «экилибре сил», т. е. на «равновесии сил».

Проект аббата Пьятоли был характернейшим явлением александровских времен, изобиловавших проектами. Сведения о нем Толстой мог почерпнуть в книге А. Тьера «Histoire du Consulat et de l'Empire» («История Консульства и Империи»).

«Он принадлежал к тем деятельным умам, которые, не имея возможности, в силу незначительности занимаемого ими положения, приблизиться к управлению государством, — писал Тьер, — носятся с планами, химерическими, но не всегда достойными пренебрежения»⁹.

Профессор д'Анкана, не получив ответа от Толстого, считал, что его письмо не дошло по назначению и обратился за помощью к известному ученому Алексею Николаевичу Веселовскому.

Веселовский в письме от 8 января 1902 г. писал Толстому: «Один из известнейших итальянских ученых историк литературы Алессандро д'Анкана (профессор в Пизе), разузнав через меня о вашем адресе, обратился к вам несколько недель тому назад с запросом относительно одной частности в „Войне и мире“, которую ему необходимо разъяснить для занимающей его теперь работы. Письмо, вероятно, не дошло — и он окольным путем, через меня, решает возобновить свой вопрос. Он хотел бы знать — „имели ли вы, изображая в своем романе итальянского аббата, скрытого под именем Чезаре, в виду аббата Piatoli, который сначала жил и действовал в Польше, а потом был в Петербурге consigliere imperiale*“ <...>

* императорским советником (итал.). — *Ред.*

«ВОЙНА И МИР». ПЕРВОЕ
ИЗДАНИЕ НА ГОЛЛАНДСКОМ
ЯЗЫКЕ (АНЕМ, 1887)

Обложка

Личная библиотека Толстого.
Музей-усадьба «Ясная Поляна»

В „Войне и мире“ мне памятен не аббат Чезаре, а аббат Morio, который в начале романа возбуждает в петербургском большом свете интерес своим проектом вечного мира. Не о нем ли идет речь?»¹⁰

Толстой ответил Веселовскому 18 января 1902 г. из Гаспры: «Я решительно не помню, из каких источников я почерпнул сведения об аббате; помню только, что я где-то вычитал о посещении Петербурга таким аббатом, но ни имени его, ни подробностей о нем не помню».

В этом же письме Толстой упомянул и об итальянском ученом: «От г-на д'Анкона я письмо получил во время болезни и забыл. Сейчас оно нашлось. Дурно пишу, потому что болен и в постели».

Ответ Толстого Веселовский сообщил д'Анкона.

В 1915 г. д'Анкона выпустил во Флоренции книгу «Scipione Piatoli e la Polonia» («Шипионе Пьятоли и Польша»), в которой несколько страниц посвятил аббату Морю из «Войны и мира».

В 1957 г. в Риме вышла книга Беппи «Russia e Stati Italiani nel Risorgimento» («Россия и итальянские государства в период Рисорджименто»), в которой говорится: «С необыкновенной исторической прозорливостью описывает Толстой на первых страницах „Войны и мира“ обсуждение в русских салонах результатов миссии Новосильцева в Лондоне; по мнению Толстого, началась целая историческая эпоха, которая должна была завершиться столкновением в 1812 году. В образе итальянского аббата Морю („глубокий ум“, первый толстовский образ на этом широком литературном полотне, которого Толстой представляет как раз в связи с миссией Новосильцева поборником системы постоянного мира) Толстой изобразил флорентийца Шипионе Пьятоли, как это верно отметил д'Анкона»¹¹.

Переписка о прототипе аббата Морю интересна в том отношении, что она, во-первых, указывает на чрезвычайную точность исторических

подробностей в романе «Война и мир», а во-вторых, свидетельствует о том, что Толстой, оставаясь прежде всего художником, избегал слишком прямолинейных отождествлений художественных типов с историческими лицами.

Интерес к России, углубленный «Войной и миром», касался и современности.

В письме американки Мери Л. Кристенсен интерес к Толстому и к «Войне и миру», в частности, объяснялся событиями революции 1905 года.

Письмо любопытно и в другом отношении — как первое известное нам свидетельство о намерении выпустить упрощенное издание «Войны и мира» для «среднего американца». «Дивная история Наташи» должна была вытеснить в этом издании (типа современного «дайджеста») все остальное содержание «Войны и мира».

Перевод с английского

Хаустон. Техас. 25 сентября 1905 г.

Милостивый государь!

Нынешним летом я с огромным наслаждением прочла «Войну и мир». Конечно, мы, американцы, очень интересуемся всем, что касается России, особенно теперь, когда ваша страна благодаря усилиям г. Витте, крупнейшего дипломата в мире, предстает перед всеми как великая держава. И мы старательно читаем русские книги, выискивая все, что возможно, о русском народе.

Но у многих не найдется времени и — увы! — желания прочесть все исторические подробности «Войны и мира», тогда как дивную историю Наташи они бы с удовольствием прочли.

Хоть я и знаю, что это одна из ваших ранних книг и вы ею не так довольны, как вашими последними произведениями, все же роман Наташи — чистый, непорочный, увлекательный.

И вот я пишу вам, чтобы спросить: не разрешите ли вы мне переделать его так, чтобы он пришелся по вкусу моим соотечественникам?

Конечно, я вовсе не намерена менять текст вашего произведения, я только сделаю кое-какие пропуски, сокращу его так, чтобы осталось как можно меньше подробностей, не относящихся к истории Наташи. И в таком виде представляю его на ваше рассмотрение, чтобы вы решили, как лучше с ним поступить.

Миссис Мери Л. Кристенсен

Mrs Mary L. Christensen. 2400, Bagly Street.

Houston. Texas. U. S. A.

На конверте: Count L. N. Tolstoi.

St. Petersburg. Russia. Europe.

Толстой не ответил на это письмо, как, впрочем, не ответил он ни на одно из писем, приведенных в этой главе.

Критическая литература о «Войне и мире» огромна. Но сколь ни значительны сами по себе отзывы известных писателей, критиков и общественных деятелей, письма читателей разных стран должны занять свое место в ряду свидетельств современников о мировом значении великого романа.

3. «АННА КАРЕНИНА»

«„Анна Каренина“ есть совершенство как художественное произведение, с которым ничто подобное из европейских литератур в настоящую эпоху не может сравниться»...— писал в 1877 г. Достоевский ¹.

Чем большую известность получал роман Толстого за рубежом, тем очевиднее становилась правота Достоевского, который вынес свое суждение об «Анне Карениной» в противовес почти единодушному отрицательному мнению, высказанному в русских журналах 1870-х годов.

В этом великом социальном романе с удивительной полнотой выразилась личность автора со многими биографическими подробностями его жизни. «Каждый писатель до известной степени изображает в своих сочинениях самого себя, часто даже вопреки своей воле»,— писал Гёте ². Толстой по-своему выразил ту же мысль: «В сущности, когда мы читаем или созерцаем художественное произведение нового автора, основной вопрос, возникающий в нашей душе, всегда такой: „Ну-ка, что ты за человек? И чем отличаешься от всех людей, которых я знаю, и что можешь мне сказать нового о том, как надо смотреть на нашу жизнь?“» (т. 30, стр. 19).

В этом рассуждении сформулирован один из «законов» восприятия искусства, имеющий общее значение. И письма читателей об «Анне Карениной» являются подтверждением этого «закона». «Я люблю вас в ваших творениях»,— писал Толстому один из читателей. Но понять и полюбить Толстого — значит войти в огромный мир его романа, где все представляется достоверным, как сама жизнь.

Именно эта достоверность вызвала интерес не столько даже к прототипам, сколько к самой проблеме отражения действительных лиц и событий в романе. Юная читательница из Чикаго Хульда Б. *Блум* спрашивала у Толстого, действительно ли существовала в жизни Анна Каренина?

Перевод с английского

Чикаго. 13 января 1895 г.

Графу Толстому

Милостивый государь!

Я с таким наслаждением прочла вашу прелестную книгу «Анна Каренина», что не могу удержаться и не написать ее автору, чтобы спросить, является ли Анна только плодом вашего воображения или же существовала в действительности?

Она так заинтересовала меня, со всеми даже ее недостатками, что я много расспрашивала о ней. Никто не мог мне сказать, существовала она или нет. Некоторые утверждают, будто это целиком вымышленный образ, однако не могут ничем этого подтвердить.

Один из моих друзей посоветовал написать автору для получения желаемых сведений. Мысль эта меня не оставляла, но казалась мне слишком дерзкой. Наконец я набралась смелости написать, потому что подумала: если вы узнаете, как мне понравилось читать об Анне Карениной в вашей замечательной книге и как мне хочется узнать о ней побольше, то очень возможно, что сообщите мне необходимые сведения и простите дерзость, с которой я обращаюсь к вам.

Надеюсь, вы извините меня за это длинное письмо.

Школьница — почитательница ваша — шлет вам наилучшие пожелания.

С почтением Хульда Б. Б л у м

3672 Michigan Ave
Chicago, Ill. U. S. A.

На конверте: Count Tolstoi.
Jasnaya Polyana, Province of Tula. Russia.

По-видимому, Хульда Блум не сомневалась в том, что Анна Каренина — живое лицо. Наивное письмо чикагской школьницы было одним из отголосков тех бурных споров и об авторе, и о героях, и об идеалах, которые пробуждал роман Толстого не только в России, но и за рубежом.

Эти споры часто выходили за пределы литературных интересов. Американский врач Х. Стерлинг Помрой, автор книги «Этика брака», воспринял «Анну Каренину» не только как «сильное» художественное произведение, но и как «учение о справедливости».

Перевод с английского

Бостон. США, 11 октября 1898 г.
University Club. 270, Beacon Street.

Глубокоуважаемый, дорогой сэр!

Много лет назад, когда появился первый перевод «Анны Карениной» на английский язык, один из моих друзей подарил мне эту книгу. Я врач, занятый и утомленный своей работой, и потому не имел ни времени, ни сил прочитывать этот роман. О вашей книге много спорили, а некоторые даже сурово осуждали ее. Один из моих коллег-врачей, прочитавший ее, сказал мне однажды: «Толстой написал с точки зрения романиста то же самое, что написали вы в книге „Этика брака“ с точки зрения врача».

С тех пор мне захотелось прочесть ваш роман, но прошли годы, а я так и не мог этого сделать. Тем временем моя жена прочла книгу и не знала, как к ней отнестись. Она прочтала мне ее вслух, и мы оба пришли

Tolstoi

Anna Karénina

New York

Thomas H. Crowell & Co.

Publishers

«АННА КАРЕНИНА». ПЕРВОЕ
АМЕРИКАНСКОЕ ИЗДАНИЕ
(НЬЮ-ЙОРК, 1886)

Титульный лист

«АННА КАРЕНИНА».
ИЛЛЮСТРАЦИЯ АМЕРИКАН-
СКОГО ХУДОЖНИКА БОЙДА
СМИТА

Фронтиспис первого издания
романа: Tolstoi. Anna
Karenina. New York, 1886

в восторг. Это сильный, захватывающе интересный роман. Но больше того, — это поразительный урок нравственности. Это могучая проповедь, которую никогда не забудет тот, кто прочтет ее хотя бы один раз. Для виновного она — карающий меч. Мне кажется, что великая сила вашей проповеди заключается в том, что вы пишете от всего сердца, с полной искренностью и сами испытываете глубочайшее отвращение к тем грехам, против которых восстаете.

Каждая строка «Анны Карениной» убеждает нас в том, что порок и его плоды — поистине ужасны, губительны, мерзки.

В этом вы — несомненная и благодатная противоположность многим романистам, которые внушают читателям, что грех сладок, а сами любят его в глубине души.

Беру на себя смелость послать вам сегодня же книжку «Этика брака» и брошюру «Слишком ли плодовит человек?»

По горькому опыту знаю, что тот, кто, указывая людям путь и приходя им на помощь, хотя бы на один шаг опережает своих сотоварищей, должен быть готов встретить непонимание и гонения.

С сочувствием и восхищением,

искренне ваш

Х. Стерлинг По м р о й

На конверте: To the count Leo Tolstoi,
Moscow. Russia.

В романе намечались глубокие перспективы жизни героев, и многие читатели просили рассказать о том, что случилось с этими героями после событий, описанных в романе. Это требование «продолжения» объяснялось еще и тем, что Толстой нередко, например, в «Анне Карениной» и в «Воскресении», обрывал повествование, доведя героя до порога новой жизни. Замысел завершался, сюжет романа был исчерпан, мысль брошена в мир, поскольку он считал своей задачей художника не столько «неоспоримо разрешить вопрос», сколько «заставить любить жизнь в бесчисленных, никогда не истощимых всех ее проявлениях» (т. 61, стр. 100).

Судья из Соединенных Штатов Уильям Холкомб Томас «со всей серьезностью» спрашивал Толстого о том, что стало с Левиным после пережитого им духовного кризиса. Это письмо замечательно как свидетельство огромной силы интеллектуального воздействия искусства Толстого.

Перевод с английского

Монтгомери. США. 29 мая 1904 г.

Дорогой граф!

Я только что прочитал вашу великолепную «Анну Каренину». Глубоко убежден, что устами Левина вы передаете свой жизненный опыт, свои взгляды. Думаю, что когда-нибудь вы поведаете нам об этом.

Можно мне спросить вас со всей серьезностью — будет ли Левин в дальнейшем реже «сердиться на Ивана-кучера», не так «некстати высказывать свои мысли», «обвинять ее за свой страх и раскисать в этом»? Сможет ли он яснее объяснить себе зачем «жизнь моя теперь, вся моя жизнь, независимо от всего, что может случиться», не будет ли она более «бессмысленна, как была прежде»? Наполнится ли она «несомненным смыслом добра»? Тем смыслом, который дает ей высшая сила.

Поверьте мне, я не собиратель автографов.

Я умоляю простить мне мою навязчивость, но мне хотелось бы узнать от вас о дальнейшей жизни Левина.

Уильям Холкомб Томас, судья

На конверте: Count Lyof Tolstoi.

Moscow (Moskwa). Russia.

Please, forward to his proper address*.

Нельзя было не угадать творца в его творении. Замысел Толстого увлекал мысль вперед — к жизни, и она выходила за пределы книги, искала приложения в действительности. «Искусство есть умение изображать то, что должно быть, то, к чему должны стремиться все люди, то, что дает людям наибольшее благо,— писал Толстой.— Изобразить это можно лишь образами» (т. 52, стр. 147). Эта мысль незримо присутствует во всех произведениях Толстого. В ней заключен один из важнейших уроков великого художника.

Письмо читателя Ганса Натрука из Австрии написано в 1904 г. и обращено к Толстому — автору «Анны Карениной» и «Воскресения». Но в нем есть отголоски споров, вызванных «отлучением» Толстого от церкви. Вот почему он защищает Толстого от нападков казенных «патриотов».

Все это имело самый злободневный смысл в дни, когда черносотенцы, шовинисты и фанатики «громили» Толстого как «отступника» и «безбожника». Интересно и то, что Натрук ищет разгадку личности Толстого в Левине, открывая в нем новые черты, вполне объясненные лишь поздним творчеством писателя.

* Перешлите, пожалуйста, по его адресу (англ.).

Перевод с немецкого

Имение Гейбетсборг близ Амштетена.
17 июля 1904 г.

Высокочитимый учитель!

Я читал ваши сочинения с восторгом. Я перечитывал их по три-четыре раза с истинной радостью и восхищением. Благодарю вас, великий учитель, за ту радость, которую вы доставляете своими книгами человечеству!

Какие великолепные романы «Воскресение» и «Анна Каренина», под впечатлением которых я взялся за перо и пишу вам.

Левин! В нем я узнаю вас, человек, достойный удивления!

Если б я мог последовать примеру этого героя, вызывающего во мне такую большую симпатию, в котором я узнаю вас!

Учитель, мы любим вас и вашу несчастную родину во много раз больше, чем «патриоты».

Как прекрасна ваша вера в бога! Вас, пожалуй, можно было бы называть пантеистом, но ни в коем случае не атеистом. О, как я люблю вас в ваших творениях!

Вы, должно быть, очень хороший человек, Лев Толстой, потому что только хороший человек может мыслить так, как вы!

Должен сказать, что я вас не совсем понимаю. Для меня вы — слишком велики. Но я постараюсь выработать в себе те качества, которые вы называете «нравственностью».

Великий учитель! Примите благодарность за все вами написанное от многих и многих и простите, что я решился беспокоить вас. Но иначе я не мог. Сердце победило рассудок, запрещавший писать вам, всемирно известному писателю.

Ганс Натрук

На конверте: Graf Leo N. Tolstoj,
Jasnaja Polyana bei Tula. Russland.

«Анна Каренина» — роман философский и социальный. Его связи с жизнью сложны и многосторонни. Каждое поколение по-своему «перечитывало» роман Толстого. По мере того как «Анна Каренина» завоевывала признание читателей в разных странах мира, складывалось и общее отношение к книге Толстого, которую Т. Манн назвал «величайшим социальным романом русской и мировой литературы»³.

4. «ВОСКРЕСЕНИЕ»

«Я не знаю, хорошо или дурно, — но очень пристально занят „Воскресением“, — писал Толстой П. И. Бирюкову в 1898 г. — Много важно надеюсь высказать» (т. 71, стр. 469).

Чем дальше подвигалась работа, тем яснее становилось Толстому, что этот роман постигнет участь самых резких его публицистических выступлений. В письме к А. Ф. Марксу, издателю журнала «Нива», где печаталось «Воскресение», Толстой признавался, что в романе «много мест нецензурных» (т. 71, стр. 481).

И его опасения оправдались. «Прежде всего, конечно, начались придирки со стороны петербургской цензуры, — отмечал Э. Моод в статье «Как Толстой писал „Воскресение“». — Все, что „подкапывало авторитет церкви и государства“ и вообще все, казавшееся опасным цензору, исключалось. Понятно, что третья часть, в которой описывается обращение с арестантами на пути в Сибирь и в самой Сибири, пострадала наиболее.

Но вообще на протяжении всей книги целые главы, страницы и отдельные фразы попали под красный карандаш цензора»¹.

Не лучше обстояло дело и с заграничными изданиями. Невозможно было локализовать значение романа одним указанием на то, что действие происходит в России. Мысли Толстого в равной степени касались всех. И снова над страницами романа замелькали цензорские карандаши.

«Так, например, французский переводчик Визева <...> не довольствуясь полированием простого и прямого стиля Толстого и обращением его в чрезвычайно плавную книжную речь, выбросил описание церковной службы из боязни оскорбить католиков, и нападки на армию из боязни возбудить неудовольствие дрейфусаров», — писал Моод (там же).

Во Франции восприятие романа было обострено «делом Дрейфуса». Это, кстати, доказывает исключительную силу художественного обобщения в романе. Теодор де Визева (1862—1917) подробно изложил причины, которые заставили его сделать купюры в «Воскресении».

Эту апологию переводчика Толстому переслал из Женевы П. И. Бирюков.

20 февраля 1900 г.

Дорогой Лев Николаевич!

Wyzewa, переводчик «Воскресения» на французский язык, на разные нападки на него в газетах — зачем он сделал некоторые сокращения — написал прилагаемое объяснение для пересылки вам, что я и исполняю.

Целую вас крепко. Получили ли вы мое письмо из Англии?

П. Бирюков

На конверте: Mr. Leon Tolstoy. Moscou.

Льву Николаевичу Толстому,
Хамовнический пер., собственный дом,
Москва.

Вот что говорится в «объяснительном письме» де Визева:

Перевод с французского

Париж, 8 февраля 1900 г.

В «Echo de Paris», для которой я обязался перевести «Воскресение» в точном соответствии с текстом, высланным г. Чертковым, роман был напечатан полностью, если не считать двадцати строк о воинской службе, изъятых в последний момент редакцией газеты, и одной главы из второй части, которую г. Симон также просил меня исключить, так как подписчики жаловались на то, что «Нехлюдов недостаточно занят Масловой».

Позднее, при подготовке к изданию двух первых частей «Воскресения» отдельной книгой, мной были выпущены (помимо пяти-шести строк право, не имеющих значения) только прежние двадцать строк относительно военной службы. Это то, о чем французские читатели, в силу недавних событий, не могут рассуждать хладнокровно.

Под предлогом борьбы с милитаристским духом люди, ныне называющие себя пламенными защитниками армии, позволяли себе чернить офицеров, либо осудивших Дрейфуса, либо противившихся его оправданию.

Таким образом, критика милитаризма, даже самая отвлеченная, и теперь еще не может восприниматься во Франции сама по себе, а будет непременно использована как аргумент в той борьбе, которую две партии ведут между собой.

Пять или шесть журналистов уже писали, что «Воскресение» явно создано под влиянием дела Дрейфуса и что генералы, которых посещал Нехлюдов, списаны с генералов французского генерального штаба.

Впрочем, эти соображения не помешали бы мне напечатать место, о котором идет речь, если б я не опасался, что оно помешает всей книге быть понятой и принести пользу: ибо в настоящее время бессчетное множество французов, свято убежденных в необходимости армии, готово тем не менее поверить в безнравственность суда, в греховность эгоизма и во все те истины христианства, которые этот роман проповедует.

Если бы критика военщины занимала в романе большее место, если бы граф Толстой настаивал на ней, я, конечно, сохранил бы эти двадцать строк. Но так как они единственные и ничем не подкреплены, я счел возможным их удалить, чтоб они не помешали чтению и пониманию всей книги в целом.

То же и в отношении двух глав, где автор описывает службу в тюремной церкви. Я перевел их для «*Echo de Paris*» дословно. Но мне случалось встречать людей честных, доброжелательных, которые, прочитав эти главы, либо из глубокой религиозности, либо под влиянием первого чувства отказывались читать продолжение. И наоборот: книга без этих глав проникла в католические круги, где, как мне кажется, если и не сможет привести к полному обращению, то, во всяком случае, заставит призадуматься и пробудит христианские чувства.

Некоторые русские дамы, католички по вероисповеданию, прониклись христианским духом романа, и одна из них, защищая правильность утверждений автора о несправедливости любого так называемого правосудия, проявила даже больше ума, чем все свободомыслящие газеты вместе взятые.

Повторяю: если бы эти главы играли в произведении значительную роль (как те, в которых автор говорит о суде, тюрьмах и т. д.), я не стал бы их вычеркивать. Но они занимают всего три странички, а ведь этого достаточно было бы, чтобы оттолкнуть от книги многих, считающих богослужение священным, но, тем не менее, понимающих Евангелие лучше, чем те, кто считает Христа опасным шутником, а графа Толстого — вдохновенным поэтом, запутавшимся в сетях христианской мистики, которую, однако, надо ему простить.

Итак, я сделал эти две купюры исключительно в интересах учения Льва Толстого. Не для того, конечно, чтоб улучшить это учение, но чтоб оно могло оказать воздействие на большее число людей.

И если в остальных двух-трех местах я и опустил десять — двадцать строк, то только потому, что, зная вкусы французского читателя, хотел, чтобы роман соответствовал им как можно больше. Впрочем, этих пропусков немного, и они, право, незначительны. Не думаю, чтоб я сколько-нибудь урезал или же исказил основные мысли автора, как бы радикальны они ни были, как бы ни противоречили они современному мышлению. Наоборот, у меня было лишь одно желание — сохранить толстовский характер книги — и в мыслях, и в стиле, и если перевод мой не буквален, то только потому, что мысль иностранного автора невозможно перевести буквально, не рискуя исказить ее, то есть перевести неточно.

Я старался упростить, сделать более ясным и сильным свой стиль, чтобы создать по-французски нечто равнозначное несравненному стилю графа Толстого. Должно быть, это мне не удалось. Но я по-прежнему считаю, что, сделав это произведение доступным для всех — с точки зрения содержания и языка, — я, тем самым, не только способствовал литературной славе графа Толстого (все французские газеты заявляют в один голос, что он не писал никогда ничего совершеннее «Воскресения», а лично я убежден, что все предыдущие произведения — «Хозяин и работник», «Смерть Ивана Ильича», «Крейцерова соната» — также считались бы «совершенными», будь они переведены хорошим французским языком), но и распространению и внедрению глубокой христианской истины, содержащейся

1899. Heft 3. Preis 50 Pf.

Vierteljährlich (6 Hefte) Preis 3 Mark.

Stuttgart und Leipzig
Deutsche Verlags-Anstalt

Preis des Jahrgangs 12 Mark.

Um freundliche Beachtung des Prospektes in diesem Hefte wird geboten.

ЖУРНАЛ «AUS FREMDEN ZUNGEN», 1899. ЗДЕСЬ БЫЛ НАПЕЧАТАН
ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ НЕМЕЦКИХ ПЕРЕВОДОВ «ВОСКРЕСЕНИЯ»

Титульный лист

Личная библиотека Толстого. Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Auferstehung.

Roman

von

Graf Leo Tolstoj.

Vom Verfasser autorisierte Uebersetzung aus dem Russischen

von Ilse Grapin und Wladim. Grenin.

Leo Tolstoj

Stille.

„Du bist Stille in ihm und sprich: Over, wir erst noch ich, von einem Bruder, der an uns wartet, wachet! Ich ist young (schonmal)“

„Denn sprich in ihm: Ich sag dir, nicht (schonmal) (schonmal)“

ausung (Stille), XVIII, 11—121

„Denn Stille so über den Stille: in (schonmal) (schonmal)“

ausung (Stille), VII, 12

„Denn Stille so über den Stille: in (schonmal) (schonmal)“

ausung (Stille), VII, 12

„Denn Stille so über den Stille: in (schonmal) (schonmal)“

ausung (Stille), VII, 12

Die sehr die Menschen sich mühten, nachdem sich ihrer einige Hunderttausend auf einem kleinen Raume angehäuft hatten, die Erde, auf der sie sich drängten, zu verwandeln; wie sehr sie den Boden mit Steinen zusammelten, damit nicht darauf wuchse, wie eilig sie ihn von jedem hervorstechenden Gräschen reinigten, wie sehr sie mit Steinchen, mit Kieselsteinen ausstießen, wie immer sie die Bäume beschneiden, alle Äste und Äste verjagten, der Frühling war Frühling, sogar in der Stadt. Die Sonne wärmte, das neu auflebende Gras wuchs, begrünzte sich überall, wo immer man es nicht weggegrast hatte, nicht nur auf den Rasenflächen der Boulevards, sondern auch zwischen den Steinplatten; Birken, Pappeln, Traubeneichen liehen ihre feinsten, düstigen Blätter sich entfalten; die Linden schwellten ihre verblühten Knospen; Dohlen, Spatzen und Tauben bereiteten schon frühlinghaft-fröhlich ihre

Werk (Stille), Stille, 1. 1.

Wörter: Bienen und Wespen summten, von der Sonne erwärmt, an den Händen. Frohlich waren die Pflanzen, die Vögel, die Insekten, die Kinder. Nur die Menschen, die großen erwachsenen Menschen hörten nicht auf, sich und einander zu betrogen und zu quälen. Die Menschen glaubten, daß nicht dieser Frühling morgen heilig und wichtig sei, nicht diese Schönheit der Gottwelt, die zum Heil aller Wesen gegeben ist, die Schönheit, die zum Frieden, zur Eintracht, zur Liebe geneigt macht, — sondern heilig und wichtig war das, was sie selbst ausgedacht hatten, um übereinander zu herrschen.

So wurde in dem Hause des Gouvernementsgefängnisses nicht für heilig und wichtig gehalten, daß allen Tieren und Menschen die Nahrung und die Freude des Frühlings gegeben ist, sondern für heilig und wichtig ward gehalten, daß abends zuvor ein mit Kummer, Stolz und Ueberdruß versehenes Papier eingegangen war, darüber, daß um neun Uhr

43

«ВОСКРЕСЕНИЕ». ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ ПЕРЕВОДОВ НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

Страница журнала «Aus fremden Zungen» (1899, № 8) с началом романа

Личная библиотека Толстого. Музей-усадьба «Ясная Поляна»

в этом романе, которая, кстати, дорога мне не менее, а, возможно, и более, чем слава человека, выше всех мною почитаемого.

Пишу все это не затем, чтобы поднять цену моему далеко не совершенному переводу, который принес мне к тому же больше денег, чем я мог рассчитывать. Пишу и надеюсь: граф Толстой, прочтя его, поверит, что я приложил все усилия, чтобы быть достойным оказанной мне им чести, — переводить эту изумительную книгу.

Ни по склонностям, ни по профессии — я не переводчик. Но ничто из написанного мною самим не доставило мне такого удовольствия, как работа над переводом «Воскресения». И теперь, когда перевод окончен, мне хочется думать, что автор не заподозрит, будто я предпринял эту работу из какого-либо иного побуждения, кроме желания быть ему полезным.

Т. Визева

Париж. 8 февраля 1900 г.

Апология переводчика написана обдуманно и красноречиво. Стремясь оправдаться перед автором, Визева, по существу, оправдывает купюры, т. е. делает именно то, что никак не могло вызвать сочувствия у Толстого.

Еще в 1895 г. по поводу одной из статей Визева Толстой заметил, что она «очень глупая или хитрая, или и то, и другое вместе» (т. 68, стр. 205). Некоторый оттенок хитроумной лести есть и в оправдательном письме Визева по поводу «Воскресения».

Письмо Визева является и само по себе красноречивым документом той ожесточенной борьбы мнений, которая была вызвана гениальным романом Толстого.

В Германии, в издании Otto Janke было исключено «все оскорбительное для церкви и армии», — отмечает Моод. Изъятия и купюры не проходили незамеченными. Читатель Э. Кальб из Германии, знавший русский язык, сличил подлинник и перевод и, придя к печальным выводам, счел своим долгом сообщить о них Толстому.

Перевод с французского

Франкфурт-на-Майне. 7 ноября 1900 г.

Граф!

Поглощенный чтением вашего «Воскресения», я случайно увидел на столе у жены немецкий перевод этой книги (переводчик L. A. Nauff. Издано в Берлине у Otto Janke) и принялся из любопытства их сравнивать.

Разрешите мне обратить ваше внимание на то, что перевод этот чрезвычайно плох: выпущены целые главы — число их даже не соответствует русскому изданию, — а нравственные рассуждения, с которыми и нам полезно познакомиться, часто совершенно отсутствуют, так что страдает последовательность изложения.

Говорят, что ваши убеждения не позволяют вам ставить какие-либо преграды к изданию ваших произведений: вы разрешаете их переводить любому.

Но, в конце концов, в подобных переводах — это уже больше не настоящее ваше произведение: это просто низкопробный товар, на котором стоит ваше имя.

Хоть я читаю ваши книги по-русски, но, к сожалению, не чувствую себя достаточно сильным в вашем языке, чтобы предложить свои услуги в качестве переводчика. Полагаю, однако, вы должны позаботиться, чтобы книги ваши (идеи, в них изложенные, интересны не только для России,

они зачастую приложимы и у нас, в Германии) не искажались в переводе, а переводились так, как они того заслуживают.

Примите, граф, выражение моего глубочайшего уважения.

Э. К а л ь б

На конверте: Monsieur le Comte L. N. Tolstoy.

Jasnaja Poljana.

Gouvernement Tula. Russie.

«Характерно,— продолжает свой обзор иностранных изданий «Воскресения» Моод,— что не обошлось без комических эпизодов и в Англии, где также оказались добродетельные господа, нашедшие книгу Толстого «безнравственной». Один почтенный квакер, прочтя сцену падения Катюши, поспешил сжечь книгу <...> Как известно, в Америке «Воскресение» также потерпело немало в руках лицемерных редакторов. Роман был изуродован исключением мест, говорящих против милитаризма и земельной собственности. Об искажениях в тексте «Воскресения» писал и Э. Кросби, посвятивший переводам романа специальную статью в социалистическом журнале «Humanité Nouvelle» (см. об этом ниже в очерке «Эрнест Кросби»).

Американский журнал «Cosmopolitan» подверг текст романа такой «обработке», что Толстой вынужден был написать заявление «В редакции иностранных газет»: «Ввиду искажения, которому подвергся мой роман „Воскресение“ в руках редактора „Cosmopolitan“ <...> я вынужден лишить моей авторизации издание этого произведения в том виде, в каком оно появилось на страницах „Cosmopolitan“» (т. 72, стр. 115).

Толстой очень заботился о том, чтобы в руки читателей дать полный текст своих книг.

Полный русский текст «Воскресения» без цензурных купюр был, как известно, выпущен в Лондоне В. Г. Чертковым в 1900 г. «Сим удостоверяю,— писал Толстой в письме „В редакции иностранных газет“,— что издание моего романа „Воскресение“, в настоящее время выпускаемое в Англии по-русски В. Чертковым, печатается по самой полной, неискаженной цензурой и окончательно исправленной мною версии, которую я ему доставляю для этой цели, равно как и для издания в переводах на различных языках» (там же, стр. 110).

Огромный интерес к роману был вызван не только злободневностью и остротой проблематики, но и психологической правдой современных ситуаций и характеров. Читатели узнавали себя и своих близких в героях Толстого, как суждено всегда находить это сходство читателям всех поколений в великих произведениях литературы.

Так, пражский читатель Толстого И. Е. Ясно просил разрешения рассказать в письме к автору «Воскресения» о человеке «нехлюдовского образа мысли». Может быть, он имел тут в виду себя.

Перевод с немецкого

Прага. 24 марта 1901 г.*

Ваше превосходительство!

С тех пор, как я год назад прочел божественно совершенное произведение ваше «Воскресение», мне захотелось написать вашему высокоородию. Но до сегодняшнего дня я не решался на такую смелость. Однако тот, кто любит людей, должен обладать также и великим всепрощением.

* Датируется по почтовому штемпелю. — *Ред.*

Поэтому осмеливаюсь спросить о том, что лежит у меня на душе: можно ли мне сообщить вам историю жизни одного необыкновенного, очень несчастного человека нехлюдовского образа мыслей?

Его борьба, страдания, его конец не будут напрасны, если вы, кого он так высоко чтит, узнаете о нем.

Благосклонного разрешения на это почтительно просит глубоко преданный

И. Е. Ясно

Praha p. r. Hlavní pošta.

На конверте: A son Excellence

Monsieur le comte Leon N. Tolstoi.

Moscovie. Moskva.

Толстой окончил роман указанием на то, что Нехлюдову открылся новый путь жизни.

«Многие читатели, — замечает П. И. Бирюков, — пораженные и побежденные силой художественного прозрения при чтении этого произведения, были до некоторой степени разочарованы концом романа: „Так все хорошо, глубоко, и вдруг — тексты, и — конец“»². Как известно, этой точки зрения придерживался и Чехов, находивший, что роман окончен «уж очень по-богословски»: «писать, писать, а потом взять и свалить все на текст из Евангелия»³, и Г. Уэллс (см. выше, на стр. 153 настоящей тома).

Немецкий писатель Иоганнес Зиберт писал Толстому о тех вопросах, которые казались ему нерешенными в романе. Он ясно чувствовал, что выражает не только свои личные интересы, но и мысли многих читателей «Воскресения».

Перевод с французского

Берлин. 4 марта 1901 г.
Prinzen Allee, 21.

Граф!

Разрешите мне, прежде всего, засвидетельствовать вам мое глубокое уважение и простите, что я злоупотребляю вашим драгоценным временем.

Эти последние дни я читал ваш роман «Воскресение». Не могу передать вам, какой восторг я испытывал, читая эту книгу. Идея «Воскресения» — удивительна, божественна, и жаль, что в Германии нет писателей, которые шли бы по пути, так благородно начертанному вами.

Не хочу говорить о нескольких бездельниках, которые смеют отрицать красоту этой книги.

Цель моего письма следующая.

Последняя, девяносто девятая, глава вашего романа поставила меня перед загадкой. Я прочел следующую фразу: «И он испытывал чувство радости путешественника, открывшего новый, неизвестный и прекрасный мир». Кончился ли на этом роман? Не думаю. Нужно, чтобы читатель узнал по крайней мере следующее:

- 1) Что делали крестьяне после раздела земли?
- 2) Женился ли Нехлюдов на Масловой?
- 3) Нашел ли он истинное счастье в новой жизни?

Думаю, что на девяносто девятой главе проблема еще не решена. Книга так прекрасна, что я закрыл ее с глубоким благоговением. Обращаюсь к вам теперь со скромным вопросом: будет ли роман продолжаться или вы считаете его законченным на девяносто девятой главе?

Так как я сам писатель, вы понимаете, какой интерес возбуждает во мне этот вопрос. Кроме того, получить несколько строк, написанных вашей рукой, было бы для меня несказанной радостью.

С глубоким уважением остаюсь, граф,
вашим покорным, преданным слугой
Иоганнес Зиберт,
преподаватель в Берлине

На конверте: Monsieur le Comte Léon Tolstoï.

15, Chamownitsheskaja, Moskau.

Russland. Faire suivre en cas d'absence:

Yasnaja Poljana chez Tula.

Надо сказать, что Зиберт несколько опережал события. Цитата, которую он приводит в письме («и он испытал чувство путешественника...») находится в последней главе II части романа (см. т. 32, стр. 361). Роман еще не был окончен, и продолжение следовало.

Горячие споры о «Воскресении» возникали всюду, где читали роман, а читали его повсеместно. Письмо г-жи Анри Вейе передает атмосферу таких споров, которые чаще всего касались «будущего» героев романа. Не с такой пунктуальностью, как И. Зиберт, г-жа Вейе ставит тот же вопрос: окончена ли книга?

Перевод с французского

Лозанна. 17 ноября 1901 г.
6, Rue Beau Séjour.

Милостивый государь!

Говорят, вы так добры и снисходительны, что наверное простите смелость молодой швейцарки, которая пишет вам, не будучи лично с вами знакома.

Вчера на одном дружеском обеде мы долго спорили по поводу вашего «Воскресения». Одни утверждали, что вы хотели дать продолжение и вы его напишете, что герой ваш в конце концов сломит щепетильность героини и, женившись на ней, довершит дело ее возрождения и т. д. Другие говорили, что книга окончена и что, кроме того, вы писали ее без всякой предвзятой мысли. Третьи же держались мнения, что этим произведением вы отдаете дань скептицизму нашего века, хотите доказать, что все усилия напрасны, что жизнь делает свое и мы бессильны против обстоятельств.

Как видите, милостивый государь, спор был очень горяч — столь противоположны были точки зрения. И так как в Швейцарии вас любят и восхищаются вами, мы будем счастливы и горды узнать, что вы сами думаете об этом и будет ли действительно когда-нибудь написано продолжение «Воскресения»?

Еще раз умоляю вас, милостивый государь, извинить мою смелость.

Если вы сообразовали мне ответить, мы, мои друзья и я, будем вам бесконечно признательны.

Прошу, милостивый государь, верить в мое искреннее восхищение и уважение.

А. Вейе

Требование «продолжения» было связано и с авторским замыслом, который угадывался в последних строчках романа: «Чем кончится этот новый период его, Нехлюдова, жизни, покажет будущее...»

Письма читателей возвращали Толстого к этому замыслу и требовали исполнения обещания рассказать о том, что стало с Нехлюдовым в будущем. Толстой мечтал написать «крестьянский роман»: «Ужасно хочется

«ВОСКРЕСЕНИЕ» НА СЦЕНЕ
ПАРИЖСКОГО ТЕАТРА
«ОДЕОН». 1902

Катюша — Берта Бади

Фотография

Bibliothèque de l'Arsenal, Paris

писать художественное, и не драматическое, а эпич(еское) продолжение „Воскрес(ения)“: крестьянск(ая) жизнь Нехлюдова (т. 54, стр. 27). Это продолжение Толстой представлял себе как «вторую часть Нехлюдова». Но замысел романа о «переселяющемся» остался неосуществленным.

Особенно замечательны были письма тех, кто пережил нечто подобное тому, о чем рассказывал роман. Читательница из Йоркшира Мэй Брэдли писала об испытанной ею «сладо́сти воскресе́ния», похожей на то воскресе́ние, которое пережила Маслова. Кажется, что Брэдли о многом умалчивает, но письмо ее очень красноречиво.

Перевод с английского

Англия. 14 апреля 1904 г.

Hallgarth, Carper by Aysgarth station R. S. O.

Милостивый государь!

Не представляю себе, как напишу это письмо, ибо чтение вашего «Воскресения» пробудило во мне такое множество мыслей, что мне трудно решить, какая из них побудила меня взяться за перо.

В этих немногих строках я хочу выразить вам свою благодарность и свое благоговение перед вами. Я, женщина, борющаяся с жизнью всеми силами сердца и разума, понимаю и чувствую, какие могучие уроки извлекает для своей души из «Воскресения» каждый человек.

Хвала господу за то, что вы показали душу Катюши во всей ее бесконечности и красоте; на примере простейших законов природы, пробуждения мертвой почвы весной, вы показали, с какой новой силой может ожить сердце, когда нежный дождь благодати господней нисходит на его детей.

Много, много раз ощущала я сладость этого воскресения, когда соприкасаясь с жизнью.

Теперь я больше не отчаиваюсь ни за кого; я вижу весну во многих местах, где раньше и не искала ее.

Бог послал мне вашу книгу, чтоб я могла извлечь из нее живительный урок. Она правдива, правдива до самой сути вещей, и я благодарна вам за нее и всегда буду чтить вас как одного из моих великих наставников.

Чувствую, что, получив столь огромную духовную поддержку от человека, живущего далеко от меня, я не могу не написать ему нескольких слов благодарности.

Да продлит бог вашу драгоценную жизнь, ибо вы имеете глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать! Людям так нужна правда, а ваши книги преисполнены ею.

Нехлюдов и Катюша, рука об руку, представляются мне очаровательной картиной. Я вижу их возвращение в сады эдемские. Шаг за шагом свершают они свой обратный путь. Души их благодетны и чисты, благодаря труду, стараниям, вере и любви.

Преданная и почитающая вас

Мэй Брэдли

На концерте: Count Tolstoi. Russia.

На протяжении многих лет, уже после того, как закончилась работа над книгой, Толстой получал письма, в которых рассказывалось о дальнейшем развитии намеченных им характеров. Кажется, что некоторые письма как бы написаны самими «героями» Толстого. И если для читателя роман Толстого был именно романом, то для автора это всегда был роман с «продолжением», которое предлагала сама жизнь.

В письмах к Толстому запечатлелись многие важнейшие моменты общественной мысли конца XIX — начала XX в. Социальный смысл романа «Воскресение» — «право справедливости» — студент-юрист из Португалии А. Б. Брагансо-Перейра определил как «важнейший урок Толстого».

«ВОСКРЕСЕНИЕ» НА СЦЕНЕ ПАРИЖСКОГО ТЕАТРА «ОДЕОН». 1902

Сцена в тюрьме

Литография неизвестного художника

Bibliothèque de l'Arsenal, Paris

Перевод с французского

Коимбра. Португалия, 28 августа 1906 г.
Rua de Cosme, 3.

Учитель!

Прошу вас, прочтите эти строки. Они написаны самым скромным почтителем вашего гения.

Я студент-правовед. В университете я изучаю право силы, право власть имущих. Из ваших книг я узнал истинное право — право справедливости.

Я почел бы за счастье иметь роман «Воскресение» с вашим автографом, потому что это произведение пробудило во мне целый мир новых идей. Извините великодушно за эту просьбу.

Учитель, примите уверения в совершенном почтении от того, кто имеет честь быть вашим верным слугой.

А. Б. Брагансо-Перейра

На конверте: Monsieur le Comte Léon Tolstoï.
Jasnaja Poljana. Russie.

Если с «Войной и миром» и «Анной Карениной» зарубежные читатели знакомились через много лет после того как они были написаны, то «Воскресение» — это был в полном смысле современный роман, создававшийся «у всех на глазах». Не удивительно, что эта книга вызвала огромную литературу и весьма обильную почту как в России, так и за рубежом.

«Воскресение» читали во всех странах. Читали и в «высших сферах», и в народе, — и всюду оно пробуждало мысли и страсти, сливаясь со спорами о государстве и церкви, собственности и семье, революции и народе... «Мы <...> следили издалека, но с таким горячим участием <...>, — писал Толстому французский ученый и переводчик Шарль Саломон, — за громадным, неоспоримым успехом „Воскресения“. Благодаря своей красоте, эта книга заставила проникнуть (я не говорю — воспринять) в известные круги те мысли, которые никогда не проникли бы туда иным путем» (т. 72, стр. 414).

5. «ОДНА ИЗ ВАШИХ УЧЕНИЦ...»

В 1897 г., в ту пору начинающая, а впоследствии известная итальянская писательница, Грация Деледда обратилась к Толстому с просьбой прочесть в рукописи или в гранках ее роман «Правосудие». Она просила Толстого сообщить ей «чистосердечное мнение» об этой книге.

Деледда в письме к Толстому говорила о двух своих уже опубликованных романах: «Anime Oneste» («Честные души») и «La Via del Male» («Путь зла»). Она называла Толстого своим учителем и ссылалась на мнение итальянской критики, которая находила сходство между ее книгами и русским романом.

Перевод с итальянского

Нуоро, 29 апреля 1897 г.

Учитель!

Среди бесчисленных голосов, которые, наверно, ежедневно долетают до вас отовсюду, услышьте и мой, несущийся к вам с зеленых холмов несчастной, прекрасной, дикой Сардинии.

Не без душевного трепета пишу я эти строки, думая, что они будут прочитаны вами, что их коснется рука, написавшая «Войну и мир». Но вы — сама прямота и искренность — не подумайте, что этими словами я пытаюсь льстить вам.

Вы, учитель, олицетворение правды, апостол молодежи на Западе, молодежи, которая стремится к справедливости, истине и красоте, не подумайте, что одна из ваших учениц, самая нелюдимая, самая дикая, но может быть, и самая искренняя, способна прибегать к каким-то уловкам, пытаюсь показаться вам иной, чем она есть на самом деле, лишь бы привлечь ваше внимание. Поверьте, что я преклоняюсь перед вами и особенно люблю вас как художника. Я прочла почти все ваши художественные произведения и многие из других ваших работ. Многие ваши идеи я разделяю, следуя им, провожу их в жизнь.

Я еще очень молода. Я гражданка Сардинии, писательница. Родилась в Италии. Цель моего творчества — показать миру великую, удивительную, никому не ведомую душу Сардинии.

В моем романе «Честные души» я попыталась доказать, что, только работая на земле, обитатели острова добьются счастливого, честного существования. Я следовала вашему учению о земледельческом труде, проведение которого в жизнь восстановило бы мощь и величие Сардинии.

В другом, только что вышедшем романе «Путь зла» я описала жизнь одного сардинца, его ошибки — следствие обычных для нашего острова увлечений и страстей, и суровое искушение этих ошибок.

Оба романа вызвали немало откликов в печати. Критика отметила внутреннее сходство между ними и русскими романами. Говорили, что Сардиния и ее обитатели имеют нечто общее с судьбой и бытом великого русского народа. Это замечание очень поразило меня, потому что, хотя я и восхищаюсь русским искусством, я никогда ему не подражала.

Русский автор, с которым меня пытаются сравнивать, — Тургенев. А между тем, из всех произведений Тургенева я читала только рассказы, да и то так давно, что не особенно хорошо помню их. Поэтому меня одолевают сомнения: может быть, сходство между моими и русскими романами вызвано просто отдаленным и смутным сходством между характером и бытом наших народов? И вот мне пришла мысль отдать на ваш суд мою новую работу и узнать, существует ли действительное сходство, о котором говорят критики? Новый роман, который я пишу, называется «Правосудие». В нем идет речь об одном сардинском провинциальном дворянине. Это человек неплохой, неиспорченный, но безвольный и в то же время необузданный. Он убеждается на личном опыте, что правосудие может ошибаться и выносить неправильные приговоры. Тем не менее, по мотивам личной мести и повинаясь своему необузданному темпераменту, он предает в руки правосудия заведомо невинного человека, ошибочно приговариваемого к пожизненному заключению. В связи с развитием сюжета я развертываю картины жизни, нравов и обычаев сельского населения Сардинии.

Учитель! Вы при всем вашем величии такой добрый, скромный. Не окажете ли вы мне милость прочесть роман до выхода его в свет и написать мне ваше чистосердечное мнение, особенно с точки зрения сходства между жизнью обитателей Сардинии и русского народа? Этот ваш отзыв будет затем напечатан как предисловие к роману.

Если вас затруднит чтение моего романа в рукописи, то вам будут присланы гранки. Сделаем так? Мне хотелось бы, чтобы вы прочли и первые мои два романа, но боюсь слишком вас обременять. Ваша великая жизнь безраздельно отдана служению добру, и, конечно, недопустимо отрывать вас хоть на миг от вашей благородной светлой деятельности.

Я еще молода. У меня много мужества, веры в жизнь, много надежд. Мое представление о жизни высоко. Я верю в добро и еще более в истину.

Народ, среди которого я живу, глубоко несчастен, и я хотела бы немного помочь ему своими произведениями. Но я люблю и все человечество и желала бы так же, как и вы, вместе с вами увидеть возрождение общества под знаком мира, безыскусственности и первобытной чистоты.

Учитель! Если я прошу слишком многого, то хотя бы подумайте обо мне и благословите меня. Не считайте меня недостойной этого: моя юность одинока и чиста, а во мне есть то хорошее, что сохранилось еще в народах, не тронутых цивилизацией. Я счастлива и горда, что могу это сказать. Напишите мне хоть одно слово, и оно укрепит мои мечты и светлые идеалы.

Буду счастлива хотя бы узнать, что эти строки прочитаны вами и что на миг мысль великого правдолюбивого апостола коснулась его маленькой далекой ученицы.

Желаю вам всего лучшего, о чем вы мечтаете для себя и для всех братьев на земном шаре.

Грация Деледда

Толстой не ответил на это письмо. Роман «Правосудие» в следующем, 1898 г. был опубликован в Турине ¹.

Обращает на себя внимание некоторое сходство сюжета в романе Деледда «Правосудие» и в романе Толстого «Воскресение», написанном два года спустя.

Стефано Арка, герой романа Деледда, — провинциальный помещик, образованный и гуманный, но, как она сама его характеризует, «безвольный и в то же время необузданный». Ему довелось быть участником сессии окружного суда в Сардинии. В качестве присяжного заседателя он получил возможность познакомиться с правами и бытом судебных чиновников. «Он был уверен, что человеческое правосудие заблуждается в своих приговорах» ².

«Чистые чувства человечности и социального равенства, высокие теории правосудия» ³ уже открывались перед Стефано Арка, но предрассудки, усвоенные с детства, сделали свое дело. Он поддался личному чувству и отдал в руки полицейских человека, который и был осужден без вины.

Между романами «Воскресение» и «Правосудие» нет никаких прямых связей. И в этом отношении особый смысл приобретает замечание Деледда: «Может быть, сходство между моими и русскими романами вызвано просто отдаленным и смутным сходством между характером и бытом наших народов?»

Одно из произведений Деледда — «Сентиментальная новелла» — объясняет, в чем она усматривала это «отдаленное сходство». Серафино, герой новеллы, отбывает воинскую повинность. «Он читал Толстого, — пишет Деледда, — и каждый раз, как ему приходилось стоять на часах, он с горечью спрашивал себя, кто заставляет его делать это? Зачем он слеп поспешно вынужден нерассуждающей силе?» ⁴

Пост Серафино был у тюрьмы. Он написал повесть о самом себе, о солдате, который помог заключенному вырваться на волю. Серафино прочитал эту повесть одному из своих товарищей, который сказал ему: «Можно подумать, что это русская повесть!» Особенно поразила его сцена, где солдат-часовой читает в глазах заключенного укор своей совести: «Я брат твой!» На это Серафино возразил: «Почему непременно русская? Неужели ты думаешь, что это не могло случиться хоть со мной?»

Письмо и сочинения Деледда имеют важное значение для правильного понимания сложной проблемы творческих связей и творческого влияния Толстого на писателей-современников. Плодотворность этого влияния определяется не внешним воздействием писательского мастерства, а новым пониманием современного и жизненного материала.

Деледда на протяжении всего своего творческого развития сохраняла глубокое уважение к Толстому, о чем свидетельствует и ее отклик на смерть писателя — статья «Последний путь», публикуемая в первом разделе настоящего тома.

III

В ПОИСКАХ НОВОГО ТЕАТРА

1. АНДРЕ АНТУАН

«Актеры, желающие сыграть роль независимо от условностей и банальных формул драматического кодекса, — Свободный театр открыт для вас!» — писал в 1888 г. французский писатель А. Сear в газете «*Vie Populaire*».

Во главе Свободного театра стоял выдающийся режиссер Андре Антуан (1858—1943). Главной своей целью он считал преодоление сценической и театральной рутины. Ему нужен был новый репертуар. Антуан был «безусловным защитником сценической простоты и естественности», он стремился «приблизить общий склад игры во всех ее смыслах к впечатлениям реальной жизни»¹.

Триумф Свободного театра связан с постановкой пьесы Толстого «Власть тьмы». «В газетах напечатана на этих днях, — записывал 6 февраля 1888 г. Антуан в дневнике, — интересная анкета по поводу „Власти тьмы“, появление которой вызывает у нас напряженное любопытство»². Некоторые из наиболее характерных отзывов о пьесе Толстого Антуан приводит в своем дневнике.

Александр Дюма-сын писал: «С точки зрения нашей французской сцены я не думаю, чтобы постановка пьесы Толстого была возможна. Она слишком мрачна; ни одно из действующих лиц не вызывает симпатии, а язык, которым говорит, например, Аким, был бы у нас совершенно непонятен». Известный драматург В. Сарду также сомневался в успехе постановки: «Это жестоко реально и прекрасно; но пьеса создана для того, чтобы ее читали, а не смотрели, и, по моему мнению, играть ее нельзя. Всякая попытка сделать эту пьесу пригодной для театра приведет к тому, что ее испортят без всякой выгоды для нее».

Не менее решительно высказался и драматург Э. Ожье: «Это не столько пьеса, сколько роман в диалогах, длина которых была бы нестерпима на французской сцене».

Антуан продолжал свою работу. Наконец, пришел день премьеры. «Воскресенье. 12 февраля 1888 года. Спектакль „Власть тьмы“ был настоящим триумфом, — записывал Антуан в дневнике, — признают, что пьеса Толстого — настоящий шедевр. Лучших и более веских отзывов прессы нельзя и придумать. Г-н де Вогюз сказал мне в полном восхищении, что напишет статью...»

Вскоре появилась и статья М. де Вогюз, в которой говорилось о премьере Свободного театра: «Это было сражение при Аустерлице, когда после заключительной сцены занавес опустился среди бури восхищений. Публика неистовствовала. Я не заметил никакого протеста или сомнения в течение четырех часов. Всякий раз, когда я брал под сомнение тонкость нашей французской молодежи, ее способность воспринимать даже наиболее полярные нашим вкусом произведения, я жестоко ошибался».

Это была первая постановка пьесы Толстого на сцене. (В России она была разрешена к представлению только в 1896 г.) Антуан прислал Толстому целый пакет газетных вырезок — рецензии на спектакль Свободного театра. «Некоторые из них Толстой читал вслух и был, видимо, доволен ими», — вспоминает Г. А. Русанов³.

Воспоминания о триумфальном начале Свободного театра Антуан сохранил на всю жизнь. В 1897 г. он посетил Россию. Мысль о возможности встретиться с Толстым не покидала его. И он написал письмо с просьбой разрешить ему явиться с визитом⁴.

Перевод с французского

Москва, 12 <февраля 1897 г.>

Учитель!

Боясь обеспокоить вас, я со дня на день откладывал исполнение намерения, которое лелеял с самого своего приезда в Москву. Я уже давно решил, что непременно попрошу позволения посетить вас, если мне случится когда-либо побывать в России, чтобы выразить то чувство глубочайшего восхищения, которое я и мои друзья испытываем к вам.

Сегодня, накануне отъезда (в пятницу я покидаю Москву), думаю о том, какие горькие сожаления будут меня преследовать, если я уеду, не повидавшись с автором «Власти тьмы» — одного из самых прославленных спектаклей бедного моего Свободного театра. И потому решаюсь просить вас удостоить меня пятиминутной аудиенции.

Простите мою дерзость, учитель, и примите почтительные уверения в самом искреннем и глубоком уважении.

А. Антуан

Гостиница «Континенталь», Москва.

На конверте: Его сиятельству
графу Льву Николаевичу Толстому.
Хамовнический переулок, собственн^{ый} дом.
Здесь.

Но Толстой еще 7 февраля уехал в Петербург и возвратился в Москву только 16 февраля. Встреча Антуана с Толстым в Москве не состоялась.

2. ЭРМЕТЕ ЦАККОНИ

С большим успехом в пьесе Толстого «Власть тьмы» выступал итальянский трагик Эрмете Цаккони (1857—1948). Врач по образованию, он стал актером по призванию и перенес на сцену итоги усердного изучения трудов психиатра Ломброзо¹.

Сильные страсти, физические и моральные страдания — все то, что составляло силу его сценического дарования, он нашел в роли Никиты. Труппа Цаккони выступала в Америке, Египте и других странах.

В 1908 г. Цаккони посетил Россию.

В Петербургской консерватории был дан спектакль «Власть тьмы», имевший большой успех. Гастроли шли накануне восьмидесятилетнего юбилея Толстого. Ко дню рождения Толстому была послана поздравительная телеграмма.

Перевод с итальянского

Петербург. 25 августа 1908 г.

Шесть лет назад в Италии я создал образ Никиты в замечательной вашей драме «Власть тьмы». Он не раз снискивал мне, пропагандисту вашего великого творения, огромный успех. Но особенно он порадовал меня вчера на спектакле в консерватории; этим я обязан прежде всего изумительному созданию вашего гения. Как восторженный поклонник вашего необыкновенного таланта, горячо прошу вас принять мои скромные поздравления и сообщаю вам о бурных овациях, которыми пришедшая в экстаз публика приветствовала вашу титаническую драму, а также меня — слабого итальянского исполнителя роли Никиты, преданного вам

Эрмете Цаккони и всю мою труппу.

Le comte Leon Tolstoï.

Le comte Tolstoï, dont le nom est déjà populaire en France, est l'auteur du remarquable drame dont le Théâtre libre dirige par M. Antoine, vient de donner une représentation si intéressante. C'est, si nous ne nous trompons, la seule œuvre dramatique que l'éminent écrivain ait donnée jusqu'ici, mais les succès qu'elle a remportés sur les scènes russes, celui qu'elle vient d'obtenir sur une scène parisienne en présence d'un public de choix, permet d'espérer que nous aurons encore l'occasion d'applaudir de nouvelles productions théâtrales du même auteur.

C'est en 1853 que le comte Tolstoï a débuté dans la littérature, après avoir fait ses études à l'université militaire. Son premier roman, *l'Enfance*, *l'Adolescence* et *la Jeunesse*, eut un grand succès. Il a été traduit en français.

Le comte Tolstoï, ayant pris du service dans l'armée, et se trouvant dans les rangs des assiégés à Sébastopol, a raconté les péripéties du siège, dans *Sébastopol en août* et *Sébastopol en septembre*.

Parmi les autres romans dus à cette plume remarquable, il faut citer : les *Deux hussards*, la *Tempête*, les *Joies de la famille*, les *Coszaques*, la *Guerre et la paix*, Moscou, 1868, 1869, *Anna Karénine* (1871), etc.

Ces deux derniers ouvrages ont eu en France le plus grand retentissement, et y ont établi la vogue du littérateur étranger que le grand succès de la *Puisance des Ténébres* vient de nous faire apprécier sous un aspect nouveau. Les œuvres de Tolstoï, se signalent par un esprit d'observation et une saveur locale d'une grande particularité. Le charme et l'impérissable des détails ajoutent encore à l'intérêt de la conception, toujours originale.

LE COMTE LEON TOLSTOÏ. — (Dessin de M. G. VUILLE.)

ТОЛСТОЙ

Гравюра с рисунка французского художника Гастона Вюйе

«Monde Illustré», 18 февраля 1888 г.

Портрет и статья о Толстом были опубликованы в связи с премьерой спектакля «Власть тьмы» в парижском «Свободном театре» («Théâtre libre»), 10 февраля 1888 г.

3. ГОРДОН КРЕГ

В 1908 г. известная танцовщица Айседора Дункан рекомендовала К. С. Станиславскому английского режиссера, художника и теоретика театра Гордона Крега (1872—1944). Ей представлялось, что их совместная работа могла бы оказаться плодотворной и интересной¹.

После первых режиссерских опытов у себя на родине, не получивших там признания, Крег покинул Англию и поселился в Италии. Здесь, во Флоренции, на сцене основанной им школы-студии развернулась его экспериментальная работа.

Прежде всего, Крег мечтал о новом «театре режиссера», где и художник и актеры целиком подчинены единой воле постановщика. «Моя вера в возрождение сценического искусства, — говорил Крег, — основывается на вере в возрождение режиссера»².

Актер в этом новом театре Крега должен был отрешиться от всего, что может быть воспринято как «подражание жизни»: он должен стать марионеткой в руках режиссера и даже не просто марионеткой, а «сверхмарионеткой»: «Сверхмарионетка не будет состязаться с жизнью; она скорее пойдет вне ее», — писал Крег³.

Отказ от предметных декораций входил в общую программу «возрождения театра», как его представлял себе Крег. Он воздвигал на сцене сложные конструкции подвижных ширм, добиваясь нового решения сценического пространства.

«Крег отказался от всей этой избитой театральщины, — писал Станиславский, — и обратился к простым ширмам, которые можно было устанавливать на сцене в бесконечно разнообразных сочетаниях. Они давали намек на архитектурные формы — углы, ниши, улицы, переулки, залы, башни и проч. Намеки дополнялись воображением зрителя, который, таким образом, втягивался в творчество»⁴.

В 1908 г. в России вышла книга Крега «Сценическое искусство», в которой он подробно развивал свои идеи. Станиславскому была близка новаторская одержимость Крега, и он пригласил его в Художественный театр, предложив поставить вместе с ним «Гамлета».

В то время, когда Станиславский переписывался с Дункан о предстоящем приезде английского режиссера в Россию, Толстой получил от Крега следующее письмо из Флоренции:

Перевод с английского

Флоренция. 16 апреля 1908 г.*
2, Lung Arno Acciainoli.

Милостивый государь!

Мы сочли бы большой для себя честью, если б вы взглянули на наш журнал «Memasta».

Нашего искусства больше нет. Оно ушло из театра много веков назад, и ни у кого не нашлось достаточно сильной любви, чтобы воскресить его.

Цель наша — подготовить дом для его нового рождения. Мы сооружаем для него колыбель. Это приятное и серьезное занятие.

Работаем мы одни, без сочувствия и внимания со стороны людей, занимающих высокое положение в современном театре. Они, как и все прочее, отрицают, что в наших убеждениях — истина.

Мы верим, что движение (я говорю о движении неодушевленных предметов) является превосходным выразительным средством. Мы верим, что это и есть театральное искусство.

Мы видим — театр опустился и выролдился, стал отщепенцем среди искусств.

* Дата определяется почтовым штемпелем. — *Ред.*

Поэтому-то мы и любим его все больше и больше, поэтому-то и хотим поднять его как можно выше.

От имени группы людей, верящих в это, с почтением подписываюсь

Гордон К р е г

На конверте: Count Leo Tolstoi. Russia.

Письмо было написано Крегом от имени его учеников и единомышленников. Толстой прочитал письмо Крега и на конверте написал: «Б(ез) о(твета). Непо(нятное)».

Вскоре Крег приехал в Россию и начал готовить вместе со Станиславским «Гамлета» на сцене Московского Художественного театра. Однако эта постановка оказалась неудачной. Слишком резко расходились принципы Крега с реалистическими установками Художественного театра.

«Чем больше стараешься сделать обстановку простой,— писал Станиславский,— тем сильнее она кричит о себе, тем больше она кажется претенциозною и кичится своим показным примитивом»⁵.

«Система» Крега противостояла «системе» Станиславского и оказалась неприемлемой для Художественного театра.

Несмотря на то, что Крег провозгласил свое отрицание реализма, встретившись с актерами Художественного театра, познакомившись со Станиславским, он поддался непосредственному чувству восхищения именно реалистическим искусством.

«Скоро и естественная игра Антуана окажется искусственной при сравнении с игрой Станиславского»,— писал Крег. «Здесь, в Москве,— продолжал Крег,— они не боятся промахов и увенчивают здесь превосходство своей наилучшей труппы актеров над всеми европейскими сценами»⁶.

Многочисленные сочувственные и восхищенные отзывы Станиславского о Креге свидетельствуют о том, что он уважал в нем яркую талантливость и способность целиком отдаваться искусству. Близка была Станиславскому мысль Крега об упадке буржуазного искусства и необходимости для художника быть независимым от вкусов «законодателей моды».

В 1910 г., когда умерла В. Ф. Комиссаржевская, Станиславский вспомнил Крега, и это его воспоминание неожиданно оказалось связанным и с уходом Толстого: «Когда поймешь, на чем основаны успех и популярность, хочется бежать от людей, как это сделал Лев Толстой,— писал Станиславский к В. И. Немировичу-Данченко.— Давно ли, кажется, мы с вами смеялись над Крегом. Недавно читаю о предсмертных мечтах Комиссаржевской — уйти в лес и там основать новую школу. Тоже идея Крега...»⁷

4. «РАБОЧАЯ СЦЕНА»

«Я хотел бы, чтобы ее играли на народном театре»,— говорил Толстой о пьесе «Власть тьмы».

«Власть тьмы» и была написана для народного театра «Скоморох» в Петербурге, но по требованию обер-прокурора Синода Победоносцева ее запретила театральная цензура.

Еще до цензурного запрета пьеса была напечатана в издательстве «Посредник» и стала известной и в России, и за границей. Народные театры в поисках необходимого репертуара часто обращались к Толстому. И выбор обычно останавливался на пьесе «Власть тьмы». В этом отношении представляют особый интерес письма зарубежных актеров и режиссеров, посвященные его пьесе. Они свидетельствуют о глубокой и плодотворной основе влияния Толстого на театральную жизнь его времени.

В 1899 г. в пражском типографском клубе был создан рабочий театр. Письмо, обращенное к Толстому, подписал «за рабочий театр» председатель клуба Карел Вейберцан¹.

Подлинник по-русски

Прага. Апрель 1899 г.

Любезный учитель!

Ища в литературе драматической изящных плодов великих духов, мы нашли, что настоящей драгоценностью твое сочинение «Власть тьмы».

В первый раз мы исполнили сочинение это на сцене чешского театра, именно на сцене нашего рабочего театра в Типографическом клубе в Праге, и показали его глазам наших слушателей. Успех его был настолько огромный и впечатление его столь глубокое, что мы должны были повторить его, и представление прошло с тем же успехом.

Теперь в третий раз мы будем играть твою драму при юбилее рабочего союза «Юлий Грегер» в Клицперовом театре в Градце-Кралове (Königgrätz) в Богемии 23 апреля сего года, и мы уверены, что этот день будет праздником чешского народа в области Градца-Кралове, ибо возможно будет ему любоваться твоим великолепным сочинением.

Вдохновлены, великий мастер, духом твоим, мы преклоняемся перед тобой и просим, чтоб ты принял наш поклон как малое доказательство нашей привязанности и признательности, выходящей из сердца народа, который тебя понял, восхищается твоим духом и хочет продолжать в твоём направлении.

Прими, милый наш учитель, сердечный наш привет и это простое выражение нашего уважения.

За рабочий театр Типографического клуба:

Председатель Карел Вейберцан
И. Хохманн, тов(арищ) председателя
Вилем Мачанек, секретарь

На конверте: Ruska,
Slovutný Lev Nikolajevič Tolstoj v Jasné Poljane.
В имение «Ясная Поляна».
Его высокоблагородию
Льву Николаевичу Толстому.

В 1900 г. пьесу поставил рабочий социалистический союз в Берлине на сцене «Свободного народного театра». «Власть тьмы» была запрещена цензурой в Берлине, и ее постановка требовала от исполнителей большого гражданского мужества. Об этом спектакле писал Толстому д-р Конрад Шмидт, председатель общества «Свободный народный театр».

Перевод с немецкого

Берлин-Шарлоттенбург. 26 сентября 1900 г.

Высокочитимый учитель!

Общество «Свободная народная сцена», председателем которого я в настоящее время являюсь, выполнило свой долг чести, поставив вашу исключительную по силе народную драму «Власть тьмы», запрещенную никемной берлинской цензурой.

Спектакли для Общества идут в театре им. Лессинга, который занял в них свои лучшие силы. Пьеса имела громкий успех.

Переводчик драмы Август Шольц, присутствовавший на первом представлении, написал мне несколько любезных строк по поводу спектакля. Полагаю, вас должно больше интересоваться, что представляет собою Общество, осуществившее эту постановку.

Нашей «Народной сцене» уже около десяти лет, и она образовалась из «Берлинской свободной сцены». Таким образом, это прежде всего союз, и поэтому наши постановки свободны от цензуры. Кроме того — и это

«ВЛАСТЬ ТЬМЫ» НА СЦЕНЕ ПАРИЖСКОГО «СВОБОДНОГО ТЕАТРА» («THÉÂTRE LIBRE»), 1888

Заключительная сцена: покаяние Никиты

Гравюра с рисунка французского художника Адриена Мари
«Monde Illustré», 18 февраля 1888 г.

самое главное — наше театральное предприятие является рабочим союзом, что здесь, в Берлине, означает — социалистическим рабочим союзом.

Вступительный взнос составляет шестьдесят пять пфеннигов и столько же — ежемесячный взнос. Никакого различия в оплате театральных мест по рядам не существует. Более того: они разыгрываются перед представлением между членами самым простым способом.

Литературное руководство осуществляет выбранный общим собранием комитет. Административные дела ведет платный кассир.

Обязанности председателя заключаются прежде всего в издании так называемых «Выпусков народной сцены», которые продаются перед каждым спектаклем. В них разъясняется и содержание каждой пьесы и общее направление ее автора. Таким путем стараются достигнуть более сильного и действенного впечатления от спектакля.

Подобного рода организация прекрасно себя оправдала. Наша публика может только радовать, так охотно и внимательно она смотрит все серьезные и трудные произведения, которые ей показываются. И при этом у нас нет и следа партийной ограниченности.

Последним блестящим подтверждением этого было представление драмы Бьёрнсона «О силе». Изображенная там среда еще более чужда нашим зрителям, чем среда «Власти тьмы», а религиозный элемент выдвинут на первый план еще сильнее, чем в вашей драме. И, несмотря на это, спектакль слушался с напряженным вниманием и очень охотно посещался. Вы бы тоже этому порадовались.

Общество продолжало работу и после того, как ему пришлось распустить своих членов вследствие преследований полиции. Но теперь оно заново объединилось и растет.

В настоящее время у нас насчитывается семь тысяч членов, по тысяче человек на отделение. Таким образом, каждая из десяти постановок, которые мы ежегодно осуществляем, должна идти по семь раз.

Спектакли даются попеременно в «Остенд-театре» и в «Лессинг-театре».

Беру на себя смелость послать вам выпуск нашего театра о «Власти тьмы», а также наш последний годовой отчет.

С истинным уважением

Ваш д-р Конрад Шмидт

На конверте: Graf Leo Tolstoi.

In Jasnaja Poljana. Russland.

Народный театр демократичен по своим общественным целям. Драматургия Толстого, как об этом, в частности, свидетельствуют письма Вейберцана и Шмидта, давала замечательный в своем роде материал для утверждения социалистических идеалов.

5. «ТЕАТР В ПОЛЯХ»

«Как только искусство перестает быть искусством всего народа и становится искусством небольшого класса богатых людей, оно перестает быть делом нужным и важным, а становится пустой забавой», — писал Толстой (т. 90, стр. 150).

Толстой с большим вниманием относился к попыткам найти народные основы возрождения театра. И надо сказать, что к Толстому обращались чаще всего именно те режиссеры и актеры, которые шли новаторским путем.

Внимание Толстого привлекла деятельность драматурга Мориса Потшера (1867—1960), создавшего во Франции «деревенский театр» с целью сблизить искусство с жизнью народа.

22 сентября 1892 г. Потшер, в сотую годовщину провозглашения республики, в своем родном городе Бюссан (в Вогёзах) поставил «Многомольного» Мольера в переводе на местный диалект.

Через два года была подготовлена постановка пьесы самого Потшера «Чёрт, торгующий подагрой». Представлением этой пьесы было положено начало Народному театру в Бюссане.

«Сценой в его театре служила открытая площадка в пятнадцать метров шириной, у склона горы, на краю луга, окруженного тремя крытыми трибунами. Две тысячи зрителей присутствовали на первом представлении, — пишет Роллан в книге „Народный театр“. — С тех пор ежегодно, в августе и сентябре, бюссанский театр устраивает по два драматических представления: одно — платное, на котором дается какая-нибудь новая пьеса, другое — бесплатное, на котором повторяется прошлогодняя постановка. Репертуар своему театру обеспечивает сам Морис Потшер, который пишет по одной, иногда по две новых пьесы в год и разыгрывает их при участии членов своей семьи и местных деревенских рабочих или буржуа»¹.

Определяя исторический смысл основания театра в Бюссане, Роллан говорил о Потшере:

«Его талант, благородство, его художественные воззрения, неутомимость и упорство доставили ему самому в истории почетное звание основателя первого во Франции народного театра».

В сентябре 1901 г., почти через десять лет после первого спектакля в Бюссане, Потшер обратился с письмом к Толстому.

Перевод с французского

Бюссан, Вогёзы. 19 сентября 1901 г.

Прошу писателя, которым восхищаюсь больше всех, прошу человека, к которому моя совесть часто обращается в поисках пути, как к руководителю и отцу, почтительно прошу его принять в знак уважения мои произведения, которые г. Николай Попов взялся доставить.

Я основал во Франции деревенский театр, желая уйти от нравов и обычаев театра, которые были решительно не по мне, и с мыслью — быть может, менее эгоистической — сблизиться и слиться с народом моей страны.

Вот уже семь лет продолжаю я начатое дело, надеясь когда-нибудь, если хватит времени и сил, осуществить задачу, полезную тем, кому я ее посвящаю.

Я знаю, что пьесы, до сих пор игравшиеся на этой сцене, еще очень далеки от идеала, и расцениваю их только как предварительные наброски, поиски, которым несколько актеров и естественные, природные декорации смогли придать чуточку жизни.

Не говоря уже о несовершенстве таланта, у них есть существенный недостаток — тот самый, от которого страдает в душе и сам себе в этом признается их автор.

Ибо он, понимая, в чем благо и долг, не имеет сил преодолеть препятствия, отделяющие его от найденной им истины, и решительно изменить свою жизнь.

И произведения его, неясные и неопределенные, колеблются между заботами эгоцентричного искусства, которое хотел преодолеть автор, и далекой мечтой о свежих, чистых и простых творениях.

Не обладая божественным духом, который, вне всяких религий, господствует в вашем подвиге любви, мира и жизни, я надеюсь, что человеческий дух, вдохновивший мои усилия, поможет мне обрести душевное спокойствие и прозорливость, которые мы ценим в вас, в вашей деятельной старости.

Посылая вам пробы пера, свои сочинения, я не льщу себя надеждой, что они могут вам понравиться, заслужить одобрение, по сравнению с которым, однако, все остальное для меня не имеет цены².

И хотя вы были первым из тех, кому мне захотелось сделать это посредничество: переслать их вам.

Я бессилён доказать вам, что, несмотря на все мои недостатки и человеческие слабости, во мне много доброй воли и желания быть полезным. Я бы вообще отказался от намерения сообщать вам о строе мыслей человека, вам незнакомого, но знайте, что его образ мыслей близок вашему и неразрывно связан с вашим!

Я счастлив, дорогой, глубокоуважаемый Лев Николаевич, послать вам издалека этот привет. По доброте вашей примите его как благоговейное доказательство самой почтительной любви.

Морис Потшер

На конверте: Au comte
Léon Nikolaewitch Tolstoï,
aux soins de M. Nicolas Popoff.

«Я знаю ваши труды,— писал Толстой Потшеру,— одобряю их и давно ими люблю. Совершенно уверен, что вы достигнете успеха и будете иметь большое и благотворное влияние на возрождение театра, который изо дня в день превращается в забаву для праздных людей и все более и более отклоняется от своего истинного назначения» (т. 73, стр. 214).

Замысел крестьянского театра, близкого по духу к проекту Потшера, излагал в письме к Толстому и Жюль Пренсэ, французский режиссер.

Перевод с французского

Ольне-су-Буа (Сен-э-Уаз). 25 мая 1909 г.

Милостивый государь! Уважаемый граф!

Ваши произведения дошли до нашей деревни, где четыре года назад (с целью просвещения народа и децентрализации искусства) я основал «Театр в полях».

Позволяю себе обратиться к вам, знаменитый собрат мой, потому что воспользовался одним из ваших произведений для достижения своей цели.

Благодаря переводчику вашему г. Гальперину-Каминскому, я смог поставить на «Театре в полях» одну из ваших сказок «Зерно с куриное яйцо». В ней говорится о необходимости вернуться к простой жизни, ко всеобщему благу путем дорогого вам учения. Итак, деревушка Ольне-су-Буа через несколько недель станет небольшой толстовской колонией.

Представления наши на открытом воздухе посещает довольно много народу, приблизительно тысяча восемьсот — две тысячи человек. Они жадно смотрят эти спектакли, которые всегда приноровлены к их вкусам и нравам. Ничего искусственного: запряженные быки, расстеленное сено, скошенный ячмень, сжатая рожь в снопах, — вот декорация к спектаклю, а ваша сказка о трех старцах, царе и детях, нашедших зерно, — ее сюжет.

Разрешите ли вы мне поставить ее в таком виде? Пишу вам, чтоб испросить эту милость (...). Спектакль назначен на июль. Г-н Гальперин должен прислать вам пьесу, но мне хочется заранее заручиться вашим согласием.

Со времени своего основания «Театр в полях» доказывает, что театр не является роскошью, доступной только богатым, а общественной необходимостью и в то же время благодарным средством просвещения народа.

И я прошу вас выразить свое доброе к нему отношение, дав согласие на инсценировку.

В ожидании этого, примите выражение моего глубочайшего почтения и неподдельного уважения.

Жюль П р е н с э,

основатель «Театра в полях» в Ольне-су-Буа, близ Парижа (Сен-э-Уаз).

Г-н Гальперин-Каминский уже месяц назад должен был испросить ваше согласие на участие в Международном комитете постановки памятника Ламенне. Поль Гиацинт Луазон и я — генеральные секретари этого Комитета — сочли бы за большую честь видеть ваше имя среди участников, отдающих заслуженную дань уважения великому апостолу Ламенне ³.

Ж. П.

На конверте: Monsieur Léon Tolstoï.

Station de chemin de fer

Jassenky par Toula. Russie.

Théâtre aux Champs.

Aulnay sous Bois. S(eine) et O(ise).

Народность была для Толстого не только эстетическим, но и гражданским критерием истинного искусства. «Мольер едва ли не самый всенародный и потому прекрасный художник нового искусства», — говорил Толстой (т. 30, стр. 161). Слова «всенародный» и «прекрасный» употреблены здесь как понятия, между которыми существует прямая связь. Эта связь, по мысли Толстого, и определяет значение художника и указывает на цель и назначение искусства.

IV

ВОСПИТАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ

1. РЕФОРМА ОБУЧЕНИЯ

Толстой «сравнивал свой способ преподавания с преподаванием деревенского дьячка», — отмечал известный американский писатель Э. Кросби в книге «Л. Н. Толстой как школьный учитель». И тут же предупреждал, что метод и позицию Толстого нельзя упрощать: «Не надо думать, — писал Кросби, — что Толстой составил свои мнения о воспитании без предварительного изучения всех методов преподавания, практиковавшихся в Европе. Он посетил школы в Германии, Франции и Швейцарии и расспрашивал учителей и учеников обо всем, что только можно было узнать от них» ¹.

Толстой выработал свою в высшей степени оригинальную систему обучения и воспитания, для определения смысла и значения которой уже нельзя было ограничиться сопоставлениями со школьными методами или примитивной «педагогией» «деревенского дьячка». Для этого понадобились иные масштабы, и имя Толстого было поставлено в один ряд с именами Монтеня, Руссо и Песталоцци.

Журнал «Ясная Поляна» уже после того, как его издание прекратилось, постепенно завоевал признание в литературном и педагогическом мире. «Толстой обладает такой способностью отдаваться весь делу и вкладывать в него весь свой гений, — пишет Кросби, — что его журнальные статьи привлекли к себе всеобщее внимание. Об этом свидетельствуют

и многочисленные письма педагогов разных стран мира, обращенные к Толстому»².

Программная статья Толстого о педагогике имела характерное название: «Воспитание и образование»³. Толстой стремился в основу педагогического дела внести двуединую цель воспитывающего обучения. Его внимание было обращено не только на ученика, но и на учителя. На их взаимодействие (а не только на одностороннем влиянии учителя) он строил свою систему. Поэтому большие требования предъявлялись прежде всего к тому, кто взял на себя смелость быть учителем. «Хочешь наукой воспитать ученика, — говорил Толстой, — люби свою науку и знай ее, и ученики полюбят и тебя, и науку, и ты воспитаешь их; но ежели ты сам не любишь ее, то сколько бы ты ни заставлял учить, наука не произведет воспитательного влияния» (т. 8, стр. 245).

Московский цензурный комитет доносил министру народного просвещения по поводу реформаторских идей «яснополянской педагогики», что Толстой «силится ниспровергнуть всю систему общественного образования, принятую не только в России, но и в целом мире», и что он «не ограничивается одними теоретическими рассуждениями, но делает при них практические выводы в применении ко всем существующим учебным заведениям России»⁴.

Естественно, что к Толстому обращались за советом и помощью именно те педагоги, которые у себя на родине вступали на путь борьбы за реформу школьного дела.

Испанский педагог Анхель Буэно выпускал для детей журнал «Revista Escolar». Главную цель свою Буэно видел в том, чтобы приблизить образование к воспитанию. И вполне естественно, что, опубликовав в Мадриде свою книгу «Lecturas Cortas»⁵, он обратился с письмом к Толстому:

Перевод с испанского

Мадрид. 3 сентября 1891 г.
Espejo, 8.

Милостивый государь
и уважаемый учитель!

Я чрезвычайно восхищен вашей педагогической работой и вашими литературными произведениями. Вот уже около двадцати месяцев я провожу опыты по реформе обучения с целью приблизить его к воспитанию. Если такую работу трудно вести повсюду, то вообразите, каково это здесь: нигде я не нахожу поддержки и везде встречаю одни неприятности. Работаю в одиночестве, полный веры и энтузиазма, но с огромными трудностями на своем пути.

Теперь постепенно мои идеи начали получать признание, и в последнее время мои усилия увенчались рядом выступлений, стихийно возникших в испанской и иностранной прессе в связи с опубликованием первой книги работ моих учеников.

Она вышла два месяца назад, была встречена только благоприятными отзывами, при этом даже со стороны великого Слейса, и получила высшую премию на Брюссельской выставке.

Я с удовольствием посылаю вам с этой же почтой один экземпляр моей книги и два-три номера журнала «Revista Escolar», который я ежемесячно выпускаю для своих учеников.

В настоящее время у меня есть отзывы почти всех виднейших педагогов и литераторов о моей книге и моей воспитательной системе. Вы оказали бы мне большую честь и одолжение, если бы сообщили мне свое мнение о моей книге: 1) как документе по психологии ребенка, 2) как о практическом результате детских работ и 3) как о книге для детского чтения. Это было бы бесконечно ценно для меня, господин Толстой. Мне известно

ШКОЛА В НЕМЕЦКОЙ ДЕРЕВНЕ ГАРИЦ

«Ходил в Гариц, знакомство с молодым учителем...» (Запись Толстого в дневнике от 11 августа 1860 г.)

Фотография, 1960-е годы

Предоставлена «Литературному наследию» Экбертом Пехштедтом, Эрфурт (ГДР)

огромное значение величайшего романиста XIX века и знаменитого деятеля яснополянской школы, и не подлежит сомнению, что вы мне сообщите свой отзыв, о чем я прошу во имя прогресса в деле воспитания.

Рад воспользоваться случаем и почтительно выразить свою готовность к услугам,

с уважением Анхель Буэно

Адрес: Испания, Анхель Буэно. Espejo, 8. Мадрид.

На конверте: Russia.

M-r Comte Léon Tolstoï.

Jasnaïaa Poliana. Province de Toula.

Критическая мысль Толстого была направлена против системы обучения, приспособленной к привычкам и предрассудкам господствующих классов. «Привычка праздной жизни,— писал Толстой,— для человека хуже всех бедствий в жизни. Поэтому в высшей степени важно, чтобы дети приучались еще с юных лет работать» (т. 44, стр. 206).

Мысль о трудовом воспитании Толстой высказывал много раз, всегда находя для ее утверждения убедительные, сохранившие и до наших дней свою силу, аргументы. «Хорошо приучиться смолodu работать,— говорил Толстой.— Это дает и силу и спокойствие и свободу» (т. 70, стр. 187).

Когда во Франции возник вопрос о введении ручного труда в лицеях, Толстой получил письмо от начинающего литератора Фернана Обье.

Перевод с французского

Париж, 15 июля 1903 г.

Милостивый государь!

Быть может, вам известно, что в Университетской комиссии сейчас рассматривается проект о введении в лицеях Франции ручного труда.

Идеи Жан-Жака Руссо находят, таким образом, более и более полное воплощение.

По мере развития общества все сильнее утверждается мысль, что если юноша не владеет каким-нибудь ремеслом, он оказывается плохо подготовленным к жизни. Однако осуществление новой программы сопряжено с трудностями. Вот мне и подумалось, что великий русский мыслитель скорее, чем кто-либо другой, может осветить этот важный вопрос, который озабочено много отцов семейств.

1) Прежде всего: возможно ли совместить учение в его теперешнем, уже перегруженном, объеме с ручным трудом (столярная работа, механика и т. п.).

2) В каком объеме и каким образом можно ввести ручной труд в средних учебных заведениях, чтобы он принес действительную пользу?

3) Приложимы ли на деле, вне семейного воспитания, идеи Рабле, Монтеня и Руссо, которые, по-видимому, вдохновили составителей новой программы?

Таковы, милостивый государь, те вопросы, которые вместе со многими другими такого же рода я хотел бы поставить перед вами. Но Россия еще очень далека для начинающего литератора, и я должен довольствоваться тем, что пишу к вам.

Ваша безграничная доброжелательность, которая хорошо известна французской публике, позволяет мне надеяться, что мое письмо не останется без ответа и что я буду иметь возможность сообщить ваше мнение отцам семейств во Франции.

Литератор Фернан Обье

Fernand Aubier, Littérateur. 3, rue Francisque Sarcey (16e), Париж.

На конверте: Russie,

Le Comte Léon Tolstoï, Toula.

Этот вопрос Толстой считал важнейшим в школьной практике: «Учить детей ремеслу считаю не только хорошим делом, но не учить детей ремеслу — преступлением...» (т. 77, стр. 105).

Образование в школе, по мысли Толстого, должно быть продолжением и развитием семейного обучения, где принцип трудового воспитания имеет еще более важное значение, так как он подкрепляется авторитетом и примером родителей.

Толстой не сочувствовал практике многих европейских школ, прививавших ученикам взгляд на труд как на средство личного обогащения. Односторонность узкого практицизма, глубоко буржуазного в своей основе, была чужда Толстому. Трудовое воспитание как средство нравственного познания и участия в жизни в самом широком смысле — так можно определить его позицию.

Обучение полезному ремеслу, по Толстому, — не самоцель, а средство приблизить ученика к народной жизни. Имея в виду систему воспитания, молчаливо исходящую из чувства презрения к труду, Толстой говорил: «Нельзя без ужаса видеть воспитание некоторых детей в нашем мире» (т. 29, стр. 65).

Размышления Толстого не оставались без отклика. Справедливость поставленных им вопросов чувствовалась не только в России, но и во всем мире.

Для тех иностранных учителей, которым доводилось бывать в России, Ясная Поляна была особенно притягательна. Фанни Фрэнкс, учительница из Англии, прислала письмо, которое может служить замечательным свидетельством глубокого и, можно сказать, интимного влияния Толстого на психологию воспитателя.

ГОРОДСКАЯ ШКОЛА В ВЕЙМАРЕ, КОТОРУЮ ТОЛСТОЙ ПОСЕТИЛ 12 АПРЕЛЯ 1864 г.

Фотография, 1960-е годы

Предоставлена «Литературному наследству» Экбертом Пехштедтом, Эрфурт (ГДР)

Перевод с английского

Москва. Пятница. 2 января 1901 г.

Разгуляй. Новичков пер. 5, у г-жи Реппман.

Дорогой граф!

Я приехала в Россию впервые, чтобы провести здесь рождественские каникулы.

Меня все здесь интересует, но ничто не могло бы доставить мне такого глубокого удовольствия, как возможность пожать руку человеку, у которого я столькому научилась.

У нас в стране любят Толстого, и хоть лично мне ничто, кроме моей любви к вам и к вашему учению, не дает права обратиться с подобной просьбой, тем не менее позвольте мне, англичанке, нанести вам краткий визит.

Фанни Фрэнкс

На визитной карточке, приложенной к письму:

«Мисс Фрэнкс, усталая, старая школьная учительница (шестидесяти двух лет), которая лучшие свои уроки получила от Толстого.

Заведующая Кемденхаузской школой подготовки воспитательниц для детских садов.

Camden House. 13 York Place, W.».

На конверте: Count Leo Tolstoi.
Moscow. Chamovniki. House Tolstoi.

Влияние Толстого было вдвойне плодотворным, так как оно в равной мере касалось и методов, и самого предмета обучения.

В этом смысле очень интересно письмо аргентинской учительницы Клотильды Гонсалес:

Перевод с испанского

Посадас. 1 ноября 1901 г.

Глубокоуважаемый
и почтенный сеньор!

Я желала бы познакомить учащихся наших школ с наиболее выдающимися писателями тех стран, которые особенно связаны с Аргентиной и особенно способствуют развитию нашего народа, росту его культуры и прогрессу. Поэтому позвольте обратиться к вам и просить от имени аргентинской молодежи (воспитанию и образованию которой я посвятила свою жизнь) оказать нам честь прислать какую-нибудь вашу отдельную работу для «Книги для чтения», составляемой мной из произведений различных писателей, которых я прошу о том же. Помимо ее прямого назначения, книга эта будет использоваться как сборник образцов литературной композиции и стиля.

Присылаемые работы могут быть написаны на любую историческую, естественнонаучную, литературную и педагогическую тему, в них можно говорить об искусстве, промышленности, торговле, о различных изобретениях и исследованиях; это могут быть рассказы, сказки и т. п.

Льшу себя надеждой, что одно из произведений вашего пера, создавшего столько прекрасных творений, займет достойное место среди тех, которые войдут в эту книгу для чтения.

Буду вечно вам благодарна.

Готовая к услугам
Клотильда Гонсалес

Большой интерес представляет письмо *С. Г. Комингза*, члена Лиги технического обучения в Чикаго. Он упоминает о переписке с Толстым во время переселения духоборов в Канаду. Но письма Толстого к Комингзу неизвестны. Возможно, что речь идет о «письмах по поручению». Очень часто ответы на такие письма адресовали самому Толстому.

В годы разгула милитаризма, в эпоху подготовки империалистической войны (уже шла русско-японская война и только что окончилась англо-бурская кампания) программа трудовой школы часто получала антивоенный характер. Комингз обращался к Толстому не только как к известному педагогу, но и как к непримиримому борцу против военщины. Письмо написано на бланке Лиги с девизом: «Больше для школ, меньше для войны!»

Перевод с английского

Атланта, Штат Джорджия, США.
1 сентября 1904 г.

«Цивилизация христианская против цивилизации языческой»

Графу Льву Толстому

Глубокоуважаемый брат мой!

Несколько лет назад мы с вами обменялись письмами по поводу духоборов, для которых я пытался найти землю на Юго-Западе.

В то время я был членом колонии «Common Weal» штата Джорджия.

Посылаю вам книжечку о всеобщем бесплатном ремесленном обучении, которую я недавно выпустил.

Я сравниваю старый языческий идеал: «Образованному человеку незачем заниматься ручным трудом — это дело рабское и низкое» с научной теорией, провозглашенной великим Фребелем: «Труд есть частица божественной способности к созиданию, благодетельно дарованная человеку».

Я уже давно размышляю над словами Фребеля и пришел к убеждению, что эта мысль очень и очень важна для развития настоящей и прочной цивилизации.

Рад сказать, что нахожу гораздо более единомышленников, чем ожидал. Теперь мы образовали Лигу из очень энергичных людей, которые решились отстаивать свои идеалы перед всем миром.

Вам, вероятно, будет приятно узнать, что многие склонились к этому под влиянием вашего учения.

Видите! Семена, посеянные вами в вашей далекой стране, должны принести плоды и у нас, среди народа, который так кичился своим прогрессом.

Очень надеюсь, что книжка благополучно дойдет до вас и что вы будете добры написать нам несколько слов ободрения, которые мы прочитаем на наших собраниях.

Следующей зимой мы надеемся созвать ряд совещаний в различных частях нашей страны. Если бы вы написали нам несколько слов, это очень подняло бы интерес к нашим обсуждениям.

В это письмо я вкладываю листок, из которого вы увидите, как много хорошего было сказано о моей книжке, хотя вам станет ясно, если она дойдет до вас, что это очень радикальная книга, наносящая решительные удары нашим современным обычаям.

Думаю, что она сильно заденет некоторых консерваторов.

Из нескольких мест этой книги вы увидите, как я трактую вопрос о войне.

Надеюсь, если нам удастся добиться, чтобы каждый ребенок получал полное, всестороннее образование, то это явится одним из могучих средств против распространения духа войны.

Заметьте, что я ссылаюсь на вашего друга Эрнеста Кросби, когда говорю о страсти «мазаться и украшать себя перьями». Это одна из существеннейших черт, которая продолжает давнюю языческую страсть бахвалиться своей одеждой.

Я доказываю, что война теперь стала такой разрушительной, что столкновение армий, оснащенных современным оружием, неизбежно приведет к всеобщему уничтожению.

Книжку мою перевели на голландский язык; частично ее перевели и на датский, опубликовав в датских учительских газетах.

Итак, надеюсь, что наша Лига скоро станет делом международным.

Как прекрасно было бы, если бы мы могли собрать международный съезд Лиги в Москве или Петербурге! И разве нельзя на это надеяться?

Я очень хотел бы узнать, дошла ли моя книжка до вас, и получить от вас несколько добрых слов, чтобы внести их в следующее издание.

Навсегда ваш брат по работе на благо человечества

С. Г. Комингз

На конверте: Count Leo Tolstoi.
Poliana. Russia.

Упомянутая в письме «Лига технического обучения» («The American League for Industrial Education») была основана в 1904 г. в Чикаго и имела целью ввести ручной и сельскохозяйственный труд в начальную школу. Пришкольные сады и фермы позволяли детям приучаться к сельскому труду. Эта идея по существу была близка Толстому.

Переписка Толстого с педагогами его времени не ограничивалась дидактическими вопросами. Как об этом свидетельствуют приведенные здесь материалы, а также письма Поля Буайе и Эрнеста Кросби, о которых

речь пойдет в следующих очерках, воспитание и образование были частью более широкого круга проблем современности, привлекавших внимание Толстого.

Статьи Толстого из журнала «Ясная Поляна», где была развернута программа народной школы и трудового воспитания, в многочисленных переводах на иностранные языки входили в круг чтения мыслящих педагогов всех стран. «Я имею, например,—писал Кросби,— в моей библиотеке четыре французских книги, вышедшие почти тридцать лет спустя после прекращения журнала и составленные, по большей части, из статей, взятых отсюда: „L'Ecole de Jasnaia Poliana“, „Le Progrès de l'Instruction Publique en Russie“, „La Liberté dans l'Ecole“, „Pour les Enfants“»⁶.

В журнале Толстого, в гениальном освещении великого художника раскрывалась повседневная жизнь яснополянской школы. И в этом описании был заключен урок Толстого, имевший огромное влияние на педагогическую мысль его времени и не утративший своего значения и до наших дней.

2. РУССКИЙ ЯЗЫК

Как известно, в поздние годы Толстой сомневался в общественной полезности своих романов и готов был отдать предпочтение написанной им «Азбуке».

«У нас завязался разговор о прежней литературной деятельности Льва Николаевича,— вспоминал П. Ганзен о своей беседе с Толстым в 1895 г.,— причем я горячо отстаивал значение „Анны Карениной“ и пользу, которую роман принес обществу.

— Ну какая там польза! — воскликнул Лев Николаевич недовольным тоном.— Я ее не вижу. Вот „Азбука“ моя принесла пользу, зато о ней целых два года никто не заикнулся. Но спрос на нее теперь большой, и я убедился, что она, действительно, приносит пользу»¹.

«Азбука» хронологически относилась к тому самому «прежнему периоду литературной деятельности», который так решительно осуждал Толстой. Но для этой книги он делал исключение.

В 1894 г. французская писательница Ш. Венсан опубликовала (под псевдонимом *Арвед Барин*) статью «Азбука Толстого». Она с удивлением отметила, что в детских рассказах Толстой «отступает от духа» «христианского учения» и проповедует «языческую мораль».

Венсан приняла восемнадцатое издание «Азбуки» за новую книгу Толстого².

Чтобы рассеять кривотолки, Толстой, в ответ на статью Венсан, приготовил специальное заявление для печати.

«Рассказы, помещенные в азбуке,— говорил Толстой,— написаны мною не 18 месяцев тому назад, как это пишет г. Арвед Барин, а 27 лет тому назад, тогда, когда христианское учение мне было совершенно чуждо, и я руководился в выборе рассказов для азбуки только их понятностью и интересом для детей» (т. 67, стр. 98—99).

Толстой таким образом признал, что ему как автору «Азбуки» «христианское учение» «было совершенно чуждо», однако от этой книги он не отрекся.

Слава русского романа в Европе пробудила интерес к русскому языку. Во многих учебных заведениях изучение русского языка было введено в качестве обязательного предмета. И к «Азбуке» Толстого стали обращаться в утилитарных целях как к учебнику.

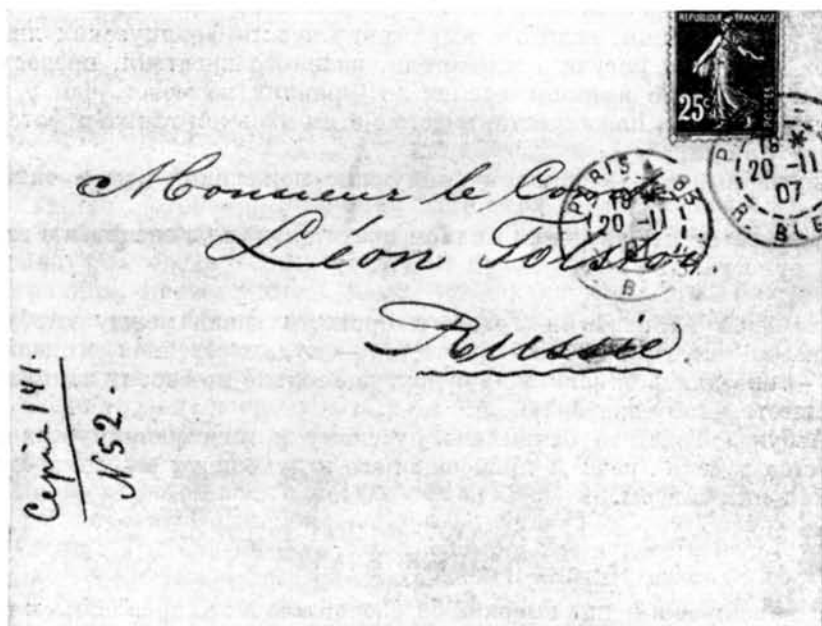
В 1898 г. Толстой получил письмо от Мишеля *Каннера*, преподавателя в парижских лицеях Людовика XIV и Карла Великого.

Перевод с французского

Париж. 27 мая 1898 г.

Дорогой учитель!

В качестве журналиста я уже неоднократно имел счастье писать во французских газетах о вашем творчестве³. Когда же в лицеях Парижа ввели курс русского языка, я с бесконечным удовольствием знакомил с вами своих учеников в лицеях Людовика XIV и Карла Великого, обучая их читать и писать по-русски по «Новой русской азбуке», «Первой книге для чтения» и др.

АДРЕС НА ОДНОМ ИЗ ПИСЕМ ИНОСТРАННОЙ ПОЧТЫ ТОЛСТОГО:

«Господину графу Льву Толстому. Россия»

Конверт письма французского корреспондента А. Дейка от 20 ноября 1907 г.

Архив Толстого, Москва

Надеюсь, что вам доставит хоть некоторое удовольствие приветственный адрес, который они просят меня вам переслать.

Прошу вас, дорогой учитель, принять уверение в моей глубокой к вам преданности.

Мишель Каннер

На конверте: Monsieur le Comte Léon Tolstoï.

Yasnaïa Poliana près de Tula. Russie.

Г-ну графу Л. Толстому.

Ясная Поляна, близ Тулы.

К письму Каннера было приложено послание Толстому, которое подписали сорок четыре парижских лицеиста.

Перевод с французского

Париж. 17 мая 1898 г.

Уважаемый учитель!

Наш преподаватель г-н Мишель Каннер, с большим увлечением обучающий нас языку дружественного нам народа, рассказал нам о том,

с каким энтузиазмом готовится Россия к наступающему торжественному празднованию вашего семидесятилетия.

Позвольте и нам, изучающим русский язык в лицеях Карла Великого и Людовика XIV, почтительнейше выразить вам чувства глубокого восхищения и искренней благодарности.

Преодолев, благодаря вашим учебникам, первые трудности, некоторые из нас уже могут оценить красоты русского языка, читая и переводя отрывки из ваших замечательных произведений, помещенные в нашей хрестоматии. Мы все надеемся, что в один прекрасный день сможем прочесть в подлиннике «Войну и мир», «Анну Каренину» и много других прекрасных произведений.

Будем счастливы, если это выражение чувств французских лицейстов дойдет до сердца могучего мыслителя, великого писателя, превосходного педагога, слава о котором гремит во Франции не менее, чем у него на Родине. Примите, пожалуйста, вместе с этим письмом также и фотографию нашего класса.

Уважаемый учитель, шлем наилучшие пожелания вам и вашему семейству.

Примите от нас уверения в самом почтительном уважении и в глубокой благодарности.

Несмотря на попытки Толстого провести грань между «Азбукой» и романами, две сферы его творчества — художественная и педагогическая — оказались близкими друг другу не только по своему замыслу, но и по общественному значению.

«Азбука» Толстого открывала русскому и иностранному школьнику богатства русской речи и приобщала его к духовному миру народа и его великой литературы.

3. ПОЛЬ БУАЙЕ

«Я нахожусь в конце высокой березовой аллеи; направляюсь к площадке, окружающей дом, на которой в хорошую погоду происходят семейные трапезы, и вдруг вижу перед собой Толстого. Он поднялся с шезлонга, на котором лежал, — и вот он передо мной; он стоит, слегка опираясь на трость, протягивает мне руку, поздравляет с благополучным прибытием...»¹

Так описывает свой приезд и первую встречу с Толстым в июле 1901 г. известный французский ученый, в ту пору преподаватель русского языка в парижской «Школе восточных языков» Поль Буайе (1864—1949).

Летом 1901 г. Буайе работал над учебником русского языка для французских студентов, и его беседы с Толстым неизменно возвращались к предмету, который его занимал. Особенное впечатление на Буайе произвела встреча с одним из бывших учеников яснополянской школы. «Я рассказывал Толстому, — пишет Буайе, — о своем визите к его бывшему ученику, и когда я заговорил о том, какое удовольствие я получил, слушая его живописный и сочный язык, богатый образами, с четким синтаксисом, Толстой ответил:

— Да, эти люди тоже мастера. Прежде, разговаривая с ними или со странниками, которые с котомкой за плечами ходят по нашим деревням, я заботливо отмечал все их выражения, которые слышал впервые, часто забытые нашим современным литературным языком, но всегда хранящиеся в глухих углах России. Чтобы написать „Власть тьмы“, я широко использовал свои записные книжки, и поэтому немало слов в моей драме нуждается в объяснении даже для русского читателя.

В своем очерке о встрече в Ясной Поляне Буайе воспроизвел много важных высказываний Толстого о русской и французской литературе.

«Из того, что сказал мне Толстой, следовало, что в писателях своей страны, старых и новых, а также в наших писателях, — пишет Буайе, — он выше всего ставит искренность мысли, а затем искренность выражения. Именно к искренности — вот к чему всегда возвращаешься в беседах с Толстым, и о нем тоже можно будет сказать со временем: «*veritatem delexit*» *. Малейшее подозрение в неискренности, даже в области стиля, вызывает у него недоверие и негодование».

В августе 1901 г. очерк Буайе появился в газете под заглавием «У Толстого». Буайе прислал Толстому осенью того же года письмо из Италии с благодарностью за гостеприимство и с некоторыми объяснениями по поводу своего очерка.

Перевод с французского

Менаджио. 10 сентября 1901 г.

Глубокоуважаемый Лев Николаевич,

Если бы я просто хотел выразить обычную благодарность за сердечное гостеприимство, которое было мне оказано вами и вашей семьей, то, вероятно, не стал бы писать вам. Благодарность слишком похожа на лесть, а нам, французам, очень свойственен этот недостаток.

Но три дня, проведенные с вами, преподали мне урок, которого не почерпнуть даже в ваших книгах. Этот урок — ваша повседневная жизнь, такая простая, чистая, трудолюбивая, прекрасная. И вот за этот урок я должен хотя бы сказать вам «спасибо». Вкладываю в это слово всю признательность, всю искренность, на какие только способен.

Вы, наверное, уже получили те три статьи, которые я напечатал в «Temps». Надеюсь, что не слишком исказил ваши взгляды. Из всего, услышанного мною от вас, я постарался сохранить то, что поучительно и интересно для каждого. Если мне это плохо удалось, прошу вас, добрый и дорогой Лев Николаевич, вините в том мое неумение, а не отсутствие добросовестности. В «Temps» напечатаны мои три статьи без каких-либо купюр и изменений. Они только дали свой заголовок, который, поверьте, пришлось мне не совсем по душе: «У Толстого». У меня было проще и не так фамильярно: «Три дня в Ясной Поляне». Думаю, что, кроме нескольких незначительных неточностей в указании места и часа, я ни в чем не погрешил против истины. Так мне кажется, но, может быть, я и заблуждаюсь. Поэтому-то, на случай, если я вас в чем-то не понял, заранее взываю к вашей снисходительности и умоляю простить меня.

Мне хочется, однако, сказать вам вот что еще: один из моих самых старых и верных друзей, профессор парижского университета, написал мне, что мои статьи «...явно очень искренние, заставляют любить Толстого». Это друг настоящий, который считает первым долгом дружбы — абсолютную откровенность. Поэтому его тоже «явно очень искренние» слова очень меня порадовали.

Я написал также статью о современном положении России, но, заранее уверенный в том, что ни одна французская газета ее не напечатает, я перевел ее на английский язык и послал в «Times», где она и должна появиться на днях.

Наши французские газеты, особенно в настоящее время, имеют свою предвзятую точку зрения на все, что касается политической и общественной жизни Российской империи, и любезный прием уготован только стереотипным и дифирамбическим статьям — жанр легкий и малопочтенный. Я предпочел рассказать по-английски обо всем, что собственными глазами видел и собственными ушами слышал, — и не считаю себя за это дурным патриотом.

* «правду избрал» (лат.).

Вакации мои подходят к концу. Хочу в ближайшие же дни поехать в Турень, где проведу недели две у матери и у сестры, а затем вернусь в Париж.

Нынешней зимой я надеюсь издать русскую грамматику, над которой работаю уже два года. Хотелось бы, чтобы она оказалась достойной замечательного языка, законы и строение которого излагает.

Со второй недели ноября я возобновляю преподавание. Хочу включить в программу этого года в числе произведений русских классиков (не правда ли, вы не сочтете меня низким льстецом, если я скажу, что вы тоже классик?) «Исповедь», «В чем моя вера?» «Письмо NN» (в женевском издании)², «Крейцерову сонату» (в берлинском издании, если еще можно будет найти в магазинах достаточное количество экземпляров) и, наконец, «Хозяин и работник».

Весьма возможно, что до начала занятий мне придется на несколько дней поехать в Оксфорд, куда я приглашен для участия в работе экзаменационной комиссии по русскому языку. Я воспользуюсь этим случаем, чтобы навестить В. Г. Черткова. Нужно ли говорить, что, если вы пожелаете возложить на меня какое-либо поручение, я всецело в вашем распоряжении.

Вы, может быть, читали в газетах, что в Люксембургском музее открывается зал русского искусства (живопись и скульптура). Вернувшись в Париж, я тут же повидаюсь с директором музея г. Бенедитом, с которым я немного знаком, и буду говорить с ним о возможности приобретения картины Н. Н. Ге «Распятие». Таким образом, осуществилось бы желание Николая Николаевича — картина была бы приобретена музеем и навсегда стала бы доступна для всеобщего и бесплатного обозрения.

К чему приведут мои переговоры — неизвестно. Поэтому я пока еще ничего не сказал Николаю Николаевичу, чтобы не волновать известием, которое может оказаться ложным.

Прошу вас, добрый, дорогой Лев Николаевич, передать мой почтительнейший поклон графине вашей жене, Марье Львовне и Александре Львовне. Крепко жму руку Сергею и князю Оболенскому.

Примите уверение в преданности, уважении и любви.

Поль Буайе

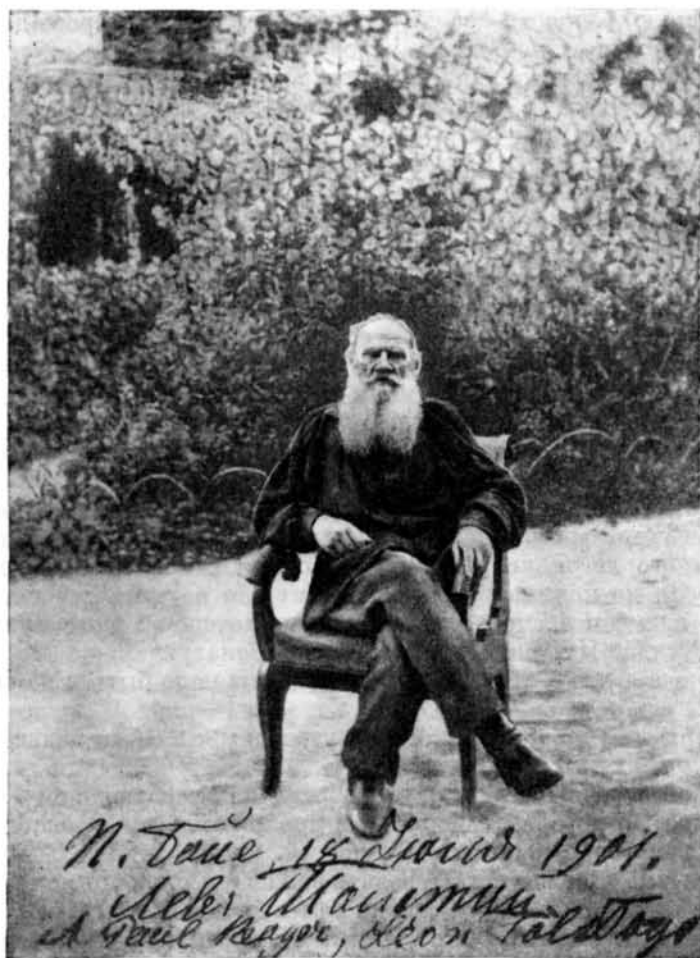
Мой постоянный адрес: Полю Буайе, 54, rue de Bourgogne, Париж.

Статья Буайе привлекли внимание Р. Роллана. 31 августа 1901 г. он писал: «Только что (на той неделе) в газете „Temps“ появились три очень интересные статьи о посещении Толстого одним хорошо известным французом, который умело и умно вовлек писателя в беседу»³.

В России Буайе познакомился со многими писателями, художниками и общественными деятелями, в том числе и с Н. Н. Ге, который был близок к Толстому. Когда сын художника, Н. Н. Ге-младший, переехал в Париж, Буайе предложил ему работу в «Школе восточных языков».

В 1903 г., готовя к изданию свой учебник русского языка, Буайе обратился к Толстому с просьбой сообщить ему некоторые факты, необходимые для комментария к рассказам, включенным в учебник⁴.

Учебник Буайе построен оригинально. Все русские тексты взяты из сочинений Толстого. Они приводятся без адаптации и сокращения, с подробными подстрочными комментариями, грамматическими и лексикологическими. По типу издания этот учебник напоминает комментированные руководства по изучению античных классиков. Сюда вошли рассказы из «Азбуки» Толстого, «Три смерти». Учебник Буайе получил признание во Франции, где выдержал множество изданий, и во многих других странах⁵.

ТОЛСТОЙ В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Фотография, 1901

С дарственной надписью на французском и русском языках:

«П. Буае, 18 июля 1901. Лев Толстой»

Institut des Etudes Slaves à Paris

Перевод с французского

Париж. 21 сентября 1903 г.
54, rue de Bourgogne.

Добрый и дорогой Лев Николаевич!

Немногим больше года тому назад я был у вас и присоединил мои поздравления и пожелания к поздравлениям и пожеланиям ваших детей и внуков, собравшихся вокруг вашего стола. Наши пожелания сбылись, потому что истекший год возвратил вам здоровье и силы.

Ваш сын Андрей, обрадовавший нас в июле своим приездом, рассказывал, что прогулка верхом за двадцать пять верст вас ничуть не пугает. Это стоит всех врачебных бюллетеней!

Если бы я не знал, как вы презираете и ненавидите глупую французскую лесть, я бы признался, что не только считаю себя вашим должником за прекрасные книги, полные любви и милосердия, которые дарованы нам вашим гением,—в равной степени я признателен вам за вашу поразитель-

ную физическую бодрость, за то равновесие сил, которое делает вас совершенным образцом для всего человечества.

Ваша неутомимая деятельная старость служит утешением для нас, людей зрелого возраста, с нашей немощью и недугами. Хорошо, что существуют такие люди, как вы!

Добрый, дорогой Лев Николаевич, полегчите немного, поберегите себя, ведь вы стали на год старше.

Мне кажется, если вас не станет, все те, кто имел счастье встречаться с вами, почувствуют себя сиротами, которым будет всегда недоставать вашей ласковой приветливости и простоты обращения.

Итак, заботьтесь о себе, лечитесь, берегите себя ради нас и простите мне откровенный эгоизм, который содержится в этом от души идущем пожелании.

Вы знаете, что Н. Н. Ге стал моим сотрудником: я просил и добился, чтобы его назначили преподавателем русского языка в «Школе восточных языков», и мы будем работать сообща над преподаванием, приложив к нему все свои силы.

Николай Николаевич с большим усердием принялся за эту новую для него работу. Студенты благодарны ему за его старания и добродушие.

Я мог бы его легонько упрекнуть в одном отношении: в недостатке серьезности. Он не понимает, что сперва нужно научить студентов склонять: время, времени и спрягать: я хочу, ты хочешь, а потом уже давать им читать «Гусара» Пушкина и «Крейцерову сонату».

Знаю, впрочем, что в этот первый год работы надо быть к нему снисходительным.

Твердо верю, что в будущем году он утвердится в своем педагогическом призвании.

В течение всего учебного года я работал над завершением «Учебника русского языка», о котором говорил вам прошлым летом и текст для которого взял из некоторых ваших произведений.

Разрешите мне в связи с этим задать вам еще несколько вопросов в добавление к тем, которые я уже ставил вам в прошлом году и на которые вы мне так любезно ответили. Вопросы эти, незначительность которых покажется вам смешной (привыкайте к тому, что ученые относятся к вам, как к древним классикам), я дал переписать почерком, более разборчивым, нежели мой, на прилагаемые карточки. Ответы на них вам будет дать нетрудно, если, в чем я не сомневаюсь, прелестная Марья Львовна или графиня Софья Андреевна соблагovolят найти и отметить страницы, к которым они относятся. Я буду вам бесконечно благодарен, если вы надиктуете ваши ответы соответственно с номерами, которыми помечены вопросы (простите меня за их незначительность). Мне нетрудно будет объединить затем вопросы и ответы.

Моя книга уже в гранках. Я буду ждать вашего ответа, до получения которого не отправлю в типографию выправленные корректуры.

К вопросам, разнесенным на карточки, прибавлю еще один, относящийся к трем первым строкам моего первого примечания к рассказу «Как тетюшка рассказывала бабушке о том, как ей разбойник Емелька Пугачев дал гривенник».

Мне кажется, будто вы сказали, что слышали этот рассказ из собственных уст вашей бабки с отцовской стороны. Так ли это и верно ли воспроизведены ваши слова в примечании? ⁶

Часть моих вакаций я провел в Швейцарской Юре у нашего общего друга Шарля Саломона. Мы часто говорили о вас, обо всей вашей милой семье и о добром гостеприимстве Ясной Поляны.

Но вот я уже опять в Париже и уеду отсюда, вероятно, только ненадолго к своей матери в Тур.

Говорил ли я вам когда-нибудь о том, как я жалею, что вы недостаточно знаете Францию и французов, не парижан, а провинциальных французов, крестьян и рабочих? Мне хотелось бы слышать ваше суждение об их уме, столь живом, находчивом, ясном и основательном, и, как мне часто кажется, подтверждающем парадокс Энрико Ферри: «В голове французского крестьянина больше истинного ума, чем у многих немецких профессоров».

Русские в большинстве своем знают во Франции только Париж и несколько парижан, и этим объясняется поверхностность, даже странность суждений о Франции и французах Достоевского и любого другого из писателей его поколения или предыдущего.

Некоторые из моих соотечественников поручили мне просить вас принять участие в открытии памятнику Ренану в Трикье. Это было зимой, когда ваше здоровье было еще не совсем хорошо, и я не считал возможным затруднить вас такой просьбой. Но само собой разумеется, если вы пожелаете выразить свое отношение к этому памятнику и к торжествам по его поводу, я сочту себя обязанным передать ваши слова в переводе на французский язык сначала дочери Ренана, с которой имею честь быть знакомым, а затем и всем французским читателям через посредство какой-либо из наших крупнейших газет.

Не знаю, поеду ли я в Россию в будущем году. Если же, как я надеюсь, смогу поехать, то не премину посетить ваш дорогой для меня дом.

Передайте, пожалуйста, почтительный привет графине Софье Андреевне, княгине Марье Львовне, Александре Львовне и доброй, симпатичной Юлии Ивановне. Большой мой привет князю Оболенскому, а вас, добрый, дорогой Лев Николаевич, прошу принять уверения в самом глубоком уважении и искренней преданности.

Поль Б у а й е

На конверте: Russie. В г. Тулу.¹

Его сиятельству графу Льву Николаевичу Толстому.

Le comte Léon Tolstoï. Toula.

Envoyeur prof. Paul Boyer. 54, rue de Bourgogne. Paris.

На это письмо ответила О. К. Толстая по поручению Толстого. Карточки с вопросами Буайе в архиве не обнаружены. По-видимому, они были возвращены вместе с ответами. Ответ О. К. Толстой также неизвестен.

В своем письме Буайе высказал сожаление, что Толстой, по его словам, «недостаточно знает Францию и французов». Это замечание, очевидно, связано с беседами, которые Буайе вел с Толстым в Ясной Поляне. Как явствует из его очерка, Толстой весьма критически и резко отзывался о современных «кудесниках молодежи» — декадентских философах и писателях: «Это мораль и социология, предназначенные для буржуа».

Расхождение в оценках социальных явлений особенно остро выявилось, когда в 1906 г., после первой революции, Буайе вновь приехал в Россию и встретился с Толстым. Он путешествовал по России как корреспондент газеты «Temps». «Буайе ужасался нищете, невежеству, бесхозяйственности русского народа <...>, — пишет в своих воспоминаниях С. Семенов. — Лев Николаевич не соглашался с ним».

«Поразительная самоуверенность, — говорил Толстой, — думают, что вот они сделали несколько революций, установили республиканское правление и достигли всего, что нужно людям, а загляните к ним и вы увидите, что и у них не лучше, чем у других. Та же нищета, безнравственность, суеверия, видимое разложение общества... Буайе осуждает русский на-

род, а способны ли они с их суеверными представлениями о первенстве своей нации хотя бы отчасти постигнуть дух нашего народа? Я думаю, что нет»⁷.

В этот приезд Буайе застал Толстого за политическими и публицистическими работами. Он писал статьи «О значении русской революции» и «Единственное возможное решение земельного вопроса».

И. И. Горбунов-Посадов сказал в разговоре с Толстым, что каждый день отмечен новыми смертными приговорами. Лев Николаевич сразу насунился, потемнел весь и проговорил:

«Это ужасно! Какое право имеют они казнить? И что это за разгул пошел с этими казнями! Когда назначили теперешнего министра внутренних дел, у меня было явилась надежда, не выйдет ли что из этого? Я знал его отца, был приятелем с ним, играл в шахматы, его сыновей я помню мальчиками. И вдруг этот закон, умножающий смертные казни! — и у меня все надежды пропали...»⁸

«В 1906 г., в следующую годовщину Льва Николаевича, — вспоминает Семенов, — мне удалось попасть в Ясную, хотя перед этим, за сочувствие крестьянскому союзу, я два раза сидел в тюрьме и был уже назначен в административном порядке к высылке в Олонецкую губернию <...> Узнавши о моей судьбе, Лев Николаевич возмутился близорукостью и произволом местных властей, готовых гнуть в бараний рог встречного и поперечного, и все спрашивал, нельзя ли как-нибудь облегчить мое положение»⁹.

В то же время в Ясную Поляну приехал Буайе. Он направлялся в Петербург и взялся доставить А. А. Столыпину письмо Семенова. Об исполнении этого дела он сообщал письмом из Петербурга Толстому.

Подлинник по-русски

Петербург. 3 сентября 1906 г.

Ул. Гоголя, 9, кв. 9

Глубокоуважаемый
и дорогой Лев Николаевич!

Очень и очень меня беспокоит известие, что вы третьего дня попросили профессора Феноменова съездить в Ясную. Это мне доказывает, что состояние здоровья Софьи Андреевны ничуть не улучшилось, чем я искренне огорчен. Позвольте мне выразить надежду, что, несмотря на теперешние тревоги, графиня скоро и окончательно выздоровеет.

Я был очень тронут ее вниманием ко мне, и я вам буду очень благодарен передать ей мои самые лучшие, самые искренние пожелания.

Как только я приехал сюда, то есть в среду утром, я немедленно отправился к А. А. Столыпину, брату премьера, и передал ему ваш привет и вашу просьбу.

Со своей стороны я прибавил от себя все, что я только мог, чтобы разъяснить дело почтенного С. Т. Семенова. На другой день после приезда я вновь явился к нему и вручил ему оправдательную записку, составленную самим С. Т. Семеновым.

Об исходе моих хлопот я ничего положительного не знаю, но вчера же вечером Ф. Батюшков, директор «Мира божьего», уверял меня, что он знает от достоверных источников, что эти хлопоты достигли своей цели.

Я очень обрадовался такому успешному результату, и как только получу официальное подтверждение его, я немедленно извещу самого Сергея Терентьевича об этом.

У меня осталось самое лучшее воспоминание о тех слишком коротких часах, которые я провел у вас в Ясной. Я не забуду, что вы мне назначили свидание на будущий год, в тот же день вашего рождения, и я непременно воспользуюсь вашим столь лестным приглашением.

Прошу вас, глубокоуважаемый Лев Николаевич, передать мой нижайший привет княгине Марье Львовне и Александре Львовне и принять уверение в моей преданности к вам

Поль Б у а й е

СПб. Понеделник вечером.

Я останусь здесь еще две недели, а может и больше.

На конверте: Ст. Засека, Моск(овско)-Курской ж. д.

Его сиятельству

графу Льву Николаевичу Толстому.

Хлопоты о судьбе С. Т. Семенова, в которых участвовал и Буайе, не остались безрезультатными. Назначенная Семенову ссылка в Олонецкую губернию была заменена высылкой за границу.

Условленная на 1907 г. встреча Толстого с Буайе не состоялась. В 1908 г. Буайе вошел вместе с А. Франсом, Ж. Жоресом и другими в образованный в Париже комитет по чествованию Толстого в связи с его восьмидесятилетием. Буайе намеревался вновь посетить Россию и вручить Толстому французский приветственный адрес. Но это намерение не осуществилось. Больше они не виделись.

4. ЭРНЕСТ КРОСБИ

В 1891 г. Толстой получил письмо от американского писателя Эрнеста Кросби (1846—1906) из Египта. А в 1894 г. они встретились в России, и между ними завязались дружеские отношения, которые сохранялись затем на протяжении многих лет.

Кросби был сыном пресвитерианского пастора. Окончив курс в университете, он занял место в суде Нью-Йорка. Его предшественником на этом посту был будущий президент США Т. Рузвельт. Перед Кросби открывалась большая политическая карьера.

Он принял участие в деятельности республиканской партии, представляя собой, как он впоследствии говорил, «смесь Наполеона и Вашингтона» в одном лице. Наконец Кросби получил назначение в международный суд в Александрии.

Большим событием в биографии Кросби стал день, когда он познакомился с книгой Толстого «О жизни». «Я хорошо помню свое первое знакомство с этой книгой,— писал Кросби.— Я жил тогда в Александрии, в Египте. Когда мне случайно попался в книжном магазине французский перевод этой книги (перевод С. А. Толстой), тогда я еще мало знал Толстого. Я читал, правда, несколько лет тому назад „Анну Каренину“, и роман произвел на меня сильное впечатление. Впоследствии я прочел собрание его практических статей о вредных привычках <...> Все это побудило меня приобрести эту книгу „О жизни“. Принеся ее домой, я прочел ее почти в один присест»¹.

Результаты этого чтения оказались самыми неожиданными. Кросби оставил место представителя Соединенных Штатов в международном суде, отказался от политической карьеры. И первое, что он сделал, покинув Александрию,— приехал в Ясную Поляну.

Кросби, по словам Толстого, был человеком «образованным, красивым, богатым, пользующимся хорошим общественным положением». Толстой не сразу поверил в искренность его намерений. Он писал о нем Софье Андреевне: «Crosby такой, как все американцы: приличный, неглупый, но внешний» (т. 84, стр. 218). Кросби показался Толстому «наивным», в нем было нечто, «по воспитанию и нраву» чуждое.

— Что вы мне посоветуете делать теперь, вернувшись в Америку? — спросил Кросби Толстого.

«Это был вопрос, до такой степени выходящий из обычных приемов посетителей, что я удивился, — замечает Толстой, — и все-таки не понял и тогда его совершенную искренность» (т. 40, стр. 339).

Толстой посоветовал Кросби познакомиться с Генри Джорджем и «послужить его делу».

И Кросби действительно стал вскоре ревностным «джорджистом» и основал в Америке «Лигу социальных реформ».

В 1896 г. в Америке вышла в свет книга Кросби «Count Tolstoy's Philosophy of Life» («Жизнепонимание Толстого») ².

В 1897 г. в Лондоне он опубликовал воспоминания о поездке в Ясную Поляну: «Two Days with Count Tolstoy» («Два дня с графом Толстым»). С этого времени началась его литературная деятельность ³.

С воодушевлением новообращенного Кросби принялся излагать идеи Толстого стихами, хотя, по-видимому, прежде не испытывал тяготения к поэзии.

Стихи его были очень рассудочны и риторичны. Толстой перевел на русский язык одно из них — «Fiat lux», сохранив сентенционный характер каждой строки (т. 40, стр. 341—342). Кросби «высказал свое мировоззрение» с разных сторон, «хотя, как говорил Толстой, и, к сожалению, в стихах».

Кросби принимал самое деятельное участие в заграничных изданиях произведений Толстого. Он готовил к печати переведенный Луизой Моод роман «Воскресение» в издательстве Dodd, Mead and Co.

В письме к Толстому от 8 июня 1899 г. Кросби просил разрешения «сгладить текст самым незначительным образом, но так, чтобы вопросы пола в части повествовательной раскрывались менее откровенно»: «Хищнические фирмы напечатают роман именно ради этих сцен, в надежде на успешную продажу „пикантной“ книги» (см. т. 72, стр. 143).

Толстой авторизовал издание романа, о котором говорится в письме Кросби (т. 72, стр. 142).

В 1899 г. появились многочисленные заграничные издания романа «Воскресение». Искажения и купюры оказались столь значительными, что Кросби решил выступить в печати с протестом. Он писал об этом в письме Толстому.

Перевод с английского

Нью-Йорк, 16 марта 1900 г.

Дорогой граф!

Наконец-то Dodd, Mead and Co выпустили «Воскресение». Изменения, на которые я согласился, очень невелики и, мне кажется, только в одном месте нарушают стройность произведения: там, где излагаются взгляды Масловой на жизнь. Они потребовали гораздо меньше изменений, чем я ожидал.

Появился еще один перевод с французского, но очень сокращенный и несовершенный. Жаль, что Додд поставил на обложке слово «полный», хотя перевод не отличается полнотой. Он уплатил мне уже триста фунтов, которые я по первому требованию передам г-же Моод. Меня совершенно не удовлетворяет бумага, на которой напечатана книга, шрифт и т. д., но Додд — один из наших лучших издателей, он знает рынок, знает, на что можно пойти при розничной цене книги в полтора доллара.

Французское издание Perrin продается здесь в двух томах. Они опустили все, что вы говорите против войны и о жизни военных. Я указал на это г. Амону, послал ему английский перевод этой главы и просил его написать об этом в «Humanité Nouvelle» ⁴.

ТИПОГРАФИЯ В. Г. ЧЕРТКОВА. ЗДЕСЬ ПЕЧАТАЛИСЬ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
ТОЛСТОГО, ЗАПРЕЩЕННЫЕ В РОССИИ

Тактон близ Крайстчерча (Англия)

Фотография, 1900-е годы

Музей Толстого, Москва

Моод говорит, что вы хотите знать, стоит ли отвечать на сообщение о том, что вы якобы «отrekliсь» от своего учения. Мне кажется, что это было бы благоразумно ⁵.

Все недоразумение вызвано вашей статьей, в которой вы говорите, что самоотвержению нет предела и что если не завшиветь и не умереть с голоду, то лучше и вовсе не вступать на путь равенства и справедливости. Это было понято так, будто вы считаете собственный опыт ошибкой. Разумеется, я понимаю, что вы не это имели в виду, но подобный вывод был не столь уж нелогичен.

Прошел также слух, что вы отказались от вегетарианства. Мне кажется, что следовало бы опровергнуть все эти домыслы.

Могу сообщить вам очень мало нового.

Вы можете увидеть Херрона ⁶ в скором времени.

Во время президентских выборов в ноябре поднимется вопрос об империализме и милитаризме. Боюсь, что меня одолеет искушение принять участие в голосовании — впервые за шесть лет.

От всего сердца надеюсь, что ваше здоровье восстановилось и что вы с пользой проживете еще много лет.

Любящий вас Э. Х. Кросби

На конверте: Count Leo Tolstoy.

Yasnaia Poliana. Toula. Russia.

Политические мотивы протеста против империализма и милитаризма приводили Кросби к сотрудничеству в социалистических изданиях. Он написал статью «Толстой и его переводчики» и напечатал ее в «Humanité»

Nouvelle». О появлении и содержании этой статьи сообщил Толстому французский переводчик «Воскресения» И. Д. Гальперин-Каминский 18/31 августа 1900 г. (подлинник по-русски):

«... На днях в августовской книжке социалистического журнала „Nouvelle“ опять появилась статья „Толстой и его переводчики“, на этот раз американца Эрнеста Кросби, который перечисляет американские, английские, французские и итальянские переводы „Воскресения“ и возмущается нахальством переводчиков, позволивших себе урезывать и переделывать это произведение по своему усмотрению. Он говорит, между прочим, что „произвол русской цензуры превзошла не Западная Европа, а Америка, эта „страна мнимой свободы“. В Германии из пяти известных г-ну Кросби переводов только в двух не выпущены главы и строки, касающиеся церкви и милитаризма. Во Франции от автора заметки достается г-ну де Визева: „В переводах г-на де Визева (Франция) мы должны подчиниться его литературному капризу. Он начал с того, что выпустил все, что было противомилитаристского в „Воскресении“, — говорит Кросби и затем цитирует по моему переводу некоторые выдержки».

Есть определенная историческая логика в том, что диалог Толстого и Кросби, начинаясь с общих и философских вопросов педагогики, эстетики и этики, неизбежно приходит к злободневным темам политики, социологии и революции. Та же закономерность чувствуется и в практической работе Кросби, которого сама жизнь сталкивала с революционерами и приводила к участию в социалистических изданиях.

Кросби и сам называл себя «радикалом и революционером». В 1905 г. Кросби заговорил именно о противлении, о революции. Его письмо написано под сильным впечатлением от расстрела рабочих на площади Зимнего дворца 9 января.

Перевод с английского

Нью-Йорк, 20 января 1905 г.

Дорогой граф!

Несколько дней назад я видел новую пьесу одного нового американского драматурга. Называется она «Леа Клешма» и написана, несомненно, под влиянием «Воскресения». В ней говорится о том, что в самом ужасном преступнике можно найти и что-то хорошее и что наказание — не приносит никакой пользы.

Герой пьесы застает женщину-воровку на месте преступления, вместо того чтобы ее задержать, говорит с ней по-хорошему и в конце концов наставляет на путь истинный.

Роль героини исполняет наша лучшая актриса, миссис Фиш. Театр каждый вечер в течение шести недель набит битком, и все критики отзываются о спектакле с похвалой. Это показывает, что гуманные идеи находят отклик в публике.

Посылаю вам письмо о христианстве из лондонского «Telegraph», присланное мне женой из Лондона. Оно привлекло к себе большое внимание. На протяжении месяца с лишком редакция ежедневно публиковала множество откликов на него — они занимали до пяти столбцов в день. Это также доказывает широкий интерес к серьезнейшим вопросам.

Очень сожалею, что наше правительство в Вашингтоне так реакционно: с одной стороны, они строят огромный военный флот, а с другой — готовы установить в столице позорный столб для мужей, избивающих своих жен. Г-н Рузвельт не может измыслить иного способа творить добро, как только грубой силой.

Бедный Кенворти находится в Чикаго⁷. Говорят, он все еще прекрасно читает лекции, но в частных беседах проявляется его ущемленное самолюбие. Ему кажется, что я подорвал здесь его влияние и помешал продаже

Druckdruck » Scherer, Nishitz » St. Petersburg

Левъ Толстой

ТОЛСТОЙ

Фронтиспис финского издания рассказа Толстого «Чем люди живы» (Хельсинки, 1887)

Личная библиотека Толстого. Музей-усадьба «Ясная Поляна»

его книг, однако это сущий вздор. У него множество всяческих достоинств, и он еще может через все это переступить.

«The Progressive Stage Society», директором которого я состою, предполагает осуществить в Нью-Йорке постановку «Власти тьмы». Сцена исповеди просто изумительна! Это типично русская сцена: не могу себе представить, чтобы нечто подобное могло случиться где-нибудь, кроме России. Именно поэтому она так и сильна.

Бежавшая из Сибири г-жа Брешковская увлеклась здесь работой в Комитете помощи голодающим, организованном «Обществом друзей русской свободы». Я примкнул к Нью-Йоркскому отделению и являюсь председателем исполнительного комитета.

Знаю, что вы отнесетесь с неодобрением к подобной деятельности, но я вынужден быть более уступчивым. Буду стараться, чтобы наши средства расходовались на мирные цели, такие, как распространение литературы и помощь пострадавшим от произвола власти.

Понедельник, 23 января.

На этом месте меня прервали. С тех пор произошли вчерашние ужасающие события. Кажется невероятным, чтоб солдаты могли стрелять в мирное шествие безоружных людей, своих соотечественников, среди которых были женщины и дети. Надеюсь, что это означает конец самодержавия.

Хотелось бы, чтобы повторилась мирная бразильская революция и все члены царствующей фамилии были спокойно высланы за границу, где они будут совершенно безвредны.

Весь американский народ и печать сочувствуют революционерам. Хотя я и не являюсь сторонником насилия, но, как и Гаррисон во время нашей гражданской войны, считаю: если уж приверженцы насилия сражаются между собой, то пусть лучше победит та сторона, чьи идеалы благородней.

Очень жаль, что восстание произошло непосредственно вслед за японской войной и убийством Плеве, так как это может вызвать мысль, будто война и убийство способны приносить иногда добрые плоды: так, за франко-прусской войной последовало образование Французской республики.

Я читаю прекрасную книжку о непротивлении, написанную американским писателем Фэем Милсом. Надеюсь, он послал вам экземпляр.

Наше дело продвигается потихоньку.

Я продолжаю по мере возможности читать лекции и писать. В будущем месяце еду в Чикаго на лекционное турне. Сеять добрые семена — это, по-видимому, единственное, что сейчас возможно.

Я не прошу вас отвечать мне, просто очень хочется время от времени иметь с вами какое-то общение.

С наилучшими пожеланиями,
искренне ваш,

Э. Х. К р о с б и

На конверте: Count Leo Tolstoy.
Yasnaia Poliana. Toulia. Russia.

В октябре 1903 г. Толстой писал В. Г. Черткову: «Занят теперь очень неожиданной работой, кот<орая> вот уже скоро месяц отвлекла меня от моих более нужных работ. Это начатое мною предисловие к статье Crosby об отношении Шекспира к рабочему народу, кот<орое> переросло статью Crosby и стоило мне большого труда» (т. 88, стр. 309).

Статья Кросби о Шекспире отнюдь не была отвлеченно-эстетическим исследованием. Литературная полемика превращалась в самый злободневный спор «об отношении к рабочему классу». Именно поэтому статья Кросби привлекла внимание Толстого в самые бурные дни первой русской революции.

Перевод с английского

Райнбек. Нью-Йорк. 1 июля 1905 г.

Дорогой граф!

Мне очень неприятно беспокоить вас своей просьбой. Если она вас хоть в малейшей степени затруднит, пожалуйста не выполняйте ее.

Файфилд хочет издать мою книгу «Шекспир и рабочий класс», поскольку в Англии она еще не выходила. Вы как-то писали мне о ней в очень одобрительном тоне. Слышал также, что вы с похвалой отзывались о ней другим.

Вступительное ваше слово к этой книге обеспечило бы ей широкое распространение в Англии. Нам бы очень хотелось получить такое предисловие, достаточно несколько строк или столько, сколько вам покажется нужным.

Но повторяю: если моя просьба докучает вам, забудьте о ней.

Высылаю вам еще один экземпляр своей книги, на случай, если вы ее уже забыли.

Я готовлю книжку о Гаррисоне и хочу вам ее послать. По-видимому, своим успехом в странах английского языка он во многом обязан вам.

Мы с острым вниманием следим за событиями в России. От всего сердца сочувствую забастовке во флоте, но не убийству офицеров и не бомбардировке и поджиганию мирных городов. Должно быть, революция не может быть ни мирной, ни благоразумной.

Меня посетил вчера очень приятный человек — артист Орленев. Он намерен остаться еще на одну зиму в Нью-Йорке и хочет в следующем сезоне создать свой собственный театр. Он и его труппа поразили всех критиков совершенством исполнения.

Кенворти все еще здесь. Вчера я получил от него весточку. Он едет к шейкерам в Маунт-Лебанон — примерно в сорока милях отсюда. В течение нескольких месяцев он выступал с лекциями в Сент-Луисе и, кажется, удовлетворен своей работой там, так как собирается туда возвращаться.

Не знаю, что с ним делать.

П. Кропоткин очень хорошо пишет о вас в своей последней книге⁸. Надеюсь, вы ее прочтете. Он человек благородной души, несмотря на свой явный материализм и веру в преимущество силы.

По-сыновнему любящий вас

Э. Х. Кросби

«Кросби прислал сегодня, — говорил Толстой Д. П. Маковицкому 5 июля 1905 г., — свою книжку о Шекспире, в которой пишет о грубом отношении его к рабочему народу. У Шекспира clown означал мужика. Пишет, что желал бы, чтобы моя статья была предисловием к его книге. Я затем и написал ее» (см. т. 76, стр. 5).

«Я давно написал, — сообщал Толстой в письме к Кросби в июле 1905 г., — к вашей статье о Шекспире предисловие, которое разрослось в целую книгу. Думаю, что издам ее, когда она будет переведена» (т. 76, стр. 4). То, что вначале было задумано как предисловие к статье Кросби, получило известность как трактат Толстого «О Шекспире и о драме», который начинается словами: «Статья г-на Э. Кросби <...> навела меня на мысль

высказать и мое, давно установившееся, мнение о произведениях Шекспира...» (т. 35, стр. 216).

В переписке Кросби и Толстого разговор о Шекспире переплетается с обсуждением новостей политической жизни мира и событий русской революции.

Перевод с английского

Райнбек. 4 августа 1905 г.

Дорогой граф!

Очень благодарен вам за то, что вы так скоро откликнулись на мою просьбу. Рад был услышать, что моя брошюра о Шекспире послужила вам поводом к тому, чтобы написать книгу. Думаю, что самое большее, чем я могу быть полезен, это давать вам такого рода побуждения.

Я попрошу Файфилда отложить издание моего исследования в Лондоне до той поры, пока не выйдет ваша работа.

Излишне говорить, как мне не терпится прочесть то, что вы написали о Шекспире.

Рад был также узнать, что вы ожидаете важных последствий от теперешней революции. Какое счастье, что вы — наш современник и можете дать революционерам совет!

Насколько я понял, ваша статья в «Times» (я еще не прочел ее!) говорит о том, что, по моему мнению, Россия укажет всему миру путь к разрешению земельного вопроса⁹. В нескольких из своих выступлений прошлой зимой я также на это указывал. Другие ораторы утверждали, будто Россия должна достичь того, чего достигла Америка, но я отвечал: «Нет! Этого недостаточно».

Россия должна пойти гораздо дальше, а мы последуем за нею. В России, кроме того, земельный вопрос стоит гораздо острее, чем в нашей индустриальной стране, и с вашим правительством его легче разрешить.

Мирные переговоры должны вскоре начаться, и я надеюсь, что они закончатся успешно. Тем не менее как нелепо со стороны Рузвельта выступать в качестве апостола мира!

Надеюсь, что вскоре приезд в Россию без паспорта окажется возможным. Рассчитываю, что буду хорошо принят в вашей стране, так как я радикал и революционер. Теперешняя обстановка в России соблазняет меня поехать и насладиться ею.

Искренне ваш Э. Х. Кросби

Р. S. Мне было грустно узнать, что князь Кропоткин занимает в вашей нынешней войне шовинистические позиции.

В 1906 г. статья Толстого печаталась отдельными главами в газете «Русское слово» и, наконец, в 1907 г. была опубликована в Лондоне в переводе на английский язык вместе с книгой Кросби¹⁰.

Из сочинений Кросби о Толстом наиболее удачной следует признать книгу «Толстой как школьный учитель», выдержавшую несколько изданий на английском и русском языках. Описание яснополянской школы было не только верным, но и выполненным с литературным блеском. «Ваша книга „Tolstoy as Schoolmaster“, — писал впоследствии Толстой, — переведена на русский язык, что доказывает, что она хороша» (т. 76, стр. 138).

Особенное внимание педагогов привлекала глава «Методы обучения», где рассказано о том, как Толстой открывал в своих учениках истинных художников, которых по силе творчества он готов был поставить «выше Гете».

New York, June, 1904.

Honorable and Most Esteemed Count LEO N. TOLSTOY —

Impressed by the literary works which you have given to the world, inspired by the truths laid down by you in the many precious novels, several young men and young ladies have resolved to organize and form a society which should bear the name of Him who has opened their eyes to truth, benevolence and to what is beautiful and noble.

Accordingly the "FIRST TOLSTOY'S YOUNG MEN AND YOUNG LADIES BENEVOLENT AND EDUCATIONAL ASSOCIATION" was founded, many flocked to this brilliant standard and in a short time one hundred and fifty young men and young ladies have gathered under the strength of the name of TOLSTOY.

But unfortunately our great teacher, our ideal instructor is very far away and we cannot see him nor hear his fatherly advice, and while we wish for very much and work hard in our association to reach the ideal, we do succeed but little.

АДРЕС ТОЛСТОМУ ОТ НЬЮ-ЙОРКСКОГО ЮНОШЕСКОГО
ОБЩЕСТВА ЕГО ИМЕНИ. 17 ИЮНЯ 1904 г.

Страница первая

Архив Толстого, Москва

Японский педагог Секи *Насияма*, познакомившись с книгой Кросби, писал Толстому: «Вы пришли к заключению, что конечная цель воспитания есть гармоническое развитие личности, сочетание в ней правды, добра и красоты. Эта точка зрения очень близка к взглядам Песталоцци, а ваше требование естественности очень напоминает „Эмиля“ Руссо <...>

Наибольшим откровением в ваших воззрениях является подход к ребенку с романтической прозорливостью. Чрезвычайно важны и ваши успехи, достигнутые при обучении сочинительству. Это великое педагогическое открытие — результат ваших мимолетных наблюдений — должно занять важное место в истории педагогики»¹¹.

Кросби ездил по городам Америки с лекциями о Толстом. Его выступления собирали большую аудиторию. Особенным успехом пользовались рассказы о яснополянской школе.

Вот один из рассказов Кросби. Однажды во время игры крестьянский мальчик обидел девочку — дочь Толстого. Он ударил ее палкой по руке, и она с плачем явилась к отцу, требуя, чтобы он наказал обидчика.

— Вот что я сделал бы, милая, если бы был на твоём месте, — сказал Толстой. — Ты знаешь, в кладовой есть малиновое варенье, оставшееся вчера от ужина. На твоём месте я бы положил его на блюдечко и отнес бы мальчику.

«Если в этом мальчике, — восклицал Кросби, — была хоть искра добра, то это блюдце малинового варенья должно было раздуть её в пламя!»

В Нью-Джерси какой-то старик по окончании лекции встал со своего места в конце залы и сказал:

— Я знаю, что сделает этот мальчик.

— Что же? — спросил Кросби.

— Он придет на другой день и ударит её по другой руке.

Чувство юмора не покинуло Кросби. «Мы встретились, — сказал он, — с двумя противоположными теориями — теорией старика из Нью-Джерси и теорией старика из России. Который из них лучше изучил природу человека?»¹²

Вот в чём был секрет успеха лекций Кросби. Такт, непринужденность, естественность привлекали к нему слушателей.

Путешествия по Америке позволяли Кросби собирать материалы о людях и книгах, которые очень интересовали Толстого. В числе первых иностранных корреспондентов Толстого был Адин *Балу*, автор «Катехизиса непротivления», мало или почти неизвестный в Америке писатель. Кросби побывал на родине Балу и сообщил Толстому некоторые дополнительные сведения о нём.

Перевод с английского

Нью-Йорк. 3 апреля 1906 г.

Дорогой граф!

Тотчас по получении от вас нескольких слов об «Independent» я отправился к издателю, чтобы иметь возможность послать вам его разъяснение в напечатанном виде. Однако он так медлит, что я решил написать вам сперва.

Я хорошо знаю издателя г. Холта. Он очень честный человек. Статья была ему прислана из Нью-Йорка русским евреем г. Бернштейном, талантливый человек с хорошей репутацией. Г-н Бернштейн был у меня и уверял, что он перевел статью из русских газет, присланных ему его двоюродной сестрой из России.

Я просил г. Бернштейна написать вам об этом и надеюсь, что он так и сделал.

Я пришлю её вам, как только она будет напечатана в «Independent»¹³.

Нынешней зимой я выступал много раз, даже в таких отдаленных местах, как Сент-Пол и Сент-Луис на реке Миссисипи. Я читал лекции на разные темы, в том числе об американских писателях Гаррисоне и Уитмене. Но сейчас Комитет выбрал другую тему: «О Толстом»; эта лекция — самая удачная из всех. И хотя я выступаю перед разными аудиториями (в том числе в ортодоксальных протестантских церквях, университетах и т. п.) — они всегда с удовольствием слушают о вас и о ваших произведениях.

Надеюсь, вы получили мою книжечку о Гаррисоне. Я высказал в ней свои последние мысли о непротivлении и хочу надеяться, что они не вызовут вашего неодобрения.

На прошлой неделе я читал в Массачусетсе, и мне случилось проезжать через Хопдейл, городок, в котором жил Адин Баллу¹⁴. Имя его совершенно неизвестно широкой публике, но у себя на родине он глубоко почитаем. Его бронзовая статуя стоит в городском парке, и те люди, с которыми я говорил, считают, что он был благородным человеком, производил глубокое впечатление и всегда смело высказывал свои взгляды, независимо от того, были ли они популярны.

На той фабрике, где работали его колонисты, сейчас три тысячи человек. Но, к несчастью, это теперь всего лишь доходное предприятие. Кажется, они производят машины для хлопчатобумажных фабрик.

Холмистая местность эта, окруженная лесами, прекрасна.

Читали ли вы мою книжку «Толстой — школьный учитель»?

Г-н Максуелл, заведующий школами Нью-Йорка, в ведении которого находится полмиллиона детей или около того, сказал мне, что он в восторге от этой книжки и что ему особенно понравился ваш метод учить детей писать сочинения. Он часто цитирует учителям мою книжку.

Недавно я читал о вашей яснополянской школе здесь, в школе подготовки учителей. Присутствовало от 200 до 300 молодых педагогов. Очень всем им понравилось. Наши педагоги явно пробуждаются от долгой спячки. Влияние ваше проявляется в стольких областях, что вы не должны пенять на меня за то, что в поле моего зрения попадает лишь малая его часть.

Мне хочется, чтобы ваша революция поторопилась и закончилась бы скорее, потому что, когда в России все успокоится и она станет более свободной, чем Америка, я приеду повидаться с вами опять и буду с вами вместе превозносить новый порядок вещей.

Помню, когда мы встретились с вами в 1894 году, вы называли меня «молодым человеком». Теперь борода моя и волосы — совсем седые, мне скоро пятьдесят. Но чувства мои все еще молоды. Уверен, что и у вас также, потому что ваше последнее произведение написано еще с большей силой, чем ранние ваши вещи.

Передайте, пожалуйста, привет г-же Толстой, г-же Оболенской, которая мне писала, и всей вашей семье.

Любящий вас Э. Х. Кросби

На концерте: Count Leo Tolstoy.

Yasnaia Poliana. Toul, Russia.

Переписка с Кросби позволяет особенно ясно почувствовать, как волновало Толстого революционное движение современности.

«Преступления и жестокости, совершаемые в России, — писал Толстой 19 июля 1905 г., — ужасны, но я твердо убежден, что эта революция будет иметь для человечества более значительные и благотворные результаты, чем Великая французская революция» (т. 76, стр. 5).

В 1906 г. Кросби встретился с Горьким. Во время пребывания в Америке Горький посещал летний клуб философов. По-видимому, здесь (Кросби не указывает точно места встречи) и произошла их беседа.

Перевод с английского

Райлбек. 18 июня 1906 г.

Дорогой граф!

Я только что наткнулся на две цитаты из Аристотеля, которые должны вам понравиться. Не знаю, упоминаете ли вы их в «Что такое искусство?» В книге нет алфавитного указателя. Полные указатели составляют гордость английских и американских изданий. На других языках они редко составляются. Вот эти выдержки:

«Следовательно, народ в целом судит и о музыке, и о поэзии: ибо один судит об одной какой-то части, другие — о другой, но все вместе — обо всем» (А р и с т о т е л ь. «Политика», III). «Следовательно, толпа является во многих вещах лучшим судьей, чем любой человек в отдельности, кем бы он ни был» (там же, III).

Аристотель считал, что афинский народ является лучшим критиком, нежели литераторы. Этим он отличается от Платона, считавшего, что лучшими судьями являются только самые образованные из философов.

На днях я обедал с Горьким, и у нас с ним был интересный разговор. Он говорил по-русски, я по-французски, а жена его переводила.

Думаю, что вам известна его точка зрения: он полагает, что любить все человечество, любить всех — невозможно. Это, по его словам, обман, лицемерие, притворство. «Невозможно любить гадких, грязных, неприятных людей», — говорил он.

Я ответил, что восторгаюсь его рассказами именно потому, что они показывают, как он любит гадких, грязных, неприятных людей.

«Нет, — сказал он, — моя цель: с помощью моих произведений поднять людей до моего собственного уровня, чтоб я мог искренне их любить, чтоб таким путем мне стало приятно жить на свете».

Я утверждал, что это эгоизм; он возразил, что, напротив, как раз попытка любить все «человечество» есть эгоизм, удовлетворение своей личной потребности получать удовольствие.

Горький проводит здесь лето с моими друзьями. Он очень кашляет, но отказывается двигаться, быть на воздухе, хотя это весьма существенно для его здоровья. С большим трудом удается уговорить его пройтись немного по саду во вторую половину дня. Все остальное время он проводит в плохо проветренной комнате и, кроме того, курит.

Хотя мне не по душе его философия, сам он произвел на меня очень хорошее впечатление. По-видимому, он человек вдумчивый, серьезный и искренний.

Жена его — очень умная и приятная женщина.

Не помню, писал ли я вам, что прошлой осенью ездил слушать «Короля Лира». Меня пригласил один мой приятель-актер, который мечтает сыграть когда-нибудь Лира и поэтому очень им увлечен. Во время сцены бури он заснул крепким сном и долго не просыпался, а я отчаянно скучал. Прошлой зимой я как-то отправился в оперу послушать Зигфрида. Рядом со мной в ложе сидело двое мужчин. Когда свет погас, они оба заснули, а я им завидовал. Сколько лицемерия царит в вопросах искусства!

Очень хотелось бы, чтоб вы убедили Думу и познакомились с проектом Генри Джорджа по земельному вопросу. Он применим к земельной собственности и в городе и в деревне, однако ни в одной из работ я не встретил упоминания о нем.

Читая вчера «93 год» Гюго, я нашел в пятой главе седьмой книги два интересных места: «Я не хочу никаких налогов. Я хочу, чтобы общественные расходы были сведены к простейшим формам и оплачивались бы из избытков общественных средств» *. Это и есть единый налог. И дальше: «Пусть каждый человек получит землю, пусть каждый клочок земли получит хозяина» **. Вот чего хотят крестьяне. Но прирост населения сделает последнее пожелание невыполнимым, тогда как единый налог применим при любых обстоятельствах.

Н. В. Чайковский был здесь с целью достать денег на вооружение народа. Конечно, я не стал ему помогать. На этой неделе он едет через Англию в Россию.

Я не жду ответа на это письмо.

С глубочайшей любовью
ваш друг Э. Х. К р о с б и

Мне приятно, что вы называете меня «молодым». Мне пошел уже пятидесятилетний год!

На конверте: Count Leo Tolstoy.
Yasnaia Poliana. Toula, Russia.

* «Je ne veux point d'impôt du tout. Je veux la dépense commune réduite à sa plus simple expression et payée par la plus-value sociale».

** «Que tout homme ait une terre et que toute terre ait un homme».

Выписки из Аристотеля и суждения о «Короле Лире» Шекспира и «Зигфриде» Вагнера по духу своему вполне соответствуют идеям Толстого, выраженным в его книгах «Что такое искусство?» и «О Шекспире и о драме», под влиянием которых и написано это письмо.

В разговоре с Кросби Горький, в сущности, повторил в более заостренной форме ту же мысль, которую он однажды высказал в разговоре с Толстым.

«Я сказал,— пишет Горький в своих воспоминаниях о Толстом,— что, вероятно, все писатели несколько сочиняют, изображая людей такими, какими хотели бы видеть их в жизни; сказал также, что люблю людей активных, которые желают противиться злу всеми способами, даже и насильем»¹⁵.

Разговоры Горького с Толстым и с Кросби были отзвуками тех общественных настроений, которые предвещали революцию и свидетельствовали о том, что поражение 1905 г. не есть еще развязка социального конфликта.

Кросби в 1906 г. обещал Толстому приехать в Россию «после перемен». Толстой торопил его: «Не откладывайте своего приезда в Россию до окончания нашей революции. Это будет не так скоро. Что касается беспорядков, происходящих сейчас, они только предвестники великой революции, которая, надеюсь, начнется везде одновременно и будет состоять в уничтожении государственной власти. Вы еще молодой человек и, может быть, увидите эту великую перемену. Я же — нет. Поэтому чем скорее вы приедете, тем более у меня вероятней еще раз увидеть вас перед моим большим путешествием» (т. 76, стр. 138—139).

В январе 1907 г. Толстой неожиданно получил известие о смерти Кросби. Читая статью о нем в журнале «Public», Толстой не мог сдержать слез.

Письма Кросби интересны прежде всего потому, что они раскрывают перед нами характерную картину: конкретные социальные проблемы властно и настойчиво врываются в отвлеченно-религиозные споры о непротивлении.

Общение с Толстым и Горьким позволило Кросби почувствовать умственную атмосферу России эпохи первой русской революции, и «веяние времени», сохранившееся в его письмах, придает им значение важных исторических документов.

V

ВСТРЕЧИ

1. ИЗАБЕЛЛА ХЭПГУД

Весной 1893 г. профессор Московского университета, экономист и статистик, И. И. Янжул уезжал на Международную выставку в Чикаго. И хотя у него было вполне официальное поручение министерства финансов, он считал необходимым заручиться рекомендательными письмами Толстого.

Как вспоминал потом Янжул, письма эти, подобно волшебному «сезаму», открывали перед ним в Америке все двери.

Толстой, со своей стороны, попросил Янжула отвезти в Нью-Йорк для переводчицы Изабеллы Флоренс Хэпгуд (1850—1928) рукопись своей новой книги.

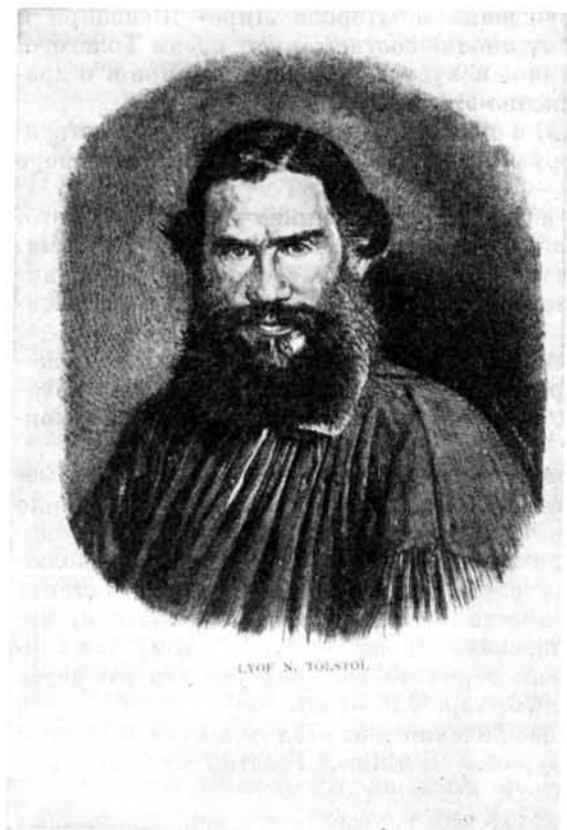
«Зная хорошо, что воззрения Льва Николаевича часто расходятся с существующими у нас цензурными, я решил заранее просить передать мне

ТОЛСТОЙ

Гравюра Этьенна Паннемакера

Фронтиспис первого американского издания книги: «Childhood, Boyhood, Youth. By Count Lyof N. Tolstof. Translated from the Russian by Isabel F. Hapgood». New York. 1886

Личная библиотека Толстого.
Музей-усадьба «Ясная Поляна»

это сочинение закрытым пакетом для передачи Гэпгуд,— писал об этом поручении Янжул,— чтобы я мог с чистой совестью не знать, какое сочинение было привезено мною от Толстого в Америку»¹.

Профессор Янжул имел все основания для беспокойства. В синем пакете, переданном ему на Брестском вокзале, была рукопись книги «Царство божие внутри вас», одного из наиболее острых произведений толстовской публицистики.

Толстой отлично понимал, что книгу невозможно было напечатать в России. Но не просто было найти издателя и за границей. Один не согласится с идеями книги, другой «заробеет» перед цензурой. Во всяком случае, Толстой уполномочил Янжула отдать рукопись для издания «желающему и компетентному лицу, если таковое найдется».

По-видимому, у Толстого были некоторые сомнения относительно Хэпгуд. «Янжул профессор едет в Америку,— писал Толстой Черткову 17 марта 1893 г.— Я с ним посылаю Гапгуд мою рукопись всю <...> Удобно то, что Янжул поможет Гапгуд в трудных местах и, в случае отказа Гапгуд, даст другому» (т. 87, стр. 182).

Толстой знал Хэпгуд давно. Еще в 1886 г. в нью-йоркском издании N. H. Dole появился ее английский перевод «Детства», «Отрочества» и «Юности»². Будучи секретарем русского симфонического общества в Нью-Йорке, Хэпгуд с большим увлечением знакомила своих соотечественников с литературной и музыкальной классикой России³.

Летом 1886 г. Хэпгуд прислала Толстому первое издание перевода «Детства», «Отрочества» и «Юности», свою книгу о русских былинах⁴ и письмо.

Перевод с английского

Бостон, 24 августа 1886 г.

Милостивый государи!

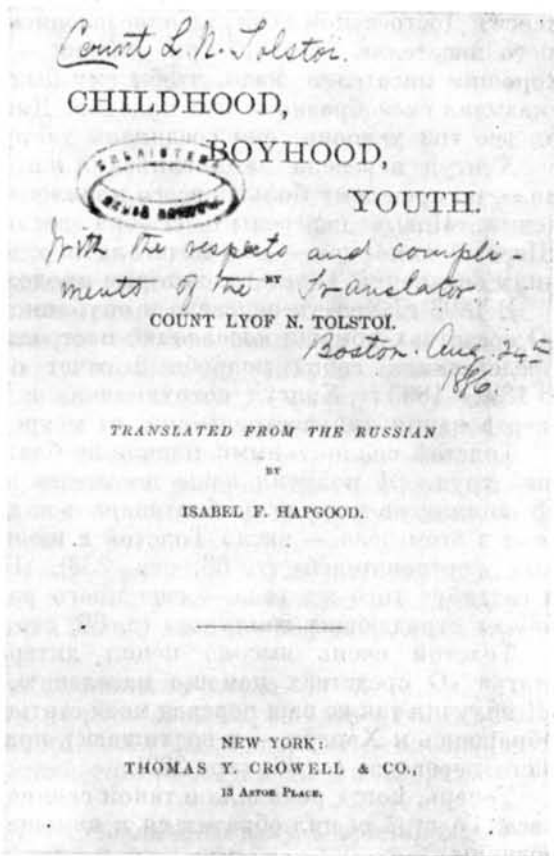
Посылаю вам сегодня почтой экземпляр вашей книги «Детство», «Отрочество», «Юность». Мне выпали счастье и честь перевести ее на английский язык. Надеюсь, что перевод вам понравится. Посылаю вам также мои «Русские былины». Думаю, что вас заинтересует попытка объединить, подобно вам, несовершенные отрывки былин в одно прекрасное целое. Когда я начала эту работу, я не знала о ваших усилиях в этом направлении⁶. Впервые мне удалось увидеть их в тот день, когда я выправила свою последнюю гранку.

Каждый американец — восторженный почитатель ваших произведений. Мы сожалеем только о том, что вы не пишете больше, и надеемся, что вы дадите нам еще роман в дополнение к вашим шедеврам — «Войне и миру» и «Анне Карениной» — чтобы составить своего рода трилогию.

Сожалею, что эти романы были так искажены, так плохо переведены с французского, а не с подлинника. Но даже и в таком виде они пробудили чувство сердечной и нежной привязанности к вам как к человеку и безграничное восхищение писателем.

Больше всего привлекают читателей те места, где, как нам кажется, мы заглядываем в душу Льва Толстого-человека.

Я не решаюсь писать к вам по-русски: мне не хватает практики, но читать на вашем благородном языке я умею.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ
ИЗАБЕЛЛЫ ХЭПГУД НА ПЕРВОМ
АМЕРИКАНСКОМ ИЗДАНИИ
ТРИЛОГИИ «ДЕТСТВО»,
«ОТРОЧЕСТВО», «ЮНОСТЬ»
(НЬЮ-ЙОРК, 1886)

«Графу Л. Н. Толстому. С уважением
и приветом от переводчицы. Бостон.
Авг(уста) 24-го. 1886».

Личная библиотека Толстого. Музей-
усадьба «Ясная Поляна»

Надеюсь узнать, как вам понравились обе книги. Будьте добры, сообщите мне, какой из двух ваших портретов обладает наибольшим сходством: тот, который приложен к переводу, или же недавно опубликованный в «Les Lettres et les Arts».

Я горячая поклонница русской литературы, и никто не дал мне более сердечной радости (это точное определение), чем вы.

Искренне благодарная вам за вашу жизнь и ваши книги,

Изабелла Флоренс Хэпгуд

1, Mt. Vernon Str.

Бостон. Массачусетс. США.

Так состоялось заочное знакомство Толстого с переводчицей Хэпгуд. Вскоре, в ноябре того же 1886 г., она сама пожаловала в Ясную Поляну.

Пережив духовный кризис, Толстой, как известно, стал называть свои художественные произведения «баловством» и уверял, что «искать смысла в этом нельзя» (т. 23, стр. 40).

«— Отчего не пишете? — спросила Толстого Хэпгуд.

— Пустое занятие, — ответил Толстой.

— Отчего?

— Книг слишком много, — ответил Толстой, — и теперь, какие бы книги ни написали, мир пойдет все так же. Если бы Христос пришел и отдал в печать Евангелия, дамы постарались бы получить его автографы, и больше ничего» (т. 50, стр. 5).

Хэпгуд описала свою поездку к Толстому в очерке, который был опубликован после ее возвращения в Америку в журнале «Atlantic Monthly»⁶. Между прочим, в этом очерке сохранилось высказывание Толстого о Диккенсе и Достоевском в связи с определением того, что необходимо для «хорошего писателя». «Нужны три условия, — говорил Толстой, — чтобы быть хорошим писателем: надо, чтобы ему было о чем говорить, чтобы он рассказывал своеобразно и был правдив. Диккенс соединяет в высшей степени все три условия; они соединены также у Достоевского»⁷.

Хэпгуд перевела на английский язык книгу Толстого «О жизни», но ее по-прежнему больше всего привлекали его художественные произведения. Новые переводы — «Рубка леса», «Севастопольские рассказы», «Первый винокур» — она печатала и отдельными изданиями, и в собраниях сочинений Толстого, которые продолжал издавать Н. Х. Доул.

В 1893 г. Хэпгуд перевела и опубликовала в Америке статью Толстого «О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая». Эта статья представляла собой подробный отчет о работе Толстого «на голоде». В 1892—1893 гг. Хэпгуд сотрудничала в организациях, собиравших пожертвования для пострадавших от неурожая крестьян.

Толстой специальными письмами благодарил Хэпгуд за ее благородный труд. «Я получил ваше последнее письмо с боном на пять фунтов 18 шиллингов и сердечно благодарю вас за хлопоты, которые вы взяли на себя в этом деле, — писал Толстой в июне 1892 г., — а также великодушных жертвователей» (т. 66, стр. 233). «Благодарю вас, — писал Толстой в сентябре того же года, — еще много раз за все ваши труды на пользу наших страдающих земляков» (т. 66, стр. 256).

Толстой очень высоко ценил литературные достоинства перевода статьи «О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая». «Я получил также ваш перевод моей статьи о нашем деле, — писал Толстой, обращаясь к Хэпгуд, — и восхищаюсь правильностью и изяществом вашего перевода» (т. 66, стр. 233).

Теперь, когда речь шла о таком сочинении, как «Царство божие внутри вас», Толстой решил обратиться к помощи уже известной и опытной переводчицы.

Наконец, состоялась встреча Янжула с Хэпгуд в Нью-Йорке. «Г-жа Хэпгуд, — пишет в своих воспоминаниях Янжул, — женщина, как мне показалось, по крайней мере, необыкновенного большого роста — настоящий гренадер; говорит громким, почти мужским голосом и производит вообще сильное впечатление как дама с весом и значением».

Все переговоры с Янжулом Хэпгуд вела на русском языке. «Кстати, — добавляет Янжул, — она все время говорила на ломаном русском языке и отклонила все попытки моей жены, владеющей совершенно свободно английским языком, говорить по-английски».

Хэпгуд взяла рукопись для ознакомления, и Янжул сообщил об этом Толстому.

Подлинник по-русски

Нью-Йорк. 26 апреля 1893 г.

Глубокоуважаемый Лев Николаевич!

Только вчера прибыв сюда, ваше поручение исполнено, хотя, как вы увидите на следующей странице, и не совсем, так как г-жа Hargood пожелала предварительно прочесть рукопись. Как только получу от нее решительный ответ, немедленно вам сообщу, надеюсь, на этой же неделе.

Искренне преданный

Ив. Я н ж у л

Мой глубокий поклон Софье Андреевне.

К письму Янжула приложена расписка переводчицы:

Рукопись Л. Н. Толстого от проф. Янжула получила, условия выслушала и дам ответ на этих же днях письменно.

Isabel F. H a r g o o d

На конверте: Russia. Moscow.

Москва. Долгохамовнический пер.

близ Девичьего поля, собств(енный) д(ом).

Его Сиятельству Льву Николаевичу Толстому.

Противоцерковные идеи Толстого, его новое, чисто этическое толкование религиозных вопросов должно было произвести на Хэпгуд, которая искала в русской музыке и литературе именно «церковный, религиозный дух», самое неблагоприятное впечатление. Вместе с тем нужно отметить, что Хэпгуд не приняла не только антицерковные, но и политические идеи Толстого. Это обстоятельство решающим образом повлияло на ее ответ. Недаром она, мотивируя свой отказ, назвала книгу «анархической».

«Спустя несколько дней, — рассказывает Янжул, — фигура огромной г-жи Хэпгуд опять появилась на пороге нашего скромного жилища. Мы, разумеется, ее приветствовали очень любезно, но на этот раз нашли ее в самом дурном настроении духа. С большим раздражением, можно сказать, гневом, она бросила мне на стол огромный сверток рукописи, ей врученной ранее, и быстро заговорила:

— Я удивляюсь, как мне подобная рукопись могла быть прислана для перевода! Я хорошая христианка и не могу сочувствовать распространению этого анархического сочинения! Знаете ли вы, профессор, что в нем заключается? Читали ли вы его?

Янжул заверил Хэпгуд, что он этой книги не читал.

— Ну, вот это и видно, иначе вы не решились бы мне передать такую рукопись, которая никем уважающим себя не может быть одобрена. Она не должна быть переведена и не может распространяться в Америке! — кричала она резким, сердитым тоном.

Хэпгуд тогда же, не откладывая, написала Толстому о причинах, заставивших ее отказаться от перевода.

Перевод с английского

Нью-Йорк. 28 апреля 1893 г.

Милостивый государь Лев Николаевич!

Профессор Янжул передал мне рукопись вашего «Царства божия». Сердечно благодарю вас за то, что в выборе переводчика вы остановились на мне. Это доказывает, что вы очень добры ко мне и оценили добросовестность, с которой я работаю.

Я в несколько дней прочла книгу — не всю, но столько, сколько могла прочесть, столько, сколько было необходимо для того, чтобы принять решение.

Мне очень жаль, но мои убеждения не позволяют мне переводить эту книгу.

Я не стану говорить о ней в печати и вообще ни словом не обмолвлюсь о ней, даже если она будет кем-нибудь опубликована, за исключением того, что сказала вам сейчас: я не могу по совести согласиться с ней и поставить на ней свое имя.

Я порекомендовала проф. Янжулу человека, который сможет ее хорошо перевести.

По чувству долга я предостерегла его от г-на Н. Х. Доула, который берется за переводы русских произведений, когда у него есть французский перевод, которым он и пользуется для работы. Он не может читать непереведенного русского текста, не говоря уже о рукописях. Во всяком случае, он работает недостаточно добросовестно.

Я окажу профессору и его жене необходимую помощь и дам советы, чтоб они могли устроиться удобно и повидать все, что им нужно видеть для их работы. Я очень благодарна вам за то, что вы направили их ко мне.

Рада была услышать от них, что вы в добром здравии. Передайте мой сердечный привет вашей жене и дочерям. И повторите им мою признательность за костюмы⁸. Я уже благодарила их в письме, посланном с последним пароходом.

Еще раз горячо благодарю вас за ваше доверие ко мне; искренне сожалею, что не могу выполнить вашего желания.

Преданная вам!

Изабелла Хэпгуд

P. S. Недавно одна богатая женщина прислала ко мне спросить, как ей переслать деньги на помощь голодающим крестьянам в Перми, о которых она читала в одной из ваших газет. Я посоветовала ей послать их вам, зная, что вы сможете и захотите распределить их, если только это возможно сделать.

На конверте: Москва, Долгохамовнический переулок, дом 15,
Его Сиятельству графу Льву Николаевичу Толстому.
Moscow. Russia.

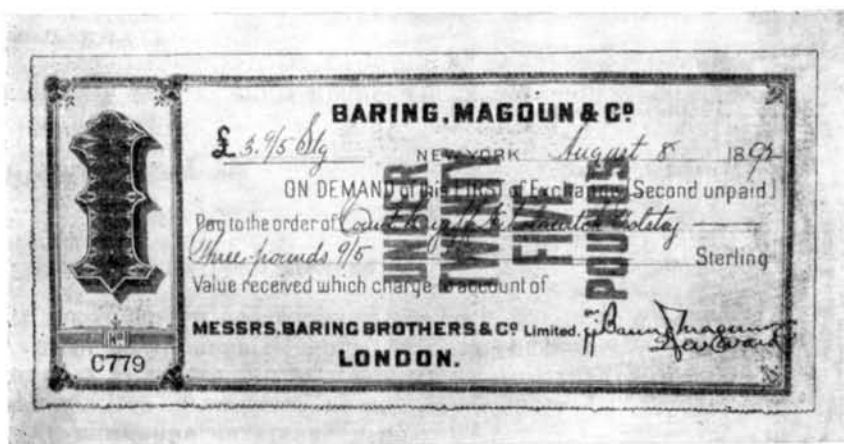
Толстой воспринял отказ Хэпгуд как поступок, продиктованный убеждениями и заслуживающий уважения. «Я получил ваше письмо и очень пожалел о том, что вы не взялись за перевод моей книги», — писал Толстой 6 мая 1893 г. (т. 66, стр. 314). В этом письме он выразил благодарность и согласие принять и распределить деньги между крестьянами.

Вопрос о переводе книги и ее издании остался нерешенным. Янжул пережил много неприятных минут, когда вез рукопись в Америку. Теперь его еще больше беспокоила перспектива возвращения в Россию с тем же синим, но уже распечатанным пакетом.

«Очень благодарен вам, дорогой Иван Иванович, — писал Толстой Янжулу 30 апреля 1893 г., — за исполнение моего поручения и за уведом-

ление<...> Г-жа Гэпгуд уведомляет меня, что совесть ее не позволяет ей переводить мою книгу и что она укажет вам переводчика, так что я принужден еще злоупотреблять вашей добротой. Я тоже думаю, что Доул плохой переводчик и потому лучше передать другому» (т. 66, стр. 313).

Толстой согласился с той характеристикой Доула, которую высказала Хэпгуд. Кстати сказать, это отрицательное суждение не помешало ей продолжать сотрудничество с Доулом и даже в соавторстве с ним перевести в последующие годы «Войну и мир» и «Анну Каренину».

ЧЕК (ДУБЛИКАТ) НА ПОЛУЧЕНИЕ ДЕНЕГ ДЛЯ ПОМОЩИ ГОЛОДАЮЩИМ
от 8 АВГУСТА 1892 г.

Прислан Толстому переводчицей его произведений Изабеллой Хэпгуд
Архив Толстого, Москва

Пользуясь разрешением Толстого и не получив обещанной рекомендации от Хэпгуд, Янжул вступил в переговоры с другой переводчицей. Наконец, у Янжула в руках оказалась расписка: «Рукопись Льва Николаевича получила, условия его выслушала и на них согласна Александра Делано», — и он избавился от злополучного пакета.

Aline Delano — Александра Павловна Делано — русская по происхождению — жила в Бостоне. Она была известна как переводчица Тургенева и других русских авторов.

Ей не сразу удалось найти издателя для книги «Царство божие внутри вас». Она сообщала Толстому, что никто не отваживается напечатать это сочинение.

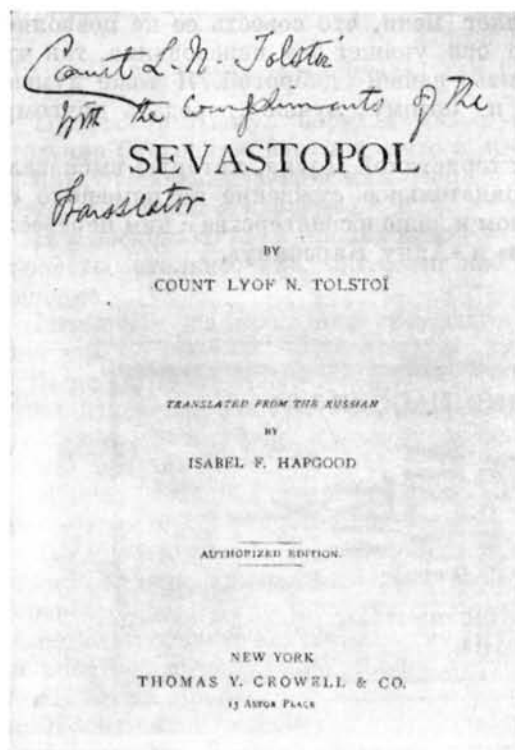
Подлинник по-русски

Бостон, 23 августа 1893 г.

Многоуважаемый Лев Николаевич!

Хотелось бы начать с того, чтобы сказать вам: издатель найден и книга выйдет тогда-то — да теперь еще не приходится. Однако же, чтобы доказать вам, что я не сплю, — в отношении себя могу сказать, что работа моя оканчивается. Предлагала я уже «Царство божие» трем издателям, и вот какие получила ответы.

Не знаю, писать ли вам их имена, да думаю, что для большей аккуратности все-таки следует дать вам полный отчет, хотя бы имена их и были вам незнакомы.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ
ИЗАБЕЛЛЫ ХЭПГУД НА ПЕРВОМ
АМЕРИКАНСКОМ ИЗДАНИИ
«СЕВАСТОПОЛЬСКИХ РАССКАЗОВ»
(НЬЮ-ЙОРК, 1888)

«Графу Л. Н. Толстому от
переводчицы»

Личная библиотека Толстого.
Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Итак, Roberts (Бостон) просто «ничего Толстого не хочет». Он печатает Балзака! Houghton и Mifflin, где участвует один из сыновей известного вам Гаррисона⁹, прислали следующее письмо, которое я и прилагаю при сем; оно написано г-ном Гаррисоном.

Фирма «Литтл и Броун» «чужаются» Толстого и советовали обратиться к издателю журнала «Century», того самого журнала и компании, которые посылали Кеннана в Сибирь¹⁰. Но такой совет непрактичен, так как такое сочинение едва ли может быть издано выпусками, да и не соответствует своим содержанием ежемесячному и более или менее популярному изданию.

Однако я не теряю еще надежды на фирму «Литтл и Броун». Их так называемый reader, или критик, в настоящее время отсутствует, и когда он возвратится (может быть через неделю), то они «will give this subject due consideration»^{*}.

Английская фирма Walter Scott желает иметь ваш труд, если бы они могли купить «the plates at the usual rates»^{**}, и назначают им такую низкую цену (сорок центов), что едва ли найдется американский издатель, который продал бы и за эту цену.

Все это я расписываю вам, чтобы вы не думали, что я сплю или небрежничаяю. Voila où j'en suis^{***}, но ведь не клином же мир сошелся, и я не допускаю и мысли, чтобы не нашлся издатель. Mr Lewis Wilson'у¹¹ я писала и от него получила ответ, что он не знает так называемого катехизиса Баллу, а что если бы я перевела для него несколько фраз, то он постарается найти его. Я уже послала ему начало.

* уделят этому должное внимание (англ.).

** печатные формы по обычной цене (англ.).

*** Вот как обстоят дела (франц.).

От г-на Smith, издателя «Revue des Revues», ничего еще не получала. Ну, да это все мелочи, и я надеюсь, что вскоре все уладится.

Простите за длинные объяснения и не думайте, что я сижу сложа руки и жду у моря погоды, что вы имели право предполагать, не получая от меня до сих пор положительных сведений о судьбе рукописи.

Глубоко вас уважающая
Александра Делано

Мы, конечно, все читали статью «Century» в августовской или июльской книге и только удивляемся и не нарадуемся вашей и семейства вашего деятельности.

К письму переводчицы приложен следующий ответ бостонского издательства:

Перевод с английского

Бостон. 15 августа 1893 г.
Boston Office. 4, Park Street.

Дорогая г-жа Делано!

Мы тщательно и всесторонне изучили, насколько возможно, присланную вами рукопись — ваш перевод сочинения «Царство божие внутри вас» Толстого, но не уверены, что нам следует принять эту книгу к изданию. Все вышедшее из-под пера Толстого, безусловно, способно привлечь внимание читателей и поэтому получить некоторое распространение. Но, в общем, его взгляды на войну и христианство достаточно хорошо известны, и мы опасаемся, что эта довольно большая книга не

COUNT TOLSTOÏ'S WORKS.

ANNA KARÉNINA	\$1.75
CHILDHOOD, BOYHOOD, AND YOUTH	1.50
IVAN ILYITCH	1.25
MY RELIGION	1.00
MY CONFESSION	1.00
WHAT TO DO?	1.25
THE INVADERS	1.25
A RUSSIAN PROPRIETOR	1.50
NAPOLEON'S RUSSIAN CAMPAIGN	1.00
THE LONG EXILE	1.25
LIFE	1.25
SEVASTOPOL	1.00
THE COSSACKS	1.00
POWER AND LIBERTY	.75
WHAT MEN LIVE BY (BOOKLET)	.30
THE TWO PILGRIMS (BOOKLET)	.30
WHERE LOVE IS (BOOKLET)	.30

THOMAS Y. CROWELL & CO.,
PUBLISHERS,
115 ASTOR PLACE, NEW YORK.

СПИСОК ПРОИЗВЕДЕНИЙ ТОЛСТОГО,
ВЫПУЩЕННЫХ НЬЮ-ЙОРКСКИМ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ THOMAS Y. CROWELL
& СО ДО 1888 ГОДА

Фронтиспис книги: «Sevastopol by count
Lyof N. Tolstoï. Translated from the Rus-
sian by Isabel F. Hapgood». New York, 1888

Личная библиотека Толстого. Музей-
усадьба «Ясная Поляна»

найдет покупателей среди того круга людей, на которых мы можем рассчитывать.

Вот почему мы не видим возможности издать эту книгу. Должны ли мы отправить вам рукопись или же вы пришлете за ней?

С глубоким сожалением, искренне преданные
Houghton, Mifflin and Co

Перевод книги «Царство божие внутри вас» был опубликован английской фирмой Walter Scott в 1894 г., после того как уже появились французское, немецкое и итальянское издания.

Хэпгуд обещала Толстому и Янжулу не предавать гласности переговоры об издании «Царства божия внутри вас», но обещания своего не выполняла. «Я просил ее, — свидетельствует Янжул, — без нужды не распространяться о поручении Льва Николаевича, о моем посредничестве, что, впрочем, впоследствии, как оказалось, Гэпгуд резко нарушила, разболтав всю эту историю, под влиянием, вероятно, обиженного самолюбия, в американской газете, когда появился чужой для нее перевод»¹².

Это последнее замечание объясняет некоторые психологические мотивы, которые влияли на Хэпгуд, и вместе с тем очень ясно определяет позицию самого Янжула. Либеральный профессор с рекомендательными письмами Толстого ни на минуту не забывал, что он приехал в Америку с официальным поручением министра финансов, и поэтому очень заботился о сохранении своего инкогнито в деле издания книги Толстого. Даже через двадцать с лишним лет после всех этих событий, приговаривая к печати свои воспоминания, Янжул счел необходимым заметить, что он «и до настоящего дня не удосужился прочесть „Царство божие внутри нас“ <!>».

2. ДЖОРДЖ КЕННАН

Поселившись в Москве, в хамовническом доме, Толстой полюбил долгие прогулки по окрестным улицам и переулкам. Часто в этих прогулках его спутником бывал кто-нибудь из друзей или знакомых. И завязывались перипатетические беседы на житейские, философские и литературные темы.

«Однажды в зимнее утро (1887 г.), — вспоминал И. И. Янжул, — гуляя по Смоленскому бульвару, я встретил Льва Николаевича, как это бывало много раз, и мы пошли вместе усердно маршировать по обширным пространствам города Москвы».

— Вы, кажется, получаете журнал «Century»? — спросил Толстой.

— Точно так, — ответил Янжул.

— Есть ли у вас и прочли ли вы статью известного Кеннана о поездке ко мне в Ясную Поляну?

Опять последовал утвердительный ответ.

— В таком случае, не одолжите ли вы мне ее прочитать? — сказал Толстой¹.

Янжул охотно выполнил эту просьбу Толстого.

Джордж Кеннан (1845—1927) — американский журналист и путешественник.

В 1885—1886 гг. он объездил Сибирь и написал серию очерков о «системе ссылки», которым суждено было получить мощный отголосок в творчестве Толстого.

«Кеннан, посещая сибирские тюрьмы и каторги, потом им описанные в его известной книге, — указывает Янжул, — получил от многих полити-

чески ссыльных горячую и настойчивую просьбу передать на обратном проезде в Америку, посетивши специально для этого Ясную Поляну, Льву Николаевичу Толстому о тех <...> страданиях и лишениях, которые они выносят».

Кеннан согласился с мнением «политически ссыльных», что «Толстой есть единственный человек в России, который может безопасно для себя вступить за ссыльных перед высшим правительством».

Летом 1886 г. Кеннан приехал в Ясную Поляну.

— Читали вы мои книги? — спросил его Толстой.

— Да, все ваши романы, — ответил Кеннан.

— А мои последние произведения?

— Они вышли в то время, когда я находился в путешествии, и я не имел еще времени их прочесть.

— Так вы меня не знаете, но мы скоро познакомимся, — сказал Толстой ².

По-видимому, Кеннан и в самом деле проглядел переворот, пережитый Толстым, и теперь, застав его в «новой фазе», он был ошеломлен проповедью «непротivления злу».

«Когда Кеннан <...> обратился по поручению политических ссыльных с их просьбой к Льву Николаевичу, — пишет Янжул, — то он долго во время его печальных описаний молчал, а затем, когда Кеннан категорически стал спрашивать, окажет ли он им свою защиту, то граф Толстой отвечал отрицательно, что он-де ничего не может сделать для них, ибо они сами силою зла боролись с такою же другою силою и сами виноваты в происходящем».

Тогда Кеннан спросил:

— Что бы вы сделали, если бы вас повели в рабство?

— Стал бы работать на своих гонителей, — ответил Толстой, — так как труд, во всяком случае, святое дело.

Кеннан не нашелся что ответить.

Толстой сказал также, что, по его мнению, для уничтожения «системы ссылки» нужно, чтобы все вообще отказались от солдатской службы и уплаты налогов. «Я с удивлением выслушал предложение почтенного Льва Николаевича, — пишет Кеннан, — и скромно указал ему, что едва ли такой способ может привести к благоприятному для политически ссыльных результату, ибо невозможно ждать, чтобы сразу все отказались от рекрутчины и сразу все согласились не платить налогов уже по весьма многим причинам. Лев Николаевич с некоторым раздражением в голосе повторил на это, что других способов, вполне допустимых и действительных, он не видит, что лишь этим способом можно и должно бороться с насилием, не усугубляя зла» ³.

Вернувшись из России домой, в Соединенные Штаты, Кеннан написал письмо Толстому.

Перевод с английского

Вашингтон. 21 декабря 1886 г.
1318, Massachusetts Avenue.

Дорогой граф!

Мне уже давно хотелось написать вам. Я намеревался это сделать тотчас по возвращении в Америку, но жена моя была тяжело больна в течение почти двух месяцев, а потом и я сам заболел истощением нервной системы. Непосредственной тому причиной было беспокойство за жену, а косвенной — трудности и лишения, которые выпали на мою долю во время недавнего моего продолжительного путешествия по Сибири. Вот почему я с таким промедлением исполняю свое намерение написать вам.

Я не забыл, однако, ни приятных часов, проведенных в вашем гостеприимном доме в июле нынешнего года, ни продолжительной беседы с вами во время прогулки по полям, обвеваемым свежим, прохладным ветром. Мне хочется выразить вам, хотя бы и с опозданием, свою благодарность за сердечность, с которой вы меня — совершенно чужого вам человека — встретили, и за то доверие и сочувствие, с которыми вы ко мне отнеслись.

Не многие эпизоды из моей последней поездки в Россию вспоминаю я с таким удовольствием, как посещение вашего дома.

С огорчением узнал я из получаемых мною русских газет, что вы были тяжело больны. Надеюсь, что теперь вы уже совершенно поправились и в своем стремлении помогать окружающим руками, головой и сердцем не станете в дальнейшем слишком перенапрягать свои силы.

Книги ваши продолжают возбуждать в Америке большой интерес и вызывают много разговоров. Особенно это касается ваших последних религиозных и философских сочинений <...>

В наших газетах появилось много отзывов на ваши книги, а позавчера один из самых выдающихся проповедников Нью-Йорка посвятил значительную часть своей проповеди вашим сочинениям и вашим мыслям.

После моего возвращения из России я прочел английский перевод «Детства», «Отрочества» и «Юности». Перевод сделан мисс Хэпгуд и как будто очень хорош. Я еще не успел тщательно сверить его с подлинником, но он, судя по всему, верен и читается так легко, как если бы это был не перевод, а произведение, написанное по-английски.

Посылаю вам с этим письмом статью, которую вы, возможно, не видели: «О высшем образовании среди женщин» английской писательницы Э. Линн Линтон⁴. Ее взгляды на этот предмет не отличаются от ваших. Направляю также через своих издателей экземпляр другой биографии Уильяма Ллойда Гаррисона, которой, мне кажется, у вас не было, когда я виделся с вами⁵.

Если вы не возражаете, я напишу статью для нашего журнала «Century» о моей поездке к вам нынешним летом и о нашем разговоре относительно ваших религиозных убеждений. Это было бы интересно широкому кругу ваших читателей и друзей в Америке. Но я не хочу писать эту статью, не испросив у вас на то разрешения.

Если чем-нибудь могу быть вам полезен, прошу вас — приказывайте; остаюсь искренне уважающий и преданный вам

Джордж Кеннан

Мой адрес: 1318, Massachusetts Avenue. Вашингтон. Округ Колумбия. США

Толстой не ответил на это письмо. Статья Кеннана под названием «Посещение графа Толстого» («A Visit to Count Tolstoy») появилась в июньском номере ежемесячного иллюстрированного журнала «Century». Этот номер журнала и передал Толстому по его просьбе Янжул.

— Верно ли Кеннан изобразил свое посещение? — спросил Янжул, встретившись с Толстым через несколько дней.

— Конечно, верно, — ответил Толстой. — Ведь Кеннан не какой-нибудь корреспондент русской газеты, который четверть часа проболтает, а потом сообщит три короба разного вздора из головы. Кеннан — истинный джентльмен и человек своего слова.

На Толстого большое впечатление произвели и сибирские очерки Кеннана. По поводу одного из этих очерков он записал в дневнике зимой 1888 г.: «Мне стыдно бы было быть царем в таком государстве, где для моей безопасности нет другого средства, как ссылатъ в Сибирь тысячи и в том числе 16-летн<их> девушек» (т. 50, стр. 5).

В августе 1890 г. Толстой написал большое письмо Кеннану, в котором высказался и о «сибирских очерках»:

«С тех пор, как я с вами познакомился, я много и много раз был в духовном общении с вами, читая ваши прекрасные статьи в „Century“, который мне удалось доставать без помарок <...> В последнее же время вспоминал о вас по случаю ваших, произведших такой шум во всей Европе, статей о сибирских ужасах. Часть этих статей, незамазанная, дошла до меня в журнале Сгеда, не помню каком — „Pall Mall Budget“ или „Review of Reviews“. Очень, очень благодарен вам, как и все живые русские люди, за оглашение совершающихся в теперешнее царствование ужасов» (т. 65, стр. 138).

«Статьи о сибирских ужасах» Кеннана были изданы в 1891 г. в Лондоне в двух томах под заглавием «Siberia and Exile System» («Сибирь и система ссылки»). В России это издание было запрещено цензурой. В русском переводе книга увидела свет только после первой революции, в 1906 г.

Статьи Кеннана вновь привлекли внимание Толстого в период работы над романом «Воскресение». Толстой считал свидетельства Кеннана неопровержимыми документами, и не случайно в романе «Воскресение» есть ироническое замечание о некоем англичанине, «стороннике России», который «объезжал <...> Сибирь с тем, чтобы написать книгу, отрицающую Кеннана» (т. 33, стр. 312).

В 1901 г. Кеннан вновь приехал в Россию и направился в Ясную Поляну. Но встреча с Толстым не состоялась. О том, что помешало этой встрече, Кеннан рассказал в письме к Толстому из Англии.

Первое письмо было написано Кеннаном на отличной бумаге и на пишущей машинке, а второе — на клочке измятого листа и карандашом. По-видимому, оно писалось в страшной спешке и было отправлено из Лондона только потому, что Кеннан не успел сдать его на почту в России. Все эти чрезвычайные обстоятельства объяснены в его письме.

Перевод с английского

Лондон 1 августа 1901 г.
15 Lincoln Street. Sloane Square.

Дорогой граф!

В России никогда не знаешь, что с тобой может случиться. В прошлый четверг, днем, меня неожиданно арестовали по распоряжению министра внутренних дел и после тридцатичасового заключения в моей комнате выслали под охраной за пределы империи как *неблагонадежного* * иностранца.

Глубоко сожалею, что я, таким образом, был лишен возможности вас посетить и лично выразить вам свою искреннюю любовь и уважение.

Мне о многом хотелось поговорить с вами и передать вам приветствия и наилучшие пожелания сотен американцев, которые давно уже вас знают и любят.

Рад был узнать, что вы оправились от своей последней, опасной болезни, и надеюсь, что мы еще встретимся с вами в этой жизни, несмотря на царей и сипягиных ⁶.

Искренне ваш Джордж Кеннан

На конверте: Count Leo Tolstoi.
Yasnaya Poliana. Gubernia of Tula.
Russia.

* В английском тексте письма слово *неблагонадежный* написано по-русски. — Ред.

«Встреча» Толстого с гостем из Сибири — Кеннаном навсегда запечатлена в романе «Воскресение». Толстой, несмотря на свои религиозно-этические идеалы непротивления, создал такое мощное обличение «системы ссылки», что книга Кеннана, «произведшая такой шум во всей Европе», оказалась частным эпизодом, получившим свое настоящее значение именно потому, что она попала в поле зрения автора «Воскресения».

3. ИОНАС СТАДЛИНГ

«Была страшная метель все эти дни. Вчера ездил опять в Рожню, опять не доехал. Был в Колодез(ях) и Катараеве, о дровах и приютах», — писал Толстой в дневнике 29 февраля 1892 г. (т. 52, стр. 63). В этот день в «главный штаб» организованной Толстым работы «на голоде» — в рязанское имение Раевских Бегичевку приехал шведский писатель и путешественник Ионас Стадлинг (1847—1935).

Статьи и письма Толстого о средствах помощи крестьянам, пострадавшим от неурожая, вызвали горячий отклик не только внутри страны, но и за рубежом. Во многих странах мира создавались «русские фонды», собиравшие пожертвования хлебом и деньгами для голодающих крестьян.

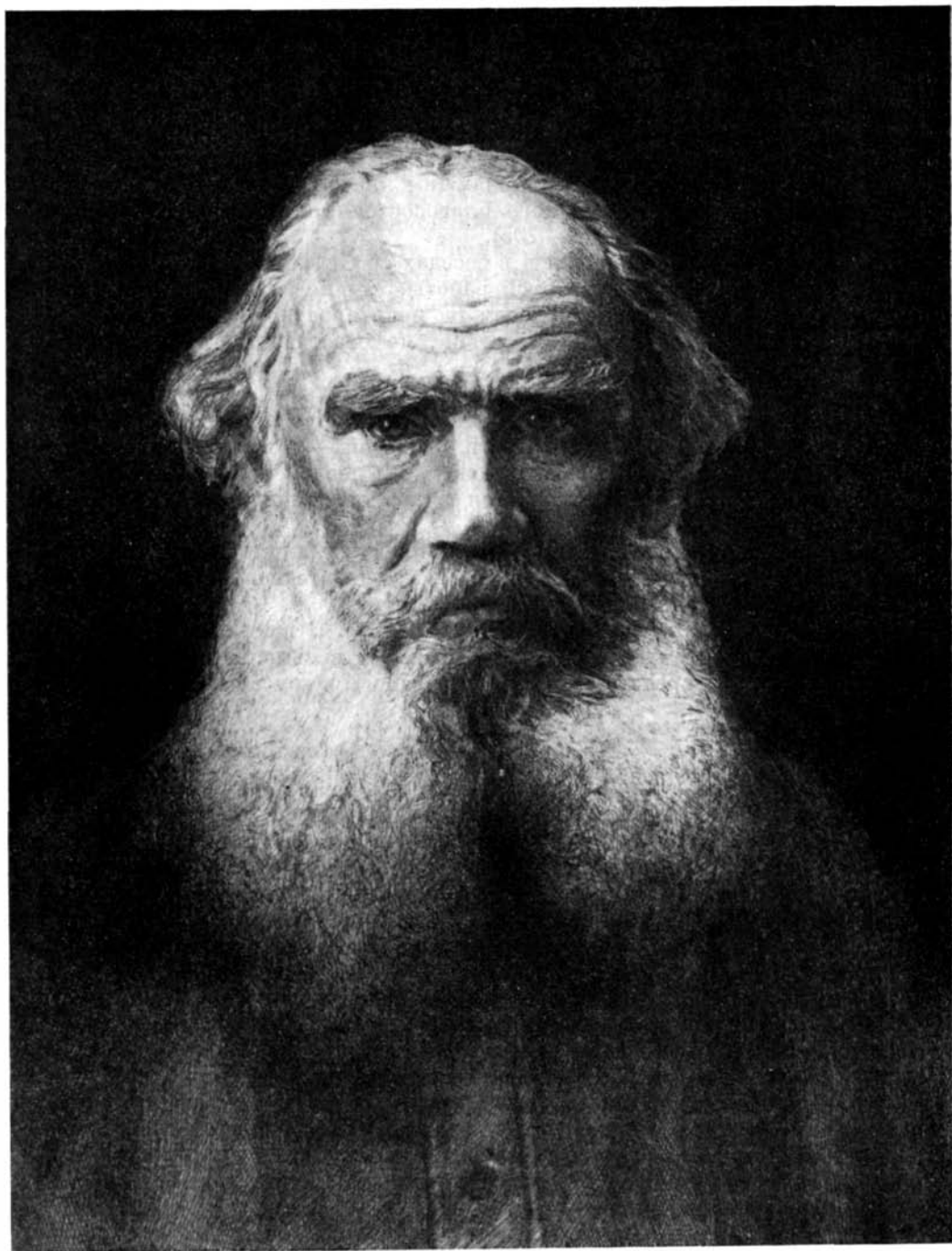
«Бедствие велико, — писал Толстой, — но радостно видеть, что и сочувствие велико» (т. 66, стр. 107). Толстой периодически публиковал отчеты о том, как были распределены средства, поступавшие в его распоряжение от многочисленных благотворительных обществ и частных лиц. По словам Чехова, «публика не верит администрации»¹, и жертвователи предпочитали обращаться к Толстому.

Стадлинг прислал Толстому из Стокгольма запрос о том, куда могут быть направлены средства, собранные благотворительными обществами Швеции и Америки. На этот запрос ответила Софья Андреевна: «Организации (частные) не дозволены в России, — писала она, — каждый делает, что может, для помощи народу. Если б кто-нибудь захотел послать крупную сумму, ее можно было бы направить или в комитет цесаревича в С.-Петербурге, или в комитет великой княгини Елизаветы Федоровны в Москве, или же, если вы предпочитаете предоставить деньги в частное распоряжение, то мой муж и все мое семейство постараются по мере сил употребить их как можно полезнее на облегчение народного бедствия»².

Получив письмо С. А. Толстой, Стадлинг собрался в Россию, в надежде увидеть своими глазами и дать отчет соотечественникам о работе Толстого «на голоде».

В Бегичевке Стадлинг беседовал с Толстым о средствах помощи крестьянам. «Я прибегну к маленькой иллюстрации, чтобы дать вам понятие о положении вещей», — сказал Толстой. И он рассказал Стадлингу свою притчу о пустом сосуде, которую он в то время рассказывал многим своим сотрудникам. Жидкость испарили из сосуда, но «в холодном верхнем воздухе испарения сгустились», и вот образовались два потока, «из коих один течет в резервуар капиталистов, а другой — в резервуар казны». Мысль Толстого заключалась в том, что надо вернуть народу то, что было отнято у него.

Продолжая свое сравнение, Толстой говорил, что столовые и приюты — это маленькие «воронки», служащие для того, чтобы «жидкость не проливалась мимо». «Мы находимся в положении людей, у которых в руках находится большой сосуд, — говорил Толстой, — и из этого сосуда нам нужно разлить в стоящие перед нами крохотные пузырьчики и скляночки, не разлив ни капли жидкости зря и влив в каждую из скляночек как раз сколько нужно. Это очень нелегкое дело и требует огромного, самого мелочного внимания к каждому отдельному случаю»³.

ТОЛСТОЙ

Офорт шведского художника Акселя Тальберга, 1901
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Стадлинг наблюдал за работой Толстого и его сотрудников в Рязанской и Самарской губерниях. «Мелочное внимание к каждому отдельному случаю» не заслоняло от Толстого общие социальные причины народного бедствия. Толстой говорил, что нужно не только помочь «ограбленному», но и сделать невозможным «грабительство». «Да только перестаньте хоть на один год спаивать его, одурять его, грабить и связывать его,— писал Толстой о народе, обращаясь к правящим классам,— и посмотрите, что он сделает и как он достигнет того благосостояния, о котором вы и мечтать не смеете» (т. 66, стр. 204—205).

Эту мысль Толстой развивал и в беседах со Стадлингом:

— Право, я стыжусь всей этой работы. Мы не знаем, есть ли в ней настоящая помощь. Мы протягиваем на некоторое время существование известного числа голодающих крестьян, но бедствие их продолжается, тем не менее...

— Но вы все-таки оказываете им и материальную, и духовную помощь,— сказал Стадлинг.— Без сомнения, ваш труд полезен...

— Я не проповедую <...>,— ответил Толстой.— Когда мы думаем, что делаем нечто очень хорошее, быть может, мы делаем как раз противоположное. Истинное добро заключается в доброй воле и мотивах наших поступков ⁴.

О «доброй воле» Толстого и его «поступках» Стадлинг рассказал в следующем, 1893 г.—в очерке «С Толстым на русском голоде», напечатанном в нью-йоркском журнале «The XIX Century».

Очерк был тогда же послан в Ясную Поляну. В том же 1893 г. Стадлинг прислал Толстому чек на предъявителя и письмо, в котором объяснял, как, из каких средств складывались взносы в «русский фонд».

Перевод с английского

Стокгольм. 2 марта 1893 г.

Дорогой граф!

Несколько дней назад я получил шестьдесят крон от нескольких бедных батраков из окрестностей Сундсвалля на севере Швеции в знак сочувствия голодающим русским братьям и с просьбой переслать эти деньги вам для вашей благотворительной деятельности. Добавив от себя лично тридцать семь с половиной, чтобы составилось ровно пятьдесят рублей, посылаю вам чек «на предъявителя». Сумма скромна, но это лепта вдовицы.

Я недавно вернулся из интересной и трудной поездки по Лапландии и северной Норвегии, там, где Нордкап омывается Ледовитым океаном. Поездка была предпринята с целью исследовать угрозы голода в этих отдаленных областях и изыскать способы помочь нуждающимся.

Нынешние бедствия вызваны гибелью покосов в течение двух лет подряд, так что жители были вынуждены треть стада пустить на убой. Кроме того, рыбная ловля и охота на белых куропаток тоже оказались почти невозможными из-за холодов и наводнения. Вследствие этого беднякам весьма трудно сводить концы с концами.

Сейчас мы уже предприняли некоторые меры для оказания им помощи: я отправил морем из Тронхейма (Норвегия) в Лапландию большое количество полноценных кормов, к которым они на месте будут добавлять мох, березовые ветки и т. п., и много муки послано на север, на шведскую сторону хребта.

В прилагаемом письме от вашей соотечественницы—мисс Кирхнер—содержится просьба разрешить ей перевести ваши книги на шведский язык и издать их в пользу неимущих. В случае, если вы любезно изъясните свое согласие, я бы предложил разделить доходы от издания между нуждающимися Лапландии и России. Мисс Кирхнер ⁵ живет на свой заработок и

нуждается поэтому в небольшой оплате (я берусь выправить ее перевод бесплатно).

Помимо этого, потребуются лишь расходы на печатание и распространение издания, поэтому не сомневаюсь, что для бедных останется немало <...>

Говорят, что вы сейчас пишете новую большую книгу. Если вы любезно разрешите мисс Кирхнер перевести также и ее, когда она будет закончена, вы сделаете доброе дело и для нее, и для бедных.

Мисс Кирхнер — дочь полковника фон Кирхнера, получила хорошее образование и в прошлом году принимала участие в благотворительной деятельности среди нуждающихся на юге России.

С глубочайшим интересом прочитал я отчет о вашей деятельности на голоде, опубликованный в «Русских ведомостях», а также о трогательном ее завершении ⁶. Я сказал себе: голод и нужда продолжают, люди к ним попривыкли, а граф Толстой подвергается гонениям.

Но крестьянский мальчик с «прелестными карими глазами» все еще стоит там, за дверью, «и одна светлая капля слезы уже висит на носу». Картина «fin de siècle» *, характерная не только для России, но и для всех других стран.

Будет ли так всегда? Неужто нет надежды? Неужто тщетны попытки облегчить нужду, жить для других?

Простите, дорогой граф, что я отнял у вас столько драгоценного времени!

Будьте добры передать мой почтительный, сердечный привет графине, вашим дочерям, молодому графу Льву Львовичу, г-же Кузминской и всем, кто меня помнит.

Глубоко вас уважающий и горячо любящий

И. Стадлинг

В начале 1895 г. Стадлинг выступал в Лондоне на рабочем митинге. Об этом своем выступлении он сообщил в письме из Англии.

Перевод с английского

Лондон, С.-З. 8 января 1895 г.
Sidney House, Hampstead.

Графу Л. Н. Толстому

Уважаемый и любимый граф!

Я в настоящее время нахожусь в Лондоне, куда приехал с официальным поручением изучить законы о бедных и другие подобные вопросы. На прошлой неделе я получил приглашение выступить на рабочем митинге в Ист-Энде с сообщением о вашей работе по оказанию помощи голодающим крестьянам, которую я имел возможность наблюдать лично. Я принял это приглашение.

К концу собрания многочисленная рабочая аудитория через своего председателя восторженно просила меня передать вам горячий, сердечный привет, как об этом и говорится в прилагаемом отчете о митинге. С удовольствием выполняю их просьбу.

Посылаемый отчет довольно верно передает мое выступление. И, если тут имеются ошибки, винить в них надо меня. Но за интервью, опубликованное в «Daily Chronicle», совсем неверное, я ни в коей мере не ответствен, потому что репортер искажил девять десятых из того, что было мной сказано ⁷.

* «конца века» (франц.).

В случае, если это интервью попадется вам на глаза, умоляю вас иметь это в виду. Я написал редактору газеты, чтоб он внес исправления в статью.

Горячо желаю, чтобы привет от рабочих лондонского Ист-Энда застал вас в полном здравии и благополучии и пришелся вам по сердцу как одно из многих проявлений истинного сочувствия к христианскому учению со стороны трудящихся классов и свидетельство того огромного влияния, которое ваше учение и ваша жизнь по заветам христианской любви и братства оказали и оказывают на народы западных стран.

Не подлежит сомнению, что в умах и чувствах современных людей происходят большие и стремительные перемены. Мне хочется думать, что полоса неяркого света на горизонте означает рассвет, а не закат.

Я провел в Лондоне пока только две недели и поэтому не имел времени изучить многочисленные паллиативные средства, применяющиеся здесь для борьбы с нищетой. Больше всего интересует меня широкое кооперативное движение, происходящее ныне в Англии и развивающееся, на мой взгляд, в верном направлении.

Мне хочется изучить поподробнее еще много других интересных явлений, как, например, «Sisters of the People»*, «Guilds of Poor Things»** и т. д., а также широко распространенное движение вегетарианцев.

Я с величайшим удовольствием послал бы вам кое-какие интересные газеты и книги по этим вопросам, если бы знал, как это удобнее всего сделать, и если бы вы дали мне на то разрешение. Мне кажется, это было бы для вас интересно.

Надеюсь, что в семействе вашем все здоровы.

Хотелось бы очень узнать о Льве Львовиче. Надеюсь, что он вполне выздоровел.

Этим летом я очень страдал от ревматизма, приобретенного во время путешествия по Лапландии прошлой зимой. Но солнце вылечило меня, и теперь я верю в его целебные свойства.

Прошу вас передать мой привет всем, кто меня помнит в вашей семье.

Преданный вам

И. Стадлинг

P. S. Я пробуду в Лондоне около трех месяцев.

На конверте: Count L. N. Tolstoi.

Khamovnichesky Pereulok.
Moscow. Russia.

На это письмо Толстой ответил Стадлингу 14/26 января 1895 г. «Мне было совестно читать ваше описание нашей работы в Рязани, — писал Толстой, — но я понимаю, что это объяснялось только вашим дружественным отношением к нам, и очень этому рад» (т. 68, стр. 15).

В упомянутом очерке «С Толстым на голоде в России» Стадлинг использовал лишь часть своих наблюдений и заметок. Успех очерка побудил его продолжить работу. Совместно с У. Ризном он опубликовал в 1897 г. в Лондоне книгу «In the Land of Tolstoy. Experiences of Famine and Misrule in Russia» («В стране Толстого. Описание голода и неурядиц в России»).

15 февраля 1897 г. Э. Кросби писал Толстому об этих очерках: «... Наслаждаюсь чтением книги Стадлинга о России, которая напомнила мне о гостеприимстве вашей семьи... Я продолжаю сохранять глубочайший интерес ко всем русским делам...»

* «Сестры народа» (англ.).

** «Гильдии бедных» (англ.).

ДИПЛОМ ПОЧЕТНОГО
ЧЛЕНА ГЁТЕБОРГСКОГО
КОРОЛЕВСКОГО НАУЧ-
НОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА, ПРИСЛАН-
НЫЙ ТОЛСТОМУ В 1900
ГОДУ

Архив Толстого, Москва

«Глубочайший интерес ко всем русским делам» продолжал сохранять и Стадлинг. В 1898 г. и шведские сторонники мира обратились к Толстому с просьбой поддержать их проект разоружения.

12/24 января 1899 г. Толстой писал Стадлингу: «Передайте, пожалуйста, мою благодарность всем тем лицам, кот^{орые} сделали мне честь такого обращения ко мне. Письмо это очень важно и вызывает многие очень интересные соображения, которые я изложил в довольно длинном ответе, кот^{орый} желал бы прислать вам и напечатать сначала в шведских, а потом в иностранных газетах» (т. 72, стр. 31).

На это письмо Стадлинг ответил Толстому:

Перевод с английского

Стокгольм. 31 января 1899 г.

Дорогой граф!

Примите мою благодарность за ваше любезное письмо от 12 января, полученное мной сегодня. Я тотчас же снесусь с теми лицами, которые подписали посланное вам коллективное письмо, и *передат* вашу *благодарность* *.

* Слова *передат* *вашу* *благодарность* написаны Стадлингом по-русски. — *Ред.*

Буду очень рад получить и перевести ваш ответ на шведский и английский языки и тотчас же напечатать его в газетах, здесь и за границей.

Если для вас не составит особой трудности прислать вашу рукопись перепечатанной на машинке, это, конечно, очень облегчит мне перевод. Если же это невозможно, надеюсь, что все же смогу разобрать рукопись и правильно ее перевести.

Я очень рад, что вы подняли этот чрезвычайной важности вопрос именно тогда, когда проблемы мира и войны обсуждаются во всех слоях общества по всему свету.

Преданный вам И. Стадлинг

31 января 1899 г.

Döbelnsgatan, 5.

Свой «длинный ответ» шведским интеллигентам Толстой назвал «Письмом к шведам». Это «статья-письмо», в которой, наряду с толстовской проповедью всеобщего отказа от воинской повинности как средства решения проблемы войны и мира, содержится глубокая критика милитаризма и лицемерной политики государств, прикрывающих свои военные приготовления широковежательными пацифистскими декларациями.

Получив от Стадлинга согласие перевести и напечатать в Швеции и других странах «Письмо к шведам», Толстой отправил рукопись в Стокгольм. Вскоре он получил письмо от Стадлинга.

Перевод с английского

Стокгольм. 14 марта 1899 г.

Döbelnsgatan, 5.

Дорогой граф!

Благодарю вас от всего сердца за ваш сильный ответ на коллективное письмо из Стокгольма.

Я перевел и напечатал ваше письмо на шведском в стокгольмской «Aftonblad», английском («Daily Chronicle») и немецком языках («Lokal Anzeiger»).

Верю, что это принесет пользу. Надеюсь, что вы в добром здравии. Я же сейчас болен. Ревматизм, который я схватил в Сибири, перешел внутрь. Болезнь плохо влияет на настроение, жизнь кажется лишенной смысла, когда ты не в состоянии работать. И нести бремя жизни при таких обстоятельствах тяжело.

Однако я надеюсь, что поправлюсь опять.

Искренне ваш

И. Стадлинг

На конверте: Count L. N. Tolstoy.

Chamovnitchisky Per. 21.

Moskwa. Russland.

Толстой, как известно, неизменно уклонялся от официальных почестей и наград. Современники усматривали в этой позиции одно из свидетельств духовной мощи и независимости великого писателя.

Поэтому возникшие в начале века споры о присуждении Толстому Нобелевской премии воспринимались многими современниками как попытки воспользоваться его именем в политических целях. Выражая это общественное мнение, Стадлинг писал Толстому:

Перевод с английского

Стокгольм. 14 декабря 1901 г.

Графу Толстому

Россия

Уважаемый и любимый граф!

Разрешите мне в связи с полемикой, происходящей сейчас по поводу предстоящего присуждения Нобелевской премии, полемикой, в которую втянуто даже ваше уважаемое имя, используемое в качестве орудия борьбы одной партии против другой, — сообщить вам мнение сотен тысяч моих соотечественников по этому поводу. Вот оно: мы считаем вашу деятельность поборника правды и справедливости по своим побуждениям и целям настолько выше того уровня, на котором всевозможные охотники за деньгами, «аристократы духа» и «сверхчеловеки» ссорятся из-за почетных и денежных наград, что пришли к убеждению: вряд ли чиновничья Академия присудит вам премию Нобеля, точно так же, как фарисеи и книжники и великий совет иерусалимских первосвященников вряд ли присудил бы награду Христу за его учение.

Но сотни тысяч моих соотечественников посылают вам, носителю света правды и любви, свою награду — их любовь и восхищение.

Надеюсь, что строки эти застанут вас в добром здравии и полным сил.

Остаюсь, дорогой граф, искренне и с любовью

ваш И. Стадлинг

На конверте: Count L. N. Tolstoy.

Chamovniki Pereulok.

Moskwa. Russie.

В 1906 г., узнав о том, что Нобелевская премия может быть присуждена ему, Толстой написал письмо финскому писателю А. Ярнефельту с просьбой «постараться сделать так», чтобы ему «не присуждали этой премии» и не ставили его «в очень неприятное положение — отказываться от нее» (т. 76, стр. 202). Последнее из опубликованных здесь писем Стадлинга в определенной степени связано с этим ответом Толстого, который и был обнародован в Швеции в том же 1906 г.

4. ДЖЕМС КРИЛМЕН

В 1900 г. английский журналист Эдуард Гарнет обратился к Толстому с просьбой написать «Обращение к американскому народу».

Перевод с английского

6 июня 1900 г.

The Cearne. Kent Hatch N(ea).
Edenbridge. England.

Графу Льву Толстому

Милостивый государь!

Моей жене и мне предложили написать в «Harper's Magazine» статью о вашем романе «Воскресение», но при условии, что вы пришлете какое-нибудь обращение к американскому народу, которое будет помещено в том же номере журнала, что и наша статья. Не уверен, захотите ли вы вообще написать какое-либо обращение к американцам, но если бы вы решили это сделать, я посоветовал бы вам написать им несколько слов о лицемерии. В наше время англосаксонский мир (Англия и Америка в равной степени) довел лицемерие до тончайшего искусства, и жизнь этих народов, полити-

ческая, общественная и нравственная, вся основана исключительно на подавлении всякой правды, которая не льстит национальному самолюбию.

Нравственный смысл «Воскресения», насколько мы его понимаем, состоит как раз в обратном. Его цель — разрушить фальшь нашего общества с его самодовольством, с его деспотическим стремлением немедленно скрывать все неприятные истины.

Если мы напишем критический разбор «Воскресения»¹, то будем говорить, главным образом, о вашем поразительном умении срывать покровы с идеализации жизни и ставить перед человеком простой вопрос: что в действительности думают и чувствуют люди за завесой условностей?

Если вы пришлете обращение к американскому народу о лицемерии либо о чем-нибудь еще, что вы пожелаете сказать в связи с «Воскресением», я направлю его вместе с нашей статьей издателю «Harper's Magazine», а затем вышлю вам гранки.

Думаю, что жена моя известна вам как переводчица на английский язык одного из ваших произведений — «Царство божие внутри вас», а также повестей и рассказов Тургенева.

С искренним уважением всегда ваш

Эдуард Гарнет

P. S. Самым полным выражением широко распространенного лицемерия является, конечно, война англичан против буров. Война попросту не могла бы возникнуть, если бы современная пресса не была гигантским аппаратом для прикрытия алчности и трусости общества и объяснения его алчности и трусости возвышеннейшими из побуждений.

На конверте: Count Leo Tolstoy.

Toula. Russie. Russia.

Толстой написал ответ Гарнету:

«Если бы мне пришлось обратиться к американскому народу, то я старался бы выразить ему мою благодарность за ту большую помощь, которую я получил от его писателей, процветавших в 50-х годах. Я бы упомянул Гаррисона, Паркера, Эмерсона, Балу и Торо не как самых великих, но как тех, которые, я думаю, особенно повлияли на меня. Среди других имен назову: Чаннинга, Уитьера, Лоуэлла, Уота Уитмена — блестящую плеяду, подобную которой редко можно найти во всемирной литературе. И мне хотелось бы спросить американский народ, почему он не обращает больше внимания на эти голоса (которых вряд ли можно заменить голосами Гульда, Рокфеллера и Карнеджи)» (т. 72, стр. 397).

Конечно, Толстой говорит о тех писателях, чьи философские и религиозно-этические взгляды были ему близки. Важно, однако, что он связывает их творчество с освободительным движением, с теми общественными традициями, которые он называет «героическими». «Великая литература рождается тогда, когда пробуждается высокое нравственное чувство, — говорил Толстой в беседе с Э. Моодом. — Взять, например, период освободительных движений, борьбу за отмену крепостного права в России и борьбу за освобождение негров в Соединенных Штатах. Посмотрите, какие писатели появились тогда в Америке: Гарриет Бичер-Стоу, Торо, Эмерсон, Лоуэлл, Уитьер, Лонгфелло, Уильям Ллойд Гаррисон, Теодор Паркер, а в России — Достоевский, Тургенев, Герцен и другие, чье влияние на образованные круги общества <...> было очень велико»².

Действительно, почти все названные Толстым американские имена принадлежат писателям, философам и моралистам, активным участникам движения аболиционистов, отдавшим много сил борьбе с рабством в Америке.

«Последующий период, когда люди были уже неспособны приносить материальные жертвы ради нравственных целей, — развивал свою мысль Толстой, — оказался бы полностью бесплодным, если бы некоторые писатели, воспитанные и сформировавшиеся в героическую эпоху, не продолжали ее великих традиций».

Размышления об Америке стали главной темой интервью, которое получил у Толстого корреспондент газеты «New York World» Джеймс Крилмен (1859—1915).

Толстой познакомился с Крилменом еще в 1891 г. Тогда он приезжал в Россию как издатель газеты «New York Herald». Толстой отметил в своем дневнике этот визит (см. т. 52, стр. 19). Крилмен, вернувшись в Америку, опубликовал книгу «On the Great Highway» («На большой проезжей дороге»), в которой рассказал о своей встрече с Толстым³.

Прошло много лет. И в 1903 г. Крилмен вновь приехал в Россию. О своем намерении посетить Ясную Поляну он уведомил Толстого письмом из Берлина.

Перевод с английского

Берлин, 23 июня 1903 г.
Conrad Uhl's Hotel Bristol.
Unter den Linden 5 und 6.

Дорогой граф!

Несколько лет уже прошло с тех пор, как я посетил вас в Ясной Поляне в качестве издателя «New York Herald». Теперь я еду в Россию как представитель газеты «World». Я бы желал вновь побывать у вас, если мне дозволено по-прежнему считать себя одним из паломников Ясной Поляны.

«Воскресение» произвело сильное и прекрасное впечатление в Америке, так как ваше мастерство столь же проникновенно и глубоко, как ваше учение. Мы все надеемся, что вы дадите миру новое грандиозное поучение в новом романе.

Завтра утром я выезжаю в Петербург, а вслед затем хочу направиться в Ясную Поляну.

Буду бесконечно признателен, если вы пришлете мне на адрес «Hôtel de l'Europe» в С.-Петербурге разрешение посетить вас.

С наилучшими чувствами и искреннейшими приветствиями графине, позвольте мне заверить вас в своей преданности,

Джеймс Крилмен

На конверте: Count Leo Tolstoy.
Yasnaya Polyana. Province of Tula
Russia.

Письмо осталось без ответа, но через несколько дней Крилмен был уже в Ясной Поляне. С. А. Толстая писала: «Сейчас приехал американец-корреспондент, и стало неловко жить на свете с сознанием, что всякое наше слово и движение будет описано и напечатано»⁴. Крилмен действительно стал записывать каждое слово и движение Толстого.

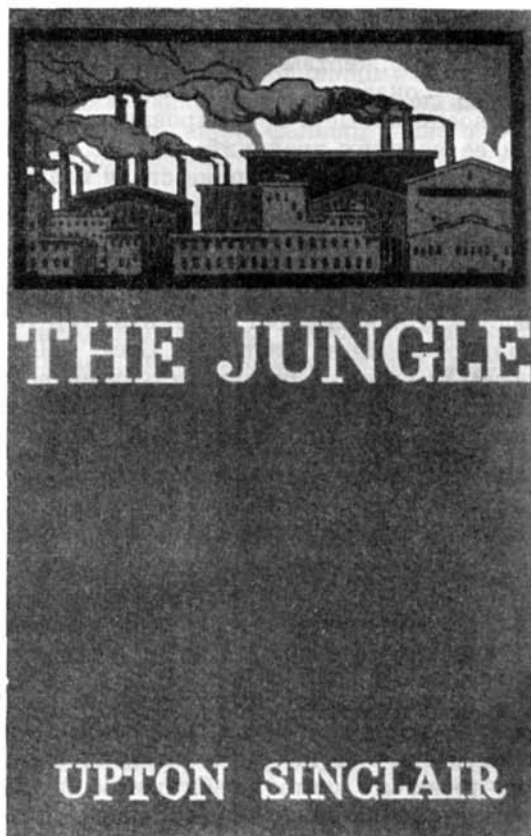
Свой очерк о встрече с Толстым, впоследствии напечатанный в газете «New York World», Крилмен начинает картиной летнего утра в Ясной Поляне.

«Глава русской литературы стоял среди полевых цветов, под сенью ароматных лип, похожий на пророка. Несмотря на свои семьдесят пять лет, он высок и прям. На нем холщовая крестьянская рубашка, прихваченная кожаным ремнем. На голове мягкая белая панама. Сапоги влажны от росы. В руке его палка»⁵.

КНИГА ЭПТОНА СИНКЛЕРА
«ДЖУНГЛИ» (НЬЮ-ЙОРК, 1901),
ПОСЛАННАЯ ИМ ТОЛСТОМУ
В МАРТЕ 1906 г.

Обложка

Личная библиотека Толстого.
Музей-усадьба «Ясная Поляна»

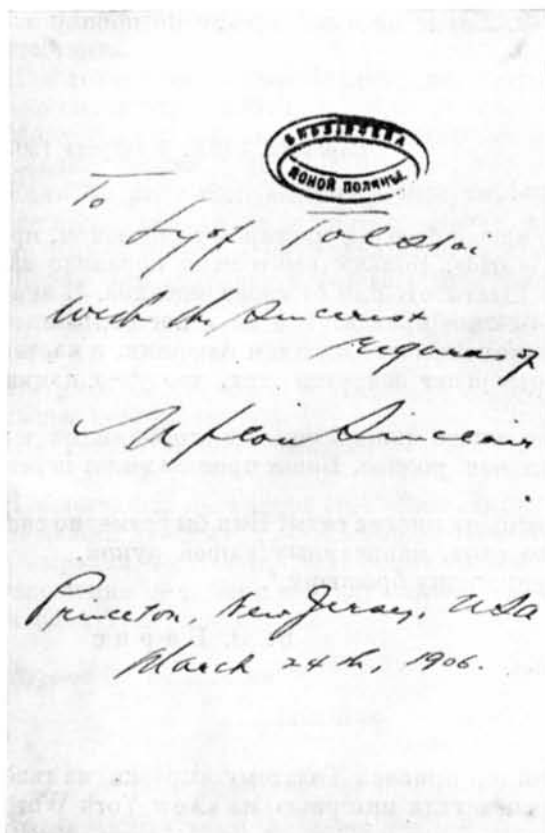
«Америка утратила свою молодость, — говорил Толстой в то утро, когда мы гуляли с ним по густому лесу в его имении. — Волосы поседел, зубы выпадают: началось старческое вырождение. Вольтер говорил: Франция сгнила прежде, чем успела созреть, но что сказать о народе, чьи идеалы погибли на протяжении жизни чуть ли не одного только поколения? Ваши Эмерсон, Гаррисон, Уитьер — никого их уже нет. Вы производите только богатей. В годы перед и после гражданской войны духовная жизнь вашего народа и цвела и приносила плоды. А теперь вы — жалкие материалисты».

Обличительные речи Толстого были направлены против «власти денег» в Америке. Господство миллионеров в общественной жизни страны было для него верным указанием на упадок нравственного сознания.

«Если человек какую-то часть земного шара сделал негодной, неужто другим из-за этого так и продолжать там жить и страдать? Ни один человек не должен работать на такого, как Рокфеллер, — продолжал Толстой. — Он должен предпочесть голодную смерть. Он должен почитать своим христианским долгом отказ от работы на капиталистическом предприятии. Лучше умереть, чем способствовать процветанию Рокфеллера и ему подобных. Это просто его долг — умереть. Ведь если бы на него напялили военный мундир и приказали идти на смерть, он бы с гордостью подчинился приказу...»

Протест против «власти денег» выражен у Толстого в духе учения о непротивлении злу насилием, но нельзя не почувствовать силу этого протеста.

«Свободу вашему народу принесет Истина, — говорил Толстой. — Если он откажется от наслаждения как цели жизни, ему не нужно будет столько денег».

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ
ЭПТОНА СИНКЛЕРА НА КНИГЕ
«ДЖУНГЛИ»
(UPTON SINCLAIR.
THE JUNGLE. NEW YORK, 1901);
«Льву Толстому с искренним уваже-
нием Эптон Синклер. Принстон,
Нью-Джерси, США. Марта 24-го
1906 г.».

Личная библиотека Толстого.
Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Большой интерес представляют сохранившиеся в очерке Крилмена высказывания Толстого о «Хаджи Мурате».

«Я работаю сейчас, — сказал Толстой, — над книгой, которую начал много лет назад. Это — поэма о Кавказе, не проповедь. Центральная фигура — Хаджи Мурат — народный герой, который служил России, затем сражался против нее вместе со своим народом, а в конце концов русские снесли ему голову. Это рассказ о народе, презирающем смерть».

В речах Толстого чувствуется напряженная атмосфера кануна первой русской революции.

«— Я скоро умру, — сказал он спокойно. — Для молодого — естественно желание жить, для старика — естественно желать смерти».

Он немного помолчал. На сенокосе весело пели бабы: громкие голоса звучали в лад с их сильными движениями.

— Я очень старался, чтобы меня заточили в тюрьму или повесили, но мне это не удалось, — сказал Толстой.

Он наклонился, сорвал ромашку и стал вертеть ее между пальцами.

— Я делал все, чтобы добиться такой судьбы. Мечта моей жизни — умереть за веру, которую несу в себе. Распятые на кресте умерли славной смертью!»

Интервью с Толстым, опубликованное Крилменом, имело огромный успех в Америке. Из «New York World» его перепечатывали многие газеты под сенсационными заголовками: «Наша молодость прошла. Наши идеалы пришли в упадок. Толстой. Русский философ оплакивает падение американской морали. Наслаждения — обман. Специальное сообщение...»

Американский читатель В. Э. Барнс писал Толстому по поводу этого интервью:

Перевод с английского

Саратога. США. 8 августа 1903 г.

Милостивый государь!

Я только что прочел отчет о вашей беседе с мистером Крилменом, представителем газеты «New York World». Больше всего меня поразило ваше утверждение, что Соединенные Штаты отошли от своих идеалов. В значительной степени это — увы! — чистая правда. Тем не менее большинство нашего народа по-прежнему хранит верность идеалам Америки, и настанет день, когда это большинство отвергнет действия тех, кто увел нацию с правильного пути.

Прошу вас верить, что у вас много поклонников и сторонников в нашей стране. Имя Толстого для нас родное. Ваши произведения переживут вас.

Да продлит господь вашу жизнь на многие годы! Был бы безмерно счастлив получить от вас несколько слов, написанных вашей рукой.

Посылаю вам для ознакомления одну брошюру⁶.

В. Э. Барнс

На конверте: Count Leo Tolstoi.

Yasnia Poliana. Province of Tula.

Russia.

Доктор медицины Р. С. Клаймер прислал Толстому вырезки из газеты «North American», которая перепечатала интервью из «New York World».

Перевод с английского

Хэтфильд. 27 августа 1903 г.

Графу Льву Толстому

Ясная Поляна, Россия

Дорогой брат мой!

Надеюсь, вы простите меня за то, что я вам пишу. Единственным извинением служит мое восхищение вашими несравненными произведениями, — теми, которые мне удалось прочесть. Несмотря на то, что у меня еще нет ни одной вашей книги, они у меня непременно будут, как только я смогу их приобрести.

Посылаю вам вырезку из газеты «North American», издающейся в Филадельфии, штат Пенсильвания. Вы говорите, что духовная жизнь нашего народа и цвела и приносила плоды до и после гражданской войны, но что теперь мы стали ужасными материалистами. Должен, к сожалению, признать, что это правда, но кое-где можно встретить у нас и таких людей, для которых духовная жизнь важнее всего остального. Как вы догадываетесь, эти люди не богаты мирскими благами, но у них доброе сердце и благородная душа, и они всегда стремятся делать добро.

Не знаю, читаете ли вы иностранные журналы, но я постараюсь подписать вас на «Herald of the Golden Age», который выходит в Англии. Надеюсь, вы согласитесь на этот подарок от незнакомого друга. Даже если вы будете бегло просматривать этот журнал, то убедитесь, что, хотя по большей части люди безнадежно погрязли в материальном, тем не менее есть и такие, которые заботятся о спасении души и творят высокое, благородное, альтруистическое дело.

Надеюсь, что вы с одобрением отнесетесь к делу, которое мы пытаемся осуществить.

Как только мне позволят средства, я приобрету все ваши книги, какие только смогу здесь найти.

Молю бога даровать вам еще много лет жизни, дабы вы могли продолжать ваше доброе дело.

Если бы вы могли выкроить минутку — я был бы счастлив получить от вас несколько строк в подтверждение, что мое письмо получено и что вы не отказываетесь от журнала за ненадобностью.

Желаю вам здоровья и божьего благословения.

Искренне любящий вас

Р. Суинберн К л а й м е р

На конверте: Province of Tula.

Count Leo Tolstoi.

Yasnaya Poliana. Russia. Personal.

Чрезвычайно интересен еще один отклик на интервью Толстого, принадлежащий некоему *М. д'Ансону* из Нью-Арка. Он писал о том, что Толстой выразил настроения мыслящих людей Америки. В письме говорится об отношении молодежи к труду как о доказательстве правоты наблюдений и выводов Толстого:

Перевод с английского

Нью-Арк, шт(ат) Нью-Джерси, 25 сентября 1903 г.
«The Pines», 480, Summer Avenue.

Милостивый государь!

Высказанные вами недавно в «New York World» суждения по вопросам жизненной важности для человечества и (в частности) ваше порицание присущей нам алчности к деньгам и морального упадка, несомненно привлекут самое серьезное внимание всех мыслящих людей нашей страны.

Но ваше высказывание против «патриотизма», несомненно, обеспокоит глав государств — равно империалистов и республиканцев — как высказывание мятежное и разрушительное.

Даже общий дух нашей демократической страны слишком фанатичен в своем национализме и поклонении национальному флагу, чтобы мы могли понять и одобрить ваши слова.

Тем не менее тот патриотизм, который мы знаем, употребляется злыми силами как приманка: по их зову армии патриотов-христиан, даже думающих иначе, могут быть посланы на убийство их собратьев. И не для защиты своих жилищ и свободы. но для того, чтобы отнять их у других народов, чтобы навязать им чужую власть, принести их в жертву на окровавленном алтаре «прогресса» и национальной алчности.

Увы! Долго ли ложный обман «патриотического долга» будет заставлять людей сражаться и погибать вдали от родины? Долго ли будет мир терпеть кощунственное объяснение кровопролитных трагедий национальной вражды: «Так богу угодно»?

Вы правы, милостивый государь, мы созрели преждевременно и теперь клонимся к упадку.

Мы живем в разгуле богатства и роскоши и умрем от порочных излишеств.

Наше хваленое образование и процветание все больше и больше делают молодежь негодной для трудных жизненных задач и гонят ее в водоворот города, в погоне за легким заработком и развлечениями.

Наша учащаяся молодежь относится с крайним отвращением к перспективе стать фермерами, работать у станка, вообще заниматься физическим трудом для заработка. Но, избегая физического труда, они, вместе с тем, могут до изнеможения заниматься спортом, который поистине становится теперь главной целью школьной жизни и учения, так что наши колледжи — это просто-напросто спортивные клубы, где готовятся бесчисленные футбольные команды, чемпионы бейсбола, боксеры и т. п., а вовсе не сколько-нибудь значительные умы и характеры.

Излишне, впрочем, сообщать мои наблюдения тому, кто знает типические черты американцев так широко и точно, словно он принадлежит нашей среде.

Одновременно с письмом посылаю вам книжечку стихов. Прошу вас принять эти раздумья нашего «далекого Запада».

В заключение, милостивый государь, хоть вам и очень хочется пострадать, выражаю надежду, что смерть придет к вам естественным путем, очень нескоро, когда истощатся ваши жизненные силы, а не вследствие людских законов и людской злобы.

Один из ваших скромных последователей

с глубоким уважением Майльс д'А н с о н

Графу Льву Толстому. Россия

На конверте: Count Leo Tolstoi.

Yasnaia Poliana.

Province of Tula. Russia.

Переписка Толстого с Крилменом продолжалась и в последующие годы. В письме от 6 сентября 1903 г. Крилмен, между прочим, писал Толстому:

«Размышляя над вашими высказываниями о частной собственности, я остался при своем неизменном убеждении, что вы не логичны, отказываясь признать высший закон природы о наших обязанностях относительно семьи как противоречащий некоей абстрактной концепции, которая, к тому же, представляет собой этическое противоречие желаниям простого человека, все равно — христианина или язычника.

Я всегда буду считать вас величайшим из правдивейших людей, но в этом одном отношении считаю, что вы идете против прямого, ясного закона вселенной»⁷.

Это очень характерная для буржуазного публициста оговорка. Ему легче признать Толстого пророком, чем согласиться с его критикой частной собственности.

Но, несмотря на свое несогласие с Толстым, Крилмен верно передал его мысли.

Отвечая на его письмо, Толстой заметил: «...ваше интервью [совершенно правильно и очень хорошо написано]» (т. 74, стр. 176).

Многочисленные отклики, вызванные обращением Толстого к американскому народу (а интервью, напечатанное в «New York World», можно назвать таким обращением), свидетельствуют о том, что здесь были затронуты коренные социальные проблемы.

И обращение это является тем более значительным и смелым, что в речах Толстого можно услышать голос русской революции с ее непримиримым отношением к «власти денег», частной собственности, с ее высокой жаждой идеала.

VI В СПОРЕ С АВТОРОМ

1. ОБ ИСКУССТВЕ

В 1887 г., познакомившись с книгой «Так что же нам делать?», где несколько страниц посвящено критике «господского искусства», Р. Роллан спрашивал Толстого: «Почему вы осуждаете искусство?»¹

В ответном письме Толстой говорил, что этот вопрос «основан на недоразумении»: «Истинная наука и истинное искусство, — писал Толстой, — всегда существовали и всегда будут существовать, подобно всем другим видам человеческой деятельности, и невозможно и бесполезно оспаривать или доказывать их необходимость» (т. 64, стр. 94).

И в этом письме Толстой продолжал критику искусства «верхних десяти тысяч». Он сравнивал его с теплым кашушоном, который мешает видеть: «...надо снять тот кашушон, в котором мне тепло, но который закрывает мои глаза» (там же, стр. 96).

Критика Толстого была обдуманной по своему направлению, резкой по существу и часто выражалась в парадоксальной форме неожиданных суждений и оценок. Его мысли об искусстве вызывали бурные дискуссии. Как заметил один из современников, от Толстого спорщики отходили «с Везувием в груди». Многие из них не имели прямого отношения к искусству, но сколько горячей заинтересованности в его судьбе высказали они, вступая в спор с Толстым.

Однажды к Толстому заехал английский офицер Джон Стюарт. Завязалась долгая беседа, которая показалась Толстому даже несколько утомительной. «Ох, болтовни много..., — отмечал Толстой в дневнике 1 февраля 1889 г. — Англичанин, кавалерийский офицер, охотник до horse-flesh *. Дикий вполне англичанин. На все у него готовы évasiv-ные ** шутки и слова <...> Насчет веры: все лицемеры, а я люблю Библию и мои верования для меня, а говорить про них незачем <...> Красота тела есть душа. Whitman ему сказал это. Это его поэт» (т. 50, стр. 32).

Спор произвел на Стюарта такое сильное действие, что он, вернувшись в гостиницу, написал Толстому письмо:

Перевод с английского

Москва, 3 февраля 1889 г.
Hôtel Dussaux

Дорогой граф!

Я знаю, с моей стороны большое нахальство — писать вам, в особенности после того, как вы были столь добры, что позволили мне посетить вас и слушали мою болтовню. Конечно, взглянув на подпись в конце письма, вы можете бросить его в печку. Я ведь об этом не узнаю. Не так ли?

Пишу к вам потому, что не в силах выкинуть мысль о вас из головы. С тех пор, как я с вами расстался, я ни на минуту не перестаю думать.

Когда вы сказали, что вам не нравится Венера Милосская, я был несколько удивлен и процитировал вам Китса:

Для чистого душой — все непорочно².

Вы были отчасти правы, сказав, что это — лицемерие и вздор.

Вы могли сказать и почти что сказали:

«Для порочного — все непристойно».

* лошадей (англ.).

** уклончивые (франц.).

Но я уверен, что вы считаете: в физической красоте проявляется и душа человека.

Мы сотворены господом по образу его и подобию.

Если есть на свете что-нибудь прекраснее старой женщины с гладко причесанными седыми волосами, обветренным лицом и ласковым выражением, то это — только женщина, подобная Венере Милосской с ее духовным и физическим совершенством, с выражением спокойствия и мудрости на лице. Лично я считаю, что мужчины, и молодые, и старые, сложены красивее и пропорциональнее женщин, а также превосходят их и в умственном отношении.

Вы сказали: «Если бы русский мужик увидел Венеру Милосскую, он отвернулся бы и плюнул».

Гете считал, что мужское тело совершеннее и красивее женского. Но поскольку вы не любите Гете, вам, вероятно, его мнение безразлично.

Мне кажется, мы заговорили о Венере Милосской потому, что я спросил вас, читали ли вы Уолта Уитмена, который сказал:

Я говорю, что тело — есть душа,

а вы упомянули еще о ком-то (не помню, кого вы назвали), говорившем то же самое.

По приезде в Англию тотчас же вышлю вам сочинения Уолта Уитмена, потому что уверен, что они вам понравятся.

Я, кажется, уже говорил, что Уолт Уитмен был рабочим-печатником. Он написал книгу «Листья травы», которую никто не хотел издавать, потому что в ней, в одном-двух местах, естественно, без предрассудков, говорится о вещах, которые в приличном обществе принято скрывать, привлекая к ним тем самым еще большее внимание. Он издал свою книгу сам. Однако «несть пророка в своем отечестве»: над ним издевались, его высмеивали.

Я считаю его величайшим из наших современников. Он был участником гражданской войны в Америке, ухаживал за больными и ранеными в госпиталях. Затем он написал другую книгу, вернее, своего рода дневник под заглавием: «Памятные дни».

Им написаны всего две книги: первая, когда он был еще молод (около тридцати лет), вторая — гораздо позже. Он очень беден. Живет в маленькой, очень опрятной комнатке, где стоит кровать, умывальник и стол, на котором две книги: Библия и Шекспир.

На фотографии это красивый старик с длинной белой бородой. Он одевается, как рабочий, и все рабочие его любят.

Пожалуйста, простите, что надоедаю вам таким длинным письмом. Но я был немного взволнован, и, кроме того, мне нечем было заняться. (Вторая половина фразы звучит не очень-то вежливо!) Надеюсь, что сыновья ваши здоровы.

Искренне ваш Д. К. С т ю а р т

Стюарт выполнил свое обещание и прислал Толстому книгу Уитмена. 11 июня 1889 г. Толстой записал в дневнике: «Получил книги: Whitman, стихи нелепые...» (т. 50, стр. 93). Но книга его заинтересовала, и он продолжал чтение. 27 октября 1889 г. в дневнике появляется новая запись: «Читал опять присланного мне Walt Whitman'a. Много напыщенного пустилого; но кое-что я нашел хорошего, например, „Биография писателя“» (т. 50, стр. 165).

Это было первое знакомство Толстого с Уитменом, которого он впоследствии высоко ценил и рекомендовал его книги для перевода на русский язык. Несомненной заслугой Стюарта остается то, что он обратил внимание

«ШЕКСПИР И ТОЛСТОЙ»

Карикатура неизвестного художника
Немецкий журнал «Ulk» от 14 декабря
1906 г. № 50

Подпись под карикатурой: «Великий
Вильям: Дорогой Вольфганг, если
бы я был с ним раньше знаком, в моих
сочинениях было бы одним чудачком
больше»

Толстого на замечательного поэта и дал ему возможность познакомиться с его произведениями.

В 1898 г. появился в печати трактат Толстого «Что такое искусство?», который вызвал, как говорил Левитан, «целый переполох»³.

Толстой выступал против определенных направлений в искусстве, поставящих вещи для «потехи богатых классов». Но именно те, против которых была направлена его критика, обвинили его в попытках ниспровергнуть искусство вообще.

Французский декадент Сар Пеладан печатно и публично называл Толстого «варваром» и даже «мужиком». Противники Толстого были многочисленны и активны. Их полемические статьи наполняли печать. И у многих читателей создавалось впечатление, что Толстой действительно занялся «ниспровержением искусства».

Эдмон Луи де Маси, бельгийский критик, автор статей о трактате Толстого «Что такое искусство?», напечатанных в брюссельском еженедельнике «Fédération Artistique», решительно отвергал поверхностные суждения о Толстом как «разрушителе искусства»⁴. Свои статьи он послал Толстому вместе с письмом, в котором объяснял свою позицию в вопросах искусства.

Перевод с французского

Брюссель. 26 июля 1898 г.
195, Rue Joseph II.

Граф!

Беру на себя смелость послать вам бандеролью мои статьи в еженедельнике «Fédération Artistique», посвященные вашему интересному трактату «Что такое искусство?» (перевод Гальперина-Каминского).

Правда, ныне господствуют совершенно ложные представления относительно великого назначения искусства в человеческом обществе, но и ваши благородные мысли вряд ли будут поняты так, как они того заслуживают. Вы сеяли в плохо подготовленную почву, но некоторые из ваших добрых семян все же дадут всходы.

Для меня лично ваша книга оказалась тем более значительной, что я разделяю ваши взгляды по многим основным вопросам: о том, что произведение искусства должно нести нравственную и религиозную идею, о настоятельной необходимости противостоять потоку произведений чисто сексуального характера, о том, что не надо придавать чересчур большого значения технической стороне дела (мастерство еще не есть искусство) и т. д.

Однако я полагаю, что и вне нравственной, христианской сферы могут быть произведения искусства, пусть второстепенного значения, но неоспоримо прекрасные эстетически.

Как бы то ни было, мне хотелось разъяснить ваши мысли, которые почти всегда бывают плохо поняты, потому что люди ограничиваются чисто поверхностным суждением. Во Франции и в Бельгии ваше имя стало синонимом отрицания искусства. Это нелепо! Ни один писатель не ценил силу воздействия искусства так, как вы. Просто у вас одного достало мужества (впрочем, вы уже обладали необходимым для этого авторитетом), чтобы поставить точки над *i*.

Я говорю в одной из своих статей, что ваше «Что такое искусство?» — вершина эстетики и что всем следовало бы внимательнейшим образом прочесть эту замечательную книгу. Со своей стороны, оставаясь по некоторым вопросам при собственном мнении, я отдал ей должную дань.

Вы оказали великую услугу священному делу высокого искусства, которое — увы! — часто нарушается в настоящее время.

Русские издатели просили у меня мои статьи: не знаю, для вас или нет.

Эдмон Луи де М а с и,
Главный редактор «Fédération Artistique»,
преподаватель Королевской Академии
изящных искусств в Антверпене (история искусств)

На конверте: A Monsieur le comte Léon Tolstoi
en son château de Yasnaïa Poliana.
Gouvernement de Toula. Russie.

Как известно, в трактате «Что такое искусство?» Толстой избрал критерием для определения истинного искусства «религиозное сознание». Это привело его прежде всего к отрицанию своего собственного художественного творчества до перелома в миросозерцании. Вместе с «Войной и миром» он готов был отбросить и многие другие классические произведения искусства.

Маси с большой осторожностью и тактом намекает на односторонность такого решения вопроса «о том, что есть и что не есть искусство». Толстой и сам понимал, что если взять «религиозное сознание» единственным критерием, область искусства окажется слишком узкой.

Поэтому в трактате «Что такое искусство?» он оговаривает возможность и необходимость существования «общечеловеческого искусства», для которого обязательно только нравственное содержание. Пользуясь этой оговоркой Толстого, Маси указывает и на другие области искусства, которые находятся за пределами христианской моральной области, но обладают неоспоримой эстетической ценностью.

Это был один из самых трудных вопросов и для самого Толстого. Как об этом свидетельствуют его дневники, он постоянно возвращался к вопросу непосредственной ценности прекрасного и после того, как окончил работу над трактатом «Что такое искусство?»

Филолог *И. Стоквис* из Лейденского университета писал Толстому:

Перевод с французского

Гаага. Голландия. 22 января 1902 г.
Stokvis H. Obrechtshraat 147.

Дорогой учитель!

Мне двадцать три года, я кандидат филологических наук Лейденского университета. Уже давно я изучаю, восторгаюсь, даже обожаю художественную литературу и музыку во всех ее видах.

Недавно я прочел несколько раз ваше «Что такое искусство?», и новый мир открылся передо мной, мир, виденный мною и раньше, но как во сне — далеком и туманном. Я еще не все понял, многие из ваших рассуждений причиняют мне боль, повергая в прах прежние мои кумиры, но тем не менее я вам очень, очень благодарен, потому что вы указали, как мне освободиться от ужасных, державших меня в плену предрассудков.

Можно задать вам вопрос?

Вы пишете, что большинство своих книг вы считаете плохими произведениями искусства. В том числе и «Воскресение»? Почему?

Надеюсь, что я не проявил нескромности, написав вам это письмо. Я был бы счастлив, если бы, несмотря на мой весьма несовершенный французский язык, вы поверили моей благодарности и преданности.

Ваш преданный и благодарный *

И. Стоквис

На конверте: Comte Leo Nikolaëwitch Tolstoy, à Moscou. Russie.

В письме Стоквиса еще яснее, чем в письме Маси, выражено недоумение, которое вызвали ригористические оценки Толстого. Надо сказать, что «Воскресение» Толстой выделял из всех своих романов и рекомендовал эту книгу наряду с «Кругом чтения»⁵, но Стоквис мог и не знать об этом. Речь шла о другом. Его смущала резкая и отрицательная оценка тех произведений, без которых трудно было представить себе искусство, но которые никак не укладывались в жесткую и узкую раму «религиозного искусства».

Толстой чувствовал, что, преследуя свою цель, ополчившись на «господское искусство» своего времени, на декадентов, русских и иностранных, он сделал слишком односторонние выводы.

Об этом Толстой и сам сказал однажды: «И я, осердясь на блох, и шубу в печь, т. е. решил, что так называемое искусство есть огромное зло, — зло, возведенное в систему. Потом, когда я остыл немного, я убедился, что я был не совсем справедлив...» (т. 30, стр. 211).

Но в полемике с Толстым большинство его оппонентов не заметило или не хотело замечать, что в его эстетике важнейшее значение имели требования «всемирного искусства».

Одному из своих корреспондентов Толстой писал: «Вы спрашиваете меня о том, упадок ли декадентство или, напротив, движение вперед? Коротко ответить: разумеется, упадок, и тем особенно печальный, что упадок искусства есть признак упадка всей цивилизации» (т. 78, стр. 67).

Эстетическая критика Толстого становилась социальной, как только он прикасался к причинам, вызвавшим кризис современного искусства. «...Наше утонченное искусство, — писал Толстой, — могло возникнуть только на рабстве народных масс и может продолжаться только до тех пор, пока будет это рабство <...> Освободите рабов капитала, и нельзя будет производить такого утонченного искусства» (т. 30, стр. 82).

* Последние четыре слова написаны во французском тексте письма по-русски. — Ред.

«Освободить рабов капитала» — это дело революции.

Можно отнести и к творчеству Толстого то, что он сказал о «народной мысли» в поэзии: «Поэзия народная всегда отражала, и не только отражала, предсказывала, готовила народные движения...» (т. 53, стр. 126).

2. ПОЛЬ ГИАЦИНТ ЛУАЗОН

В 1900 г. Толстой получил от молодого французского литератора Поля Гиацента *Луазона* письмо и драму «L'Evangile du Sang» («Кровавое Евангелие») с дарственной надписью: «Толстому — великому апостолу Мира...»¹

Луазон был сыном известного французского религиозного деятеля, отца Гиацента, проповеди которого еще в 1860-е годы собирали огромную аудиторию в Соборе Парижской богородицы. В последующие годы отец Гиацента снискал громкую известность своими выступлениями против догмата непогрешимости папы.

Перевод с французского

Лозанна. 2 марта 1900 г.

Я — молодой человек, испытавший сильное влияние вашего сурового учения. В прошлом году я даже выступал в Риме по поводу нравственной стороны ваших произведений. И я вступил в ряды армии мира, находящейся в вашем распоряжении.

Мое имя, возможно, вам известно, благодаря тому, кто носит его с большей честью, чем я: моему отцу, «Père Hyacinthe». Но я желал бы стать вам известным только благодаря своим собственным произведениям, как бы скромны они ни были.

Если моя небольшая драма «Кровавое Евангелие» могла бы заслужить ваше одобрение, это придавало бы мне силы для творчества в будущем.

Каждый человек должен возвыситься, каждый должен сознаться самому себе в уродливости так называемого цивилизованного общества; необходимо, чтобы каждый воспарил до вершин правды.

Извините смелость, с которой я решился обратиться к вам. Но вы знаете, что великие и малые равны перед богом.

Поль Гиацент Л у а з о н

Это письмо осталось без ответа. По-видимому, Луазон не был уверен, что оно получено. В 1903 г. он встретился и познакомился в Риме с дочерью Толстого — Т. Л. Сухотиной.

Заручившись ее рекомендательным письмом, Луазон вновь обратился к Толстому:

Перевод с французского

9 января 1903 г.

Neuilly-sur-Seine. France.

Высокочитимый господин Толстой!

Вот письмо вашей дочери как предисловие к статье, вложенной в этот конверт, и к пьесе, сыгранной в Париже («Кровавое Евангелие», против войны), которую вручит вам один из ваших друзей через некоторое время.

Для меня будет величайшей честью (после чести быть сыном отца Гиацента) удостоиться вашего одобрения.

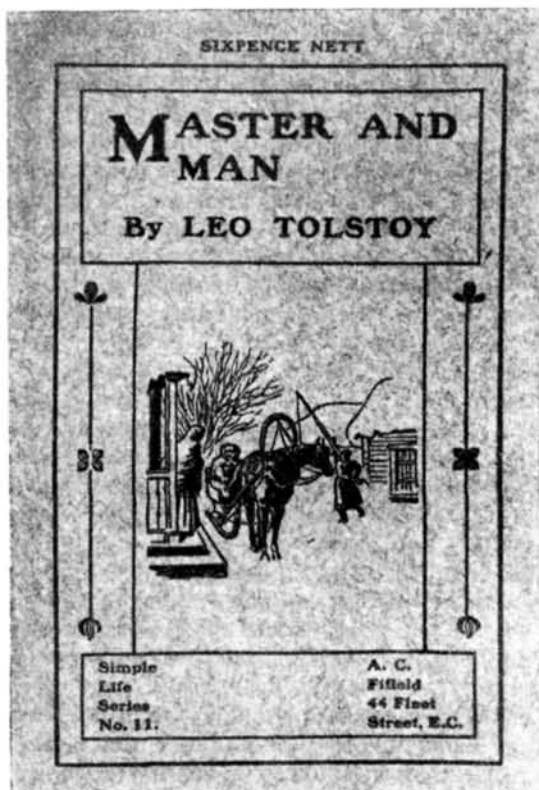
Поль Гиацент Л у а з о н

Статья Луазона «Инвеститура Толстого» представляет собой критический очерк мировоззрения великого писателя. Она посвящена характеристике Толстого как создателя и проповедника религиозно-философского учения².

«ХОЗЯИН И РАБОТНИК». АНГЛИЙ-
СКОЕ ИЗДАНИЕ
(ЛОНДОН, 6. г.)

Обложка

Личная библиотека Толстого.
Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Луазон считает парадоксальным признание Толстого «властителем дум» современности. Наибольшей известностью имя Толстого, по его мнению, пользуется в среде интеллигенции, «особенно у ее элиты» — писателей, художников и т. д.

Между тем, проповедь Толстого находится в полном противоречии с идеологией этих людей, которым, как правило, чужды призывы Толстого к опрощению, к отказу от «плотской любви» и проч.

Не менее чуждо учение Толстого и социалистической интеллигенции. Ее связь с Толстым временная, существующая обычно между всеми оппозиционно настроенными элементами общества. Толстой отнюдь не социалист, так как социализм, в конечном счете, признает и опирается на революционное насилие, которое Толстой отрицает.

Луазон приводит слова Толстого из его «Ответа на определение Синода...» о том, что на свете «едва ли есть сотня людей», разделяющих его взгляды³. Эти слова вполне справедливы, продолжает Луазон, но, тем не менее, Толстой останется в памяти потомства как духовный вождь XIX в.

Значение Толстого и его влияние на современников несомненно. Это влияние представляет собой «странный феномен». Чтобы понять его, Луазон обращается к личности Толстого, к его «нравственному облику».

Здесь Луазона прежде всего привлекают и поражают противоречия Толстого. Несмотря на свой явно выраженный антиклерикализм, Толстой является человеком религиозным. Луазон связывает «доктрину совести» у Толстого с идеей «анархии». Единственным, основным, непреложным законом, руководство которым Толстой предписывает и себе, и другим, является «закон совести». «Отсюда анархизм Толстого», — пишет Луазон, т. е. непризнание законов «общественных».

Толстой, говорит далее Луазон, одержим идеей добра, стремлением уничтожить господство зла на земле. Он причисляет Толстого к тем проповедникам, которыми во все времена не оскудевал мир и которые в годы бедствий человечества выступали в его защиту. Толстой похож на сурового апостола по страстности и беспощадности проповеди. По разрушительной силе своей речи он напоминает Павла. Он проходит по миру с опущенными долу глазами, чуждый всему, что может отвлечь его от главного дела жизни.

Статья Луазона была написана в связи с выходом в свет во Франции сборника произведений Толстого под названием «*Les Rayons de l'Aube*» («Лучи зари») ⁴. «Каждый мыслящий и чувствующий человек, прочтя эту книгу, — пишет Луазон, — закроет ее если не с твердым решением изменить свою жизнь, то, во всяком случае, усомнившись в ее правильности. Книга никого не оставляет равнодушным. Она омрачает наше веселье, но и пробуждает в душе какие-то новые, очень благородные чувства, вселяет тревогу».

Луазон утверждал в статье, что он разделяет в главном и основном взгляды Толстого, но, вместе с тем, он подробно излагает и свои разногласия с ним. Его возражения направлены прежде всего против максимализма Толстого, против категоричности его нравственных и социальных требований, «что делает его идеи неприложимыми к жизни».

Кроме того, если бы идеи Толстого осуществились в жизни, то это, по мнению Луазона, причинило бы гораздо больше вреда людям, чем пользы. Например, следует ли всегда и во всех случаях не противиться злу? Нужно ли так безусловно, как этого хочет Толстой, отказываться от правосудия? Конечно, современная цивилизация страдает многими пороками, но следует ли отказываться и от благотворных ее достижений?

Учение Толстого, по мнению Луазона, представляет собой модернизированное христианство, взятое в его чистом, первоначальном виде. Но христианство не было так нетерпимо в своих требованиях, как толстовство.

«Трудно согласиться и с оценкой искусства у Толстого», — пишет Луазон. Эта оценка является следствием глубокого отвращения Толстого к паразитизму, тяготеющему над всем современным обществом, что сближает его с восточными вероучителями — Христом, Буддой, Лао-Цзе.

Высказав свое несогласие с Толстым по многим вопросам, Луазон, однако, пришел к выводу, что только мысль, доведенная до крайности, выраженная с пророческой силой, может еще привлечь внимание равнодушного общества, нарушить его эгоистичное спокойствие. Упорствуя в своей «несовершенной теории», Толстой заставляет себя слушать.

Добро распространять словом труднее, чем зло. Тут нужны живые подвиги и примеры. И Толстой вырастает перед нами во всем своем величии. Он отказывается от литературы, он уходит в жизнь. Свою единственную миссию он видит в том, чтобы всеми силами «раздуть пламя правды».

Статья Луазона представляет собой попытку отвлеченно-философской характеристики Толстого. Но Луазон верно отметил противоречия во взглядах Толстого и между его учением и социализмом.

Учение Толстого действительно не имеет ничего общего с научным социализмом. Но это не значит, что в его учении вообще нет социалистических элементов или что оно по своему духу не является социалистическим.

Толстой решил отвечать Луазону. В каждом слове его письма чувствуется глубокое волнение. Он отвечал не только Луазону, но как бы и многим другим своим критикам.

«Вы осыпаете меня восхвалениями, — писал Толстой, — и в то же время упрекаете в странных пробелах в моих рассуждениях и даже в отсутствии какой-либо основы. Все мои критики, с сожалением должен сказать,

что вы не составляете исключения, упрекают меня за мои нападки либо против церкви, либо против науки или искусства и в особенности против всякого рода насилия, применяемого правительствами. Одни называют это просто глупостью или безумием, другие — непоследовательностью и эксцентричностью. Мне дают всякого рода лестные эпитеты: гения, реформатора, великого человека и т. д. и в то же время не признают за мной самого простого здравого смысла <...>

Я не реформатор, не философ, не апостол, но самое меньшее из достоинств, которое я могу себе приписать и приписываю, — продолжал Толстой, — это логичность и последовательность». И Толстой пояснил смысл своей позиции притчей о земледельце и цветниках. «Упреки, которые мне делают, — писал Толстой, — рассматривая мои идеи с объективной точки зрения, т. е. со стороны их применимости к мирской жизни, подобны упрекам, которые сделали бы земледельцу, вспахавшему и засеявшему зерном местность, за неосторожное отношение к прежде покрывавшим ее кустарникам, траве, цветам и красивым дорожкам. Эти упреки справедливы с точки зрения тех, кто любит деревья, зелень, цветы и красивые дорожки, но упреки эти совершенно ошибочны с точки зрения земледельца, который обрабатывает и засеивает свое поле для того, чтобы себя прокормить» (т. 74, стр. 16—17).

Если в трактате «Что такое искусство?» Толстой стремился выдержать во всем «точку зрения трудового человека», то притча о землепашце в письме к Луазону завершает эту тему и придает пластическую ясность позиции Толстого в вопросах искусства.

Луазон воспринял ответ Толстого как высокую честь, которой он удостоился.

Перевод с французского

Нейи-сюр-Сене. 17 марта 1903 г.
6, Rue Chanveau.

Дорогой и великий учитель!

Ваш ответ на мою статью будет мне всегда дорог не только потому, что он написан Львом Толстым, но еще и в особенности потому, что в нем содержится простое и новое изложение ваших взглядов на жизнь.

Мне хочется забыть разногласия, разделяющие вас и тех, с кем я в некоторых отношениях согласен. Я хочу видеть только самое основное, самое главное — то, в чем сходятся души всех людей, стремящихся к установлению царства Любви.

Я не из тех, кто льстиво награждает вас громкими, но пустыми словами: гений, апостол, мыслитель! Я просто принадлежу к довольно малочисленной категории людей, в сердца которых проникло зерно пламенной истины, и произошло это, хотя отчасти, благодаря вашему учению. Даже если б все ваши книги погибли, вы не зря жили на земле. Вы воплощенная совесть. Точно таким же был и мой отец. Это не приносит славы, но это утешение, венчающее страдание. А для других — пример и поддержка.

Вы видите теперь в каждом отдельном человеке совесть, готовую после кончины предстать перед вечным судьей — богом. Кто посмеет сказать, что вы неправы? Это взгляд субъективный, истинный и, безусловно, очень существенный и важный.

Только ли такой взгляд важен и существен? Разве люди, идущие сквозь века, поколение за поколением, не должны выполнить своего предназначения в создании цивилизации, то есть способствовать развитию всех сторон человеческой деятельности — науки, искусства и т. д. — так же, как религии и морали? Это взгляд объективный, который вы отвергаете. Но разве нельзя примирить обе эти точки зрения?

Надо ли защищать вас перед вами же самими? Ведь еще так недавно вы проявили себя одновременно и поборником правды, и художником, создав «Воскресение».

Но я увлекся разговором. Простите.

Пусть благословение Духа, который живет в наших сердцах, всегда сопутствует вам! Спасибо за то добро, которое вы несете миру!

Примите мой почтительный, сыновний привет.

Поль Гиацинт Луазон

Г-жа Т. Сухотина заверила меня, что один из ее друзей передаст вам в собственные руки мою небольшую драму «Кровавое Евангелие», в которой я старался провести ваши идеи. Это — несовершенное произведение, но оно послужило толчком к созданию произведений более достойных, число которых, к счастью, множится. Если война не уничтожена окончательно, она стала постыдной, а это уже немало!

На конверте: Comte Léon Tolstoy.

Yasnaya Poliana. Russie.

Спустя два года, в 1905 г., Луазон решил коснуться вопроса о непротивлении.

Его по-прежнему занимает самый предмет спора «в интересах истины», а не тщеславная радость полемики с Толстым.

Перевод с французского

Париж. 4 февраля 1905 г.

Милостивый государь!

Ровно два года назад я удостоился чести получить от вас письмо в ответ на мою статью, посвященную рассмотрению философских основ вашего учения.

Разрешите мне теперь высказаться в интересах истины.

Я считаю, что основы вашего учения находятся в полном противоречии с внутренней сущностью социализма. Поскольку в настоящее время в умах царят полнейшая путаница и разногласия по этому поводу, мне приятно вспомнить, что я был одним из первых, кто указал на это противоречие. Недавние события подтвердили мою правоту.

Вчера вечером в Париже, на собрании пяти тысяч социалистов и анархистов, французов и русских, бывший наставник Гапона торжественно опровергал ваше учение и говорил, что стачечники были одурачены вашей теорией непротивления злу насилем и что в будущем русские пролетарии должны вооружаться.

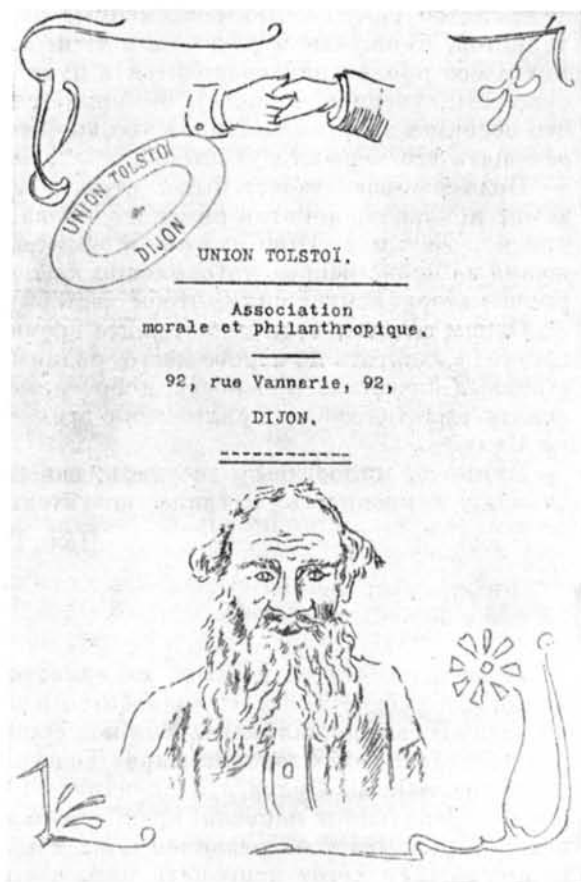
Смею сказать, что я рад был этой декларации, хотя бы только потому, что она привела все в ясность; социалисты, главным образом, говорят о правах: праве на отдых, на счастье, даже на наслаждение. Вы же говорите, главным образом, о долге: долге общественном и, в особенности, личном каждого человека по отношению к братьям, к богу, если он в него верит, наконец, к самому себе и к своему идеалу. Из этих двух воззрений ваше предпочтительнее, как более благородное и плодотворное. Но, следовательно, примирить оба эти учения невозможно? Как раз об этом я и думал, когда два года назад писал свою статью о вашем мировоззрении.

Я не рассчитываю найти истину в злосчастной золотой середине, столько раз осмеянной. С одной стороны, мне кажется, что социалисты правы, когда, возражая вам, говорят: «Если мы по-прежнему будем, как блеющие овечки, идти безоружными против хозяев, они просто-напросто будут продолжать стрелять в нас до скончания веков». С другой стороны, вы мне кажетесь глубоко правым, когда говорите им: «Победа материального нача-

УСТАВ СТУДЕНЧЕСКОГО «ТОЛ-
СТОВСКОГО СОЮЗА». Г. ДИЖОН
(ФРАНЦИЯ)

Был прислан Толстому 19 января
1905 г., с сообщением об избрании его
почетным председателем Союза

Обложка
Архив Толстого, Москва

да — только искушение для народа. Грубые наслаждения по примеру богатых, которых народ хочет низвергнуть, развращают и делают сердце черствым. Нравственная победа над самим собой — в этом всё.

Недостаток религиозности и обязательных норм нравственности привели к тому, что Французская революция, начавшаяся с апофеоза, закончилась в бездне кровопролития.

Пусть так! А я все же упорствую в мечте о примирении этих чувств. И мне хочется видеть это примирение в современной демократии, одновременно чистой и могущественной, сильной числом сторонников, а также и добродетелью.

Сила, опирающаяся на право, и право, подкрепленное силой. Я вижу этот идеал в реформации XVI века, сторонники которой перед сражением возносили молитвы и умели побеждать своих угнетателей так же, как собственные дурные наклонности.

Наш идеал не в том, чтобы навязывать свои требования силой, как проповедуют социалисты-революционеры. Но если враг хочет утопить наши права в крови, должны ли мы это позволить? Вопрос серьезнейший и ответственность ужасна. Как его разрешить?

О! Конечно, вы правы: не может быть великой революции без нравственного возрождения, без воскресения. Но дает ли нам история всего человечества хотя бы один пример такой идеальной революции? Вот разве восстание американских пуритан против Англии в XVIII веке, да и то они прибегли к помощи оружия.

Если об уничтожении современных видов тирании правительств, капиталистов, буржуазной роскоши и т. п. можно будет думать лишь тогда, когда все пролетарии возродятся в духе вашего учения (являющегося, в сущности, учением Христа), не придется ли нам дожидаться так долго, что иссякнет энергия солнца, а тем временем оно будет так же бесстрастно освещать все мерзости угнетения?

Подытоживаю: может быть, стоит к идеалу Христа, проповедуемому вами, прибавить понятия римского права, которое христианство так напрасно затемнило? И не нужно ли демократии быть сперва достойной уважения за нравственные устремления каждого из ее членов, а затем приобрести материальную силу, чтобы заставить себя уважать?

Одним словом, если в настоящее время — время ненависти и крови — следует выдвигать на первое место, поднимать и углублять заботу о нравственных качествах (нежность, доброта, всепрощение), не стоит ли также искать практического приложения этих качеств в Праве, опирающемся на Силу?

Примите, милостивый государь, заверение в глубочайшем уважении за вашу искренность, а также почтительную, искреннюю критику.

Поль Гиацинт Луазон

На концерте: Russie.

Le comte Léon Tolstoy. Toula.

Луазон не был ни первым, ни единственным критиком, указывавшим на то, что учение Толстого «находится в полном противоречии с внутренней сущностью социализма», если под социализмом разуместь теорию революционного преобразования мира. Толстой и сам прекрасно сознавал это различие. «В. Ф. Орлов взялся написать предисловие к книге „Так что же нам делать?“ и написал прекрасную статью, — говорил Толстой, — в которой указывает на различие моих взглядов от социалистов и революционеров: „Те хотят исправить мир, а этот хочет спасти душу“» (т. 85, стр. 324).

Письмо Луазона написано под впечатлением «кровавого воскресенья» — 9 января 1905 г. Именно этим объясняется острота постановки вопроса. Но Луазон явно не разобрался в идеях ораторов, которых он слушал на митинге в Париже.

По меньшей мере, наивно было принять «наставника Гапона» за человека, выражающего точку зрения революционеров. По-видимому, Луазон или неясно слышал его речь, или спутал его с кем-то другим, так как этот оратор не мог сказать тех слов, которые он ему приписывает.

«Наставник Гапона» — это И. М. Трегубов (1858—1931), высланный из России за участие в «деле духоборов»⁶. «Наставником Гапона» его называли потому, что в 1880-е годы он был надзирателем в Полтавском духовном училище, где тогда учился Гапон. Толстой хорошо знал Трегубова. Они переписывались много лет. Трегубов никогда не был ни социалистом, ни революционером и никогда не проповедовал вооруженной борьбы пролетариата.

Но Луазон верно почувствовал настроение революционной эпохи. «Они будут стрелять в нас до скончания веков», — это был крик гнева и боли, огласивший день 9 января.

Толстой был близок революции своим бескомпромиссным стремлением к правде.

Именно поэтому так чужда была для него концепция «золотой середины», предложенная Луазоном.

27 ноября 1910 г., вскоре после того, как мир облетела весть об уходе и смерти Толстого, в газете «Droits de l'Homme» Луазон поместил неболь-

шую заметку, не похожую на некролог или статью. Это, скорее, письмо, обращенное к читателям и навеянное мыслями о жизни Толстого.

«Перед лицом подобной смерти,— писал Луазон,— люди могут испытывать только одно чувство — благодарность за то, что им суждено было явиться свидетелями возвышенной судьбы, столь чудесно завершившейся. Когда время близилось к полуночи, он бросился, наконец, к своему идеалу, к которому были направлены столь долго его самые горячие стремления; Толстой хотел спасти свою душу, чтобы спасти весь мир, и он ушел в бурю, как Король Лир, чувствовавший себя причастным к преступлениям, от которых хотел бежать».

Луазон видел Толстого «странником среди странников», идущим вместе с «толпой угнетенных». И, может быть, только этот последний акт трагедии вполне раскрыл перед Луазоном, да и не только перед ним, смысл бесстрашного стремления дойти «до корня», стремления, запечатленного не только в жизни и в творчестве Толстого, но и в самой смерти.

3. ПРОТИВ НЕПРОТИВЛЕНИЯ

В статье «Лев Толстой и его эпоха» В. И. Ленин писал, что для Толстого «определенная, конкретно-историческая постановка вопроса есть нечто совершенно чуждое». И это особенно заметно там, где речь идет об исторических явлениях. «Он рассуждает отвлеченно,— пишет Ленин о Толстом,— он допускает только точку зрения „вечных“ начал нравственности, вечных истин религии...» (Полн. собр. соч., т. 20, стр. 101).

При этом Толстой, оставаясь в отвлеченной сфере «вечных истин нравственности и религии», стремился разрешить конкретно-исторические проблемы современного общества. Поэтому возникла острая полемика о непротивлении и в печати, и в личной переписке Толстого. Эта полемика была не отвлеченной, а очень конкретной и касалась важнейших и определенных проблем современности, хотя чаще всего велась на материале фактов и событий прошлого.

Доктор медицины И. Т. Рид из Канады доказывал Толстому, что принцип непротивления никогда не приносил желаемого результата и не может быть принят народом как средство избавления от «зла».

Перевод с английского

Монреаль. 28 сентября 1894 г.

Графу Льву Толстому

Дорогой друг!

Можно мне называть вас так? Я это делаю потому, что в течение многих лет вы были одним из моих лучших друзей. Мои лучшие друзья — те благородные люди, чьи книги дали мне величайшее наслаждение в жизни.

Из ваших книг я извлек не только удовольствие (я прочел все ваши сочинения, а теперь читаю последнее из них — «Царство божие внутри вас»), но и большую пользу. Благодаря вам я постиг высокие принципы учения Христа глубже, нежели в церкви, которая утверждает, будто проповедует эти принципы.

Чем больше я изучаю Его заповеди, тем яснее и яснее вижу, как их извращает церковь.

И все же я до сих пор бреду ощупью, потому что заповедь «Не противься злу» для меня не вполне ясна. Поэтому я и обращаюсь к вам за разъяснением.

В вашем последнем произведении вы учите, что противление злу никогда не может быть благом, даже если народ угнетен злом деспотического правления¹.

Я не могу с этим согласиться и примирить это с событиями истории.

1) Так, например, мне кажется, что в деле освобождения негров Соединенных Штатов Америки сопротивление аболиционистов, которое привело к свободе рабов, было благотворным.

Правда, оно повлекло за собой кровопролитие и все ужасы гражданской войны, но зато уничтожило право рабовладельца владеть негром, как скотиной. Правда, положение американских негров в обществе все еще очень далеко от того, каким ему следовало бы быть, но все же эволюция постепенно совершается, и негры развиваются умственно и эстетически, если уж не физически и нравственно.

2) В царствование короля Иоанна английская знать путем противления получила от Иоанна или, вернее, исторгла силой Великую Хартию Вольностей, хартию свободы, которой англосаксы и пользуются с той поры. Это противление, на мой взгляд, принесло людям много хорошего.

3) В царствование английского короля Карла Первого круглоголовые (виги) также оказали противление королю. Правда, это стоило королю головы и привело многих к смерти, однако во времена правления Кромвеля Англия была свободна от деспотизма.

4) Правда, в царствование Карла Второго деспотизм ожил, но вторая революция (опять противление) приостановила его вторично.

5) В царствование Елизаветы Английской флот Англии оказал сопротивление испанской Армаде и спас Англию от возобновления тех гонений на протестантов, которые были во времена правления королевы Марии («Марии Кровавой»). Хотя эта морская битва многим стоила жизни, зато была завоевана свобода от деспотической власти католической Испании.

6) Если бы русские крестьяне подняли революцию против деспотизма царя, как это неоднократно делали англичане против своих королей, они могли бы достичь того же, чего достигли англичане. Могли бы положить конец неограниченной власти царей, воспрепятствовать бесчеловечной жестокости к ссыльным в Сибири и предотвратить многие притеснения их самих. Не было ли б это благом для России?

При деспотической власти Англия никогда не делала успехов в науке, литературе или любом виде просвещения. То же самое в России. Англия повела другие народы за собой в отношении просвещения с той поры, как покончила с деспотизмом и к власти пришел народ.

То же самое могло бы быть в России. Но она никогда не покончит с деспотизмом, пока народ не восстанет во всей своей мощи, как это сделал английский народ, и не положит конец злу деспотизма путем противления.

Когда я читаю о прошлом, сопротивление злу путем народных восстаний кажется мне от бога. Однако и в Нагорной проповеди сказано: «Не противься злу». Отсюда все мои затруднения. Не будете ли вы столь добры разъяснить мне это? Могу ли я просить вас об ответе? Я был бы очень рад узнать все непосредственно от вас, человека, которого я так полюбил.

Буду совершенно удовлетворен, если вы мне ответите хотя бы кратким письмом. Я был бы вам очень и очень благодарен и продолжал бы вспоминать о вас с любовью.

Смею ли просить вас прислать мне вашу фотографию? Ваше лицо — одно из тех, которые мне всегда хотелось бы иметь перед глазами.

Искренне ваш

Доктор медицины И. Т. Р и д

637, Wellington Street. Montreal. Canada.

Р. С. Сейчас в Америке также существует рабство — это рабство труда в оковах капитала. С каждым годом все яснее видны зловещие признаки будущего кровопролития в результате освободительной борьбы трудящихся. По-видимому, ничто другое не освободит их от рабства.

«ЦАРСТВО МОЛЧАНИЯ»

Карикатура на политический режим русского самодержавия

Литография А. Микаэля, 1901

Изображены (слева направо) обреченные на молчание под угрозой расправы — Толстой, Толстой, Финляндия, студенчество, пресса

Вырезка из французского журнала «Assiette au Beurre»

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Мне все же кажется, что освобождение негров доказало святость противления. Следовательно, если труд окажет капиталу вооруженное сопротивление и таким образом завоюет себе свободу, это будет также от бога.

На конверте: Count Leo Tolstoi.
Yasnaya Polyana. Russia. Europe.

Толстой доказывал «святость непротivления», и против него был выдвинут антиномичный тезис «святости противления». Он знал силу аргументов истории. Но они для него не имели решающего значения. Если история свидетельствует в пользу противления, то это потому, что история, с «точки зрения вечных начал религии», отражает заблуждения и ошибки человечества. По мысли Толстого, нужно начать новую чистую страницу, которая может стать первой страницей истинной истории человечества.

Письмо из Чикаго от выходца из России, «экс-адвоката» И. Кёнига, содержит важное определение противоречий между «диагнозом» и «рекомендованным способом лечения» в теории Толстого.

Подлинник по-русски

Чикаго. <11 октября 1902 г.>

Дорогой друг! (Не лично мой, а всех и каждого.)

Долго не употреблял я русского языка, и потому мой слог окажется, вероятно, местами шероховатым, местами неточным. Надеюсь, однако, что не исказится смысл того, что хочу сказать.

Читал я многие из ваших произведений, но мое особенное внимание обращено было на «Современное рабство» — «The Slavery of Our Times»², по поводу чего и обращаюсь к вам за разъяснением.

Постараюсь быть кратким, во-первых, потому, что я, как фабричный рабочий, не располагаю достаточным досугом, и, во-вторых, потому, что объемистый пакет может возбудить подозрение в глазах полиции и быть перехвачен ею.

Не могу не признать, что вы совершенно верно диагностируете нашу социальную болезнь, но не могу согласиться с рекомендуемым вами методом лечения — «non resistance» — смирение.

Не желая впасть в односторонность, считаю за лучшее обмениваться, буде удостоюсь ответа, с вами мыслями для полного выяснения гнетущего нас вопроса.

Вы прекрасно знаете, что одна логика не служит еще ручательством в верности вывода. Всякое понятие, как бы оно ни было просто, несложно, вытекает из других предшествующих ему понятий — посылок, опускаемых, подразумеваемых, часто даже незамечаемых. Таким образом, при соблюдении самой строгой логики правильность или неправильность заключения зависит от верности или неверности первой посылки, служащей незаметно для нас точкою отправления.

Как *ex*-адвокат беру пример из судебной деятельности. Бывает, что как прокурор, так и защитник — оба искренни, правдивы (по их понятиям), а, между тем, каждый из них на основании одних и тех же фактов приходит к противоположному заключению.

Это объясняется, по моему мнению, единственно различием их положений, составляющих бессознательно для них то предвзятое мнение, с которым они подходят к данным фактам, и потому освещенным для каждого из них различно.

Не сомневаюсь, что все ваши душевные порывы, все ваше внутреннее бытие имеют своей жизненною артериею необъятную беспредельную любовь к человеку. Но любовь эта религиозная, вытекает из альтруизма, а не из эгоизма, чистого, сознательного, состоящего в том, что человек может быть

счастлив только тогда, когда все другие счастливы, и только в таком случае его собственное счастье гарантировано, полно³.

Последняя любовь имеет, на мой взгляд, материалистическую основу в нашем сознании, уме, когда первая — эфемерная, вытекающая из одного чувства, обуявшего, поглощающего вас до того, что теряется равновесие между умом и чувством. Вы несетесь на крыльях этого чувства далеко, далеко в поднебесную высь, отрываясь от действительности, и находите пристанище только в учении Христа — «Не противься злу — смирение».

От великого до смешного один только шаг. Смирение! Вся природа своею историею развития служит отрицанием этого учения. Для того чтобы признать ваш метод лечения целесообразным, могущим дать блестящий результат в более близком или далеком будущем, необходимо принять, что все человечество до последнего индивидуума способно пройти чрез этот процесс «духовного возрождения». Но где факторы для такой метаморфозы? Ни в мире, ни в истории, ни в психологии.

У журавля — обитателя болот — могло явиться стремление усвоить себе путем естественного подбора свои высокие ноги и длинный клюв, необходимые ему в борьбе за существование. Но у волка, примерно, или того животного (я забыл его название по-русски), которое лазит вверх по деревьям, питаюсь их орехами, никогда не может явиться стремление обрести оленьи рога, которые могут служить ему только помехою.

Каким же образом допустить, что и имущий класс, пользующийся всеми земными благами именно благодаря господствующей тирании и насилию, совершит над собою этот процесс возрождения, — никак не могу постичь!

Спокон веков, с того момента, когда человек воспринял понятие о божестве, небесном и земном, он безуспешно борется против рабства. Изменялись формы, но сущность та же, именно благодаря только тому, что вместе с новой формой социальной жизни изменнически создавались новые условия, благоприятные для порабощения одной личности другою.

Нужны не слова, а здоровый нормальный строй жизни, чтобы явился нормальный человек.

Не удалюсь в далекие дебри нашей истории, укажу хоть на то, что две тысячи лет без малого стоит над миром это светлое, полное любви учение Христа. И что же? Злонамеренные люди злодейскою рукою вырастили из этого благодатного зерна одни плевелы, которыми и поныне кормят народ.

Мне представляется белка, запертая в клетку с колесом. Она прыгает с одной ступеньки на другую в надежде оказаться на свободе, но колесо делает только оборот, и она опять взаперти.

Белка может получить свою свободу только тогда, когда сразу разобьет самую клетку. Точно так же нужно и с одного размаху разрубить этот заколдованный круг, в который заперто человечество, и только тогда человек выйдет на свободу, на лоно природы и пойдет своей естественною дорогою.

Вы говорите, что всякое насилие над личностью разрушает в самом основании принципы свободы, жизненный орган анархизма. Вы правы. Но кто из нас говорит о понуждении кого-либо поступать не по своей, а по чужой воле?

Вся задача наша будет заключаться не в разрушении существующего, а во введении в жизнь того, что должно обеспечить благосостояние всех и каждого, не исключая и врагов, т. е. открыть для каждого возможность идти своей собственной дорожкой, без всякого давления внешнего со стороны кого бы то ни было.

Конечно, для этого необходимо будет изъять из владения имущего класса все орудия и средства труда и не в свою исключительную пользу, а опять-таки сделать пользование ими свободным для всех: «Работай что и

сколько хочешь, пользуйся всем, чем можешь, никто с тебя ничего в обмен не спрашивает» — вот наш девиз.

Это учение наше открыто для всех, но, если наши противники, завладевшие путем грабежа и насилия богатствами мира и продуктами <труда> рабочего класса, не послушаются этих доводов ума, с оружием в руках встретят нас, тогда, конечно, дойдет до кровопролития, что, однако, не может и не должно остановить нас.

Нужно помнить, что вся эта пролитая кровь ничтожна в сравнении с теми бесчисленными жертвами, которые ежедневно, ежечасно, ежеминутно падали и падают от господствующей тирании и насилия. Что сказали бы, если бы хирург пред совершением необходимой и полезной операции, вдруг впал бы в сентиментальность, оплакивая тот или иной член, подлежащий ампутации, потерю крови и т. д., остановился бы в своей работе и не спас бы всего организма от неминуемой гибели?

Нужно также помнить, что не мы виновники этой кровавой расправы, что мы не имели и не имеем ни намерения, ни желания начинать с насилия, начинать с поголовного избиения противников, как в Варфоломеевскую ночь и 17 марта 1871 с коммунарами.

Знаю, что я многого не досказал, что сказанное страдает нестройностью, но мне некогда заняться изящною обработкою, пишу без оглядки, мое время продано.

Виноват, еще пару слов. Когда Наполеон спрашивал Лапласа, почему в его «Системе мира» не упоминается бог, он ответил, что не нуждался в этой гипотезе. Я ставлю вопрос обратного свойства. Зачем, к чему вы кончаете свою, во всяком случае бессмертную книгу «Современное рабство» упоминанием о боге?

Каким образом у вас укладываются рядом два понятия, одно другое исключают? Бог — всевластный абсолютизм — и свобода личности.

Вы сами признаете, что всякая, всякая власть есть акт насилия и сами же приписываете эту черту богу, недостойную, по вашим словам, и человека.

Твердо помню ваши слова в «Ответе на постановление Синода» о наложении на вас анафемы: «Бог во мне, и я в нем»⁴. Значит, вне человека никакого бога нет.

Предупрежу ваше возражение и скажу, что сам Спиноза, восставший во всеоружии своего поистине гения против бога, совершил самоубийство, когда он, не желая расстаться с мистическим именем «бог» и стараясь примирить непримиримое, поставил пантеизм вместо монотеизма.

Скажу откровенно, что эта мистическая подкладка всех ваших идеалов скорее вредит делу, укрепляя людей в их прежнем заблуждении, тех людей, которых вы так страстно желаете просветить, не ошибусь, если скажу, готовы отдать жизнь свою за прозрение этих слепых.

Вот недавно духоборцы в Канаде выпустили весь свой скот, считая грехом употреблять его в работу или пищу. Вот до каких эксцентричностей доводит людей этот религиозный экстаз, в сущности одержимых страстным стремлением к правде и справедливости.

Жаждающий в интересах истины дальнейших разъяснений,

глубоко уважающий вас

И. Кёниг

J. Koenig. 369, W. Division st<reet>
Chicago, Ill. America.

Кёниг явно испытал влияние революционных демократов 1860-х годов. В письме к Толстому он почти буквально цитирует определение «разумного эгоизма» из книги Чернышевского «Антропологический принцип в фило-

софии». Но по своим убеждениям он был анархистом, эклектически соединяя некоторые идеи шестидесятников с «социальным дарвинизмом» и проч. Нас интересует здесь не столько мировоззрение Кёнига, которое не отличается оригинальностью, сколько его отношение к противоречиям Толстого. Кёнигу удалось выразить мнение, которое вообще характерно для революционных кругов того времени.

Революция признала правильной социальную диагностику Толстого — его «беспоощадную критику капиталистической эксплуатации», но не приняла «рекомендованных им способов лечения».

История развивалась стремительно. И еще при жизни Толстого произошли «великие перемены» в настроении народа, который «так скоро научился делать революцию!» (т. 37, стр. 273).

Определяя исторический смысл «толстовщины», В. И. Ленин писал в статье «Л. Н. Толстой и его эпоха»: «1905 год был началом конца „восточной“ неподвижности. Именно поэтому этот год принес с собой исторический конец толстовщине, конец всей той эпохе, которая могла и должна была породить учение Толстого — не как индивидуальное нечто, не как каприз или оригинальничанье, а как идеологию условий жизни, в которых действительно находились миллионы и миллионы в течение известного времени» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 103).

VII

«К РАБОЧЕМУ НАРОДУ»

1. ГЕНРИ ДЖОРДЖ

«Я был нездоров с неделю и был поглощен George'ем и последней и первой его книгой „Progress and Poverty“, к<оторая> произвела на меня очень сильное и радостное впечатление <...> — писал Толстой в феврале 1885 г. В. Г. Черткову. — Я здесь поручил узнать его адрес и хочу написать ему письмо. Я вижу в нем брата, одного из тех, к<оторых>, по учению апост<олов>, любишь больше, чем свою душу» (т. 85, стр. 144).

Таково было впечатление Толстого от первого знакомства с идеями американского публициста и экономиста Генри Джорджа (1839—1897). Упомянутая в письме «последняя книга», это «Social Problems» («Социальные проблемы»), опубликованная в 1884 г., в которой он развивал программу национализации земли и отказа от земельной собственности.

«Это важная книга, — писал Толстой жене. — Это тот же важный шаг на пути общей жизни, как освобождение крестьян — освобождение от частной собственности земли» (т. 83, стр. 480).

Толстой относился к Джорджу как к религиозному мыслителю и единственным его недостатком считал то, что он... экономист. Это очень важное обстоятельство, которое многое объясняет в позиции Толстого. Его привлекают не столько экономические, сколько социально-этические проблемы в книгах Джорджа. «Вот у Джорджа земельный вопрос, — говорил Толстой, — это — вопрос религиозный. И эта его энергия! Всегда серьезный тон»¹.

Джордж был интересен для него и как писатель. Прочитав «Речи Г. Джорджа», Толстой сказал: «Это прекрасная книга; она так хороша, что ее мог бы и не ученый написать»².

Уничтожение «земельного рабства» Толстой считал важнейшей задачей эпохи. «Владение землей так же незаконно, — говорил Толстой, — как владение душами. Кто держит у себя источник питания, тот держит

THE CONDITION OF LABOR

AN

OPEN LETTER TO POPE LEO XIII.

BY

HENRY GEORGE

WITH ENCYCLICAL LETTER OF POPE LEO XIII.
ON THE CONDITION OF LABORNEW YORK
UNITED STATES BOOK COMPANY
SUCCESSORS TO
JOHN W. LOVELL COMPANY
1891КНИГА ГЕНРИ ДЖОРДЖА «ПОЛО-
ЖЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ...» (НЬЮ-
Йорк, 1891), присланная ТОЛ-
СТОМУ

Титульный лист

Личная библиотека Толстого
Музей-усадьба «Ясная Поляна»

в своей зависимости неимущих. Для меня это теперь понятно с поразительной ясностью. А сколько нужно еще времени, чтобы эта мысль вошла в общее сознание. Я сам жил двадцать лет, не сознавая этого. Вот Генри Джордж лет тридцать как ясно и просто выяснил все, и о нем как-то не слышно»³.

Намерение написать письмо Джорджу, возникшее при первом знакомстве с его книгами, осталось неосуществленным. Но интерес к его личности и его сочинениям не ослабевал и в последующие годы.

В апреле 1894 г. Толстой написал письмо Б. Эйленштейну, в котором определил свое понимание исторической роли Генри Джорджа. По мысли Толстого, Джордж «разбил все софизмы, которыми религия и наука оправдывали земельную собственность» (т. 67, стр. 105).

В апреле того же 1894 г. Толстой получил письмо от известной в свое время корреспондентки американских и русских газет В. Н. МакГакан (рожденной Елагиной, 1850—1904). Она привезла с собой книги, которые Джордж просил ее передать Толстому.

Подлинник по-русски

С.-Петербург. 20 апреля 1894 г.
33, Знаменская улица.

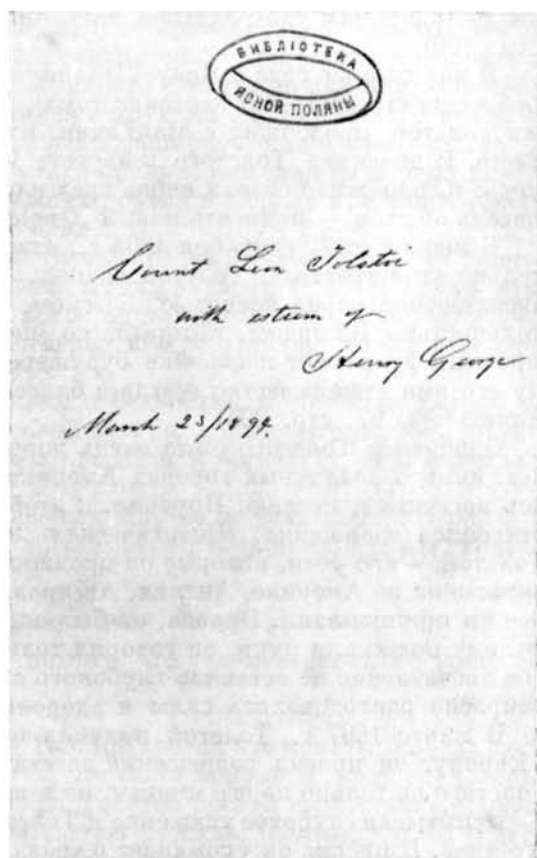
Многоуважаемый Лев Николаевич!

При отъезде моем из Нью-Йорка один из ваших многочисленных американских почитателей — известный экономист Генри Джордж — дал мне свои сочинения «Progress and Poverty» и другие с просьбой по возможности лично передать их вам и уверить вас в тех чувствах глубокого рас-

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ГЕНРИ
ДЖОРДЖА НА КНИГЕ «ПОЛОЖЕ-
НИЕ ТРУДЯЩИХСЯ...» (НЬЮ-ЙОРК,
1891)

«Графу Льву Толстому с уважением
Генри Джордж. Марта 25. 1894»

Личная библиотека Толстого. Музей-
усадьба «Ясная Поляна»

положения, которые он к вам питает с той поры, как ознакомился с вашими произведениями.

Зная, что вы проводили зиму в Москве, я надеялась застать вас там в мае месяце и доставить вам книги сама. Но теперь обстоятельства меня вынуждают оставаться в Петербурге до июля месяца, и я была бы очень вам признательна, если бы вы мне дали знать, как лучше, по вашему мнению, доставить вам привезенные мною книги.

В первых числах июля месяца я буду на несколько дней в Москве и затем в Туле — проездом в чернское имение моей сестры. Может быть, в том или другом городе я могла бы передать книги кому из ваших знакомых или родственников, а, может быть, и вам самим, что, само собою разумеется, было бы для меня большим счастьем, так как — равно как и все иные русские люди — я с радостью приветствовала бы случай видеть великого писателя нашего общего отечества.

С глубоким уважением остаюсь ваша почитательница

В. МакГахан

На конверте: Графу Льву Николаевичу Толстому.

В с. «Ясную Поляну» Тульского или Крапивенского у., г. Тула.

28 апреля 1898 г. Толстой писал, обращаясь к МакГахан: «Очень благодарен вам, многоуважаемая Варвара Николаевна, за чрезвычайно приятное мне принятое вами поручение Генри Джорджа и любезное письмо ваше <...> Я очень рад был узнать из вашего письма, что вы будете проездом в вашей и моей родине — Туле; надеюсь, что если вам будет время,

вы доставите нам удовольствие, заехав к нам в Ясную Поляну...» (т. 67, стр. 109).

В мае того же года в Ясную Поляну приехал Э. Кросби (см. о нем подробнее на стр. 395—407 настоящ. тома). Начатый с ним разговор о Джордже Толстой продолжал с МакГахан, приехавшей в Ясную Поляну в августе. В дневнике Толстого 9 августа 1894 г. появилась характерная запись: «Очень живо сознал вновь грех владения землей <...> Как нужно бы писать об этом — написать новый „Uncle Tom's Cabin“ * (т. 52, стр. 131).

В письме от 22 сентября 1894 г., отвечая на запрос Мак-Гахан относительно «толстовства», Толстой воспользовался случаем, чтобы высказать «восхищение перед ясностью, блеском, мастерством изложения и убедительностью» Джорджа, который, по мнению Толстого, «первый заложил прочный фундамент постройке будущего экономического строя», и поэтому его имя «человечество всегда с благодарностью и уважением будет помнить» (т. 67, стр. 226).

Одобрение Толстого было очень дорого для Джорджа. Он выступал с лекциями в различных городах Америки, собирался в Европу, намереваясь посетить и Россию. Впрочем, к этой форме его деятельности Толстой относился сдержанно. «Энергическая деятельность Джорджа, — говорил Толстой, — его речи, которые он произносит иногда по четыре раза в день, разъезжая по Америке, Англии, Австралии, не имели того значения, которое им приписывали. Правда, он был окружен атмосферой внешнего успеха, ему пожимали руки, он говорил толпе из коляски, но это поверхностное впечатление не оставило глубокого следа. На эту деятельность только напрасно расходовались силы и здоровье Джорджа»⁴.

В марте 1897 г. Толстой получил письмо от Джорджа. Собираясь в Европу, он просил разрешения посетить Ясную Поляну. Джордж знал Толстого не только по его книгам, но и по рассказам МакГахан и Кросби.

Испытывая глубокое уважение к Толстому, Джордж не разделял вполне его идей. В письме он упоминает о «различных точках зрения». Важно заметить и те уточнения, которые он делает относительно своей независимой общественной позиции. Джордж понимал, что это обстоятельство имеет в глазах Толстого особенное значение.

Перевод с английского

16 марта 1896 г.

Дорогой граф Толстой!

Я никогда еще не писал вам, даже для того, чтобы поблагодарить вас за то хорошее, что вы обо мне говорили, отлично понимая, как вы заняты. Я ощущал к тому же постоянный недостаток времени, необходимого, чтобы выполнить в общем деле долю труда, которую считаю своей, — хотя мне и очень хотелось войти с вами в непосредственное общение и я чувствовал к вам огромную признательность.

Я из месяца в месяц ожидал, что поеду в Европу, и принял решение, если вы того пожелаете, непременно с вами встретиться. А так как вы говорите по-английски (к сожалению, у меня никогда не хватало времени изучить какой-нибудь иностранный язык), мне хотелось повидаться с вами и поговорить о том, в чем мы пришли, в основном, к одним и тем же выводам, хотя и с различных точек зрения.

Так как нам не дано знать, когда настанет наш час быть отозванным в мир иной, я не хочу более медлить и спешу высказать вам, как я высоко ценю то, что вы делали и делаете в жизни, и как порадовали меня ваши добрые слова обо мне.

* «Хижину дяди Тома» (англ.)

Сейчас я занят одной работой, над которой тружусь тщательнее, чем когда-либо. Это обзор всей науки политической экономии, в котором я излагаю полнее и систематичнее, чем мог это сделать до сих пор, мои взгляды на жизнь человека и на его связь с другими людьми. Как и все труды подобного рода, он оказался сложнее и обширнее, чем я предполагал. Но ежели мне дано будет его завершить, я пришлю вам один из первых экземпляров. А затем надеюсь посетить моих друзей в Европе и, с вашего разрешения, постараюсь повидаться с вами.

Еще одно слово в объяснение того, чего вы (как я узнал от мистера Кросби) не поняли, а он не смог вам тогда разъяснить. В 1886 году я поехал к мэру города Нью-Йорка вовсе не для того, чтобы определиться на службу. Мне хотелось поставить перед ним и обсудить некоторые очень важные вопросы.

Перед тем, как писать «Прогресс и бедность», я уже ясно понял: для исполнения того, в чем я видел свой долг, я должен отказаться от всякого стремления к преуспеванию в обществе и богатству. И я никогда не отклонялся от этого пути.

С чувством, более сильным, нежели восторг и уважение, с верой в то, что если мы не встретимся в этой жизни, есть жизнь иная, где мы увидимся непременно,

искренне ваш Генри Джордж

P. S. Я пишу на машинке,¹ потому что так мне легче, но пишу собственной рукой.

На конверте письма Джорджа Толстой сделал две пометы: «Б<ез> отв<е-та>». «Отв<ечать>». Трудно сказать, что было причиной появления первой пометы, но 27 марта (8 апреля) 1896 г. Толстой послал свой ответ Джорджу: «Письмо ваше доставило мне большую радость, п<отому> ч<то> я давно знаю и люблю вас. Хотя мы и идем разными дорогами, не думаю, чтобы мы разномыслили в самом основном <...> Очень рад известию о том, что вы пишете критику ортодоксальной политической экономии. С нетерпением буду ждать ее. Чтение каждой вашей книги уясняет мне то, что прежде было не вполне ясно, и открывает новые горизонты. Еще больше радуюсь тому, что, может быть, увижусь с вами. Это будет для меня большая радость» (т. 69, стр. 77).

О своих расхождениях с Джорджем Толстой писал еще в 1885 г.: «Мои требования гораздо дальше его; но это шаг на первую ступень той лестницы, по которой я иду» (т. 83, стр. 481).

Встреча в Ясной Поляне не состоялась. Не дождался Толстой и новой книги Джорджа «Наука политической экономии». В 1897 г. Джордж умер. «Сережа вчера мне сказал, — писал Толстой Софье Андреевне 24 октября 1897 г., — что Генри Джордж умер. Как ни странно это сказать, смерть эта поразила меня, как смерть очень близкого друга. Такое впечатление произвела на меня смерть Ал<ександра> Дюма. Чувствуешь потерю настоящего товарища и друга. Нынче в „Пет<ербургских> вед<омостях>“ пишут о его смерти и даже не упоминают об его главных и замечательных сочинениях» (т. 84, стр. 298).

Работая над романом «Воскресение», Толстой вновь обратился к вопросу освобождения земли от права частной собственности. В первоначальных вариантах романа Нехлюдов, вступив в брак с Масловой, должен был поселиться в Сибири. «Главным занятием Нехлюдова, — пишет биограф Толстого П. И. Бирюков, — в этой новой семейной жизни было составление докладной записки государю о важной предлагаемой им государственной реформе — национализации земли и учреждении единого налога по системе Генри Джорджа»⁵.

Роман «Воскресение» не прошел мимо внимания «джорджистов». В этом отношении весьма примечательно письмо председателя «Манхеттенского клуба единого налога» *У. Д. МакКрекена*

Перевод с английского

Нью-Йорк, 8 января 1900 г.
Manhattan Single Tax Club.
119, East 23rd Street.

Дорогой граф!

Манхеттенский клуб единого налога, членом которого состоял Генри Джордж, считает своей целью борьбу за то дело, ради которого Генри Джордж жил и умер. Мы хотим выразить вам свою глубокую благодарность за помощь, оказанную нашему делу вашей последней книгой «Воскресение».

Сколь многих людей великая идея христианства — любовь к ближнему — приводит лишь к каким-то расплывчатым чувствованиям и неосуществимым планам о счастье всего человечества. Как отрадно видеть человека, который с той же самой точки зрения смог постичь всю экономическую важность земельного вопроса и ясно понял, в чем состоит простейший способ справедливого распределения благ природы!

Великое влияние вашего творчества распространится на тысячи читателей, которые иначе никогда бы и не услышали о земельном вопросе, едином налоге и Генри Джордже. Оно несомненно подготовит умы людей во всем мире к практическому применению идей в том направлении, в котором работает наш клуб.

Мы крайне сожалеем, что при первом же появлении вашей книги в нашей стране она подверглась произвольной цензуре одного из американских издателей.

Мы протестуем против его образа действий во имя свободы печати и элементарного гостеприимства и просим вас принять извинения от нашей страны в той степени, в какой мы имеем право говорить за нее. Нам кажется поистине непостижимым, что соотечественник Генри Джорджа счел возможным исказить ваши ясные и здравые высказывания по вопросу о земле.

С искренней надеждой, что вы еще много лет сможете бороться за дело правды и справедливости,

У. Д. МакКрекен, председатель

На конверте: Count Leo Tolstoy.
Yasnaya Poliana. Toulia. Russia.

По мере того как приближалась первая русская революция, земельный вопрос получал все более острое значение. Именно в 1905 г. появляются статьи Толстого «К рабочему народу», «Великий грех», «Единственно возможное решение земельного вопроса» — публицистическая защита программы Джорджа.

Нельзя сказать, что Толстой не понимал утопичности попыток убедить царя и его правительство в необходимости отмены земельной собственности. «Хотя я знаю, что никто не обратит внимания и что из этого ничего не выйдет, — говорил Толстой, — но чувствуюсь непреодолимое желание сказать, написать об этом»⁶.

Его письма к великому князю Николаю Михайловичу и П. А. Столыпину не оставались без ответа. Он получал неизменный ответ, что теория Джорджа «неприменима». Та же участь постигла и его попытку поставить вопрос об отмене земельной собственности в Государственной думе.

Между тем, борьба Толстого за проект Джорджа получила международную известность.

В 1908 г. Толстого приветствовал «Союз австралийских лиг земельной реформы»:

«История знает не много людей, которых бог одарил бы таким гением, каким обладаете вы, того менее — людей, которые отдавали бы свой гений на служение столь благородным целям. Как великая нравственная сила нашего времени вы возвышаетесь над королями и властителями и будете влиять на судьбы народов, когда забудутся они и дела их. Ваша любовь к людям-братьям, ваша готовность выступить в защиту всех угнетенных зажгла ответную любовь в сердцах миллионов людей, жизнь которых приобрела смысл, а стремления облагородились благодаря вашему примеру и учению...»

В марте 1909 г. Толстой писал: «Исполнение учения Генри Джорджа, т. е. освобождение земли от права собственности, или, выражаясь точнее, освобождение людей от порабощения посредством права собственности некоторых на землю, в наше время так же настоятельно необходимо, как было 50 лет тому назад освобождение людей в Америке и России от прямого рабства...» (т. 79, стр. 137—139).

1 июня 1909 г. в Ясной Поляне была получена телеграмма: «Могу ли посетить? Благоволите ответить. Генри Д ж о р д ж - с ы н. В ответной телеграмме Толстого, поданной 2 июня, говорилось: «Очень рад видеть, ожидаю» (т. 79, стр. 214).

5 июня сын Генри Джорджа, носивший то же имя, что и отец, был у Толстого.

«Вы поймете, каким чувством я был полон, подъезжая к Ясной Поляне,— писал он впоследствии,— если я скажу, что видиться с Львом Толстым было заветной мечтой моего отца. От моего покойного родителя и от близких друзей я всегда слышал благоговейнейшие отзывы о великом писателе. Как хотелось моему отцу провести хоть несколько часов в личной беседе с Толстым. Безвременная кончина лишила его этой счастливой встречи»⁷.

Джордж-сын был радушно встречен в Ясной Поляне. Толстой, измученный разногласиями в своей семье, любовался сыном Джорджа, мужественно продолжавшим дело отца. Вскоре в газетах появилась статья Джорджа о поездке в Ясную Поляну — «Мой прощальный привет графу Толстому». «Мне кажется,— писал он в этой статье,— влияние Толстого на крестьян объясняется только личным обаянием, но никак не горячей проповедью его учения».

Перепечатывая отрывки из этой статьи Джорджа-сына в биографии Толстого, П. И. Бирюков сделал к этим словам характерное примечание: «При всем своем безграничном уважении ко Льву Николаевичу, он не может допустить, чтоб „дикие“ анархические идеи Льва Николаевича смогли влиять на народ»⁸. И в этом смысле Джордж оставался сыном своего отца. И он чувствовал «разницу точек зрения».

Толстой не потому изучал проект Джорджа, что поддался обаянию его личности, а потому, что чувствовал себя «адвокатом стомиллионного земледельческого народа». «Передовая же цель, к которой всегда стремился русский народ, по моему убеждению,— писал Толстой,— есть освобождение земли от права частной собственности» (т. 73, стр. 229).

И Толстой всеми силами, в том числе и пропагандой теории Джорджа, старался заставить общество «сознать» важность этой «передовой цели». Социальная критика Толстого предшествовала уничтожению земельной собственности в России, но решение этой задачи оказалось под силу только социалистической революции.

2. АЛЛЕН КЛАРК

У Толстого, по словам В. И. Ленина, «обличение капитализма и бедствий, причиняемых им массам, совмещалось с совершенно апатичным отношением к той всемирной освободительной борьбе, которую ведет международный социалистический пролетариат» (В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 21).

Толстой пристально, с глубоким сочувствием изучал положение рабочего класса в России и в странах Западной Европы. Бедствия, причиняемые капитализмом, он определил как «рабство нашего времени». Средством избавления от этого рабства он считал отказ от фабрично-заводского труда и возвращение рабочих к земледельческому быту.

Такое же решение рабочего вопроса предлагал в конце XIX в. английский писатель, журналист и издатель Чарлз Аллен *Кларк*, выступавший в печати под псевдонимом *Teddy Ashton*. Изображая фабричный быт Ланкашира, Кларк имел целью пробудить мысль — совсем в духе Толстого — о необходимости обращения рабочих к земледельческому труду. В течение многих лет Кларк выпускал еженедельник «*Teddy Ashton's Weekly*» и ежегодник «*Teddy Ashton's Annual*».

В краткой автобиографии ¹ Кларк рассказывает о своей жизни:

«Родился я в 1863 г. в Болтоне, фабричном городе Ланкашира. Родители мои — рабочие. Первоначальное образование я получил в народной школе. Работал несколько лет на хлопчатобумажной фабрике, потом сделался школьным учителем.

Когда мне было двадцать лет, желая перейти на журнальную работу, я поступил в редакцию. Затем стал издавать собственную газету „*Northern Weekly*“, выходявшую каждую пятницу, и „*Lancashire Annual*“, выходявший ежегодно в декабре. В этих изданиях, где печатались рассказы, научные и юмористические статьи, я всегда от имени редакции высказывался за демократию, за рабочих, за труд и социализм. Я основал „*Ramble Club*“ и зимние общеобразовательные классы.

В „*Labour Church*“ в Болтоне мне пришлось слышать выступления социалистов и со многими из них познакомиться. В 1890 г. я был выставлен кандидатом от рабочих на парламентских выборах в Рочделе, но потерпел поражение в результате борьбы между либералами, консерваторами и рабочей партией: прошел кандидат от консерваторов.

Тогда нелегко было быть социалистом: на нас смотрели как на пугало, и некоторые издатели отказывались печатать мои статьи после того, как меня выставили кандидатом от рабочих.

В 1899 году я выпустил книгу, которая, если не ошибаюсь, и положила начало моему знакомству с Толстым, — „Результаты фабричной системы“. В Англии она произвела сенсацию. О ней упоминали в парламентах Англии, Австралии и других стран. О ней много говорили в печати, причем некоторые называли ее лживой, а другие превозносили как откровение. Я-то знал, что это правда, потому что писал на основании личного опыта.

Некоторые из реформ, за которые я ратовал, в особенности отмена детского труда, узаконены теперь парламентским актом. Значит, книга оправдала себя.

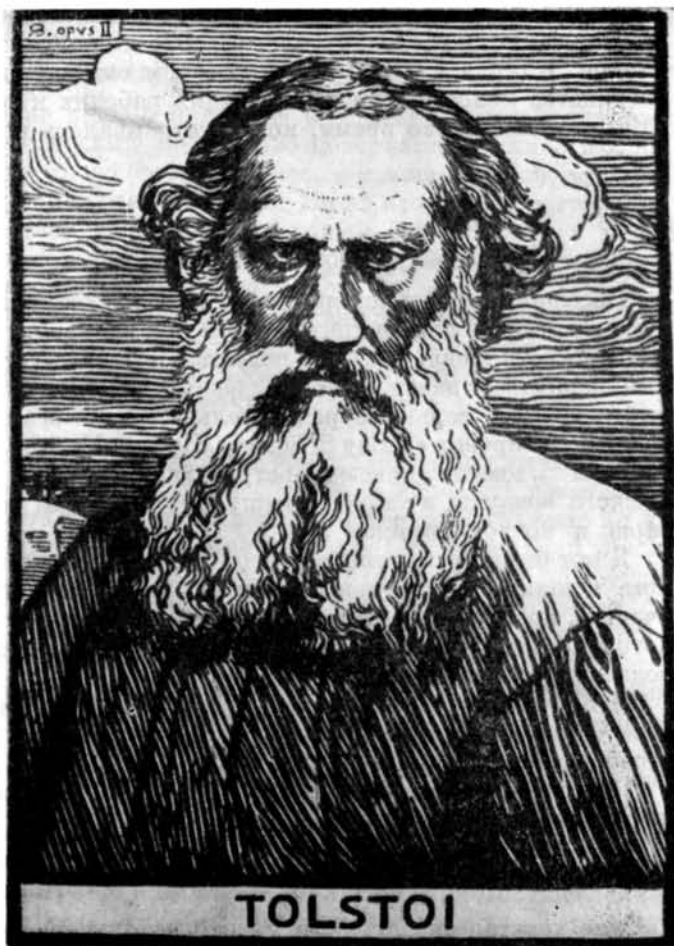
Вероятно, Толстой видел ее, потому что Элмер Моод в своей книге „*Tolstoy and his Problems*“ („Толстой и его проблемы“, 1901) пишет, что Толстой читал книгу Аллена Кларка „*Factory system*“, хвалил ее и рекомендовал для перевода на русский язык ².

Прочтя это, я написал Толстому и, думая, что ему может быть интересно, послал ему статьи о нашей ланкаширской колонии „Назад — на землю“ („*Daisy Colony*“). Он ответил мне, и я очень жалею, что не сохранил его писем, а роздал их его почитателям. Он просил у меня несколько моих

ТОЛСТОЙ

Гравюра английского художника Роберта Брайдена. 1901

Музей Толстого, Москва

коротких фабричных рассказов, намереваясь дать их для перевода на русский язык. Осуществилось это или нет — не знаю.

Я никогда не был знаком с Толстым лично и никогда не был в России, но читал многие из его книг, и мне нечего говорить, как я их люблю. Об этих книгах я писал в моей газете „Northern Weekly“, советуя читателям изучать их».

Автобиографическая заметка Кларка объясняет, таким образом, и историю его переписки с Толстым.

Упомянутая Кларком организация рабочих города Ланкашира («Daisy Colony») существовала очень недолго. Маленький капитал, составленный из членских взносов, был употреблен на аренду участка земли и дома в Бишеме. Несколько членов организации поселились там и приступили к обработке земли, но колония вскоре распалась.

В 1900 г. Толстой работал над статьей «Рабство нашего времени». В письме от 27 января он писал Э. Мооду: «Занят я теперь преимущественно статьей о рабочем вопросе. Я уже писал об этом, но, мне кажется, что имею сказать нечто новое, и, надеюсь, просто и ясно. Пришлите мне, пожалуйста, книжку The Effects of the Factory System, Allen Clarke, London и, если можно, поскорее, и еще новейшие книги или статьи об этом предмете, т. е. о положении рабочих теперь. Очень обяжете меня. Я же вышлю вам, что будет стоять» (т. 72, стр. 290).

Моод выполнил просьбу Толстого. Он также сообщил Кларку о том, что его книга заинтересовала Толстого. Это и послужило поводом для первого письма Кларка к Толстому, в котором он изложил свою основную идею устройства колоний для возвращения рабочих к земледельческому труду. Это было именно то время, когда устраивалась колония в Бишеме.

Перевод с английского

Болтон. 20 апреля 1904 г.
104, Mornington Road.

Дорогой друг Толстой!

Посылаю вам три номера моей газеты. Я отметил те статьи, которые могут представить для вас интерес. Из них вы увидите, что и здесь, на севере Англии, есть люди, которые делают попытки, пусть слабые и несовершенные, вернуться назад к земле, зажечь честной жизнью, без купли-продажи, хотя на первых порах и нельзя совсем без этого обойтись. Мы назвали наш проект «Daisy Scheme» («Проект Маргаритка»), потому что маргаритка — цветок повсюду встречающийся и простой, цветок полей и свежего воздуха, а также потому, что он один из первых приветствует зарю и восход солнца.

Я мог бы написать еще о многом, но не хочу утомлять вас длинным письмом. Однако прежде чем закончить, хочу поблагодарить вас за доброе участие, проявленное вами к моей книжке «Результаты фабричной системы», которую, как мне сообщил г. Элмер Моод, вы рекомендовали для перевода на русский язык.

Я прочел недавно «Так что же нам делать?» и «Царство божие внутри вас». Излишне говорить вам, что я нахожу их прекрасными. Прекрасными своей правдой и справедливостью.

В нашей стране есть множество людей, которые многим обязаны вашим книгам, и я — один из них.

С наилучшими пожеланиями

Аллен Кларк

Мне хочется сказать, что у моей небольшой еженедельной газетки от тридцати до сорока тысяч читателей в фабричных городах и поселках на пятьдесят миль кругом Манчестера — этого центра торговли, коррупции и беспорядка.

На конверте: Здесь, в Ясную Поляну.
Графу Льву Николаевичу Толстому.

«Рад был получить от вас письмо. Желаю вашему замыслу успеха, — отвечал Толстой Кларку 30 апреля/13 мая 1904 г. — Это начало большого и очень важного дела, которое будет сделано рано или поздно. Книга ваша, переведенная на русский язык, пользуется большим успехом. Теперь постараюсь перевести один из ваших романов. Я еще не читал их, но, судя по отзывам печати и моему личному мнению, основанному на известной мне книге, они должны обладать теми же достоинствами, что и „Factory System“» (т. 75, стр. 90).

Книга Кларка была опубликована издательством «Посредник» в переводе А. Коншина под названием «Фабричная жизнь в Англии». В предисловии к этой книге И. И. Янжул писал: «По частям он разбирает весь вопрос, как бы составляя обвинительный акт против английской фабричной промышленности, и одинаково во всех частях и по указанным причинам признает промышленность как бы виновной против интересов рабочего населения»³. Кларк, узнав о намерении Толстого перевести на русский язык некоторые из его рассказов, послал в Ясную Поляну две своих книги и благодарственное письмо.

Перевод с английского

Ланкашир. Англия. 23 мая 1904 г.
104 Morningside Road

Дорогой друг Толстой!

Благодарю вас за ваше письмо и добрые замечания. Боюсь, что вам трудно будет прочесть это письмо из-за моего почерка, торопливого и неразборчивого. Я пишу так много (гораздо более, чем хотелось бы), что приходится спешить, и оттого получается плохо. Но на этот раз я постараюсь писать не торопясь и пояснее. Как хорошо с вашей стороны, что в ваши годы и при ваших заслугах вы беспокоитесь о переводах некоторых из моих рассказов, которые, возможно, того и не стоят, хотя я и старался дать как можно более правдивую картину фабричной жизни в нашей стране. У меня для этого достаточно если не таланта, то знания, потому что я еще мальчиком работал на текстильной фабрике, восемь лет учительствовал в школе для фабричных детей, а затем стал газетчиком, журналистом в фабричных городах, в рабочей среде.

Жалею, что у меня сейчас нет ни одного экземпляра моих книг: две повести уже разошлись, но я постараюсь их достать. У меня есть повести лучше, чем эти; они печатались с продолжением во многих газетах; но ни один лондонский издатель не соглашается выпустить их отдельной книжкой. Недавно я послал издателю Вальтеру Скотту одну из них под заглавием «A Daughter of the Factory» («Дочь фабрики»). Мне кажется, что это одна из лучших историй о фабричной жизни, написанных мной: наиболее полная и правдивая. Он ответил мне очень милым письмом, в котором говорил, что это хорошая повесть, превосходно задуманная и написанная, но он не рискует ее издать, потому что читателям обычно не нравятся произведения такого рода: она не модная. Так она и лежит у меня в ящике стола, дожидаясь своего времени вместе с другими, потому что у меня нет денег, чтобы самому их издать. Ну да ничего! Если книги эти нужны людям, господь поможет осуществить их издание в должное время, а если они не нужны, то пусть так и остаются в неизвестности. Во всяком случае, я не испытываю никакой досады. Когда-то я был не чужд литературного тщеславия, но скоро постиг всю суетность его. Когда-то я жаждал славы. Теперь же хочу только принести немного добра, если это в моих силах, и помочь братьям моим — людям. Повести могут и подождать. Я еще не стар, мне только сорок. Посылаю вам все же две мои книги. Одна из них — сборник рассказов, по большей части из фабричной жизни Ланкашира. Другая книга — довольно странная, родившаяся из несколько необычных личных переживаний. В сущности, это интимная книга, и она не была бы написана, если бы не многократные просьбы людей, которые читали небольшие статьи, печатавшиеся мною время от времени на эту же тему в моей газете. Ее читатели собрали средства на издание моей книги. Не знаю, как вы используете книгу «Eternal Question» («Вечный вопрос»). Но уверяю вас, что это доподлинная правда. Если вы сможете объяснить то редкое явление, которое в ней описано, я буду вам очень признателен.

Некоторые из рассказов сборника «Tales that ought to be told» («Рассказы, которые нельзя было не написать»), может быть, и заслуживают перевода, но об этом будете судить вы, когда прочтете. Я лично начал уставать от бесконечного писания и споров. Считаю это в значительной мере просто потерей времени и сил. Мы мало делаем и слишком много говорим и пишем, а в результате — столкновения и путаница.

С наилучшими пожеланиями

Аллен К л а р к

Вам, может быть, интересно будет узнать, что я не ем мяса и не употребляю алкоголя, хотя и не прочь выкурить трубочку. Но теперь я курю мало, хотя прежде курил много.

Хочу добавить, что пьеса под заглавием «Воскресение», написанная по вашему роману, поставлена впервые в Лондоне. Ее играли здесь на прошлой неделе, как раз когда я получил ваше письмо. И я пошел ее смотреть.

Пьеса строго придерживается вашего текста. Она гораздо лучше, чем я ожидал. Некоторые сцены были просто превосходны.

Кстати, напечатана ли по-русски моя книжка «The Effects of the Factory System» или она распространяется в рукописи? Если это книжка, то мне хотелось бы получить экземпляр.

На это письмо Толстой не ответил. Переписка прервалась и не возобновлялась. В 1906 г. издательством «Посредник» была выпущена в свет книга А. Кларка «Вечный вопрос» — о самосовершенствовании.

Что же касается книги «Factory System», то в 1906 г. она была вновь издана «Посредником» в новом переводе.

Кларк, по существу, стремился создать некое натуральное хозяйство, обособленное от всеобщего товарообмена. Интересно заметить, что Янжул в предисловии к книге Кларка указывал на утопичность этой программы.

«В жизни народов, — писал Янжул, — как и людей, существуют своего рода возрасты, которые по произволу перемещать невозможно, и как зрелого возраста муж при всем его желании не может превратиться в юношу, так и Англия, создавшая современный Ланкашир с колоссальной промышленностью, не может — увы! — вернуться опять к земледельческой идиллии доброго старого времени».

The Free Age Press.

CHRISTCHURCH, HANTS.

Popular Publications of

Leo Tolstoy's Writings.

Full Descriptive List upon Application.

PRICE ONE PENNY.

Stories.

Ivan, the Fool.
The Godson.
What Men Live By.
Where Love Is, There God Is.
How Much Land Does a Man Need?
The Two Pilgrims.
King Akakihodon.
If You Neglect the Little Fire, You Can't Put Out the Big One.
The Overthrow of Hell and its Restoration.

Essays.

How Shall we Escape?
My Reply to the Synod.
The Only Means.
Reason, Faith and Prayer.
An Appeal to the Clergy.
To the Working People.
An Appeal to Social Reformers.
The Christian Teaching.

PRICE TWOPENCE

The Morals of Diet; or, the First Step.
Portraits of Leo Tolstoy, ad. per pair (3 pairs).

PRICE THREEPENCE.

Demands of Love and Reason.
Forty Years. A Religious Legend.
How I Came to Believe. ("My Confession.")
Letters on War.
Meaning of Life.
On the Personal Christian Life.
Patriotism and Government.
Soligion and Morality.
The Root of the Evil.
Some Social Remedies.
Thoughts on God.
Work While Ye Have the Light. A Story of Early Christian Life.
Rethink Yourselves.
The Free Age Press Leaflets. Set of 12.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПРОИЗВЕДЕНИИХ ТОЛСТОГО, ВЫПУЩЕННЫХ В. Г. ЧЕРТКОВЫМ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «THE FREE AGE PRESS» (АНГЛИЯ)

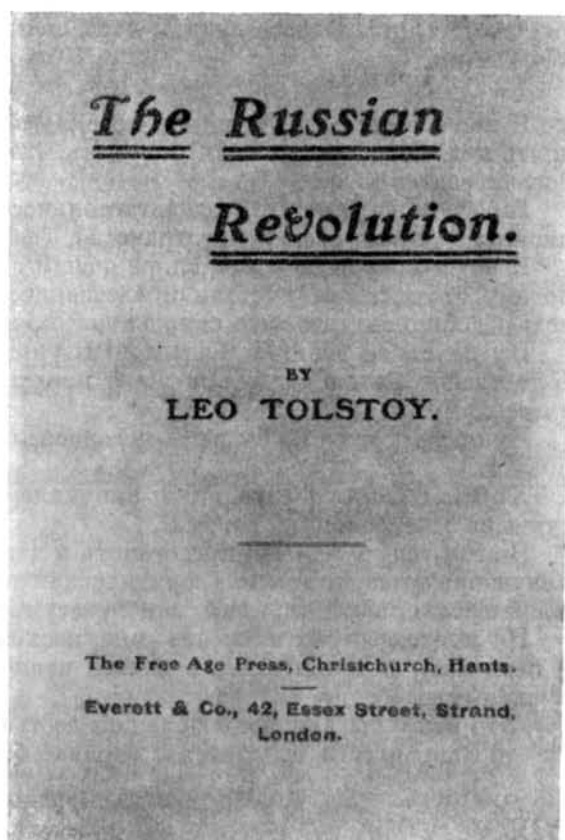
Напечатано на обложке книги «The Russian Revolution». By Leo Tolstoy. Christchurch, 1907

«Издавая так, как вы издаете, вы исполняете самое близкое моему сердцу желание — иметь своим читателем большую публику, рабочего, трудящегося человека, и подвергнуть свои мысли его решающему суду». (Из письма Толстого заведующему издательством «The Free Age Press» Ф. Файфилду.

(2 октября 1900 г.)

«О ЗНАЧЕНИИ РУССКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ». АНГЛИЙСКИЙ
ПЕРЕВОД (КРАЙСТЧЕРЧ, 1907)

Обложка

К этим словам Янжула издательством «Посредник» было сделано редакционное примечание:

«Помещая с глубокой благодарностью это высокоинтересное предисловие уважаемого академика, издатели этой книги считают нужным оговориться, что они не могут согласиться с заключительными словами И. И. Янжула относительно невозможности возвращения или отклонения современного направления труда населения стран с преобладающей фабрично-заводской промышленностью к земледелию и что, напротив, это считается ими вполне возможным»⁴.

Толстой остался в сфере теоретического «разрешения» вопроса, а Кларку суждено было увидеть крах колонии, с которой были связаны его надежды на возвращение рабочих к земледельческому труду.

3. «ГОРЯЧИЙ ОТКЛИК РАБОЧИХ»

Было бы странно, если бы в иностранной почте Толстого отсутствовали письма деятелей международного рабочего и социалистического движения. Конечно, принципиальное отрицание активных форм революционной борьбы пролетариата, многократно заявленное Толстым в печати и достаточно хорошо известное в революционных кругах, ограничивало переписку.

Но все же во многих случаях к Толстому обращались с просьбами поддержать своим авторитетом рабочее движение.

В 1899 г. Толстой получил письмо из Буэнос-Айреса от молодого аргентинского студента Альфредо Ла Паласиоса (р. 1879).

Перевод с испанского

Буэнос-Айрес. 9 февраля 1899 г.

Брат!

Я полюбил вас пять лет тому назад. Сейчас мне едва исполнилось двадцать лет. Вы научили меня понимать, что «бедняки голодают, потому что богачи едят много».

Вы очень далеко. Но, в действительности, далеко ли? Нет! Ведь наша планета — лишь атом в пространстве, где все является центром.

И вот я хочу, чтобы мои слова дошли до вас, хочу приветствовать вас, потому что вы, как учитель нравственности, своей непрестанной проповедью добились того, что самодержец произнес слово мира¹.

Вы поистине великан, брат мой! Вы приносите хлеб в жалкую лачугу голодающего, вы в одежде мужика предстали перед тронем, неся советы властелину.

Никогда я не услышу вашего голоса, прославленный брат. Мне больно это.

Хотите облегчить страдания, причиняемые мне мыслью, что никогда не суждено мне говорить с вами?

В этом году я должен представить в наш университет диссертацию для получения степени доктора юридических наук и социологии. Моя работа посвящена проблемам нищеты и преступности.

Не можете ли вы написать мне несколько слов в связи с этой темой и позволить мне поместить в печати ваше еще нигде не опубликованное высказывание?

Это было бы для меня большой честью.

Ваш брат и почитатель, заранее благодарный вам

Альфредо Ла Паласиос

Это письмо юного студента написано под впечатлением широковещательных мирных заявлений, делавшихся от имени русского царя в дни подготовки и проведения конференции в Гааге. Отдавая дань увлечению этими политическими декларациями, составлявшими «злобу дня», он, вместе с тем, видит в Толстом великую нравственную силу, с которой никто не может не считаться.

Паласиос впоследствии стал крупным социологом. Он приобрел известность и признание в политической жизни страны как один из основателей Аргентинской социалистической партии.

В 1899 г. главный редактор датского журнала «Social-Demokraten» Эмиль Виинблад (1854—1935)² просил Толстого прислать статью о борьбе пролетариата за восьмичасовой рабочий день.

Перевод с французского

Копенгаген, 7 марта 1899 г.

«Social-Demokratens Redaktion».

Broloeggerstroede 11.

Граф!

Социалистическая партия Дании намерена выпустить по случаю первомайской демонстрации праздничный иллюстрированный номер «Social-Demokraten». Нам очень хотелось бы получить для этого номера несколько строк от выдающихся людей Европы о восьмичасовом рабочем дне и празднике Первого мая.

Очень просим вас прислать небольшую статью. Нам нужно получить ее как можно скорее, потому что праздничный номер будет вы-

пущен в ста тысячах экземпляров, и печатание его начнется уже в конце марта.

В надежде, что вы не откажете нам в этой услуге,

с почтением, очень обязанный

Э. В и н б л а д,

главный редактор «Social-Demokraten»

На конверте: Le comte Leo Tolstoy.

Nasnaja Poljana. Gouvernement Tula.

Russia.

Выражая надежду «поскорее получить статью», Виинблад, несомненно, не был осведомлен об отрицательном отношении Толстого к такого рода просьбам. На конверте его письма Толстой сделал пометку: «Б. О.» — «без ответа».

В 1908 г. Толстой получил запрос из Америки от редакции журнала «Social-Democratic Herald», касавшийся Международного дня 1 Мая, а также национального Дня труда.

Перевод с английского

Милуоки, шт<ат> Вис<консин> 11 августа 1908 г.
344, Sixth st. Milwaukee.

Дорогой товарищ,

Обращаюсь к вам с просьбой: не будете ли вы добры прислать мне несколько слов о Дне труда для специального номера «Social-Democratic Herald», который выйдет в пятницу 4 сентября.

По ряду соображений социал-демократы Америки принимают участие в праздновании национального Дня труда, так же, как и Первого Мая. Празднование этих дней установлено актом конгресса.

Во главе организованного труда в нашей стране стоит Американская федерация труда, насчитывающая в своих рядах свыше двух миллионов рабочих.

Хотя Федерацию возглавляют противники социалистов, но рядовые массы, благодаря нашей постоянной агитации, становятся все более и более социалистическими. Крушение гомперсовского режима³ и замена его другим, прогрессивным, является исключительно вопросом времени и терпения.

Мы широко используем День труда (первый понедельник сентября) для социалистической пропаганды среди рабочих. С каждым годом возрастает спрос на выступления ораторов-социалистов с трибуны торжественных собраний в честь этого дня.

Со всех концов страны поступают требования на большое количество экземпляров нашей газеты.

«Social-Democratic Herald» — издание, предназначенное для всей страны. Но существует и местное издание специально для Милуоки — города, где социалистическое движение достигло наибольших успехов во всей Америке: каждый третий избиратель подает здесь свой голос за социал-демократов.

Надеюсь, что вы найдете время (в желании не сомневаюсь) исполнить мою просьбу.

Остаюсь искренне, братски преданный

Фредерик Х и с

На конверте: Count Leo Tolstoy.

Yasnaia Poliana. Russia.

В апреле 1909 г. в Цинцинати намечался национальный съезд безработных Соединенных Штатов Америки. Вице-председатель и секретарь «Общества защиты безработных» («Unemployed Protective Association») Роберт У. Гиллесли направил Толстому приглашение посетить съезд. Письмо написано на бланке: «Наш девиз: дайте нам работу, а не милостыню. Общество защиты безработных».

Перевод с английского

Цинцинати. Огайо. 27 марта 1909 г.

Милостивый государь!

«Общество защиты безработных» (Цинцинати, Огайо) выпустило Обращение к национальному съезду всех безработных Америки, имеющему собраться в этом городе 25 апреля 1909 года в помещении, которое будет определено позднее.

От всей души приглашаем вас посетить наш съезд. Уверены, что там вы соберете много ценных сведений и статистических данных относительно серьезнейшей проблемы, которая стоит сейчас перед всей нашей страной.

Заранее благодарим вас за ваше сердечное участие в нашей скромной попытке. Если вы знаете еще кого-нибудь, кто заинтересовался бы этим общественным начинанием, будьте добры передать приглашение также и ему.

Искренне ваш Роберт У. Гиллесли
первый вице-председатель и секретарь

На конверте: Count Leo Tolstoi.

Moscow. Russia.

В июле того же года Толстой получил письмо из тогдашней Австро-Венгрии от одного из представителей чешского рабочего движения, журналиста Алоиза Шашека.

Перевод с немецкого

Пльзень. 22 июля 1909 г.

Милостивый государь!

1 августа мы открываем в Пльзене большую рабоче-промышленную выставку. По этому случаю я набрался мужества написать вам несколько слов. В одном из зал в виде особой коллекции будут выставлены литературные документы людей, близко стоящих к рабочему движению.

Вот для этой цели и прошу вас, милостивый государь, написать несколько строк нам в подарок. Ваши произведения встречают среди рабочих горячий отклик. Среди нас есть искреннейшие ваши поклонники.

Если вы будете так добры прислать на выставку небольшой сувенир, мы сохраним его как доказательство, что у нас есть в Ясной Поляне друг, который также трудился и боролся за рабочее дело.

Социалистический привет от чешских рабочих в Пльзене.

С глубоким уважением
Алоиз Шашек, редактор

На конверте: Hochgeehrter Levi Nik. Tolstoj,
Schriftsteller in Jasnaja Poljana.
Rußland.

«Социалистический привет от чешских рабочих» не остался без отклика. В Пльзень была послана выписка из «Круга чтения».

Письма деятелей рабочего движения свидетельствуют о том, что еще при жизни Толстой получил известность и признание среди рабочих читателей Запада как писатель и мыслитель, который «трудился и боролся за рабочее дело».

4. «ОСНОВЫ РЕВОЛЮЦИИ НЕСОМНЕННО ВЕРНЫ»

В 1904 г., в самый разгар русско-японской войны, Толстой получил письмо, написанное на другой день после Ляоянского сражения, от Абэ Исо, редактора японской социалистической газеты «Хеймин симбун», что значит «Народная газета». «Мы социалисты и, вместе с тем, противники войны,— писал Абэ Исо.— Нам довольно трудно обличать войну, но несмотря на многие преследования, мы делаем все, что можем».

Вместе с письмом Абэ Исо прислал Толстому и журнал со статьей «Влияние Толстого в Японии». «Россия может справедливо гордиться тем, что она имеет такого великого человека, как Лев Толстой,— говорится в статье,— хотя он принадлежит скорее всему миру, чем одному народу...»¹

Толстой ответил Абэ Исо письмом от 23 октября/5 ноября 1904 г. «...Я не одобряю социализма,— писал Толстой, имея в виду теорию классовой борьбы пролетариата,— и жалею, что наиболее передовая в духовном смысле часть вашего умного и энергичного народа переняла у Европы слабую, призрачную и обманчивую теорию социализма...».

«Цель социализма,— продолжал Толстой,— удовлетворение низшей стороны человеческой природы — материального благосостояния, и способами, которые предлагаются, эта цель никогда не может быть достигнута. Истинное благосостояние человечества — духовное, т. е. нравственное, включает материальное благосостояние. И эта высшая цель может быть достигнута только религиозным, т. е. нравственным совершенством всех отдельных единиц, составляющих народы и человечество» (т. 75, стр. 177). Это письмо Толстого было перепечатано во многих странах. В 1905 г. Толстой получил запрос от двух рабочих социалистов из Испании по поводу его ответа Абэ Исо.

Перевод с испанского

Альмерия. 22 октября 1905 г.

Почтеннейший сеньор!

Нам знакомы ваши убеждения и по вашим сочинениям, и по тому, что весь мир пишет о них.

Мы вполне согласны с вами, так как разум велит нам то же самое, что ваши книги.

Полагаясь на вашу доброту и отзывчивость, берем на себя смелость просить вас разъяснить нам следующее.

В журнале «Revista Socialista», издаваемом в Испании, помещено ваше письмо к одному японцу в ответ на его просьбу изложить ваши взгляды на социализм.

Вы говорите в этом письме, что не согласны с социализмом, потому что он стремится «к удовлетворению низшей стороны человеческой природы».

По этому поводу социалисты кипятятся и заявляют, что надо еще посмотреть, в каких условиях живут те, кто думает иначе, чем они.

Мы — ваши горячие почитатели — отвечаем, что они не с того бока, как говорится, подходят к делу. Но ведь мы простые рабочие без всякого образования, нам не хватает слов убедительно показать им, что вы хотите сказать. И поэтому мы, в надежде на ваше доброе отношение, просим вас объяснить нам эту загадку.

Благодарим вас заранее. Остаемся искренне преданные и готовые к услугам

Хуан Рубиро Гарсиа
Хуан Лопес Муньос

Если окажете нам милость прислать ответ, то мы, ваши почитатели, будем ждать письмо на Caglie del Ingles, № 28.

Толстой считал социализм «односторонним учением» и свое отношение к нему выразил в краткой и своеобразной формуле: «Социализм есть осуществление идей христианства в экономической области»².

«Есть социализм и социализм,— писал В. И. Ленин.— Во всех странах с капиталистическим способом производства есть социализм, выражающий идеологию класса, идущего на смену буржуазии, и есть социализм, соответствующий идеологии классов, которым на смену идет буржуазия» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 103). Толстой, по мысли Ленина, выражал идеалы патриархального крестьянства, поэтому он искал их воплощения в прошлом.

Весь ход рассуждения наводил Толстого на мысль о революции, хотя сама идея «разрушения существующего порядка» мотивировалась у него требованиями «совершенства» каждой отдельной личности и народа. «Если <...> разрушается существующий порядок, не доказывает ли это только то,— писал Толстой в письме к Фойстеру,— что порядок этот ложный, противен воле бога и потому подлежит уничтожению» (т. 67, стр. 259).

В 1901 г. к Толстому обратилась редакция мадридского журнала «Revista Blanca», известного и крупного издания в Мадриде. В числе сотрудников журнала, как указано в письме, были виднейшие писатели, ученые и политические деятели конца XIX — начала XX в., в том числе великий испанский писатель Мигель Унамун, прославленная французская революционерка, участница Парижской Коммуны Луиза Мишель, теоретик права, философ и писатель Ф. Хинер де Лос Риос и др.

Перевод с испанского

Мадрид. 3 октября 1901 г.

Высокочитимый маэстро!

Восхищение перед вами, благородный проповедник высоких идеалов в России, стране тяжелейшего рабства, побуждает нас просить вас прислать одну из ваших работ для альманаха, который мы собираемся издавать и который будет составлен из оригинальных текстов виднейших писателей. Будем бесконечно благодарны, если вы пойдете навстречу нашей просьбе, потому что вы окажете этим большую поддержку молодежи нашей несчастной Испании, которой так нужна помощь великих учителей.

С искренним приветом от редакции журнала «Revista Blanca»

Т. М о н ь е

В 1894 г. Шарль Саломон (о котором см. в кн. 2-й настоящ. тома) прислал в Ясную Поляну статью «Социализм и свобода», принадлежавшую перу А. Дежардена, издателя журнала «Union pour l'Action Morale». «Я не согласен с ним,— писал Толстой Саломону по поводу статьи Дежардена,— только в том, что читается между строк его статьи, что если программа социалистов неисполнима, то настоящее положение вещей может и должно оставаться, каким оно есть, с собственностью земли и капитализмом» (т. 67, стр. 24). Толстой выступает с социалистической программой, осуществление которой было мыслимо лишь при условии коренного, т. е. революционного, изменения «существующего порядка».

Французский журналист Поль Карийон писал Толстому:

Перевод с французского

Лион. 18 ноября 1901 г.

Дорогой учитель!

Позвольте мне начать с того, что я не принадлежу к числу глупых собирателей автографов, осаждающих великих людей, чтобы заполучить от них несколько строк. Я не гонюсь за этим, я хочу только, чтобы вы разъяснили мне одно затруднение в моих верованиях.

A Leon Tolstoi

El Circulo republicano federal de Madrid.

Venerable patriarca:

*Los republicanos federales que constituimos este Circulo, hemos acordado, en Junta general celebrada el dia 23 del corriente, dirigirle el presente Mensaje de admiración a vuestra ilustre persona y de homenaje en-
comendado a los que, sosteniendo vuestras ideas, sufren la abominable por-
suección del autocrata que, para vergüenza del siglo XX, esclaviza aun la
mayor nación de Europa.*

*Sabed, señor, que en España, á millares de kilómetros de
vuestro suelo, hay quien sufre, con las propias, las desdichas de vuestros com-
patriotas, sintiendo latir su pecho al unísono de los que en Rusia, como en
todas partes, dan su vida por la emancipación del hombre y por las ideas
de fraternidad que siempre predicasteis.*

*Recibid con nuestro saludo la seguridad de que si el Sino-
do os arroja de la Iglesia griega, el mundo entero os abre el santuario del
corazón humano.*

Madrid 23 de Marzo 1901

El Presidente,

[Signature]

АДРЕС МАДРИДСКОГО «ОБЩЕСТВА РЕСПУБЛИКАНЦЕВ-ФЕДЕРАЛИСТОВ»,
ПОСЛАННЫЙ ТОЛСТОМУ В СВЯЗИ С ОТЛУЧЕНИЕМ ЕГО ОТ ЦЕРКВИ
23 МАРТА 1901 г., МАДРИД

Архив Толстого, Москва

Из всех ваших прекрасных философских книг ясно видно, что вы желаете социальной революции и хотите, чтобы она совершилась без резких потрясений и без пролития крови.

Я хочу спросить вас, верите ли вы, что это осуществимо? Верите ли вы, что злые люди: священники, судьи, военщина, капиталисты позволят отнять у них все то, что они называют своей собственностью? Не думаете ли вы, что лучше было бы лет через десять или двадцать разом покончить с этим обществом путем насильственной революции, чем ждать века и века ее медленного, но верного осуществления?

Вы, я знаю, напомните мне о резне 1849 (!) и 1871 годов, скажете о том, что прежде, чем достичь успеха, восстание много раз потерпит неудачу. Вас пугает кровь, которая должна пролиться. Но, если вы не примете насильственной революции, не опасаетесь ли вы того, что хозяева и правительства будут продолжать свои жестокости?

В заключение письма разрешите просить вас высказаться по поводу осуждения нашего отважного товарища Лорана Тайада. Если вы против его осуждения, я поспешу передать ваше мнение редакции журнала «Plume», которая собирает отзывы по этому вопросу.

Поль Карийон

Ответа на это письмо, как и на многие другие, не последовало. Ответ был в сочинениях Толстого, посвященных именно тем вопросам, которые задавал ему Карийон.

Общеизвестно, что Толстой отвергал революционное насилие, но он не отрицал неизбежности определенных форм революционного развития в природе и обществе.

«Жизнь,— говорил Толстой,— состоит из двух постоянно сменяющихся и даже одновременно идущих деятельностей: творческой, созидательной и, как следствия ее деятельности,— разрушительной. Эта разрушительная деятельность только тогда законна, когда она есть неизбежное следствие первой, как в прорастающем зерне: росток просыпается к новой жизни, начинает расти, разламывает окружающую оболочку, она сваливается и сгнивает, а росток продолжает жить новой жизнью. Разрыв скорлупы не есть насилие, а только следствие творческой силы, и потому есть благо и для самого ростка, и для всего мира»³.

Эта метафора свидетельствует о том, что у Толстого была своя «органическая диалектика». Еще в 1895 г. он писал Э. Шмиту: «Существующий строй жизни подлежит разрушению. В этом согласны как те, которые стремятся разрушить, так и те, которые защищают его» (т. 68, стр. 64).

В 1904 г., накануне первой русской революции, Толстой читал книгу Тэна «*Origines de la France Contemporaine*» («Происхождение современной Франции»). Свои мысли, вызванные чтением этой книги, он записал в дневник: «Основы революции (на которые так несправедливо нападает Тэн) несомненно верны и должны быть провозглашены <...> Несомненно, что переворот этот должен совершиться, что человечество все более и более приготавливается к этому перевороту и что придет время, когда человечество будет готово к нему» (т. 55, стр. 81—82).

В 1908 г., через три года после первой русской революции, Толстой получил письмо из Франции. Оно было подписано «Française» — «Француженка». «Вы и подобные вам Вольтеры, Руссо и другие,— говорилось в письме,— вы вызываете революции и тем самым величайшие бедствия и преступления, которые творятся якобы на благо человечеству» (т. 78, стр. 381).

На конверте этого письма Толстой написал: «Ругательное. Интересное».

Короленко сравнивал Толстого с Самсоном, «ослепленным филистимлянами»: он сотрясает здание, которое должно обрушиться⁴.

В «Слове о Толстом», сказанном уже в наши дни, Леонид Леонов раскрыл исторический смысл этой трагической метафоры. «Толстой, подобно библейскому Самсону, в конечном счете — на самого себя, на свой собственный сословный мир! — стремился раздвинуть стеснительные ему, подернутые сеткой исторического склероза, колонны»⁵.

Толстой и революция неотделимы друг от друга. Не переставая призывать к отказу от политики, к устранению от борьбы, он целиком находился во власти тех освободительных стремлений русского народа, которые были направлены к коренной общественной перестройке страны. Отречение от господствующего класса, переход на сторону трудового народа, безбоязненная вера в будущее — все это было его ответом на требования века.

«Теперешняя революция,— писал Толстой в 1906 г.,— много духовно подвинет человечество, к<оторое> становится все более и более солидарно» (т. 76, стр. 103).

Письма о рабочем вопросе, социализме и революции представляли чрезвычайно важную часть зарубежной почты Толстого. Они красноречиво свидетельствуют о том, что его слово играло огромную роль в борьбе за новое общество без нищеты народа, без эксплуатации человека человеком.

VIII

ТРИ ВОЙНЫ

1. НА ФИЛИППИНСКИХ ОСТРОВАХ

«Про эту войну знал весь мир,— писал Толстой,— и все люди с напряженным вниманием следили за ее проявлениями» (т. 31, стр. 287).

Речь шла об испано-американской войне в Карибском море и на Тихом океане.

Американский военный корабль «Maine» был отправлен к берегам Кубы, как было объявлено, для помощи кубинским повстанцам в их борьбе против испанского владычества. Корабль взорвался на рейде в Гаване при таинственных обстоятельствах.

Соединенные Штаты предъявили ультиматум Испании и 21 апреля начали военные действия. Когда испанские плохо вооруженные войска капитулировали, представитель кубинских повстанцев был отстранен от переговоров, и американцы оккупировали Кубу.

Точно такой же трагический фарс был разыгран и на Филиппинах.

1 мая 1898 г. испанский деревянный флот был сожжен и потоплен американской эскадрой в Манильском заливе. К этому времени филиппинские повстанцы фактически ликвидировали власть Испании на островах. Но им не позволили овладеть Манилой.

Условившись о сдаче Манилы, американцы предприняли штурм незащищенного города. Так была продемонстрирована «решающая» роль Соединенных Штатов в уничтожении испанского владычества на Филиппинах.

В декабре 1898 г. в Париже был подписан мирный договор, по которому Куба объявлялась независимой, а фактически попадала под американский протекторат; что касается Филиппин, то эта богатейшая испанская колония целиком переходила во власть Соединенных Штатов.

Так — перераспределением колоний — окончилась эта война. За ее событиями потому и следили «все люди» с таким «напряженным вниманием», что эта война представляла собой характернейшее явление новой империалистической эпохи.

Не прошел мимо этих событий и Толстой. Он откликнулся на них статьей «Две войны», написанной в августе 1898 г. «В христианском мире,— писал Толстой,— идут в настоящее время две войны. Правда, одна уже кончилась, а другая еще не кончилась <...> Одна, теперь уже кончившаяся, была старая, тщеславная, глупая и жестокая, несвоевременная, отсталая, языческая война,— испано-американская, которая убийством одних людей решала вопрос о том, как и кем должны управляться другие люди. Другая война, продолжающаяся еще теперь и имеющая кончиться только тогда, когда кончатся все войны,— это новая, самоотверженная, основанная на одной любви и разуме, святая война,— война против войны, которую уже давно (как это выразил В. Гюго на одном из конгрессов) объявила лучшая, передовая часть христианского человечества другой, грубой и дикой части этого же человечества...» (т. 31, стр. 97).

Следует сказать, что непосредственным поводом или толчком для этой статьи Толстого послужило письмо американки Джесси Л. Гладвин¹.

Перевод с английского

Пуэбло. Колорадо. 1 августа 1898 г.

№ 440

Графу Льву Толстому. С.-Петербург. Россия.

Милостивый государь!

Беру на себя смелость обратиться к вам с частным письмом, где кратко излагаю свою несложную просьбу и ее цель. Не будете ли вы столь добры прислать мне несколько слов, написанных вашей рукой, с выражением ваших чувств и мыслей о благородной роли американской нации и героизме ее солдат и моряков в теперешнем столкновении?

Как только мы получим пятьсот ответов от лиц, к которым мы обратились, письма эти будут на несколько дней выставлены в каком-нибудь крупном центре, а доход от выставки незамедлительно поступит в Американское Общество Красного Креста для помощи больным и раненым солдатам и морякам — дело нужное и неотложное.

Пожалуйста, не прерывайте цепь номеров. Будем бесконечно благодарны за любезный и скорый ответ.

Официальное подтверждение Общества и упоминание о вашем ответе будут сделаны в печати своевременно.

Искренне ваша Джесси Л. Глэдвин

Pueblo. Colo. Box 528.

На конверте: Personal Count Lyof Tolstoi.

St. Petersburg. Russia.

Please forward.

На письме стоит цифра 440. Очевидно, это — порядковый номер запроса из числа тех, которые были сделаны Глэдвин, обращавшейся к различным выдающимся деятелям разных стран.

Это письмо так возмутило Толстого, что он даже не заметил, что оно прислано не господином, а госпожой Глэдвин. «Я на днях получил письмо из Колорадо от какого-то господина Джесси Глодвина, — гневно писал Толстой в статье „Две войны“, — который просит меня прислать ему „<...> несколько слов или мыслей, выражающих мои чувства по отношению благородного дела американской нации и героизма ее солдат и моряков“. Господин этот, вместе с огромным большинством американского народа, вполне уверен, что дело американцев, состоящее в том, что они побили несколько тысяч почти безоружных <...> людей, есть несомненно благородное дело, noble work, и что те люди, которые, побив большое количество своих ближних, большею частью остались живы и здоровы и устроили себе выгодное положение, — герои» (там же, стр. 97—98).

В Ясную Поляну приходили также письма, содержавшие совсем иные мысли и настроения. Весьма примечательным среди них было послание старого английского публициста, переселившегося в Соединенные Штаты еще в конце 1860-х годов, Монтегю Ричарда *Леверсона*. Он был близко знаком в молодости с Герценом², Г. Джорджем и с известным итальянским революционером Л. Пианчани, который посвятил ему свой труд «Rome des Papes» («Папский Рим»).

Семидесятилетний Леверсон, сохранивший демократические убеждения своей молодости, несмотря на свой возраст участвовал в политической борьбе. Речь Леверсона, произнесенная на митинге в Филадельфии в феврале 1900 г., — это мужественный поступок подлинного демократа. «Словами нельзя выразить то глубокое чувство осуждения жестокой войны, которую ведет теперь МакКинли и американская армия, — говорил Леверсон, — против храброго, цивилизованного и свободолюбивого на-

рода Филиппинских островов». Эта несправедливая война, по мысли Леверсона, угрожала не только Филиппинам, но и самой Америке. «О мои соотечественники, — говорил Леверсон, — вы должны сделать выбор теперь, иначе будет поздно. Вы должны выбрать теперь правду, выбрать свет, выбрать свободу, и не только для себя, но и для ваших братьев, независимо от того, какого цвета у них кожа и к какой расе они принадлежат. Вы должны сделать выбор и ради них, и ради самих себя. Иначе и вы тоже станете рабами. Да будут спасены республика и свобода!».

Речь Леверсона была выпущена отдельной брошюрой, которую он послал Толстому. В письме к Толстому Леверсон просил написать обращение к американскому народу, чтобы «разбудить спящую совесть американцев».

Перевод с английского

Форт Гамильтон. Нью-Йорк.
Соединенные Штаты Северной Америки.
Апрель 1900 г.

Льву Толстому

Милостивый государь!

Я послал вам заказным письмом текст моей речи на антиимпериалистическом митинге, состоявшемся в Филадельфии 23 февраля этого года ³.

Послал его вам в надежде, что грустные факты, о которых там говорится, побудят вас обратиться с посланием к народу Соединенных Штатов, дабы указать ему на злодеяния, совершаемые его правительством на Филиппинах, на Кубе и в Пуэрто-Рико, и призвать американцев прекратить эти преступления, заставить свое правительство вернуться на честный, человеколюбивый путь, с которого оно сбилось.

Преступления и ужасные дела, о которых я говорил в моей речи, продолжают совершаться ежедневно. Народ Соединенных Штатов прислушается к вашему голосу из уважения к вам и во имя поруганной гуманности.

Умоляю вас поднять свой голос против жестоких, испорченных людей, совершающих от имени Соединенных Штатов эти отвратительные дела, стараясь скрыть их от народа.

Вы, может быть, вспомните мое имя: я англичанин, друг знаменитого Герцена, оказывал значительную помощь эмигрантам, жившим в Англии в 1850—1864 гг. Пианчани посвятил мне «La Rome des Papes». Я был также другом покойного Генри Джорджа.

Хотя мне и неприятно хвалить самого себя, но для того, чтобы вы отнеслись с доверием ко всему мною сказанному, приведу посвящение, которое сделал Пианчани на своей книге, изданной в 1859 году (мне было тогда двадцать девять лет): «Монтегю Леверсону, смелому защитнику права. И з г н а н и к. Верному, великодушному человеку. Другу. Свободному мыслителю. А в т о р».

Ваше обращение может разбудить спящую совесть американцев.

С чувством глубокого уважения остаюсь искренне преданный

Монтегю Р. Леверсон,
Доктор медицины. Магистр искусств.
Доктор философии.

Адвокат при Верховном суде США.

На конверте: Count Leo Tolstoy.

Jasnaja Poliana, Toulia. Russia.

Американский общественный деятель и публицист Герберт Уэлш (1851—1941) написал книгу «Other Man's Country» («Страна другого человека») об американском «умиротворении» на Филиппинах. Эту книгу Уэлш послал Толстому ⁴.

Перевод с английского

Филадельфия. 18 ноября 1902 г.
1305, Arch Street.

Милостивый государь!

Несколько дней назад я послал вам через моего друга, г. Хоурда Кросби из Нью-Йорка, книжку под заглавием «Other Man's Country», которую я написал два года назад. В ней говорится о делах на Филиппинах и о только что произведенном явном захвате этих островов вооруженными силами Соединенных Штатов. Я послал вам также несколько брошюр и изданий, из которых выясняется, в частности, какими средствами этот военный захват производился. Пишу это, чтоб объяснить внутренние побуждения, которые заставили меня обратиться к вам, человеку, обремененному обширной перепиской, разными важными делами и перенесшему, к великому моему сожалению, тяжкую болезнь. Я узнал об этом от моего друга г. Кросби, когда обратился к нему с просьбой быть моим посредником. Надеюсь, что ко времени получения этого письма вы уже окончательно и совершенно выздоровеете.

Я один из тех многих тысяч мыслящих людей на земле, которых сейчас сильно беспокоит вопрос о войне, которые считают войну бичом человечества и полагают долгом каждого, кому дороги интересы человечества, разумно и терпеливо делать все, что в их силах, для ее ограничения, а, если возможно, то и окончательно изгнать войну из жизни человеческого общества.

Я много лет надеялся — по-видимому, не совсем без основания, — что народ Соединенных Штатов сможет эффективно способствовать предотвращению войны, спасению цивилизованного мира от этого бедствия.

Казалось, все вело нас к этому: географическое положение, традиции, христианское учение, исповедуемое нами, наши торговые интересы. Укрепляло эту надежду и то, что мы открыли путь для урегулирования споров, которые иначе грозили разрешиться войной — третейские суды.

Когда страдания кубинского народа привлекли внимание и возбудили сочувствие Соединенных Штатов — казалось, для нашего народа с его мощной нравственной силой открылась прекрасная возможность уладить возникшие трудности указанным выше образом, вместо того чтобы прибегать к войне. Что Испания согласилась бы на такое разрешение вопроса, а мы использованием мирных средств высоко подняли бы свой престиж — ясно теперь из многих документов, опубликованных с тех пор, и благодаря тщательному изучению исторических фактов. Но мы избрали иной путь; правильно или неправильно мы признали войну средством достижения высокой цели защиты свободы и мира на Кубе. Всем известно, что на этом пути мы были вовлечены в разрешение вопроса, не предусмотренного в момент возникновения кубинского конфликта на политическом горизонте. Мы предприняли завоевание новообразовавшейся Малайской республики на отдаленных Филиппинских островах, то есть заняли совершенно такую же позицию, какую занимала Испания по отношению к богатому острову Кубе в Вест-Индии.

В политическом отношении мы отстаивали на Филиппинах свою власть над жителями этих островов совершенно так же, как Испания на Кубе. А ведь мы провозгласили на весь мир, что жестокость и бездарность испанских правителей лишают их права на власть над Кубой.

Затем, будто по велению незримой судьбы, наша молодая и сильная республика создала до последней черточки во всех оттенках ту же картину, какую на глазах всего мира живописала своей дряхлой рукой умирающая Испания: мы совершили завоевание, употребив жестокие, отврати-

САТИРИЧЕСКИЙ ОТКЛИК НА РУССКО-ЯПОНСКУЮ ВОЙНУ

Карикатура, неизвестного художника
Японская социалистическая газета, «Хеймин симбун», 1904

тельные, средневековые способы, применение которых стало в Испании уже более или менее привычным.

Книжка, которую я вам послал, является попыткой проследить историю наших действий в ее ранней стадии. Я убежден, что сказанное мною там — правда.

Я привожу доказательства, что в этой войне мы применяли пытки как один из видов оружия.

Пишу к вам, побуждаемый горячим желанием узнать ваше мнение об этом историческом инциденте. Я глубоко убежден в душе, что он содержит очень важный материал и для историка, и для всякого, кто честно и серьезно озабочен прогрессом человечества. Мне кажется, что случай этот поднимает спорные вопросы, касающиеся не только американцев, но всех справедливых и разумных людей, мужчин и женщин.

Сознаю вполне: многие могут счесть, что, спрашивая ваше мнение об этих вещах, я непатриотичен, что не следует выставлять напоказ иностранцу дурные деяния моей страны. Но я не могу с этим согласиться.

Мне кажется, что поднятые вопросы являются делом всех цивилизованных народов. И все цивилизованные люди должны встать заодно против разрушительных сил, которые привели нас к таким результатам. Поступая так, они способствуют прогрессу всего человечества, а, следовательно, и благополучию своего народа. Ибо, если будет установлено, что такие деяния — дурны, они будут наносить ущерб не только тому народу, против которого направлены, но также и тому, кто их совершает.

Не стану больше ничего говорить, потому что цель моего письма — не столько выразить собственные взгляды, сколько узнать ваше мнение.

Прибавлю только в заключение, что считаю себя лично глубоко вам обязанным за ваши огромные услуги делу мира и цивилизации.

Искренне ваш Герберт Уэлс

На конверте: Count Leo Tolstoy.
Yasnaya Polyana. Toula. Russia.

15 декабря 1902 г. Толстой писал в ответном письме Уэлшу: «Не могу не любоваться вашей деятельностью, но преступления, совершенные на Филиппинах, именно такие, какие, по моему мнению, всегда будут происходить в государствах, управляемых посредством насилия, или в которых насилие допускается и употребляется как необходимое и законное средство» (т. 73, стр. 338).

Монополистический капитал заявлял свои притязания на политическую власть, провозглашая насилие своим правом и орудием. Натиск монополистического капитала в США был настолько яростным, что даже президент Т. Рузвельт, наиболее влиятельный идеолог империализма, один из виновников испано-американской войны, вынужден был, чтобы как-то успокоить общественное мнение, выступить против всевластия трестов.

В 1903 г. Рузвельт, в те годы еще вице-президент, заявил, что США — тихоокеанская держава. В 1907 г. семнадцать американских броненосцев отправились в кругосветное путешествие, чтобы продемонстрировать военную силу США. В 1908 г. США и Япония подписали соглашение «о равных правах в Китае». Это соглашение открывало путь для США в Китай, Корею и Маньчжурию. «Иго капитала» становилось военной силой.

В 1908 г. Толстой получил письмо от американского журналиста Джона Тухи, сотрудника газеты «New York World». Это письмо — примечательный документ общественно-политического быта эпохи и вместе с тем еще одно яркое свидетельство идейного могущества Толстого. Это своеобразное заявление современника, протестующего от имени демократической Америки против наступления капитала во всех сферах жизни. Тухи стремился привлечь к этому протесту и великий авторитет Толстого.

Перевод с английского

Лондон. 12 февраля 1908 г.
23 Warwick Gardens, Kensigton, W.

Милостивый государь!

Осмеливаюсь обратиться к вам с предложением, которому, как я надеюсь, посчастливится привлечь ваше внимание: мне кажется, что оно этого заслуживает.

Тресты и прочие крупные капиталистические объединения Соединенных Штатов прилагают сейчас чрезвычайные усилия, чтобы подчинить себе правительство страны, обезопасив себя таким образом от попыток простых людей развенчать власть денег, которая держит в рабстве всю страну.

Джингоисты и милитаристы в боевом порядке выстраиваются вокруг трестов. Их цель — вовлечь страну в агрессивную политику, чтобы заменить иго капитала военной силой.

Уже четверть века газета «New York World», издаваемая г. Джозефом Пулицером, ведет непрекращающуюся борьбу против трестов, коррупции и джингоизма за мир во всем мире. Наша газета неуклонно разоблачала и протестовала против перевода американского военного флота в Тихий океан, ибо в нынешних условиях это является угрозой миру. Сейчас газета возбуждает общественное мнение против страшного зла: игры на бирже и финансовых спекуляций, которые, правда, уже понесли возмездие в лице серьезной торговой и промышленной депрессии настоящего времени.

Мне кажется, что вышеизложенная программа нашей деятельности должна быть вам по душе. Вы оказали бы нам неоценимую услугу, если бы согласились изложить вашу точку зрения: что должна делать Америка для освобождения от губительного влияния, истощающего ее, подрывающего ее силу и уводящего с правильного пути.

Не стану больше занимать ваше драгоценное время. Позволю себе лишь выразить надежду, что возможность помочь великому делу побудит вас согласиться на мою просьбу.

Честь имею быть искренне преданный
Джон Т у х и

На конверте: Count Tolstoy.
Yasnaya Poliana. Tula, Russia.

Позиция Толстого в вопросах мира и войны не представляла тайны. Его отношение к испано-американской войне также было известно. Влияние социальной критики Толстого на общественное сознание современников было столь значительным, что Т. Рузвельт, главный управитель «большой дубинки», как называли политику США, счел нужным выступить против Толстого.

В 1909 г. в журнале «Outlook» появилась статья Рузвельта «Tolstoy», где доказывался тезис, что Толстой — плохой «моральный гид» для людей дела⁵.

Рузвельт пытался отвести и толстовскую критику империалистических захватов, оправдывая их требованиями и интересами цивилизации. Толстой, прочитав писания Рузвельта, отозвался о них очень кратко: «Статья глупая»⁶.

«Я знаю о нем только то, что он милитарист и империалист», — говорил Толстой о Рузвельте⁷. Эти два понятия были связаны в представлении Толстого в одно целое.

2. В ТРАНСВААЛЕ

В начале 1900 г. Толстого посетил в Ясной Поляне корреспондент московской газеты «Русский листок». Речь зашла о событиях, которые в ту пору волновали весь мир. Желание Англии подчинить себе Трансвааль и Оранжевое Свободное государство встретило упорное сопротивление буров — потомков голландских колонистов на юге Африки. Шла кровопролитная англо-бурская война.

«Утром, — взяв в руки газету, — говорил Толстой в беседе с корреспондентом „Русского листка“, — я страстно желал всякий раз прочесть, что буры победили англичан. Эта война — величайшее безрассудство наших дней. Как! Две высокоцивилизованные нации — голландцы и англичане — истребляют друг друга; Англия, страна, гордившаяся титулом свободной страны, пытается раздавить малочисленных буров, не сделавших англичанам ни малейшего вреда. Это что-то непонятное, невероятное <...> Трансваальская война — знамение нашего времени, но печальное знамение, говорящее, что миром управляет бездушное торгашество»¹.

Англо-бурская война, вместе с начавшейся годом раньше испано-американской и последовавшей вскоре русско-японской войнами, знаменовала собой наступление «новой эпохи мировой истории» — эпохи империализма.

Толстой судил о событиях англо-бурской войны не только по сообщениям газет, но и по письмам как из Западной Европы, так и из самой Африки. «Обстоятельства тамошние мне хорошо известны», — говорил Толстой².

За два дня до начала крупных боевых действий в Трансваале — а они начались 11 октября 1899 г. — издатель немецкой газеты «Deutsche Warte» Х. фон Хорн писал Толстому:

Перевод с французского

9 октября 1899 г.

Berlin — SW. Lindenstrasse, 26.

Граф!

Прошу помощи вашего литературного таланта в одном добром деле первостепенной важности.

Я издатель немецкой, очень распространенной газеты «Deutsche Warte», выходящей в Берлине.

С самого начала газета наша, не замыкаясь в ограниченные рамки политических партий и группировок, провозгласила высокие принципы чистой и благородной человечности и ратовала за разумные правила жизни, согласно с природой и ее наставлениями.

С чувством глубочайшей скорби видим мы возникновение войны между бурами и англичанами в Трансваале: две германские народности вступили в жестокую схватку, которая приведет к самой ужасной междоусобице.

Убедительно прошу вас, граф, напишите для нашей газеты «Deutsche Warte» статью за вашей подписью, которая послужила бы к устраниению ужасов войны в Южной Африке. Я убежден, что авторитет вашего громкого имени будет много значить для пробуждения совести народов и станет добрым и могучим предзнаменованием для торжества христианского дела мира, которому вы посвятили лучшую часть вашей жизни.

Надеюсь, что ради спасения мира, которому угрожает конфликт в Южной Африке, вы исполните мою просьбу и пришлете статью. Она будет напечатана в газете, издателем которой я являюсь.

Примите, граф, уверения в наилучших чувствах.

Х. фон Х о р н,

издатель газеты «Deutsche Warte»

Внимание Толстого было направлено на социальные причины войны в Южной Африке. Г. М. Волконский, внук декабриста С. Г. Волконского, прислал Толстому свои брошюры об англо-бурской войне, в которых он всю вину за события в Южной Африке возлагал на королеву Великобритании и на ее министра колоний Чемберлена. Волконский утверждал, что Чемберлен сознательно вел дело к войне, попирая международные обычаи и конвенции. «Война эта принесла пользу лишь богатейшим классам Англии», — писал Волконский.

Толстой был согласен с тем, что война велась в интересах «богатейших классов Англии», но он не считал личную волю Чемберлена или какого-нибудь другого политика единственной и достаточной причиной войны. «Вредно видеть причину войн в Чемберленах и Вильгельмах», — писал Толстой Волконскому (т. 72, стр. 255).

По мысли Толстого, истинной причиной войны было «бездушное торгашество», соединенное с военной силой. «До тех пор, — писал Толстой Волконскому, — пока мы будем пользоваться исключительными богатствами, в то время как массы народа задавлены трудом, всегда будут войны за рынки, за золотые прииски и т. п., которые нам нужны для того, чтобы поддерживать наше исключительное богатство» (там же). Толстой с большой точностью определил здесь сущность англо-бурской войны как войны империалистической.

Письмо Толстого к Волконскому было опубликовано за границей под названием «Кто виноват? (по поводу англо-бурской войны)». Из письма Л. Толстого к Х. Волконский сопроводил его своей заметкой, в которой он полемизировал с идеями Толстого. «Мне кажется, — писал Волконский, — что бороться со злом должно не только воздействием на стороны нашего характера, но и обличая тех, которые укореняют в нас эти заблуж-

дения» (т. 72, стр. 258). Впоследствии Волконский опубликовал по-французски свои статьи в защиту буров и против империализма, приложив к ним в качестве предисловия письмо Толстого³.

В декабре 1899 г., когда военные действия в Трансваале были в полном разгаре, Толстой получил письмо из Южной Африки от Уильяма Х. Причарда, сотрудника журнала «Commonweal»:

Перевод с английского

Дурбан, Нейтель. Южная Африка, 3 декабря 1899 г.

Милостивый государь,
Учитель и великий художник!

Беру на себя смелость послать вам с этой же почтой отдельным пакетом журнал «Commonweal» — ноябрьский и декабрьский выпуски. Буду очень признателен, если вы сочтете возможным написать для опубликования в журнале письмо вашим многочисленным читателям, ученикам и последователям в Южной Африке, мужчинам и женщинам, которые, я уверен, в более благоприятных условиях с удовольствием зажили бы общей жизнью. Но при настоящих условиях такая жизнь недостижима из-за почти непреодолимых преград. Это национальная вражда, о которой столь искренне сожалеют все настоящие люди, вражда неудержимая и всеобщая. Она свойственна как европейцам, так и бурам, как азиатам и туземцам, так и белому населению. Она присуща не одному классу, но всем вообще. Однако как много есть во всех классах и во всех расовых группах людей, которые искренне желают уничтожения и искоренения духа национальной вражды!

И потом — вечная жажда золота, поклонение златому тельцу. У нас, в Южной Африке, Христа, в образе человека, распинают поистине ежедневно, не на деревянном кресте, о нет! но на кресте из золота. Мужчины и женщины заражены золотой лихорадкой, отравлены золотым микробом. Все приносится в жертву молоху богатства. Это явление также общее всем классам в равной степени.

В сущности, наша ужасная война и возникла из-за алчности и стяжательства.

Однако, как бы темно и мрачно все ни выглядело, я все же думаю, что Южная Африка сделала шаг вперед по пути прогресса, хотя и очень больно, что цель не может быть достигнута иным путем. В глубине души я твердо уверен, что если б наши так называемые правители на самом деле захотели, они смогли бы найти, помимо войны, иное разрешение загадки сфинкса.

Все это только показывает во всей отвратительной реальности, как капиталист правит, как он приказывает даже народному правительству.

По правде говоря, наступило время сокрушить эту систему, и я твердо верю, что она в конце концов распадется сама собой.

От всего сердца желаю, чтобы жизнь ваша продлилась еще на долгие годы. И хотя мы, быть может, никогда и не встретимся на земле, пусть встретимся мы в той Великой Вечности, куда идет все человечество.

Остаюсь, всегда преданный вам, милостивый государь, учитель и великий художник, ваш верный ученик и последователь в служении человечеству

Уильям Х. Причард

P. O. Box
50. Durban. Natal. South Africa

На конверте: Count Leo N. Tolstoy,
Yasnaya Poliana. Russia.

«Сокрушение» колониальной системы представлялось Толстому не только необходимым, но и неизбежным. «И вот теперь, когда так ясно выразилась эта всеобщая ненависть к англичанам,— говорил Толстой,— я не доживу, но мне кажется, что могущество Англии сильно пошатнется»⁴.

Захватническую войну Англии против южноафриканской республики Толстой с полным основанием ставил в один ряд с такой же захватнической войной Соединенных Штатов Америки против Филиппин. «Читаю о войне на Филиппинах и в Трансваале, и берет ужас и отвращение»,— записывал он в дневнике (т. 54, стр. 7).

Соединенные Штаты Америки начали свою экспансию на Филиппинах ложным обещанием помощи филиппинскому народу, восставшему против испанского владычества. Тот же маневр они готовы были повторить и в Трансваале.

В апреле 1900 г. Толстой получил телеграмму от агентства «American Cable News» с просьбой помочь бурам «заручиться добрыми услугами Америки». Он незамедлительно послал ответ: «Добрые услуги Америки могут состоять лишь в угрозах войны, а потому сожалею, что не могу исполнить вашего желания» (т. 72, стр. 347).

Англичанам долго не удавалось сломить сопротивление буров.

Весной 1900 г. Толстой получил письмо от американского общественного деятеля А. Дж. Веркоутерна.

Перевод с английского

Ньюарк. 20 марта 1900 г.

338, Bowne Ave. Telushing Long Island

Уважаемый сэр!

Разрешите преподнести вам прилагаемое воззвание, которое я недавно написал, чтобы настроить общественное мнение Америки в пользу южноафриканских республик и миллионов голодающих индусов. Надеюсь, что оно будет вам интересно.

Прошу вас сделать все от вас зависящее, чтобы побудить русского царя (ему я посылаю по почте другой экземпляр воззвания) как можно скорее, объединившись с Америкой и другими странами, остановить бесполезное поголовное избиение и голод, являющиеся вечным позором Великобритании и всего цивилизованного мира, который это допускает. Кроме того, это и практически всего выгоднее для Англии при данных обстоятельствах, так как она теряет бесконечно больше, допуская разрушение бурами золотых приисков, пока ее подданные в Индии умирают голодной смертью.

Да благословит бог вашу деятельность на благо человечества. Надеюсь услышать об успехах предпринятых вами шагов.

Искренне ваш

А. Дж. Веркоутерн

На конверте: Personal Leo Tolstoi,
Esqre. Moscow. Russia.

Обращение к царю было обусловлено тем, что во всех официальных документах русского правительства его называли главным устроителем и инициатором мирной конференции в Гааге. Толстой не возлагал надежд на царя. Он предвидел трагические последствия фарса в Гааге. Едва успела окончиться конференция, как началась война Англии с Трансваалем (т. 90, стр. 433).

А. Веркоутерн с большой непосредственностью выразил чувство негодования по поводу событий в Трансваале. Но его представление о соотношении сил на мировой арене было наивно. Его позиция ничем не отлича-

лась от позиции Джесси Глэвдин, письмо которой вызвало гневный ответ Толстого.

«Воззвание» Веркоутерна по своему духу перекликается с телеграммой «American Cable News». Предлагая немедленно решить южноафриканскую проблему, Веркоутерн имел в виду «добрые услуги Америки» вплоть до войны с Англией, подобную той, которая велась на Филиппинах против Испании. «Если Англия не выполнит этих гуманных требований во имя мира и справедливости, США совместно со всеми другими державами немедленно начнут помощь голодающим индусам, а также освободят буров и всех в Южной Африке от владычества англичан, объявив, что вышеупомянутые территории будут отныне „свободными независимыми государствами“, и пусть будет, что будет», — писал Веркоутерн.

Воззвание оканчивается славословием в адрес «героя манильской бухты» — адмирала Дьюи. Письмо Веркоутерна осталось без ответа.

Война в Трансваале продолжалась до 1902 г. и окончилась поражением буров. Законы, установленные англичанами после войны, были проникнуты расовым духом. Введенный в 1906 г. «черный закон» ограничивал право проживания и передвижения всех цветных народов в Южной Африке, в том числе и индусов, которых здесь было довольно много. Индусы предпочитали «заклучение в тюрьму и другие наказания», но отказывались подчиниться этому закону.

Именно здесь, на юге Африки, и возникла знаменитая «толстовская ферма» и созрела мысль о «пассивном сопротивлении» и гражданском неповиновении как реакция на «черный закон».

Осенью 1909 г. Толстой получил письмо «трансваальского индуса», «в высшей степени интересное» и доставившее ему «большую радость». Автором этого письма был в те годы еще никому не известный Мохандас Ганди. Он писал Толстому: «Беру на себя смелость обратить ваше внимание на то, что делается в Трансваале (Южная Африка) вот уже почти три года. В этой колонии население британских индусов составляет почти тринадцать тысяч человек. Эти индусы уже многие годы страдали от различных правовых ограничений. Предубеждение против цветных людей, а в некоторых отношениях и против азиатов вообще, очень сильно в этой стране. Поскольку это касается азиатов, оно объясняется соперничеством в торговле. Это предубеждение достигло своей высшей степени три года назад, когда был проведен закон, специально предназначенный для азиатов, расчитанный, как думаю я и многие другие, на то, чтобы унижить и лишить человеческого достоинства тех, против кого он направлен»⁵.

Это письмо, датированное 1 октября 1909 г., послужило началом переписки Толстого и Ганди. Учение Толстого о непротвлении злу насиллием оказало влияние на выработку методов «гражданского неповиновения» и «пассивного сопротивления», которые Ганди положил в основу своей доктрины борьбы за независимость Индии.

Важно, однако, иметь в виду и другое. В переписке Толстого и Ганди явственно проходит тема неприятия и осуждения колониальной политики крупных держав. Эта тема, возникшая в их переписке на материале событий в Трансваале, имела для каждого из них более широкое значение. Она звучала как пророчество об исторически неизбежной гибели всей системы колониализма.

3. НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ

«Пророк добра! Вам отвечают пушки!» — такова основная мысль открытого письма французского писателя Жюлья Кларти, обращенного к Толстому. Это письмо было опубликовано в парижской газете «Temps» в первые дни русско-японской войны¹. «Вы воюете с войной. Вы грезите о

братстве, о мире <...> — писал Кларти. — Великое слово „разоружение“ брошено в мир, а вооруженные флоты пробегают океаны и границы щети- нятся штыками...»

«Вполне естественно, — продолжал Кларти, — что мы именно у вас спрашиваем, что думаете вы, дух которого возвышается над другими, что думаете вы о совершающихся событиях?»²

Весь мир, слышавший осуждение испано-американской и англо-бурской войн, ждал, что теперь скажет Толстой по поводу русско-японской войны.

В феврале 1904 г. филаделфийская газета «North American Newspaper» прислала Толстому запрос телеграммой: «За кого вы — за русских, японцев, или — никого?» Толстой телеграфировал ответ: «Я ни за Россию, ни за Японию, а за рабочий народ обеих стран, обманутый правительствами и вынужденный воевать против своего благополучия, совести и религии» (т. 75, стр. 38).

В марте 1904 г. в Ясную Поляну приехал корреспондент газеты «Figaro» Ж. Бурдон.

Толстой сразу же заговорил с ним о войне. «Как же не интересоваться таким столкновением!».

Бурдон полагал, что в этой войне происходит борьба двух рас и соответственно сформулировал свой вопрос:

— Какие последствия, по вашему мнению, может иметь победа той или другой расы?

— Не все ли равно? — ответил Толстой. — Я не делаю различия между расами. Прежде всего я думаю о человеке, мне все равно, русский он или японец, — я за рабочего, за угнетенного, за несчастного, к какой бы расе он ни принадлежал. При всех обстоятельствах — что выиграет он от этой схватки?»³

Еще в феврале 1904 г. в дневнике Толстого появилась запись: «Все время пишу о войне» (т. 55, стр. 13). То, что он писал, разрасталось в большую статью, которая была окончена в мае и стала известна миру как ответ Толстого на обращенные к нему многочисленные запросы о его отношении к русско-японской войне. Это была статья «Одумайтесь!»

«Глядя на то могущество, которым пользуются люди нашего времени, и на то, как они употребляют его, — писал Толстой, — чувствуется, что по степени своего нравственного развития люди не имеют права не только на пользование железными дорогами, паром, электричеством, телефонами, фотографиями, беспроволочными телеграфами, но даже простым искусством обработки железа и стали, потому что все эти усовершенствования и искусства они употребляют только на удовлетворение своих похотей, на забавы, разврат и истребление друг друга» (т. 36, стр. 123).

Статья «Одумайтесь!» не могла появиться в русской прессе военного времени. Толстой послал статью за границу. «Я не мог не высказаться...», — объяснял он свое решение (т. 75, стр. 117).

Появление статьи в английской газете «Times» оказалось настоящей сенсацией.

С. Кокерель, бывший секретарь Рёскина, писал Толстому: «Ваша волнующая, смелая статья во вчерашнем „Times“ читается в Англии больше, чем что-либо написанное вами. Она много сделает добра для мира во всех странах»⁴.

Толстой получил множество писем по поводу статьи «Одумайтесь!».

Английский общественный деятель Уильям Дент Пристмен, сообщая об успехе антимилитаристской пропаганды среди английских рабочих, прислал Толстому антивоенный листок и письмо.

САТИРИЧЕСКИЙ ОТКЛИК НА РУССКО-ЯПОНСКУЮ ВОЙНУ

Под карикатурой подпись: «Японская социалистическая партия пожимает руку русскому рабочему, в то время как генералы обеих стран дерутся между собой и попирают свои народы ногами».

Японская социалистическая газета «Хеймин симбун», 17 января 1905 г.

Перевод с английского

Гулль. 24 июня 1904 г.

Милостивый государь,

Я только что прочел «Одумайтесь!» в газете «Times» от 24 июня и хочу поблагодарить вас за то, что вы вскрыли ужасы войны и все ее последствия.

Хвала господам за то, что среди мрака, который несут с собой эти страшные войны, все же есть человек, обладающий достаточной силой и смелостью убеждений, чтобы сказать народу то, что вы сказали.

Как бы то ни было, свет пробивается сквозь тучи, и, конечно, не следует приходить в отчаяние.

Прилагаю к письму листок, который мы распространяем в надежде, что он откроет рабочим людям глаза на то, как их одурачивают, о чем и вы говорите им.

Остаюсь, милостивый государь, искренне ваш

Уильям Дент Пристмен

На конверте: Count Leo Tolstoy,
Yasnaya Poliana. Russia.

Печатный листок, присланный при этом письме Пристменом, называется «Война. Что думают о войне в Англии и Америке. Для рабочих». Прямого отношения к русско-японской войне это воззвание не имеет. Здесь речь идет о физическом и моральном ущербе, который война приносит народу. Главная цель воззвания — доказать, что завоевательные войны не могут быть народным делом.

Профессор медицины из Мексики, Д. Мехиа, глубоко потрясенный чтением статьи «Одумайтесь!», прислал Толстому несколько экземпляров своей брошюры «Fiestas Universales de la Paz. Socorro a las Victimas de la Guerra» («Всемирный праздник мира. В помощь жертвам войны») ⁵.

Перевод с испанского

Мехико. 20 декабря 1904 г.

Знаменитому писателю и мыслителю
графу Льву Толстому

Многоуважаемый граф!

Вас наверно удивит это письмо из далекой страны от незнакомого врача ⁶.

Я знаю многие ваши замечательные произведения, и у меня возникло желание написать вам. Недавно я прочел ваши прекрасные страницы, посвященные злополучной русско-японской войне, и они меня глубоко потрясли.

Я тоже следил внимательно и с глубокой скорбью за всеми событиями этой ужасной бойни и молил небо, чтобы она поскорее кончилась.

Я хотел, чтобы наши столичные газеты выступили совместно в поддержку выдвигаемой мной идеи о воздействии на воюющие стороны. Но мой голос слаб и не встретил отклика. Ведь речь шла не о том, чтобы заслужить благосклонность власть имущих, а о том, чтобы сослужить службу человечеству. Две-три газеты опубликовали мой материал с пожеланием успеха содержащимся в нем предложениям, но тем дело и кончилось. Посылаю вам несколько экземпляров моей брошюры. Очень хотелось бы, чтобы вы отнеслись к ней одобрительно.

Если вы почтите меня ответом (на что я надеюсь), прошу вас писать по-французски: я, как и вы, хорошо владею этим языком.

Собираюсь прислать вам заказной почтой свою книгу, посвященную свободе и независимости Мексики.

Я написал ее в форме романа, чтоб она была доступной для неподготовленного читателя. Книга называется «Entre el Amor y la Patria» («Между любовью и родиной»).

Полностью разделяю ваши идеи. Кое-что я уже сделал в этом направлении у себя на родине.

Я был бы очень рад вступить в переписку с вами, если вы положительно отнесетесь к моему письму.

Примите уверение в совершенном уважении и глубокой симпатии.

Всегда готовый к услугам
профессор доктор Деметрио Мехиа

Мехиа, как многие пацифисты, предполагал, что достаточно объявить в столичной прессе о «всеобщем празднике мира», чтобы война вдруг окончилась.

В статье Толстого «Одумайтесь!» было выражено нечто большее, чем только «добрые пожелания». Здесь слышалось и грозное предупреждение, сделанное как бы от имени истории. В английском журнале «Freeman's Journal» говорилось по поводу статьи «Одумайтесь!»: «В словах Толстого есть дух, опасный для всех правительств <...> Когда правители отдаются безнравственному честолюбию и убивают своих братьев, увлекаясь грабительскими войнами, они не должны удивляться, если народ отрывается от них» ⁷.

Предупреждение Толстого прозвучало накануне «отречения» русского народа от царского правительства — того «отречения», которое было революцией.

IX

В ОТВЕТ НА ТРЕБОВАНИЯ ВЕКА

1. «ДОЛЖНЫ ЛИ МЫ ИМЕТЬ КОЛОНИИ?»

В 1899 г. молодой французский литератор Леопольд Ожар обратился к Толстому с письмом, в котором просил его ответить на вопрос: «Имеет ли общество право наказывать?» (т. 72, стр. 185). Этот же вопрос Ожар задал А. Франсу, Э. Реклю и другим известным писателям и ученым. Ответы он предполагал опубликовать в специальной книге.

Ожар получил письмо из Ясной Поляны. «Ответ на вопрос, который вы мне ставите, — писал Толстой, — находится в моем романе <„Воскресение“>, перевод которого выходит в „Echo de Paris“. Этот вопрос давно занимал меня, и я старался разрешить его насколько мог лучше» (т. 72, стр. 185).

Письмо Толстого — важное свидетельство того, как он понимал проблематику своего романа. Ожар опубликовал ответ Толстого в газете «Figaro» (24 апреля 1900 г.). При этом произошло недоразумение, о котором огорченный Ожар поспешил на другой же день известить Толстого:

Перевод с французского

Гейдельберг, 25 апреля 1900 г.

Милостивый государь и глубокочтимый учитель! Имею честь препроводить вам «Figaro» от 24 апреля, в котором я напечатал, в ожидании появления его в книге, ваше письмо о «праве наказания». К сожалению, находясь в Германии, где я слушаю курс философии в Гейдельбергском университете, я не мог сам править корректуры, и к моей великой досаде вижу, что наборщики поместили за вашей подписью две фразы, принадлежащие мне лично и явившиеся простым комментарием.

Простите меня, пожалуйста, милостивый государь и уважаемый учитель, за эту невольную оплошность, о которой я глубоко сожалею, позвольте мне еще надеяться на ответ на мое последнее письмо, в котором я вас спрашивал: справедлива ли, человечна ли колонизация?

Примите, милостивый государь и уважаемый учитель, уверения в моем глубоком уважении и благодарности.

Леопольд Ожар, студент-фил(ософ)

27, Gaisbergstrasse.

Гейдельберг (в Бадене)

На конверте: Rußland. Au Comte Léon Tolstoï.

Yasnaya Poliana. Gouvernement de Tula.

Einschreiben.

Месяцем раньше Ожар послал Толстому письмо о колониализме — одно из тех «частных» и потому редко учитываемых историками свидетельств современника о своей эпохе, ее больших проблемах, которые отмечены печатью живого, личного восприятия действительности:

Перевод с французского

Гейдельберг. 28 марта 1900 г.

27 Gaisbergstrasse.

Графу Льву Толстому

Милостивый государь и уважаемый учитель!

Разрешите почтительнейше сообщить вам, что в скором времени в Париже выйдет «Равашоль» — книга, в которой я попытался объяснить, проследив шаг за шагом всю его жизнь, душу невежественного и жестокого человека, пытавшегося путем страха привести людей к состраданию.

Это исследование о знаменитом анархисте, написанное без всяких претензий на философию, появится в свет при самом счастливом стечении обстоятельств, поскольку ваше письмо, в ответ на мой вопрос «Имеет ли общество право наказывать?», будет предшествовать письмам гг. Анатоля Франса, Раймона Пуанкаре, Генрика Ибсена, Элизе Реклю и др.

Возможность представить на суд публики мою работу, поддержанную этими драгоценными письмами, доставляет мне глубокую радость.

Мне хочется сказать вам в самых безыскусных выражениях, как глубоко благодарен я за высокую честь, которую вы оказали моей первой книге.

Как ни велико мое желание не докучать вам, ограничиться лишь выражением признательности, я не в силах устоять перед искушением снова воззвать к вашей лучезарной, возвышенной доброте, отеческой по отношению к молодым писателям, находящим в ваших творениях и жизни высочайший пример, которому, однако, столь трудно следовать.

Позвольте мне, милостивый государь и уважаемый учитель, поставить перед вами один из важнейших вопросов современности: следует ли иметь колонии? Справедливо ли это? Необходимо ли это?

В самом деле, как писал добрый автор «Таис»: «Еще большой вопрос, надо ли устраивать счастье людей вопреки их воле». В этой короткой фразе Анатоля Франс объединил многие вопросы социальной философии.

В дни, когда Англия «в целях цивилизации» обгагрывает кровью Южную Африку, когда все европейские народы целью своей политики ставят колониализм, — невольно спрашиваешь себя, действительно ли необходимо хладнокровно душить столько несчастных «нецивилизованных» людей? Как Паскаль, задаешься вопросом, не являются ли цивилизаторские намерения только лицемерной данью добродетели со стороны цивилизованных, но жадных до богатства народов?

Поле принадлежит негру, а мы его отбираем при помощи штыков или пушек, потому что, как говорят, негр дик и суеверен. В обмен на его землю мы предлагаем ему отвлеченные рассуждения и алкоголь.

Если он принимает алкоголь, но отказывается от высоких принципов, которые мы ему преподносим на кончике штыка, мы его расстреливаем.

Мы рассуждаем, как просветители, а действуем, как варвары.

Мы расстреливаем «мятежников» той земли, которую господь даровал не нам и которая нам незнакома. Мы убиваем людей, о которых ничего не знаем и которые ничего не знают о нас. Мы протягиваем им братскую руку, обгагрившую их же кровью.

Да, негры начинают нас узнавать... но как грабителей и убийц. Завоевание колоний — это вооруженный грабеж.

Должны ли мы иметь колонии?

Вот, милостивый государь и уважаемый учитель, тот огромный вопрос, относительно которого я умоляю вас высказать ваше авторитетное суждение. Думаете ли вы, что блага, которые несет с собой цивилизация, в самом деле компенсируют насилия, сотворенные во имя ее?

Предки французов некогда считались дикарями. Действительно, галлы боялись Луны, поклонялись Солнцу и верили, что небо в один прекрасный день рухнет им на голову. Цезарь уничтожал их и цивилизовал Галлию, которая, таким образом, стала колонией Рима. А несколько веков спустя эти галлы, цивилизованные, но уставшие от цивилизации, разрушили Бастилию и провозгласили свободу. И опять все сначала! Много ли сделал Цезарь для счастья человечества? Не знаю. Ибо Наполеон, который также насаждал колониализм, вряд ли может считаться благодетелем человечества. А впрочем, что такое наша цивилизация? Утонченное лицемерие, орудие пытки для человека независимого. Итак...

Итак, вопрос огромен. Его нельзя ни изложить, ни разрешить в нескольких строках. Но можно открыто поставить его перед обществом. Именно это я и хочу сделать.

Позвольте мне закончить пожеланием получить от вас несколько слов — тех самых слов, которые просветят людей, жаждущих света.

Поверьте, милостивый государь и уважаемый учитель, что я являюсь вашим почитателем и покорным слугой.

Леопольд О ж а р,
студент-философ, корреспондент «Figaro»

На конверте: В Москву, Хамовники, д. № 21.

Его сиятельству графу Льву Николаевичу Толстому.

Имение Ясная Поляна Тульской губ.

Au comte Tolstoï. Moscou.

Письмо Ожара не было для Толстого неожиданностью в смысле постановки какого-то нового вопроса. И он мог бы ответить так же, как ответил на его первое письмо: «Ответ находится в сочинениях».

Еще в конце 1880-х годов Толстой с чувством растущей тревоги писал о «цивилизаторской помощи» «отсталым народам», которая на деле оказывалась империалистической экспансией.

«Люди часто живут дурно только оттого, что они заботятся о том, как устроить жизнь других людей, а не свою собственную», — писал Толстой (т. 45, стр. 217). Эта идея, которая, на первый взгляд, может показаться отвлеченно-философской, лежит в основе его критики колониализма и может служить ответом на письмо Ожара.

В книге «Так что же нам делать?» Толстой говорил о судьбе «малых народов» в Африке, в Австралии и других странах: «Завоеватели же делают всегда одно и то же: отбирают от народца все, что только могут взять у него» (т. 25, стр. 255). Вопрос, поставленный Толстым в заголовке этой книги, не мог не волновать современников. Японский писатель Кэндзио Токутоми писал Толстому: «Мир молод и движется к прогрессу медленно. И все же он должен образумиться... „Мы должны спасти человечество, спасаясь сами“,» говорил Герцен¹.

Толстой знал эти слова Герцена. В экземпляре книги «С того берега», хранящейся в Яснополянской библиотеке, они подчеркнуты его рукой². Толстой включил их в свою книгу «Путь жизни»: «Когда бы люди захотели вместо того, чтоб спасать мир, спасти себя, вместо того, чтобы освободить человечество, себя освобождать, — как много бы они сделали для спасения мира и для спасения человечества!» (т. 45, стр. 220)³.

Толстой вкладывал в эти слова не герценовский, а свой собственный, религиозно-нравственный смысл, но от этого его отрицание колониализма не становилось, в субъективном плане, менее полным и его отношение к этому злу менее гневным.

Особенно возмущал Толстого миф о цивилизаторской миссии колонизаторов. «Какой вздор! — записывал он в дневнике в 1897 г. — Почему же людям, живущим христианской жизнью, не пойти просто, как Миклухо-Маклай, жить к ним, а нужно торговать, спаивать, убивать?» (т. 53, стр. 161).

Вопрос «должны ли мы иметь колонии?» был поставлен точно и своевременно. Столь же своевременным и точным был ответ Толстого, осудившего колониальную политику европейских великих держав.

Ненавистная Толстому колониальная система, крушение которой он предвидел, действительно рухнула, остались лишь ее «руины». Но рухнула она не сама собой, а в результате напряженной освободительной борьбы народных масс, в результате великих революционных движений новейшего времени.

2. «РАБСТВО НЕГРОВ»

«Отмена (...) невольничества в Америке, — писал Толстой в книге „Рабство нашего времени“, — хотя и упразднила прежнюю форму рабства, не только не уничтожила самой сущности его, но была совершена только тогда, когда щетина в подошвах нарвала нарывы и можно было быть вполне уверенным, что без цепи и без колодок пленники не убегут и будут работать» (т. 34, стр. 169).

Таким образом, по мысли Толстого, «отмена невольничества» еще не уничтожила «рабства». Письма, которые Толстой получал из Соединенных Штатов Америки, неизменно привлекали его внимание к этой проблеме.

В 1901 г. американский судья Арба Н. Уотермен (1836—1917) прислал Толстому заметку о линчевании негров и свою книгу «A Century of Caste» («Кастовый век»)¹. В этой книге Уотермен выступал с гуманистических позиций в защиту «цветного населения Америки». Само обращение к Толстому свидетельствует о непосредственности и силе его гражданского чувства.

Перевод с английского

Чикаго. 30 июня 1901 г.

Милостивый государь!

Беру на себя смелость послать вам написанную мною книжечку под заглавием «A Century of Caste». В ней говорится о плачевном положении цветного населения Соединенных Штатов Америки в XIX веке.

Надеюсь, вы сочтете ее достойной вашего внимания.

С глубоким уважением, искренне ваш, судья Арба Н. Уотермен
Прилагаю к письму небольшую заметку о линчевании негров в Соединенных Штатах.

Заметка, присланная Уотерменом, называется «Ответственность нации за три тысячи линчеваний». Приводим ее текст в русском переводе.

«Благодеяние нашей страны должно радовать и, действительно, радует всех.

Богатство — благо, к которому люди и целые народы вправе стремиться.

Но ни деньги, ни сила, ни слава не должны нас ослеплять настолько, чтоб совершать те ошибки и несправедливости, в которых мы ныне повинны.

Во многих отношениях Соединенные Штаты — самая преуспевающая в мире страна. Тем не менее бросается в глаза ее несостоятельность в деле защиты своих граждан, являющихся жертвой общественных предрассудков и расовой вражды.

Гарантия личной безопасности каждого на основе закона — вот что мы вправе требовать. Однако пока что действенная защита от насилия толпы достигается весьма редко. Со времени окончания Гражданской войны более трех тысяч человек в нашей стране стали жертвами ярости толпы.

Три тысячи свободных, ни в чем не повинных перед лицом закона и никому не сделавших зла людей преданы смерти, иногда в неопишуемых мучениях на костре, с жестокостью, заставляющей нас содрогаться, когда мы читаем историю прошедших столетий. И никто не понес за это наказания, никто даже не был этим особенно огорчен.

Так поступали другие, так и они поступили по отношению к гонимым, презираемым, бедным и слабым людям.

Король умер, правит народ: он назначает и смещает президентов и губернаторов, устанавливает законы и формы правления. Могут ли они быть дурными?

Если бы правительство МакКинли² одобрило хоть один случай суда Линча, оно было бы сметено неодолимым взрывом общественного негодования. Но три тысячи случаев линчевания, произведенных толпой, не вы-

звали ни малейшего волнения в политических сферах. Если мы организуем тресты с капиталом в биллион долларов, если мы жертвуем ежегодно по двадцать миллионов долларов на университеты, почему же мы не желаем думать о правах и страданиях убиваемых жертв общественной ненависти, которых их убийцам угодно величать «никчемной сволочью»?

Что нам слезы детей, ставших сиротами из-за кастовой спеси и кровавых вожделений разнузданной толпы! Ведь мы величайшая могущественнейшая из всех наций!

Если мы хотим обуздать притеснителей, обратим свои взоры к России.

Судья Арба Уотермен из Чикаго

На конверте: Count Leo Tolstoi.

Yasnaia Polyana. Russia.

О линчевании негров на Юге Соединенных Штатов и «предубеждении против негров», распространенном повсюду — «как на Юге, так и на Севере», — писал Толстому американский журналист Теодор Стэнтон (1851—1925), представитель в Западной Европе крупного американского журнала «North American Review».

Перевод с английского

Париж. 20 июня 1903 г.
9, Avenue du Trocadéro.

Милостивый государь!

Один из самых жгучих вопросов в Соединенных Штатах Америки, как вам, несомненно, известно, — это вопрос о неграх. Две стороны этого вопроса должны представлять для вас особый интерес: обычай, распространенный во всех южных штатах Америки, линчевать преступников-негров, и общественное предубеждение против негров, которое существует почти повсеместно в Соединенных Штатах, как на Юге, так и на Севере.

Что касается линчевания, просвещенные люди в Америке на этот счет единодушны: все порицают его. Но лишь небольшая часть белого населения Америки борется против предрассудков, связанных с цветом кожи. Именно против этих предрассудков неоднократно и столь решительно высказывался президент Рузвельт.

Мне пришло в голову: если бы вы, выступающий всегда так веско и имеющий столько поклонников в Соединенных Штатах, посвятили негритянскому вопросу одну из своих превосходных статей, это принесло бы огромную пользу и очень поддержало смелых людей, мужчин и женщин, которые в области общественной и частной, не щадя сил, искореняют из сознания и обычаев американцев последние остатки черных дней рабства.

Статья может быть написана по-русски. Мы переведем ее на английский язык в Нью-Йорке. Она может быть длинной или короткой — как вы сочтете нужным. Существенно лишь одно: чтоб вы подняли ваш авторитетный голос против этой несправедливости.

Вместе с этим письмом посылаю вам один из последних номеров «North American Review», где вы найдете отличные статьи, освещающие этот вопрос. Если вы захотите ознакомиться с ним еще подробнее, я с удовольствием пришлю вам и другие материалы.

Теодор Стэнтон,
представитель журнала «North American Review»
на континенте

На конверте: Recommandée. Russie. Toula.

Ясная Поляна.

Comte Leo Tolstoy, Esq.

«Жгучий вопрос», о котором писал Стэнтон, привлекал к себе пристальное внимание Толстого. В статье, посвященной известному общественному деятелю, борцу за освобождение негров У. Л. Гаррисону, Толстой привел его слова о том, что в негритянском вопросе девиз свободы часто ограничивается приложением лишь к тем людям, «которые собраны в этой стране южными рабовладельцами как рыночная ценность, как товар, хозяйственный инвентарь». «Мы будем пользоваться нашим девизом в самом широком смысле», — говорил Гаррисон (т. 36, стр. 96).

Толстой разделял точку зрения Гаррисона и считал «негритянскую проблему» частью более общего вопроса борьбы за свободу. «Гаррисон же, понимая, что рабство негров было только частным случаем всеобщего насилия, — писал Толстой, — выставил общий принцип, с которым нельзя было не согласиться, — тот, что ни один человек, ни под каким предлогом, не имеет права властвовать, т. е. употреблять насилие над себе подобными. Гаррисон не столько настаивал на праве рабов быть свободными, сколько отрицал право какого бы то ни было человека или собрания людей принуждать к чему-нибудь силою другого человека» (там же, стр. 96—97).

Именно поэтому Толстой считал, что для «освобождения негров» надо «освободить белых», т. е. уничтожить самую основу рабства и в законах, и в предрассудках общества. «Сущность же вопроса осталась неразрешенной, — писал Толстой по поводу отмены физического рабства негров, — и тот же вопрос, только в новой форме, стоит теперь перед народом Соединенных Штатов. Тогда вопрос был в том, как освободить негров от насилия рабовладельцев; теперь вопрос в том, как освободить негров от насилия всех белых и белых от насилия всех черных» (там же, стр. 97).

Стэнтон писал Толстому о нескольких «решительных высказываниях» президента США Т. Рузвельта против предрассудков, «связанных с цветом кожи». Толстой имел основания для того, чтобы не связывать надежды на решение этого вопроса с деятельностью «империалиста Рузвельта». В самом деле, выступления президента против расовой дискриминации и сегрегации, встреча с негритянским лидером Букером Т. Вашингтоном в Белом доме имели чисто декларативный характер.

Вашингтон был в юности рабом, потом рабочим на угольных копях. Ему удалось получить высшее образование, и он стал политическим деятелем. Вашингтон выступал в защиту программы экономических и культурных реформ, стремясь открыть для негров в Америке доступ к образованию. Надежды свои он возлагал на филантропическую помощь и входил с этой целью в контакт с правительством. Главным достижением Вашингтона было созданное его усилиями высшее учебное заведение для негров в штате Алабама, так называемый институт Таскиги.

23 мая 1908 г. Толстой встретился в Ясной Поляне с другом Вашингтона, профессором социологии Дж. Раймондом. В беседе с ним Толстой говорил о положении негров в Америке и высказал желание познакомиться с работой института в Таскиги.

В октябре 1908 г. Толстой получил письмо от *Б. Т. Вашингтона* и материалы о деятельности негритянского института в Алабаме³.

Перевод с английского

〈Таскиги. Алабама.〉 17 октября 1908 г.

Графу Л. Толстому

Ясная Поляна. Ясенки. Тульская губерния. Россия

Милостивый государь!

С великим удовольствием выполняю просьбу нашего общего друга, г. Джерома Х. Раймонда (6217, Madison avenue, Чикаго, Иллинойс, США), и посылаю вам некоторые материалы, дающие представление о нашей ра-

боте здесь, в институте Таскиги. Горячо надеюсь, что эти книги будут вам в какой-то мере интересны, равно как и печатные материалы о работе школы.

Нечего и говорить, что вместе со всеми мыслящими людьми я глубочайшим образом сочувствую вашим неустанным усилиям, направленным к улучшению жизни ваших соотечественников.

Примите уверения в моем глубоком интересе к вашей благородной деятельности.

Искренне ваш
Букер Т. Вашингтон

На конверте: Count Leo Tolstoy.

Yasnaya Poliana. Yasnky.

Toula Government. Russia.

В 1909 г. к Толстому обратились от имени трех тысяч негров Нью-Олбени (штат Индиана) Лиззи Уокер и Марта Тайлер⁴. Поводом для этого письма послужила статья Дж. Стотсенбурга «What would Tolstoy say» («Что сказал бы Толстой»), опубликованная в 1908 г.⁵

Стотсенбург начинает свою статью указанием на федеральную конституцию, где было «торжественно объявлено» об «установлении справедливости».

Но действительное положение вещей далеко от того, что можно было бы назвать справедливостью. Стотсенбург приводит факты, «показывающие как мало конституция способствует защите черных граждан республики».

«Негр по имени Шоу, — пишет Стотсенбург, — был повешен толпой на площади в Тансаколе (Техас); другой негр по имени Смит сожжен на костре в Гнивиле (Техас), хотя двое судей в публичном заседании говорили, что обвиняемый человек предварительно должен быть осужден».

Ужасающие злодеяния были совершены в Иллинойсе, штате Линкольна, «великого эмансипатора», провозгласившего равенство черных и белых. «Негритянские граждане США лишены гражданских прав», — вот основная мысль статьи Стотсенбурга.

«Что сказал бы Толстой?» — спрашивал Стотсенбург. И отвечал: достаточно вспомнить то, что он уже сказал. Каждое слово Толстого является осуждением рабства и утверждением прав человека.

Уокер и Тайлер сообщали Толстому: «Статья должна отражать то, что, по мнению автора, вы должны были бы написать, как друг угнетенных, но... в ней нет достаточного внимания к воплям и мольбам чернокожих людей» (т. 79, стр. 196—197).

Толстой познакомился со статьей Стотсенбурга и письмом Уокер и Тейер. В своем ответе он писал: «Прочел присланную вами статью об исключительных жестокостях, совершаемых людьми над своими братьями только потому, что кожа их другого цвета, чем тех, над которыми они считают себя вправе совершать величайшие жестокости» (т. 79, стр. 196).

Толстой был убежден, что необходимо «обличить одинаковую преступность и грубой толпы, совершающей эти ужасы, и еще большую бессовестность правительства, допускающего и потворствующего этим преступлениям» (т. 79, стр. 196).

Переписка Толстого по негритянскому вопросу представляет собой материал большой исторической значимости, не утративший своего современного значения. И в наши дни, когда расизм оказывает давление на общественную жизнь Америки, борьба за гражданские права негров остается насущной задачей демократии. Именно поэтому так злободневно звучит сегодня то, что сказал Толстой в защиту негров, «как друг угнетенных».

3. АННЕКСИЯ

7 октября 1908 г. правительство Австро-Венгрии объявило о присоединении к империи Габсбургов Боснии и Герцеговины — славянских земель на Балканах.

После русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Босния и Герцеговина, освобожденные от многовекового турецкого ига, по решению берлинского конгресса были отданы под временную оккупацию австрийской армии.

Теперь односторонним решением Вены оккупация превращалась в аннексию.

Захват Боснии и Герцеговины вызвал бурные протесты в Сербии, где эти земли рассматривались как неотъемлемая часть будущего южнославянского государства. Сербия обратилась за поддержкой к России и стала готовиться к войне.

В тот самый день, когда было официально объявлено о присоединении Боснии и Герцеговины к Австро-Венгрии, молодая сербка Анджа Мита *Петровичева* обратилась к Толстому с письмом, в котором призывала его «поднять голос в защиту босняков и герцеговинцев»¹.

Перевод с сербского

Его сиятельству графу Толстому, философу и писателю!

Больше всего мне хотелось бы, чтоб у вас хватило терпения дочитать это письмо до конца.

Обращаться к вам, философу и гению XX века — огромная смелость со стороны молодой сербки. Простите меня, уважаемый апостол угнетенных. Вы, умеющий прощать и учащий людей справедливости и милосердию, не откажете в просьбе вашим ученикам. Вы внушили мне отвагу — обратиться к вам с просьбой от нашей небольшой страны — к вам, поборнику христианской гуманности.

Я осмелюсь рассказать вам о ранах, которые терзают сербов, и просить слова утешения от имени всей сербской молодежи. Ваше слово явится для русского общественного мнения гласом апостола. Так провозгласите же это спасительное слово, смягчите сердце вашего народа в отношении маленькой балканской народности, находящейся в плену у захватчиков. Поднимите голос за свободу боснийцев и герцеговинцев! Это сербы, это южные славяне, это люди, веками борющиеся за сохранение своей самобытности.

Мы, сербы, лучше, чем когда бы то ни было, понимаем теперь, что стоим перед пропастью, которая таинственно влечет нас в свои глубины. На дне ее неясно мелькает луч — то ли избавления, то ли смерти; и мы должны броситься в эту пропасть с лозунгом «Свобода или смерть!» и очутиться между ужасом и спасением.

И все же, Отец, мы, словно львы, которых охотники окружили огненным кольцом, — полны отваги и готовы положить на алтарь отечества свои жизни и свое имущество, оставаясь до последнего вздоха верными родине.

Мы должны разрушить стены нашей тюрьмы, преграждающие нам путь к свободе и осуществлению наших возвышенных стремлений; силы врага больше, чем наши, враг неутомим к стенам и угрозам своих пленников, и все же мы не падаем духом. В спертom воздухе тюрьмы мы не можем бороться за благородные христианские идеалы, а все наши утешения были бы бесполезной мечтой, поисками вымышленного мира, где нет страдания и унижений.

Нынче во всей разодранной на клочки сербской земле нет ни одного серба, который бы решительно не требовал войны с Австрией и освобождения сербских областей Боснии и Герцеговины.

АНДЖА ПЕТРОВИЧЕВА

Портрет маслом работы Надежды Петровицевой, 1908
Народный музей, Белград

Сербы никогда не боялись войны, ибо они уверены, что в борьбе возрастают силы и что патриотический подъем сам указывает путь и направление всем возникающим в ходе борьбы событиям. Пусть оспаривают за сербами способность к общественной жизни, пусть приписывают нам все пороки (нам, а не Германии с ее интригами, направленными на наше уничтожение) — ни один народ не знал и не знает большего воодушевления и большей готовности к самопожертвованию, чем сербы, веками боровшиеся против вражеских интриг и нашествий.

Сейчас наступила одна из самых критических минут, когда сербы находятся в ожидании решения культурной Европы на конгрессе великих держав.

Россия молчит. Это страшное молчание может стоить жизни целому народу. Возможно ли, чтобы великая Россия стала палачом и причиной гибели невинных славян? Где же подлинный гуманизм? Где

человеколюбивые, филантропические объединения культурных народов, если ни один голос не раздается в защиту южных славян от германского нашествия?

Разве не правда, что этот гуманизм проявляется только в отношении невежественных народов Азии и Африки, проповедуя дикарям христианское милосердие, в то время как на юге Европы он спокойно допускает уничтожение целого народа, имеющего многовековую историю и культуру. Этот народ уничтожается только потому, что хищническая Европа продолжает вести тайную политику и что Россия защищает лишь интересы болгар — потомков татарских пришельцев.

Россия молчит, потому что Болгария, подопечная ей, уже получила независимость, а сербы пускай гибнут. Можем ли мы рассчитывать на помощь англичан и немцев, желающих, в сущности, ослабления славянства?

Англия больше других противится аннексии Боснии и Герцеговины, но не потому, что ущемлены интересы сербов, а потому что она хочет удовлетворить свою союзницу Турцию. Все страны, улучшившие свои отношения с Турцией, выиграли. Для Болгарии это выразилось в аннексии Румелии; Греция получила Крит; Австрия — сербские провинции, Боснию — Герцеговину. А Сербия из-за своей лояльности не получила ничего. Таковы были цели европейской политики. Турция оказалась вороной, разукрашенной чужими перьями, но на этот раз и другие хищные птицы разodelись в чужие перья. А Сербия должна была стать на сторону обобранной Турции, своего бывшего врага.

Ужасно, когда в культурный век приходится проливать кровь за свои права. Пусть Европа охраняет интересы германских народов и ту-рок, а героическая Сербия без страха пойдет на войну.

Если дело идет о защите великосербских стремлений к воссоединению, лучше погибнуть, защищая от разбойников свои интересы. Австрийская армия на примере союзной армии Сербии и Черногории еще раз увидит, что значит защищать отечество и что значит отправляться на охоту за чужим добром.

Героическая смерть, которая поразит всех до единого, или свобода независимой сербской земли! Даже если сербскую армию на поле брани оставит милость всевышнего, врагу не удастся в Сербии легко переступить порог наших домов; неизведанные еще силы сербских женщин проявятся в мести за смерть отцов и братьев.

И пусть во веки веков останется свято воспоминание о последних днях королевства, воздвигнутого на развалинах могущественного балканского царства, достойного великих предков сербского народа.

Я открыла вам свою душу, я пишу то, что кровавыми буквами записано в сердце каждого серба; свои упования на ваши симпатии по отношению к сербам я охотно доверяю бумаге, которая, быть может, никогда не попадет в руки вашей милости.

Но если вы получите это письмо, не отвергайте его из-за того, что язык наш будет вам непонятен; не пренебрегите возникшими в моем сердце воодушевлением и восхищением, которые я испытала, обращаясь к вашему сиятельству.

Дай бог, чтобы в результате моего письма сербский народ приобрел еще одного друга в лице прославленного писателя Льва Толстого.

Пусть ваше сиятельство простит мне мою смелость и примет безграничное уважение молодой сербки, исполненной любви к отечеству и желания, чтобы весь мир проникся добрыми чувствами к маленькой Сербии.

Анджа М. Петровичева

Белград, 7 октября 1908 г. Ратарска, 32

26 октября Толстой записал в дневнике: «Начал <...> письмо сербке» (т. 56, стр. 152). Но письмо разрасталось, а время шло. Поэтому Толстой поручил Маковицкому написать Андже Петровичевой письмо, кратко изложив его мнение.

Подлинник по-русски

30 октября 1908 г.

Милостивая государыня!

По случаю вашего письма Лев Николаевич вспомнил изречение о том, что когда нам кажется, что все погибло, часто бывает, что тут-то все спасено.

Думает Лев Николаевич это потому, что важно не политическое положение государства Сербии, а важно духовно-религиозное состояние всего народа. И это особенно важно для народов славянского племени, которые, как думает Лев Николаевич, более других религиозны и вследствие этого призваны обновить христианское человечество новым пониманием жизни и потому призваны внести совершенно новое и иное, чем отношение других народов, отношение к политической власти.

И это новое, иное, чем обычное, отношение к политической власти может выразиться именно теперь по случаю, так сильно волнующего сербский народ, дерзкого присоединения австрийским правительством Боснии и Герцеговины.

Вопрос этот настолько заинтересовал Льва Николаевича, что он в довольно длинном письме, которое вероятно скоро будет напечатано, высказал подробно свои мысли об этом предмете.

Д. П. М а к о в и ц к и й

Известие о том, что Толстой пишет для печати статью о присоединении Боснии и Герцеговины к Австро-Венгрии, вызвало чувство благодарности и надежды. Петровичева писала Толстому:

Перевод с сербского

Ваше сиятельство!

Не нахожу слов, чтобы выразить то, что я как сербка чувствую в связи с доброжелательностью и симпатиями, проявленными к нам русским народом и всеми северными славянами. Мы все больше убеждаемся в том, что планы, которые мы строим в отношении нашего будущего, верны и что стремления, идеи, служащие для руководства, приносят благосостояние и счастье всему народу и ведут к высшему совершенству, какое вы хотите видеть в возрожденном человечестве, когда все будут праведны.

Нужно воспринимать жизнь истинно и верно, используя опыт, полученный от познания самого себя и окружающего нас мира, уважая законы общества и религии — так, чтобы каждый умственно развитый человек мог воспринять дух вашего учения, по которому любое стремление должно являться выражением благородных побуждений. Так должен думать каждый культурный человек и народ и его властители, но, к сожалению, маленькому народу в этом деле трудно быть впереди, ибо «на чьей стороне сила, тот и прав».

Разбой угрожает теперь нашей национальной свободе, ведет к уничтожению нашей самостоятельности, нашей народности.

Под грязной вуалью скрывает германская раса свою аморальность и бесстыдство, она разжигает в наших сердцах ненависть, ибо своим эгоизмом она старается вытеснить славянские народы, за которыми будущее.

Да, ваше сиятельство, слова ваши находят отклик и в моей, и во всех наших душах. С надеждой глядим мы в нынешнее столетие, которое явится

столетием прогресса в социальном отношении. Созревшие, налившиеся силой идеи продиктуют человечеству новые законы; это будет победа и триумф справедливости и равенства и плод усилий славянских народов.

Меня ошастливил ваш ответ, а ваше открытое письмо, которое вскоре появится, превзошло все мои ожидания. Успех мой огромен, он превзошел результаты деятельности всех наших дипломатов, ибо я сумела заинтересовать нашим справедливым делом величайшего в мире гения. Письмо г. Маковицкого, в котором он соблаговолил изложить ваше мнение и сообщает, что скоро будет напечатано ваше суждение по поводу аннексии Боснии и Герцеговины, вызвало у нас самый большой интерес, и все с лихорадочным нетерпением ожидают «мнения великого Толстого о несчастной судьбе Боснии и Герцеговины и всего сербского народа».

Ваша исключительная доброта проявилась не только в этом письме, вы доставили мне огромную радость, послав ваши сочинения, по которым я буду постигать ваше учение.

Беру на себя смелость отправить вам историческое сочинение моего отца, Миты Петровича, которое познакомит вас с возрождением моего маленького отечества — Сербии, — то есть с новейшей историей сербского народа, организацией различных учреждений, развитием финансов и экономики нашей родины, которое отец написал на основании собранных им подлинных документов за период от 1804 до 1849 года.

Это сочинение должно состоять из еще девяти таких выпусков, в которых будет представлен весь исторический материал. Они вскоре поступят в печать. Я посылаю лишь первый выпуск, желая, насколько возможно, ознакомить ваше сиятельство с нашей историей. Мой отец долгие годы собирал исторические документы, и к настоящему времени у него насчитывается около одиннадцати тысяч ценных и важных бумаг и писем, среди которых находятся и псалтыри, написанные от руки несколько веков назад.

Часть, которая относится к истории женщин и их участию в нашей новой истории XIX столетия — письма, связанные с политической и общественной жизнью Сербии, я обрабатываю уже несколько месяцев, и, когда это напечатано, буду счастлива послать вашему сиятельству.

Конечно, семнадцатилетняя девушка не в состоянии создать бессмертные произведения, подобно такому человеку, как Лев Толстой, но я буду удовлетворена, если сделаю хоть немного для сербского народа, воскрешая память о наших славных матерях, не раз жертвовавших собою во имя своей веры и народа.

Во время турецкого господства и тирании захват невинных девушек и детей в рабство называли в народе «кровавой данью». Женщина — мать и сестра, несла на себе тяжелый крест, она голыми руками защищала в своем доме малых детей и имущество, побуждая к сопротивлению, разжигая чувства любви и храбрости, а по отношению к тиранам чувство ненависти. И, принося жертвы, сербка не стонала и не требовала награды. И дома, и на поле боя, возле раненых, среди боевых кликов сербские женщины были нежными помощницами. Встретив первый, после пяти веков рабства, луч свободы на сербском небе, они были первыми, прославившими Провидение, влившее силы в их ослабевшие мышцы.

Они принесли свои женские чувства на алтарь освобождения отечества, как солдаты храбро, героически и терпеливо вынесли все, с радостью встретив кровавое солнце на нашем пылающем небосводе.

Страшны были эти пять веков черной ночи, когда миллионы сербских матерей, охваченные ужасом и отчаянием, были свидетелями несчастья, которое подстерегало их детей с первых дней жизни, обрекая их на участь рабов азиатских тиранов; небо наше и сейчас еще залито кровью, на наших сердцах и сейчас еще лежит печать истерзанного сербского народа.

ДИПЛОМ ПОЧЕТНОГО ЧЛЕНА РУССКО-СЕРБСКОГО КЛУБА,
ПРИСЛАННЫЙ ТОЛСТОМУ В 1906 г.

Обложка

Архив Толстого, Москва

Наше прошлое обогрено кровью, настоящее — еще более обогрено кровью, и будет ли когда-нибудь конец этим мучениям, возможно ли, что нет спасения от мрака и что звон цепей будет и в дальнейшем раздаваться среди дивных сербских лесов. Страдания сербов прежние, изменился только тиран — раньше это были турки, теперь — немцы.

Я полагаю, что не очень злоупотребила вашим вниманием, написав вам такое обстоятельное письмо.

Разрешите в конце добавить, что мы, сербы, верим в будущее славян, ибо, только объединившись, славяне смогут уничтожить немцев и их политику и тем самым обеспечить славянам свободу культурного развития.

Вы доставили бы мне большую радость, если б прислали свою фотографию с вашим автографом — она вечно напоминала бы мне и моим друзьям о высоком друге сербов, князе Льве Толстом.

В знак уважения разрешите мне поцеловать вашу руку — руку отца всех угнетенных.

С глубоким почтением остаюсь

Анджа М. Петровичева

Белград, 19.XI 1908 г.

Ратарска, 32.

Статья Толстого была окончена в начале ноября 1908 г. (т. 37, стр. 439). Называлась она «О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии».

В первых числах декабря статья была напечатана (с многочисленными цензурными пропусками) в «Голосе Москвы» и в других русских и иностранных газетах.

«Одна сербская женщина обратилась ко мне с вопросом о том, что я думаю о совершившемся на днях присоединении к Австрии Боснии и Герцеговины, — так начал свою статью Толстой. — Я вкратце отвечал ей, но рад случаю высказать тем, кого это может интересовать, насколько я могу ясно и подробно, мои мысли об этом событии» (т. 37, стр. 222—223).

Толстой осудил аннексию, совершенную «посредством всякого рода обманов и лжи, насилия и всякого рода преступлений против самых первых требований нравственности». Он назвал захват славянских земель Австрией «грабежом», а империю Габсбургов — «разбойничьим гнездом».

Но в качестве средства «избавления от порабощения» Толстой рекомендовал боснякам и герцеговинцам, сербам и всем славянским народам одно: не готовиться к войне, отказаться от борьбы, но «освободиться всеми силами от губительного суеверия патриотизма, государства и сознать каждому человеку свое человеческое достоинство, не допускающее отступления от закона любви и потому не допускающее ни господства, ни рабства, и требующего не делания чего-либо особенного, а только прекращения делания того, что поддерживает то зло, от которого страдают люди» (т. 37, стр. 241).

Анджа Петровичева, прочитав ответ на ее вопрос «что делать?», снова решила написать Толстому.

Перевод с сербского

Ваше сиятельство!

Считаю своим долгом поблагодарить вас за ваше благородное письмо по поводу нашего сербского вопроса.

Основной христианский принцип — люби ближнего и люби человечество — символ христианских устремлений, понятие человеческой прав-

ды и личной независимости приняло ныне иные формы, искажение благородных идей самого Христа получило санкцию власти.

Христианином теперь называется даже тот, кто, прикрываясь этим именем, проливает кровь своих братьев во имя выдуманных, укоренившихся принципов; эгоизм завладел каждым в отдельности и всеми вместе.

Цели утратили свое истинное благородство, так что вы, учитель, правы — тропа добродетели затерялась в повседневной борьбе.

Ваше учение, или возрождение современного общества, было бы, без сомнения, осуществимо, если бы все люди освободились от своих традиций, убедив этот материалистический, эгоистический мир, что он заблуждается, считая ваше учение неосуществимой философией, а не истинной наукой, которую так легко воспринимают люди с чистой душой.

Ваш ответ пробудил во мне благородные мечты о правде и любви, но чтобы воспринять милосердие и благородство великого учителя, я должна была бы забыть, что я сербка, забыть о тех несчастьях, среди которых живет сербский народ. А действительность требует постоянной, реальной заботы о моем отечестве и разрешении кризиса, после которого должен быть создан хоть временный мир.

Я исполнена надежд и горячо желаю, чтобы быстрее осуществились принципы вашего благородного учения. Я льщу себя мыслью, что эра, в преддверии которой мы стоим, не позволит растоптать целый народ и что в ближайшем будущем будут осуществлены народные права.

Веря в справедливость надежды об общем счастье, поздравляю вас с Рождеством и Новым годом и шлю тысячи теплых пожеланий долгих лет жизни и успешного труда.

Еще раз примите сердечную благодарность от меня и всех сербов за участие и отклик в печати на аннексию Боснии и Герцеговины.

С горячим приветом и уважением
Анджа М. Петровичева

Белград, 20.XII 1908 г.

Толстой прекрасно понимал, что в ответ на чудовищный призыв «уничтожить сербов» может последовать призыв «уничтожить немцев». Эта мысль мелькнула в письме «сербской женщины». И Толстой вновь повторил свое слово: «Одумайтесь!»

Статья Толстого вызвала многочисленные отклики в русской и иностранной печати. Д. П. Маковицкий познакомил его со статьей М. Стевановича «Лев Толстой о аннексии»². В этой статье говорилось, что Толстому вряд ли удастся убедить А. Эренталя, австрийского министра иностранных дел, в необходимости отказаться от аннексии Боснии и Герцеговины. И Толстой, выслушав это, сказал по поводу своей статьи: «Никого не убедит»³.

Вскоре Толстой получил письмо от сербского переводчика И. Г. Максимовича, который сообщал ему, что сначала в зарубежных газетах «смеялись над утопиями великого старца», а потом все чаще и чаще стали повторять его аргументы в защиту Сербии. «Если бы убедились!» — воскликнул Толстой⁴.

Когда статья была еще в рукописи, с ней ознакомился М. С. Сухотин, который часто и по многим политическим вопросам выступал в своеобразной роли оппонента Толстого. Тогда же Сухотин записал в своем дневнике: «Л. Н. пишет ответ какой-то сербке, который мне не нравится по своей бесцельности. Сербка плачет о том, что их окончательно заберут в свои руки и уничтожат их национальность швабы, а Л. Н. в утешение ей доказывает, что не нужно никакой национальности и что одинаково вредно ей, сербке, всякое государство, будь то турецкое, немецкое или сербское»⁵.

Сухотин, называвший себя «реальным политиком», как бы предугадал то впечатление, которое статья Толстого должна была произвести на Петровичеву. И действительно, в ее письме чувствуется горечь не вполне оправдавшейся надежды. Ни сама Анджа Петровичева, ни ее единомышленники не могли и не хотели забыть, что они сербы, босняки, герцеговинцы, не могли допустить мысль о том, что они будут уничтожены как народ, не оказав сопротивления «грабителям».

4. СУД В МИЛАНЕ

В 1895 г. Италия начала войну против Абиссинии (Эфиопии). В начале марта следующего года война завершилась полным разгромом итальянской армии в битве при Адуа.

По горячим следам событий, в марте 1896 г., Толстой начал писать обращение «К итальянцам». Рукопись осталась неоконченной и при жизни Толстого не публиковалась.

Но статья не утратила своего значения и в последующие годы. Достаточно сказать, что отрывки из обращения Толстого «К итальянцам» были опубликованы в газете «Известия» в 1935 г., в дни новой итало-абиссинской войны¹.

В 1898 г. издатели газеты «Humanité Nouvelle» (Париж и Брюссель) и журнала «Vita Internazionale» (Милан) обратились к всемирно известным деятелям с анкетой о войне и милитаризме. Запрос был направлен и Толстому. «Требуют ли войны между цивилизованными народами история, право и прогресс?» — вот основной вопрос, на который требовалось дать ответ.

Такая постановка вопроса вызвала у Толстого «чувство отвращения, негодования и даже отчаяния» (т. 39, стр. 198). Он начал писать ответ и за двадцать дней написал двести двадцать девять страниц. Наконец, работа была окончена. Многостраничные черновики были сведены и сжаты в краткую статью — замечательный образец толстовской публицистики.

«Каждый год где-нибудь грабят и убивают, — писал Толстой, — и все живут под постоянным страхом всеобщего взаимного грабежа и убийства» (т. 39, стр. 198—199). Современный мир милитаризма представлялся Толстому воинственным Карфагеном, постоянно угрожающим миру. И Толстой взял в заголовок статьи слова Катона «Carthago delenda est» — «Карфаген должен быть разрушен».

«Верьте одному своему чувству, что вы не животные и не рабы, а люди свободные и ответственные за свои поступки и потому не могущие быть убийцами ни по своей воле, ни по воле распорядителей, живущих этими убийствами», — писал Толстой (т. 39, стр. 199).

Окончив статью, он отправил рукопись в Англию для первого номера организованного В. Г. Чертковым сборника «Свободное слово», а также во Францию издателю «Humanité Nouvelle» Амону и в Милан, издателю журнала «Vita Internazionale» — Монета.

Имя Эрнесто Теодора Монета (1833—1915) — известного итальянского общественного деятеля, впоследствии получившего Нобелевскую премию мира, было знакомо Толстому. Еще в 1892 г. Толстой одобчительно отзывался о его деятельности, направленной на обоснование и защиту идеи международного мира.

Участник «восстания пяти дней» и войны в Пьемонте, один из гарибальдийцев 1860-х годов, Монета, оставив военную службу, занялся журналистикой².

Получив от Толстого рукопись статьи для «Vita Internazionale», Монета обратился к нему с письмом:

АНКЕТА ФРАНЦУЗСКОЙ
ГАЗЕТЫ «L'HUMANITÉ
NOUVELLE», ПОСВЯЩЕННАЯ
ПРОБЛЕМЕ ВОЙНЫ
И МИЛИТАРИЗМА

Была послана Толстому
в марте 1898 г.

Архив Толстого, Москва

L'HUMANITÉ NOUVELLE

Revue Internationale Mensuelle. — Sciences & Art

DIRECTION: A. Hamon, 3, boulevard Berthier, Paris, XVIIe

ADMINISTRATION: Schleicher frères, éditeurs, 18, rue des Saints-Pères

Monsieur,

Les événements récents qui ont troublé le monde ont appelé à nouveau l'attention sur les questions de la guerre et du militarisme. Leur gravité ne vous a certes point échappé.

Il nous a paru intéressant de recueillir, sur ces importantes questions, l'opinion de ceux qui, dans les sciences, les lettres, les arts, la politique, etc., occupent une place éminente. Dans ce but, nous adressons aux personnalités les plus en vue le questionnaire suivant :

1° La guerre parmi les nations civilisées est-elle encore nécessaire par les conditions historiques, par le droit, par le progrès?

2° Quels sont les effets intellectuels, moraux, physiques, économiques, politiques du militarisme?

3° Quelles sont les solutions qu'il convient de donner, dans l'intérêt de

*E. F. P. pour
Gouv(ernement)*

Перевод с французского

Милан. Июль 1898 г.

Г-ну Льву Толстому

Горячо благодарю вас за разрешение опубликовать вашу статью, написанную в ответ на анкету в нашем журнале, одновременно с публикацией ее на русском и французском языках.

Я пишу об этом Черткову на ваше имя.

Примите, милостивый государь, уверения в моем высоком к вам уважении и глубокой симпатии

Э. Монета

На конверте: M. Léon Tolstoï.

Yasnaja Poliana.

Gouv(ernement) d'Orel. Russia.

Статья Толстого появилась в журнале «Vita Internazionale» 20 сентября 1898 г., и сразу же этот выпуск был конфискован миланскими властями.

Главный редактор журнала Алессандро Тассони сообщил об этом Толстому.

Перевод с французского

Милан. 22 сентября 1898 г.

Милостивый государь!

С сожалением сообщаем вам о том, что ваша статья «Carthago delenda est», которую наш журнал напечатал в номере от 20 сентября, была конфискована миланским прокурором вместе со всем выпуском журнала.

Для того чтоб вы могли, по крайней мере, убедиться в наших добрых намерениях, посылаем вам последний экземпляр журнала, оставшийся от изъятого тиража.

Мы надеемся, что вы получите также тот номер журнала, в котором, сообщая читателям о конфискации, мы заменили вашу статью двумя другими.

Как видите, в Италии также нет свободы печати, особенно в настоящее время, после недавних волнений.

Это действительно чрезвычайно прискорбно, потому что для нас было бы большой честью напечатать одну из ваших работ.

Надеемся тем не менее, что, несмотря на это неприятное происшествие, вы не забудете «Vita Internazionale». Ждем от вас хотя бы несколько строк на любую из тем — например, анархизм или дело Дрейфуса, чтоб возместить читателям потерю, которую они понесли, лишившись возможности прочитать вашу статью.

Надеясь, что вы сообразовали вспомнить о нашем журнале, посылаю вам приветствия и самую сердечную благодарность нашего директора Э. Т. Монета.

Д-р Алессандро Тассони,
главный редактор «Vita Internazionale»
и других журналов

Против журнала «Vita Internazionale» было возбуждено уголовное дело. Начался суд в Милане, продолжавшийся несколько дней. Отчет о судебных заседаниях был напечатан в газете «Secolo».

Статья в газете «Secolo» называется «Толстой и журнал „Vita Internazionale“ оправданы»³.

Приводим полный текст этой статьи:

«Вчера на второй сессии Уголовного трибунала в Милане, под председательством заместителя первоприсутствующего Казати состоялся объявленный процесс против журнала „Vita Internazionale“, в вину которому вменено, как известно, оправдание преступлений и подстрекательство к неповиновению законам, выразившееся в опубликовании письма Льва Толстого.

Журнал „Vita Internazionale“ начал обсуждение милитаризма, предложив высказаться по этому поводу многим авторитетным лицам разных стран и партий.

Письмо Толстого было напечатано с примечанием от редакции о принципиальных расхождениях с выраженными в письме мыслями.

Защитники ответственного редактора, Антонио Делль Орто, адвокаты Шипионе Ронкетти и Арнальдо Ангелли, пригласили в качестве свидетелей профессоров Эмилио де Марки и Карло Баравалле и писателя Джузеппе Джакоза.

Переполившая зал суда публика, которая состояла из представителей интеллигенции и ученого мира, с восторгом выслушала показания почтенных свидетелей, не скрывая горестного возмущения тем, что такой процесс мог быть устроен.

Заметим, однако, сразу, что трибунал восстановил справедливость.

Свидетели с поразительной ясностью и очень подробно рассказывали о предпринятом журналом обсуждении, объяснив, что такие обсуждения и опросы составляют ныне необходимую часть в политических, научных и литературных органах печати.

Профессор де Марки, придерживающийся иных политических убеждений, чем редактор „Vita Internazionale“, является сотрудником этого журнала, исполненного истинно научного духа и возвышающегося над всеми враждующими партиями, представляющего, как сказал профессор

перед судом, открытое поле для высказывания любых серьезных, высоких и благородных мыслей и мнений.

По поводу публикации ответов на вопросы журнала все три свидетеля высказались в том смысле, что было бы невежливо не помещать ответ лица, приглашенного высказать свое мнение, хотя бы это мнение и не соответствовало точке зрения журнала.

Система подобных опросов, сказал профессор Баравалле, дает возможность собрать ценнейший материал для науки в виде высказываний мыслителей и философов по животрепещущим вопросам гражданской жизни, мнения выдающихся людей, которые навсегда сохраняются в архивах человеческого прогресса.

Всех взволновали хвалы высокому благородству и великому сердцу Льва Толстого, произнесенные свидетелями, которые скромно заявили, что не смеют высказать свое суждение о таком человеке, а только выражают свое беспредельное восхищение и преклонение.

„Лев Толстой, — воскликнул профессор, — сияет, как солнце; солнце иногда обжигает, но кто же дерзнет с ним спорить!“

„Это человек такой высоты, — сказал профессор Баравалле, — что наш ум едва может его понять. Слава его всемирна, его уважают и почитают даже в России, даже царь уважает его. Критиковать произведения этого великого ума было бы святотатством со стороны журналистов“.

Блестящим и убедительным было показание Джузеппе Джакоза: „Всякий, кто думает о прогрессе человечества, оказывается в какой-то момент нарушителем законов. Но благородство целей, объективность и возвышенный тон исключают оскорбление законов“.

Отвечая на вопрос председателя суда, Джакоза сказал: „Если бы Толстой прислал мне что бы то ни было, им написанное, я, редактор журнала, ухватился бы за творение Толстого и немедленно напечатал бы его, да еще с какой гордостью!“

„Толстой это вершина человечества, самый великий человек на земле!“ — добавил свидетель и сделал очень краткий, но чрезвычайно убедительный обзор творчества Толстого, показав, что мысли, высказанные в инкриминируемой статье, повторяются в большинстве его произведений, имеющих свободное и широчайшее распространение в России, где никто, однако, никогда не пытался подать на Толстого в суд.

В заключение Джакоза сказал, отвечая на вопрос защитника Ронкетти: „Если бы состоялся суд над Львом Толстым, весь ученый мир сказал бы только, что власти, устроившие его, приобщились к бессмертной славе“. (*Общий смех, аплодисменты.*)

Несмотря на это, прокурор Дзанкетта произнес яркую речь против Толстого и, за неимением доводов, пытался присоединить к материалу обвинения еще одну статью, подписанную редактором и помещенную в том же конфискованном номере „Vita Internazionale“, для того, чтобы сформулировать обвинение, равно незаконное и несправедливое, против замечаний редактора, предпосланных письму Толстого. В заключение он требовал приговорить редактора к пятидесятилетнему заключению и к штрафу в сто пятьдесят лир.

Блестящие, исполненные таланта и учености выступления защитников совершенно опровергли обвинение. Адвокат Ангелли подробнейшим образом рассмотрел дело в целом, разъяснив характер и намерения журнала вообще, цель и характер опроса о милитаризме. Адвокат Ронкетти с присущим ему красноречием доказал, что письмо Толстого не заключало в себе ничего противоречащего законам и, во всяком случае, характер журнала, свойство опроса, серьезность и добросовестность примечаний не позволяют обнаружить в поведении редактора ничего преступного.

Суд, как мы уже сообщали выше, проявил справедливость и вынес оправдательный приговор — за отсутствием состава преступления.

Редактора „Vita Internazionale“ и защитников приветствовало множество друзей, которые в зале и в коридорах суда дожидались справедливого приговора».

Если Толстой стремился поставить войну вне закона, то милитаристы ответили ему попыткой объявить его самого вне закона. В этом состоит исторический смысл суда в Милане.

О результате суда в Милане Монета сообщил Толстому в конце осени 1898 г.

Перевод с французского

Милан. 13 ноября 1898 г.

Граф!

Счастлив сообщить вам, что уголовный суд Милана, где разбиралось дело о напечатании в «Vita Internazionale» вашей статьи «Carthago delenda est», оправдал нашего ответственного редактора. Прокурор требовал для нашего бедного ответственного редактора пять месяцев ареста и сто пятьдесят франков штрафа. К счастью, суд принял точку зрения наших защитников.

Посылаю вам отчет о судебном заседании, напечатанный в миланской газете «Secolo».

Вы увидите, что прения превратились в триумф — ваш и «Vita Internazionale». Думаю, что все это будет вам очень интересно. Я счастлив за свою страну, не посрамившую себя перед цивилизованным миром осуждением идей Льва Толстого.

После того как мы выиграли сражение, прошу вас, не забывайте «Vita Internazionale» и пришлите ей в недалеком будущем одну из ваших прекрасных гуманных статей.

Мы в Италии очень мало занимаемся важными нравственными проблемами. И если вы можете нам внедрить кое-какие из них в сознание итальянского народа, полагаю, что вы сделаете нам большое благо и будете содействовать воплощению своих высоких идеалов.

В ожидании скорых вестей от вас, заверяю вас еще раз в своем величайшем восхищении и глубокой преданности.

Эрнесто Теодор Монета, редактор
«Secolo» и «Vita Internazionale»

На конверте: Mr Comte Leone Tolstoï.
Yasnaja Poliana, gouv. d'Orel. Russia.

По решению суда запрет на журнал со статьей Толстого был отменен, и номер был раскуплен читателями.

Хотя статья «Carthago delenda est» написана через два года после окончания итало-абиссинской войны и в ней не упоминаются события этого военного конфликта, она была воспринята в связи с этими событиями. Недаром редактор журнала Тассони говорил в письме к Толстому о том, что «в Италии нет свободы печати» после «недавних волнений».

Суд в Милане, получивший огласку в печати, вопреки воле его устроителей, превратился, по словам Монета, «в апофеоз Толстого в Италии».

hanno torto quando rigettano da sé sugli altri la colpa dello stato d'inferiorità in cui si trova il paese nostro in fatto di moralità e di educazione politica.

Le cause sono molte e complesse, ma volendo, ora, per chiarezza e brevità di ragionamento, riassumerle in una sola, diremo ch'essa è nella mancanza di un alto senso morale nella massima parte dei nostri uomini parlamentari e di governo, nelle cui mani stanno le sorti del paese, la vita, la libertà e la sostanza dei cittadini.

Quando, come candidati alle elezioni fanno solennemente promesse che sanno non potranno mai mantenere; quando nella Camera danno il voto a progetti di leggi, da essi medesimi acerbamente censurati, per non disgustare il ministro da cui sperano favori; quando impongono al paese dazi protettori e tributi superiori alle sue forze economiche, per favorire l'interesse di alcuni industriali e proprietari; quando confessano che l'Italia non ha in Africa alcun interesse proprio da difendere e tuttavia mandano là i nostri soldati a farsi uccidere; quando uno di loro, fatto capo del governo, contro una folla di inermi, che un drappello di cavalleria avrebbe disperso, ordina di far fuoco seminando di cadaveri le vie di città pacifiche, e sponde di suo capriccio le leggi statutarie, e dopo avere gettato il lutto e la miseria in migliaia

di famiglie, e popolate le carceri di uomini colpevoli soltanto delle opinioni che professano, trova Camera e Senato che approvano la sua politica liberticida e la continuano, - come si può sperare che un popolo così governato abbia fede nella giustizia, ed occupi un bel posto nella scala della moralità politica?

Come volete che gli uomini delle classi inferiori crescano con sentimenti di grande rispetto per la personalità umana, quando non la vedono rispettata negli atti del parlamento e del governo?

La libertà non può essere feconda senza base morale e l'esempio della moralità scende sempre dall'alto.

Ristaurare nelle classi politiche dirigenti il senso morale, trasferirlo nella politica e negli atti pubblici d'ogni giorno, farne la principale base della pubblica educazione, dovrebbe essere lo studio e lo sforzo di quanti desiderano vedere il nostro paese incamminato seriamente sulla via del progresso, rimettere la stima, il credito e le simpatie che raccolse dai popoli più civili nei primi anni del suo politico risorgimento.

Senza di ciò, sarà vana la speranza che l'anarchia rivoluzionaria non recluti più in Italia i suoi partigiani più pazzamente disposti a dar morte e morire.

E. T. MONETA.

Carthago delenda est

Pubblichiamo, come abbiamo promesso, lo splendido articolo col quale Leone Tolstoj ha risposto alla nostra inchiesta sulla guerra e sul militarismo.

Lo pubblichiamo integralmente, sebbene Tillystre scrittore se la prenda molto ingiustamente con gli amici della pace e propugnatori di combattere la guerra con un metodo, secondo noi, paradossale ed anarchico - il rifiuto cioè individuale al servizio militare.

Le parole di un uomo come Leone Tolstoj, meritano sempre di essere ascoltate con somma deferenza, perché sono il riflesso di una coscienza retta fino alla temerità, di una mente logica fino all'assurdo, di un cuore, un gran cuore di uomo e di pensatore, che solo s'ispira al bene.

Cio però non ci impedisce di dire che l'ipnotismo bellicgero, a cui il Tolstoj allude e dal quale egli fa derivare ogni male, non è solo, per noi, una colpa dei governi, ma anche di tutti gli uomini, i quali con la loro incompleta evoluzione morale, l'ignoranza, la semi-barbarie, sono la prima ragione d'essere della guerra.

Lavorare quindi a sviluppare da un lato la coscienza delle masse ai sentimenti della pace e della giustizia e combattere dall'altro nei governanti i pregiudizi e gli interessi che cooperano a perpetuare la guerra, ci pare l'unico modo possibile di giungere, evolutivamente, alla diminuzione e quindi, forse, alla sparizione delle guerre.

La ribellione che consiglia il Tolstoj, condurrebbe ad una reazione peggiore d'ogni male presente, perché appunto la coscienza universale, non essendo ancora abbastanza matura, finirebbe col perseguitare implacabilmente chi volesse farle compiere dei progressi troppo radicali; e d'altra parte i pericoli di lotte cogli elementi poco ciotti all'interno e coi popoli semibarbari all'esterno non potranno dirsi cessati ancora per alcuni secoli, perché si debba rinunciare assolutamente, da oggi al domani, a ogni difesa con le armi.

Del resto, perché avvenga lo sciopero universale patrocinato dal Tolstoj, bisognerebbe che tutti gli uomini chiamati all'esercizio delle armi vi si rifiutassero per un sublime impulso della coscienza,

«CARTHAGO DELEND EST». ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ. МИЛАНСКИЙ ЖУРНАЛ «LA VITA INTERNAZIONALE» ОТ 20 СЕНТЯБРЯ 1898 г., № 18

Страница из последнего экземпляра, оставшегося после конфискации тиража журнала. Был послан редактором Толстому

Личная библиотека Толстого. Музей-усадьба «Ясная Поляна»

5. КОНГРЕСС МИРА

Толстой знал войну. И не только по Севастополю, но и по событиям больших и малых войн современности, по историческим источникам об эпохе Наполеона и по семейным преданиям. Он обладал предчувствием новой «битвы народов» и уже слышал «перестрелку в цепи», которая была предвестием «большой войны». Толстой родился через семь лет после смерти Наполеона и умер за четыре года до начала первой мировой войны.

Размышляя над судьбами мира и войны в современном обществе, Толстой пришел к мысли о том, что человечество подошло к порогу новой цивилизации, которая требует уничтожения войны как пережитка варварской эпохи. «Огонь долго тлеет, но как скоро он вспыхнул, он сжигает все сгорающее очень скоро,— писал Толстой в статье „Приближение конца“.— Так же и мысль долго просится наружу, не находя выражения; но стоит ей найти ясное выражение в слове, и ложь и зло уничтожаются очень скоро (...) Мысль о том, что человечество может жить без рабства, хотя и включена была в идею христианства, ясно была выражена, как мне кажется, только у писателей конца XVIII столетия. До этого же времени не только древние язычники — Платон и Аристотель, но люди, близкие к нам по времени и христиане, не могли себе представить человеческого общества без рабства. Томас Мур не мог себе представить и Утопию без рабства. Точно так же и люди нынешнего столетия не могут себе представить жизни человечества без войны. Только после наполеоновских войн была ясно выражена мысль о том, что человечество может жить без войны. И вот прошло сто лет с тех пор, как ясно была выражена мысль о том, что человечество может жить без рабства, и среди христиан уже нет рабства» (т. 31, стр. 84). Та же участь, по мысли Толстого, постигнет и войну: война не только не вечна, но уже наступает время поставить ее «вне закона».

На Толстого большое впечатление произвело письмо немецкого ветерана *И. Клейнпоппена*, который обратился к нему с просьбой: «Напишите хорошую книгу против войны под таким заглавием: „Война войне“». Толстой ответил ему, что «очень хотел бы» исполнить его желание — «написать хорошую книгу против войны» (т. 72, стр. 334). Письмо немецкого солдата он поместил в своей статье «Патриотизм и правительство» как важный документ эпохи.

В конце XIX в. внимание общественности стали привлекать международные конгрессы мира. Участниками конгрессов были многие видные писатели, ученые и философы.

Летом 1890 г. шла подготовка к Всеобщему конгрессу мира в Лондоне. Толстой получил приглашение принять участие в качестве вице-председателя.

Перевод с английского

Всеобщий конгресс мира 1890 г.
Лондон, 2 июня 1890 г.
47, New Road Street.

На Всеобщем конгрессе мира, состоявшемся в Париже в июне прошлого года, было решено, что подобный конгресс будет созван и в 1890 году. По единодушному мнению почти всех запрошенных обществ, он должен собраться в Лондоне. Был образован Комитет, состоящий из представителей Общества мира Великобритании и Ирландии. Ведутся необходимые приготовления для созыва конгресса, который состоится, предположительно, в Вестминстерской ратуше с 14 по 19 июля этого года.

На недавнем своем собрании Комитет единогласно решил пригласить вас в качестве одного из вице-председателей конгресса.

С большим удовольствием передаем вам это приглашение и надеемся, что вы будете добры принять его.

Прилагаем список выдающихся людей, уже давших согласие занять такой же пост.

Искренне ваши

Почетные секретари Комитета конгресса:

У. Э в а н с Д а р б и, секретарь Общества мира

Дж. Фред. Г р и н, секретарь

Графу Льву Толстому.

В 1891 г. Толстой получил письмо от австрийской писательницы Берты фон *Зутнер*. Тогда же он познакомился с ее романом «Die Waffen nieder!» («Долой оружие!»). Этот роман не обладал высокими художественными достоинствами, но его общественное значение Толстой считал несоизмеримым с литературным.

Перевод с французского

16 октября 1891 г.

Учитель!

Думаю, что г. Булгаков из «Нового времени» уже послал вам русский перевод моего романа «Долой оружие!» Если вы соблаговолите посмотреть предисловие, то найдете там объяснение причин, заставивших меня обратиться к вам с этим письмом.

Вам, вероятно, известно, что в Риме вскоре начинает свою работу Международный и Межпарламентский конгресс мира. В Вене формируется австрийская секция всемирной Лиги. Движение принимает благоприятные, обнадеживающие размеры.

Но велика инертность масс, велика недоверчивость скептиков, велико сопротивление сторонников войны.

И тем не менее, вопреки всему, народы движутся к Правде. Мы достигнем цели, а люди великие, добрые и могущественные могут помочь нам достичь ее быстрее.

Вы, учитель, один из тех, к чьему слову прислушивается вся Европа. Вот почему я, зачинательница движения мира в Вене, прошу вас прислать нам одну-две строки в подтверждение того, что вы одобряете цели Лиги и верите в осуществимость ее надежд.

Ваши драгоценные слова, которые я опубликую в наших газетах и прочту на собрании Лиги, привлекут к нашему святому делу неисчислимое множество сторонников. И это очень важно — именно число сторонников придает внушительность выступлениям в защиту принципа. Вы не откажете мне, учитель, не правда ли?

Примите уверения в глубочайшем восхищении.

Берта фон *Зутнер*

Замок Хармунсдорф. Эггенбург. Австрия.

«Я очень ценю ваше произведение, — отвечал Толстой *Зутнер*, — и мне приходит мысль, что опубликование вашего романа является счастливым предзнаменованием. Отмене невольничества предшествовала знаменитая книга женщины г-жи Бичер Стоу; дай бог, чтобы ваша книга предшествовала уничтожению войны» (т. 66, стр. 58).

В 1893 г. Толстой познакомился с журналом *Зутнер* «Die Waffen nieder!» и высоко оценил его направление: «Прейнтересный и прекрасно ведомый журнал» (т. 84, стр. 202).

В 1898 г. к Толстому обратилась с письмом *Б. де Вашклевич ван Шильфгаарде*, вице-председательница Международной женской лиги за разоружение.

Перевод с французского

Голландия. Гаага. 9 октября 1898 г.
La Haye, Stationweg, 83.

Милостивый государь!

Среди поборников мира есть несколько человек, чьи имена блистают как звезды первой величины и известны всей Европе. Взоры всех, кто жаждет мира, устремлены на вас, великий апостол, и на Берту Зутнер.

Немногим больше года тому назад в Париже образовалась женская Лига борьбы за всемирное разоружение. Лига имеет многочисленные отделения, возглавляемые вице-председательницами.

Я взяла на себя попытку объединить всех женщин Голландии, ибо матери, сестры, невесты — все мы не хотим, чтоб у нас отнимали наших сыновей, братьев, мужей и делали из них убийц или убиенных.

Месяц назад я выступила с речью, призывая всех женщин присоединиться к нам. Речь моя в скором времени будет издана и распространена по всей Голландии, чтобы пробудить совесть людей, стряхнуть с них оцепенение.

Мне пришла в голову мысль: если б я могла поставить эпиграфом несколько неизвестных еще высказываний крупнейших борцов за мир, моя брошюра произвела бы гораздо больше впечатления, скорее проникла в души людей. Я прошу вас, милостивый государь: будьте добры, пришлите мне, если возможно, несколько слов о роли женщины в борьбе за великое дело мира, за дело любви.

В надежде, что моя просьба не останется без ответа, прошу вас принять выражение моего величайшего уважения и благодарности.

Б. де В а ш к л е в и ч в а н Ш и л ь ф г а а р д е,
вице-председательница Международной
женской лиги за разоружение

На конверте: Его высокоблагородию
милостивому государю Лев Николаевичу Толстой.

Язана Полиана.

Via Тула. Monsieur Léon Tolstoï.
Yasnaya Poliana. Via Tula. Russie.

В 1900 г. в Париже на Всемирной выставке проходил Международный конгресс мира. Толстой получит приглашение принять участие в заседаниях конгресса. Приглашение было подписано известным общественным деятелем Франции Фредериком *Пасси* и секретарем конгресса, Гастоном *Моком*.

Письмо написано на бланке: «Всемирная выставка 1900 г. Дирекция выставки. Международные конгрессы».

Перевод с французского

Париж. 5 февраля 1900 г.

Графу Толстому

Милостивый государь!

Комитет по организации десятого Международного конгресса мира возложил на нас приятную миссию просить, чтоб вы сообразовали войти в комитет, руководящий конгрессом.

Как вы, может быть, уже знаете, конгресс состоится в Париже, во Дворце конгрессов Всемирной выставки с 30 сентября по 5 октября 1900 г.

Так как эта мирная манифестация осуществится к концу выставки, она явится в какой-то мере венцом и завершением великого праздника

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ
БЕРТЫ ЗУТНЕР НА КНИГЕ
«ШАХ МУЧЕНИЮ» (ДРЕЗДЕН—
ЛЕЙПЦИГ, 1898)

«Величайшему из величайших всех
времен — Толстому — преподносит
автор. Гармонисдорф, 1898»

Личная библиотека Толстого
Музей-усадьба «Ясная Поляна»

*Unter den
Grossen aller Zeiten
an den Grössten — Tolstoi —
bezogen*

Schach der Qual.

Harmonisdorf 1898

Труда и Мира, на который Париж созвал весь свет. Следовательно, мы должны сделать ее как можно представительнее по количеству и значительности посланцев тех народов, которые примут в ней участие. По этой именно причине Организационный комитет решил привлечь в комитет лиц, особо заслуженных в деле Мира.

В надежде, что вы соблаговолите даровать нам поддержку своим именем, просим принять, милостивый государь, наши заверения в глубочайшем уважении.

Председатель Организационного комитета Фредерик П а с с и
Секретарь Г. М о к

Р. С. Настоятельно просим вас ответить как можно скорее г. Гастону Моку, rue Favart, № 6 в Париже, с указанием, в каком виде и с какими титулами и званиями вы желаете видеть свое имя в списке членов Комитета.

В 1900 г. Толстой получил письмо от итальянского студента-юриста Жана Батиста Кокко из Мессины (Сицилия).

«Я убежден, — писал Кокко, — что вопрос всеобщего мира не может быть разрешен монархами Европы, а лишь при помощи всеобщего плебисцита, ибо „глас народа — глас божий“. Но прежде, чем распространять эту мысль, я хотел бы услышать ваше мудрое мнение (...)

Если вы, по вашей доброте, согласитесь удовлетворить мое горячее желание, это доставит мне большую радость, если же нет, то я прошу вас простить меня, ибо мною руководит лишь великая любовь к человечеству».

Толстой ответил на это письмо. «Всем сердцем одобряю идею плебисцита против войны. Я работаю изо всех моих сил над тем, чтобы результат всемирного плебисцита мог быть благоприятен для всеобщего мира» (т. 72, стр. 420).

В следующем году Коко сообщил, что в Мессине организовано Общество «Лев Толстой».

Это было студенческое университетское общество.

Перевод с французского

Привет, о великий мыслитель, честь и слава России и Европы, мы почитаем вас!

Великий и глубоко чтимый учитель, окружающее вас восхищение есть истинная слава, так как она приобретена не оружием и резней, а вознесением душ до высочайших вершин, до священной Идеи, которая является силой и властью и отдельной личности, и общества.

Нас мало, но все мы — отважные студенты Мессинского Атенеума. Мы еще сохранили веру среди окружающего обмана и скептицизма общества.

Уверенные, что высшим стремлением народов является Мир, что прогресс целиком ведет к разрешению этой огромной задачи, что школа обладает достаточной силой для торжества великого идеала, — мы сплотились под сенью белого знамени с надписью «Братство» и решили создать Общество, чтоб распространять идею международного плебисцита против войны.

Вдумчивый гений, Генрих Гейне, предсказал Европе тяжелые времена.

Один только бог властен отвести мрачное пророчество. Это доступно одному только богу. Мы должны стремиться к обузданию жестоких инстинктов человеческой души, облагораживая нравы, заставляя ценить жизнь. Долг каждого — жить ради всеобщего блага!

Кто назовет несбыточным великий идеал Мира, когда народы крикнут своим правителям: «Довольно! Довольно! Хватит крови, хватит убийств! Мы хотим Мира!»

XIX век закатился, и заря XX засверкала на горизонте народов.

Малочисленные, но решительные и отважные, мы хотим подготовить новому веку новые условия.

Если бы студенты всех университетов мира последовали нашему примеру! Как могуч был бы голос в защиту Мира!

Честь и слава вам, великий мыслитель, сумевший вдохновить на такие высокие идеи!

Теперь просим вас о милости. Можем ли мы надеяться на нее?

Мы горячо желаем, чтобы главная стена большого зала нашего нового общества была украшена вашим дорогим портретом, дабы он бодрил и вдохновлял нас во время борьбы и в минуты уныния.

Соблаговолите ли вы, граф, удовлетворить нашу просьбу и послать нам вашу бесценную фотографию с надписью?

Да хранит вас бог для человечества на долгие годы, Учитель!

Да благословит бог вашу славную жизнь и пусть он дарует вам возможность увидеть великий день, о котором мечтают гуманисты, когда народы объединятся в братском объятии и на тропе цивилизации будет реять чудесное знамя Мира.

Привет!

От имени Комитета: председатель Жан-Батист К о к о
секретарь Луи Р е д

Мессина. 27 апреля 1901 г.

Rue des Biancuzze, 25.

В 1902 г. Толстой был заочно избран почетным членом и вице-президентом Общества мира в Чикаго:

Перевод с английского

Чикаго. 2 декабря 1902 г.
6357, Ingleside Avenue.

Графу Льву Толстому

Толстому, поборнику мира

Приветствую вас и сообщаю, что 24 ноября вы избраны почетным членом и вице-президентом Общества мира в Чикаго.

С совершенным почтением

Секретарь-корреспондент Элла А. В. Хосуэлл

На конверте: Count Leo Tolstoi.
Toula. Russia.

Толстой не принимал участия ни в одном из конгрессов, не подписывал никаких документов. Но это не мешало устроителям некоторых конгрессов публиковать воззвания и манифесты мира, включая Толстого в число своих сторонников и даже ставя его имя на важнейших документах.

В 1904 г. Ш. Куэ, секретарь конгресса в Руане, поздравил Толстого с тем, что «воззвание против войны», как назвал он статью Толстого «Одумайтесь!», появилось 27 июня в газете «Times» и получило таким образом международную трибуну.

Перевод с французского

Руан, 18 июля 1904 г.
9 Rue de la Roche.

Дорогой гражданин!

Разрешите принести вам свои поздравления по поводу воззвания против войны, только что напечатанного с вашей подписью.

Необходимо, чтобы все, считающие войну самым большим преступлением, громко высказали это.

Нужно, чтобы сторонники мира поднялись против владычества капиталистов и военщины, для которых смысл существования — в войне.

Нужно и необходимо всем нам, без различия рас и вероисповеданий, выступить против беззакония, чтобы создалось единое международное сознание.

Вместе с поздравлениями, примите, дорогой гражданин, и братское мое приветствие.

Ш. Куэ,
секретарь XII Всемирного конгресса мира

На конверте: Monsieur le Comte Léon Tolstoi.
Yasnaia Poliana. Russie.

В 1908 г. Толстой был избран почетным членом Польского общества друзей мира.

Перевод с французского

Варшава. 11 сентября 1908 г.

Общее собрание Польского общества друзей мира, приняв во внимание большие заслуги графа Льва Толстого в деле всеобщего мира, единогласно решило избрать его почетным членом общества.

Председатель И. Поляк
Секретарь В. Р. Косторицкий
Члены комитета (4 подписи)

Толстой с большим вниманием следил за работой международных конгрессов мира. Он подробно изучил цели и итоги конгрессов в Лондоне («Царство божие внутри вас»), в Гааге («Письмо шведам»), в Стокгольме («Доклад для конгресса мира»).

Толстой высоко ценил идею международного мира, которую пропагандировали конгрессы. Но эти конгрессы были еще очень слабы и не пользовались поддержкой народов. Они и не обращались к народам. Поэтому Толстой не верил в их силу и сомневался в их пользе. Он считал, что пропаганду мира надо вынести на улицу, на площадь, в армию, в народ.

Для пацифистов характерна пассивная проповедь мира, вера в возможность установления вечного мира без устранения причин, порождающих войну. Толстой, которого тоже принято называть пацифистом, упрекал конгрессменов именно в том, что они ограничиваются «пассивной проповедью мира» и не стремятся уничтожить «причины войны». «Пока не будут устранены причины, никакие советы не будут действительны», — говорил Толстой.

По существу, борьба за мир, по мысли Толстого, равнозначна борьбе за свободу. «Деспотизм производит войну, — говорил Толстой, — и война поддерживает деспотизм. Те, к^оторые хотят бороться с войной, должны бороться только с деспотизмом» (т. 55, стр. 45).

Толстой не был прямым участником ни одного из международных конгрессов мира, но, вчитываясь в его корреспонденцию, невольно приходишь к заключению, что существовал один конгресс мира, еще не отмеченный историками, огромный по своей аудитории, представительный по своему составу, долговечный по своим идеям, — это конгресс Льва Толстого.

Важно отметить, что статьи и письма Толстого о мире преследовались и запрещались наравне с революционными прокламациями.

В 1909 г. Толстой получил приглашение принять участие в Стокгольмском международном конгрессе в защиту мира. В телеграмме председателю конгресса Толстой писал: «Вопрос, который подлежит обсуждению конгресса, чрезвычайно важен и интересует меня в течение уже многих лет. Я постараюсь воспользоваться честью, которую мне оказали моим избранием, изложив то, что я имею сказать по данному вопросу перед столь исключительной аудиторией, как та, которая соберется на конгрессе» (т. 80, стр. 23).

Толстой подготовил доклад для конгресса мира и собирался ехать в Стокгольм. Его программа разоружения казалась «неудобной» с точки зрения пацифистов, потому что он обращался к народу. Устроители готовы были скорее отложить конгресс, чем допустить выступление Толстого. Они, как пишет П. И. Бирюков, «не решились вслух объявить его мнения»¹.

В докладе о мире Толстой писал, что народ обладает достаточной силой, чтобы уничтожить войну. «Победа наша так же несомненна, как несомненна победа света восходящего солнца над темнотою ночи» (т. 38, стр. 119—120).

«С каждым годом более и более учреждается обществ мира, чаще и чаще следуют один за другим конгрессы мира, на которых собираются лучшие люди Европы, обсудив стоящий поперек дороги всякого движения человечества к осуществлению своих целей вопрос вооружения и приготовления к войне, произносятся речи, пишутся книги, статьи, брошюры, со всех сторон разъясняющие и освещающие этот вопрос, — писал Толстой. — Нет уже теперь образованного и разумного человека, который бы не видел того ужасного, вопиющего зла, которое производят безумные приготовления к войне дружественно связанных между собой народов, не имеющих никаких причин для того, чтобы воевать друг с другом, и не думал бы о средствах уничтожения этого ужасного, безумного зла» (т. 39, стр. 216).

ДИПЛОМ ПОЧЕТНОГО ЧЛЕНА ПОЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА ДРУЗЕЙ МИРА,
ПОСЛАННЫЙ ТОЛСТОМУ В СЕНТЯБРЕ 1908 г.

Архив Толстого, Москва

Некоторые из наиболее веских аргументов против войны, высказанных на европейских конгрессах мира, Толстой привел в своей книге «Царство божие внутри вас». «Современная Европа, — говорил Э. Ферри, — держит под ружьем активную армию в 9 миллионов человек, да еще 15 миллионов армии запасной, расходуя на это 4 миллиарда франков в год» (т. 28, стр. 98). «Мы разоряемся, — вторил ему Ф. Пасси, — для того, чтобы иметь возможность принимать участие в безумных боях будущего, или для того, чтобы платить проценты долгов, оставленных нам безумными и преступными боями прошедшего. Мы умираем с голоду для того, чтобы иметь возможность убивать» (т. 28, стр. 99).

К концу XIX в. бремя милитаризма стало тяжким и опасным. Разоружение приобретало значение важнейшей социальной задачи современности. Как известно, Ф. Энгельс говорил: «Я утверждаю, что разоружение, а тем самым и гарантия мира, возможно...» Этот свой вывод Энгельс обосновывал требованиями народных масс: «Во всех странах широкие слои населения, на которых почти исключительно лежит обязанность поставлять массу солдат и платить основную часть налогов, призывают к разоружению»².

В этом отношении особое значение имел призыв Толстого к миру: «Уничтожиться должен строй милитаризма и замениться разоружением и арбитражей» (т. 68, стр. 64)³.

Глас народа в творчестве Толстого звучал как голос революции. И не мешает вспомнить, что первая мировая война окончилась братанием солдат на фронте и первым декретом, принятым победившей социалистической революцией, был декрет о мире.

В 1908 г. Толстой получил письмо от двух шведов — сельского хозяина В. А. Аксера и почтового чиновника Эрика Бломберга, которые писали о своем «Открытии России».

Перевод с немецкого

Гётеборг. Швеция. 30 апреля 1908 г.

Графу Толстому

Мы оба, нижеподписавшиеся, хотим тоже присоединиться к многочисленным представителям различных стран и народов, которые почти-тельно выражают вам свою благодарность и глубокое уважение.

Слово «Россия» для нас, шведов, обычно означало темноту, грубость и варварство.

Это представление, вероятно, продолжает жить и по сей день в нашей стране, потому что кровавые события прошлого не так скоро изглаживаются из памяти. Ведь история, к сожалению, свидетельствует, что в прошлые времена при встрече шведы и русские вместо того, чтобы приветливо протягивать друг другу руку, сжимали кулаки.

Мы, шведы, были отчасти склонны говорить о вашем отечестве, граф, то же самое, что говорилось о презренном Назарете, где, однако, родился Иисус Христос: «Что может быть доброго из Назарета?»

Но теперь это мнение посрамлено.

Через Балтийское море и Ботнический залив, из великого русского государства прилетел к нам ныне голубь с вашей вестью о мире под крылом, и весть эта, принесенная голубем, родственна была песнопению ангелов в Вифлееме: «На земле мир и в человеках благоволение».

Поэтому так и мил всем этот вестник, и все, для кого войны и кровавые битвы — ужас и проклятие, с благодарностью принимают его весть.

Придут и пройдут века, родятся и умрут поколения, прежде чем мечи перекуют на орала, но, благодаря вашим книгам, граф, этот день придвинулся к нам ближе, чем когда-либо. Ибо, несмотря на гром пушек и грохот ружейной пальбы, весь мир вынужден внимать вашему предостерегающему и будящему голосу. В наше столь эгоистическое время вы словом и делом напоминаете о любви и милосердии. Вы уверенно показываете как на единственный путь к истинному счастью и для отдельного человека и для целого народа — на путь покорности богу и следования по его стезе.

Да будет светел и покоен вечер вашей жизни, и, когда смерть смежит ваши очи, для вас, мы в этом не сомневаемся, наступит заря нового, прекрасного дня.

Это пожелание, которое единодушно шлют вам все ваши ближние и дальние почитатели и друзья, хотим и мы — два скромных представителя шведского народа — высказать вам от всего сердца.

Почтовый чиновник
Эрик Бломберг
Сельский хозяин
В. А. Аксер

На конверте: Rekommanderas Herr Grafve Léo Tolstoj.
Yasnaja Poljana, Gouvernementet Tula.
Moskwa (Russland).

«Мы узнали себя...», «Мы узнали вас...», «Мы узнали и полюбили Россию...» — эти три темы, как рефрен, проходят через всю переписку читателей с Толстым, свидетельствуя о великой «завладающей» силе его искусства. Искреннее и глубокое по чувству «письмо шведов» тронуло Толстого, и он написал на конверте одно только слово: *Благодарить...*

П Р И М Е Ч А Н И Я

ПРЕДИСЛОВИЕ

¹ См. В. Булгаков. Л. Н. Толстой в последний год его жизни. Дневник секретаря Л. Н. Толстого. М., 1960, стр. 192.

² Христо Досев. Вблизи Ясной Поляны. — «Международный толстовский альманах». М., 1909, стр. 50.

³ В. Булгаков. Л. Н. Толстой в последний год его жизни, стр. 349.

⁴ «Les Misérables» («Отверженные») — роман В. Гюго.

⁵ «Лит. наследство», т. 37-38, 1939, стр. 528.

⁶ Ромен Роллан. Ответ Азии Толстому. Собр. соч., т. XIV. Л., 1933, стр. 328—329.

I

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

1. УИЛЬЯМ РОЛСТОН

¹ См. о Ролстоне в «Литературном архиве» под ред. М. П. Алексеева, вып. 6. М.—Л., 1961, стр. 25—27.

² William Shedden Ralston. Kriloff and his fables. London, 1868; Russian people as illustrative of slavonic mythology and russian social life. London, 1872.

³ И. С. Тургенев. Собр. соч., т. 12. М., 1958, стр. 362.

⁴ Там же, стр. 528.

⁵ Библиографию первых английских изданий Толстого см. в книге «Л. Н. Толстой в переводах на иностранные языки». М., 1961.

⁶ Речь идет о «Семейном счастье» Толстого, озаглавленном во многих иностранных изданиях и переводах «Katia». Самое раннее издание романа, отмеченное в библиографическом указателе «Л. Н. Толстой в переводах на иностранные языки», относится к 1884 г.

⁷ И. С. Тургенев. Собр. соч., т. 12, стр. 529—530.

⁸ «Nineteenth Century», 1879, № 4, p. 651.

⁹ Адресат установлен при подготовке настоящей публикации Т. Н. Волковой.

2. АНДЖЕЛО ДЕ ГУБЕРНАТИС

¹ «Dizionario Biografico degli Scrittori Contemporanei. Ornato di oltre 300 Ritratti. Diretto de Angelo de Gubernatis». Firenze, 1879.

² Ibid., p. 996.

³ Письмо Губернатиса 1899 г. (AT).

3. ПЕТЕР ЭМАНУЭЛЬ ГАНЗЕН

¹ П. Боборыкин. Столицы мира. Тридцать лет воспоминаний. М., 1911, стр. 193.

² И. А. Гончаров. Переписка с П. Э. Ганзеном. — «Литературный архив», т. 6. М.—Л., 1961, стр. 81.

³ См. «Л. Н. Толстой в переводах на иностранные языки», цит. изд., стр. 230.

⁴ «Литературный архив», вып. 6, М.—Л., 1961, стр. 89.

⁵ Библиографию переводов Ганзена см. по именному указателю в кн. «Л. Н. Толстой в переводах на иностранные языки». М., 1961.

⁶ П. Ганзен. Пять дней в Ясной Поляне. — «Исторический вестник», 1917, № 1, стр. 142.

⁷ Eremita Victor. Enten — Eller. Et Tius Fragment udgivet af Victor Eremita. Kjøbenhavn, 1865. Книга сохранилась в яснополянской библиотеке. В журнале «Северный вестник» (1885, № 1) в переводе Ганзена был опубликован отрывок из книги Киркегора под названием «Эстетические и этические начала в развитии личности».

⁸ Г. Ибсен. Полн. собр. соч., т. 4. СПб., 1909, стр. 371.

⁹ Издавательницей «Северного вестника» была Л. Я. Гуревич.

¹⁰ «Афоризмы эстетики» — отрывок из философского трактата Киркегора «Enten — Eller» («Одно из двух»), опубликованный в переводе Ганзена в журнале «Вестник Европы» (1886, № 5).

¹¹ П. Ганзен. Пять дней в Ясной Поляне. — «Исторический вестник», 1917, № 1, стр. 155. Все отрывки из воспоминаний Ганзена о пребывании в Ясной Поляне приводятся по этому изданию, стр. 142—160.

¹² Рудольф Шмит (1836—1899) — датский писатель и критик, с 1869 по 1873 г. издавал журнал «For Ide og Virkelighed». Ему принадлежат критические статьи о Хольберге, Уитмене, Флобере и других писателях. Наибольшей известностью у современников пользовалась его драма «Den Forvandlede Konge» (1876), которая с успехом шла в Копенгагене, ставилась в Веймаре и Дрездене. Немецкий перевод этой пьесы и был передан Толстому.

¹³ См. ответ Толстого о семейном воспитании — т. 65, стр. 78.

¹⁴ Речь идет, по-видимому, о замысле трактата «Что такое искусство?».

¹⁵ «Гедда Габлер» (1890) — пьеса Ибсена, была переведена на русский язык А. и П. Ганзенами.

¹⁶ «Единобрачие и многобрачие» — трактат, написанный Бьернсоном в 1887 г. С докладами на эту тему Бьернсон выступал во многих городах Норвегии.

¹⁷ По-видимому, с этими произведениями Киркегора Толстой познакомился во время пребывания Ганзена в Ясной Поляне.

¹⁸ В. В. Чуйко (1839—1899) — журналист и литературный критик.

¹⁹ Пьеса Бьернстjerne Бьернсона «Перчатка» была переведена на русский язык свояченицей Толстого — Т. А. Кузминской. Сохранился критический отзыв Толстого об этой пьесе в «Яснополянских записках» Д. П. Маковицкого (запись от 10 апреля 1908 г.) — см. «Л. Н. Толстой о литературе». М., 1955, стр. 666—667.

²⁰ П. Ганзен. Бьернсон Бьернстjerne. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, т. 9. СПб., 1892, стр. 152.

²¹ К. П. Арнольдсон (1844—1916) — известный шведский публицист и общественный деятель, один из основателей «Шведского союза борьбы за мир» (1883 г.). В 1900 г. в Норвегии была издана брошюра Арнольдсона под названием «Lov ikke Krig mellem folkene» («Закон, а не война между народами») с предисловием Бьернсона.

²² Имеется в виду драма «Свыше наших сил».

²³ Г. Ибсен. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 503.

²⁴ Обе статьи сохранились в яснополянской библиотеке: Серен Киркегор. In vino veritas. Воспоминания. Перевод с датского П. Ганзена (рукопись). Серен Киркегор. Дон-Жуан в музыке и литературе (из сочинения «Одно из двух», изданного под псевдонимом Виктор Эремит в Копенгагене в 1843 г.), перевод с датского П. Ганзена.

²⁵ Статья Н. Н. Страхова «Толки о Толстом» была напечатана в журн. «Вопросы философии и психологии», 1891, № 5, кн. 9, сентябрь, стр. 98—132.

II

«УРОКИ ВАШИХ КНИГ»

1. ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗГОВОРА

¹ E. Halpérine-Kaminsky. Ivan Tourguéneff d'après sa correspondance avec ses amis français. Paris, 1901, p. 132. См. статью Ф. Прийма в «Русской литературе», 1960, № 4.

² Ромен Роллан. Воспоминания и отрывки из дневника. — «Иностранная литература», 1959, № 10, стр. 24—25.

³ Письмо от 1 апреля 1892 г. (AT).

⁴ «Лит. наследство», т. 31-32, 1937, стр. 1008.

⁵ В тексте письма: «Русский помещик», «Иван Ильич».

⁶ О Мэтью Арнольде см. в Юбил. изд. по указателю.

⁷ Цит. по книге Ф. Булгакова. «Граф Л. Н. Толстой и критика его произведений, русская и иностранная». М., 1899, стр. 78.

⁸ Анна Сейрон (ум. 1922), в начале 1880-х годов гувернантка в доме Толстого, автор известных своей недостоверностью воспоминаний «Шесть лет в доме графа Льва Николаевича Толстого». Цабель издал эту книгу Сейрон на немецком языке: «Graf Leo Tolstoi». Berlin, 1895. См. стр. 540—541 настоящей тома. Портрет с дарственной надписью Толстого воспроизведен в кн. «L. N. Tolstoi» von Eugen Zabel. L.—B., 1901.

2. «ВОЙНА И МИР»

¹ Léon Tolstoï. La Guerre et la Paix. Roman historique. Trad. avec l'autorisation de l'auteur par une Russe (I. Paskévitch), vol. 1—3. Paris, 1879.

² «Русские пропилеи», т. III. М., 1916, стр. 260—261.

³ И. С. Тургенев. Собр. соч., т. 12. М., 1958, стр. 541—542.

⁴ De Forest J. W. Miss Ravenel's conversion from secession to loyalty. New York, 1867 («Обращение мисс Равенель от раскола к правоверию»). Роман сохранился в яснополянской библиотеке.

⁵ В яснополянской библиотеке этой повести Форреста нет.

⁶ О Львовых см. подробнее в Юбилейном издании, т. 47, стр. 414. Толстой был в самых дружеских отношениях с семьей Львовых и часто в 1857 г. посещал их дом в Париже. Г. В. Львов — либеральный деятель 1850-х годов — был женат на сестре декабриста В. Л. Давыдова. Толстой увлекался племянницей Львова, Александрой Владимировной, и даже думал о женитьбе на ней («Дневник», 1857 г., т. 47, стр. 123).

⁷ Конверт письма Форреста не сохранился.

⁸ См.: акад. С. Д. Сказкин. Некоторые новые данные об одном из персонажей «Войны и мира» Л. Н. Толстого. — «Вопросы истории», 1962, № 9, стр. 199—201.

⁹ A. Thiers. Histoire du Consulat et de l'Empire. Vol. V. Paris, 1845.

¹⁰ «Яснополянский сборник», Тула, 1960, стр. 141.

¹¹ Дж. Берти. Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. М., 1959, стр. 226.

3. «АННА КАРЕНИНА»

¹ Ф. М. Достоевский. Дневник писателя за 1877 г. СПб., 1878, стр. 187—188.

² Вольфганг Гёте. Собр. соч., т. X. М.—Л., 1937, стр. 524.

³ Т. Манин. Собр. соч., т. 10. М., 1961, стр. 264.

4. «ВОСКРЕСЕНИЕ»

¹ Цит. по кн.: П. И. Бирюков. Биография Льва Николаевича Толстого, т. III. М., 1923, стр. 324. См. также A. Maudé. Tolstoy and his problems. New York, 1904.

² П. И. Бирюков. Биография Льва Николаевича Толстого, т. III, стр. 318.

³ А. П. Чехов. Полн. собр. соч., т. 12. М., 1958, стр. 396.

5. «ОДНА ИЗ ВАШИХ УЧЕНИЦ...»

¹ G. Deledda. La Giustizia. Turin, 1898.

² Цит. по изд.: G. Deledda. La Giustizia. Roma, 1929, p. 246.

³ Ibid., p. 282.

⁴ Грация Деледда. Рассказы. СПб., 1914, стр. 119, 124—126 и 133.

III

В ПОИСКАХ НОВОГО ТЕАТРА

1. АНДРЕ АНТУАН

¹ П. Боборыкин. Столицы мира. М., 1911, стр. 265.

² Андре Антуан. Дневник директора театра. М.—Л., 1939. Все цитаты даны по этому изданию, стр. 68—69, 71—72.

³ Отрывки из воспоминаний Г. А. Русанова. См. кн.: Г. А. Русанов. Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом. Воронеж, 1937, стр. 162.

⁴ Письмо Антуана впервые опубликовано в ст.: Н. Леонтьевский. Первые постановки за рубежом.— «Театральная жизнь», 1960, № 22, стр. 20.

2. ЭРМЕТЕ ЦАККОНИ

¹ «Enciclopedia dello spettacolo». Roma, 1962, vol. IX, p. 2067—2070.

3. ГОРДОН КРЕГ

¹ «Иностранная литература», 1956, № 10, стр. 216.

² Гордон Крег. Сценическое искусство. СПб., 1908, стр. 18.

³ Гордон Крег. Искусство театра. СПб., 1912, стр. 64.

⁴ К. С. Станиславский. Моя жизнь в искусстве.— Собр. соч., т. I. М., 1954, стр. 337.

⁵ Там же, стр. 347.

⁶ Гордон Крег. Искусство театра, стр. 96.

⁷ К. С. Станиславский. Собр. соч., т. 7. М., 1960, стр. 484.

4. «РАБОЧАЯ СЦЕНА»

¹ Письмо К. Вейберцана в отрывках опубликовано в ст.: Н. Леонтьевский. Первые постановки за рубежом.— «Театральная жизнь», 1960, № 22, стр. 20.

5. «ТЕАТР В ПОЛЯХ»

¹ Ромен Роллан. Народный театр. Собр. соч., т. 14. М., 1958.

² Maurice Pottecher. Le Théâtre du Peuple. Renaissance et Destinée du Théâtre populaire. Paris, 1899. Дарственная надпись: «Offert au c-te Léon Tolstoï en témoignage trop indigne de filial respect. M. Pottecher» («Подарено гр. Льву Толстому как совсем недостойное свидетельство сыновнего уважения. М. Потшер»). Книга сохранилась в яснополянской библиотеке. В ней разрезано только предисловие.

³ Запрос о Ф. Р. Ламенне был послан Толстому П. Г. Луазоном (через П. И. Бирюкова). Ответ Толстого см.: т. 79, стр. 174.

IV

ВОСПИТАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ

1. РЕФОРМА ОБУЧЕНИЯ

¹ Эрнест Кросби. Л. Н. Толстой как школьный учитель. М., 1906, стр. 15 и 31.

² Там же, стр. 4.

³ Опубликована в июльском номере журнала «Ясная Поляна» за 1862 г. (см. т. 8 Юбилейного издания).

⁴ Н. Н. Гусев. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1828—1890. М., 1958, стр. 273.

⁵ Angel Bu en o. Escrituras Libres por Niños de 8 á 10 Años. Lecturas cortas. Primera serie. Madrid, 1891, с дарственной надписью на обороте титульного листа.

⁶ Эрнест Кросби. Л. Н. Толстой как школьный учитель, стр. 4.

2. РУССКИЙ ЯЗЫК

¹ П. Ганзен. Пять дней в Ясной Поляне.— «Исторический вестник», 1917, № 1, стр. 141.

² См. Charles Salomon. L'Abécédaire de Tolstoï et Arvède Barine. Paris, 1925.

³ Установить, какие статьи имеет в виду Каннер, не удалось.

3. ПОЛЬ БУАЙЕ

¹ П. Буайе. Три дня в Ясной Поляне.— «Л. Н. Толстой в воспоминаниях со временников», т. II. М., 1960, стр. 155. Все цитаты из воспоминаний Буайе даны по этому изданию.

² Под названием «Письмо к NN» в Женеве было опубликовано письмо Толстого к Энгельгардту — «Lettre à NN par le comte L. Tolstoï» (см. т. 63, стр. 112—124).

³ «Cahiers Romain Rolland, X. Choix de Lettres de Romain Rolland à Sofia Bertolini Guerriere-Gonzaga. 1901—1908». Paris, 1959, p. 49.

⁴ P. Boyeret N. Spéransky. Manuel pour l'étude de la langue russe. Textes accentués, commentaire grammatical, remarques diverses en appendice, lexique. Les textes commentés en ce manuel sont du comte Léon Tolstoï. Paris, 1905.

⁵ Paul B o y e r. Chez Tolstoï. Entretiens à Yasnaïa Poliana avec une introduction par André Mazon, p. 12—13.

⁶ «Как тетушка рассказывала бабушке о том, как ей разбойник Емелька Пугачев дал гривенник». Напечатано в книге Буайе (р. 44) со следующим комментарием: «Ce récit a bien toutes les apparences d'une histoire vraie. Tolstoï l'a entendu de la bouche même d'une de ses tantes, sœur de son père» («Этот рассказ, судя по всему, является былью. Толстой слышал его сам от одной из своих теток, сестры отца»).

⁷ С. Т. Семенов. Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом. СПб., 1912, стр. 112—113.

⁸ Там же, стр. 110—111.

⁹ Там же, стр. 113.

4. ЭРНЕСТ КРОСБИ

¹ Эрнест Кросби. Толстой и его непонимание жизни. М., 1911, стр. 21.

² Ernest Crosby. Count Tolstoy's philosophy of life.— «Arena», Boston, 1896.

³ Ernest Crosby. Two days with count Tolstoy.— «Progressive Review». London, 1897.

⁴ А. Амон — издатель французского социалистического журнала, в котором печатались статьи Толстого «Религия и нравственность» и «Carthago delenda est».

⁵ В письме к Э. Мооду от 27 января 1900 г. Толстой писал: «На всякое чиханье не наздравствуешься. Я, например, получаю в последнее время письма из Америки, в которых одни упрекают меня, а другие одобряют меня за то, что я отрекся от своих убеждений» (т. 72, стр. 291).

⁶ Джордж Девис Херон (1862—1925) — американский общественный деятель, один из лидеров движения «Социальный крестовый поход». К его идеям Толстой относился критически (см. т. 72, стр. 272).

⁷ Джон Кенворти — английский проповедник и писатель, автор книги «The Anatomy of Misery» («Анатомия нищеты»). London, 1898; занимался изданием сочинений Толстого в Америке.

⁸ Речь идет о книге П. А. Кропоткина «Russian Literature» («Русская литература»). 1905.

⁹ Статья Толстого «Одумайтесь!» (см. т. 36, стр. 143).

¹⁰ «Tolstoy on Shakespeare». I. Shakespeare and the drama. By Leo Tolstoy. II. Shakespeare and the working classes. By Ernest Crosby. London, 1907.

¹¹ Цит. по кн.: А. И. Шифман. Лев Толстой и Восток. М., 1960, стр. 359—360.

¹² Эрнест Кросби. Л. Н. Толстой как школьный учитель. М., 1906, стр. 58—60.

¹³ См. примеч. 5.

¹⁴ См. письмо Толстого к Баллу в т. 65, стр. 113—114.

¹⁵ М. Горький. Собр. соч. в тридцати томах, т. 14. М., 1952, стр. 295.

V

ВСТРЕЧИ

1. ИЗАВЕЛЛА ХЭПГУД

¹ «Воспоминания И. И. Янжула о пережитом и виденном в 1864—1909 годах», вып. II. СПб., 1911, стр. 13. Все цитируемые отрывки приводятся по этому изданию, стр. 13—17.

² См. «Л. Н. Толстой в переводах на иностранные языки». М., 1961, стр. 3. Там же библиография других переводов Хэпгуд (см. по именному указателю).

³ О Хэпгуд см. в письме В. В. Стасова к М. А. Балакиреву. — «В. В. Стасов. Письма к деятелям русской культуры», т. I. М., 1962, стр. 150—151.

⁴ I. H a r p o o d. The Epic Songs of Russia. With an introductory note by prof. Francis J. Child. New York, 1886. Книга сохранилась в яснополянской библиотеке. Дарственная надпись: «Count L. N. Tolstoi, with the respects and compliments of the author. Boston. August 24th, 1886» («Графу Л. Н. Толстому с уважением и приветом от автора. Бостон. 24 августа 1886 г.»).

⁵ Имеются в виду обработки русских былин, включенные Толстым в «Азбуку» (см. тт. 21 и 22). См. также статью Э. Е. З а й д е н ш н у р. Работа Толстого над русскими былинами. — «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. V. Л., 1960.

⁶ I. F. H a r p o o d. Tolstoy at Home. — «Atlantic Monthly». Boston, 1891, v. 68, p. 596—620.

⁷ «Исторический вестник», 1892, № 1, стр. 279.

⁸ И. И. Янжул доставил Хэпгуд костюмы тульских крестьянок в подарок от дочерей Толстого и С. А. Толстой.

⁹ Уильям Ллойд Г а р р и с о н (1805—1879) — американский общественный деятель. Толстой знал о сыновьях Гаррисона и переписывался с ними (т. 63, стр. 343—344).

¹⁰ См. об этом в главе «Джордж Кеннан».

¹¹ Льюис Уилсон — унитарийский пастор, приславший Толстому в 1889 г. книгу Балу «Христианское непротивление».

¹² Установить место публикации этой статьи Хэпгуд не удалось.

2. ДЖОРДЖ КЕННАН

¹ «Воспоминания И. И. Янжула о пережитом и виденном в 1864—1909 годах» вып. II. СПб., 1911, стр. 17.

² «Неделя», 1887, № 28, стр. 890.

³ «Воспоминания И. И. Янжула», стр. 19.

⁴ Э. Линн Линтон (1822—1898) — известная английская писательница. В очерках по женскому вопросу пронычески освещала проблему эмансипации.

⁵ Не представляется возможным точно установить, о какой именно книге здесь идет речь. В 1886 г. братья Гаррисоны прислали Толстому двухтомную биографию своего отца, У. Л. Гаррисона, и его краткую биографию, написанную О. Джонсоном (см.: т. 63, стр. 345).

⁶ Д. С. Сипягин (1853—1902) — в то время министр внутренних дел.

3. ИОНАС СТАДЛИНГ

¹ А. П. Чехов. Полн. собр. соч., т. II. М., 1955, стр. 536.

² «Лев Толстой на голоде». Нижний-Новгород, 1912, стр. 166.

³ Вера Величкина. В голодный год с Львом Толстым. М.—Л., 1928, стр. 20.

⁴ «Лев Толстой на голоде», стр. 175.

⁵ Письмо Е. В. Кирхнер осталось без ответа.

⁶ Имеется в виду «Отчет об употреблении пожертвований денег с 12 апреля по 20 июля 1892 г.», опубликованный в № 301 «Русских ведомостей» от 31 октября 1892 г.

⁷ О какой статье идет речь, установить не удалось.

4. ДЖЕМС КРИЛМЕН

¹ Статья Констанции и Эдуарда Гарнет о «Воскресении» была напечатана в «North American Review», 1901, v. 172, p. 504—519.

² Э. М о о д. Разговоры с Толстым. — «Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников», т. I. М., 1960, стр. 437.

³ James C r e e l m a n. The Avatar of Count Tolstoy and Turgenev. Tolstoy and his People. — «On the great highway». Boston, 1901.

⁴ Цит. по кн.: А. Б. Г о л ь д е н в е й з е р. Вблизи Толстого. М., 1959, стр. 126.

⁵ Отрывки из интервью Крилмена даются в переводе на русский язык по тексту газетной вырезки, присланной Толстому Р. Суинберном Клаймером (перевод Э. Г. Бабаева).

⁶ К письму Барнса приложена брошюра: Col. Daniel Hall. «Protest of a Veteran on the Civil War against Expansion» («Протест ветерана гражданской войны против экспансии»).

⁷ Письмо Крилмена от 6 сентября 1903 г. (АТ).

VI

В СПОРЕ С АВТОРОМ

1. ОБ ИСКУССТВЕ

¹ См. стр. 74 настоящ. тома.

² «To the pure all things are pure».

³ И. И. Левитан. Письма. Документы. Воспоминания. М., 1956, стр. 83.

⁴ В яснополянской библиотеке сохранилось несколько номеров этого журнала.

⁵ В 1909 г. Толстой писал румынскому студенту Брынзе, изъявившему желание перевести одно из его сочинений на родной язык: «Желал бы знать, какие сочинения вы намерены переводить. Советовал бы из следующих: „Воскресение“, „Круг чтения“, „О жизни“» (т. 80, стр. 301).

2. ПОЛЬ ГИАЦИНТ ЛУАЗОН

¹ В яснополянской библиотеке есть три издания книги Луазона: P. H. L o u s o n. L'Evangile du Sang. Episode dramatique tiré des présentes guerres anglo-saxonnes. Paris, 1900 (П. Г. Л у а з о н. Кровавое Евангелие. Драматический эпизод из современных англо-саксонских войн. Париж, 1900). На титульном листе дарственная надпись: «A Tolstoï, le grand apôtre pratique de la Paix et le seul fidèle interprète du Christ sur cette question, l'auteur qui l'admire et le vénère. Lausanne. Mars, 1900» («Великому действительному апостолу Мира и единственному верному истолкователю Христа по этому вопросу — от автора, который им восхищается и уважает его. Лозанна. Март 1900»); L o u s o n P. H. L'Evangile du Sang. Deuxième édition modifiée. Genève 1900. (Не разрезана.) На обложке надпись: «A Tolstoï convalescent un de ses disciples» («Выздоровливающему Толстому один из его учеников»); L o u s o n P. H. L'Evangile du Sang. Episode dramatique en un acte. Troisième édition refondue. Paris. Edition de la Revue d'Art dramatique. На титульном листе надпись: «A Tolstoï, apôtre de la paix, son humble disciple Paul Hyacinthe L o u s o n. 18 sept. 1902, Versoix (Genève). Suisse» («Апостолу Мира Толстому — его скромный ученик Поль Гиацинт Л у а з о н. 18 сент. 1902. Версуа (Женева). Швейцария»).

² P. H. L o u s o n. «L'Investiture de Tolstoï». Отдельный оттиск этой статьи сохранился в яснополянской библиотеке. Изложение статьи Луазона дается по переводу Н. Д. Эфрос.

³ В «Ответе на определение Синода» Толстой писал: «Мне хорошо известно, что людей, разделяющих мои взгляды, едва ли есть сотня, и распространение моих писаний о религии, благодаря цензуре, так ничтожно, что большинство людей, прочитавших постановление Синода, не имеют ни малейшего понятия о том, что мною написано о религии, как это видно из получаемых мною писем» (т. 34, стр. 246).

⁴ «Les Rayons de l'Aube». Paris, 1902.

⁵ Сообщено Н. Н. Гусевым.

3. ПРОТИВ НЕПРОТИВЛЕНИЯ

¹ Имеется в виду книга Толстого «Царство божие внутри вас» (т. 28).

² Речь идет о книге Толстого «Рабство нашего времени» (т. 34).

³ Ср. Н. Г. Чернышевский. Антропологический принцип в философии. Полн. собр. соч., т. VII. М., 1950, стр. 276 и 286.

⁴ «Ответ на определение Синода» (т. 34, стр. 251).

VII

«К РАБОЧЕМУ НАРОДУ»

1. ГЕНРИ ДЖОРДЖ

¹ А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого. М., 1959, стр. 255.

² Там же, стр. 163.

³ В. Ф. Лазурский. Дневник. — «Лит. наследство», т. 37-38, 1939, стр. 450.

⁴ А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого, стр. 164.

⁵ П. И. Бирюков. Биография Льва Николаевича Толстого, т. III, стр. 317.

⁶ А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого, стр. 203.

⁷ Цит. по кн.: П. И. Бирюков. Биография Льва Николаевича Толстого, т. IV, стр. 188.

⁸ Там же, стр. 189.

2. АЛЛЕН КЛАРК

¹ Автобиография Кларка была написана по просьбе редакторов 75-го тома Юбилейного издания Г. А. Волкова и Т. Н. Волковой, но в том не вошла. Настоящий текст сообщен Т. Н. Волковой (из ее личного архива).

² A. M a u d e. Tolstoy and his Problems. New York, 1904, p. 200.

³ А. К л а р к. Фабричная жизнь в Англии. М., 1904, стр. 11—12.

⁴ Там же.

3. «ГОРЯЧИЙ ОТКЛИК РАБОЧИХ»

¹ Имеется в виду «декларация» Николая II по поводу Гаагской конференции. Об отношении Толстого к этой «декларации» см. в кн. 2-й настощ. тома (в воспоминаниях Ж. А. Бурдона).

² Эмиль Виинблад был крупным деятелем датской социал-демократии. Состоял членом I Интернационала, которому посвятил стихотворение (1873), начинающееся словами: «На борьбу! Поднимайтесь, рабочего класса сыны». Впоследствии Виинблад пошел по пути соглашательства и реформизма и стал членом датского парламента.

³ Сэмюэль Г о м п е р с (1850—1924) — правый лидер американского рабочего движения, создатель Американской федерации труда, проводившей политику «сотрудничества труда и капитала».

4. «ОСНОВЫ РЕВОЛЮЦИИ НЕСОМНЕННО ВЕРНЫ»

¹ Письмо Абэ Исо и ответ Толстого, а также и статья «Влияние Толстого в Японии» были опубликованы в журнале В. Г. Черткова «Свободное слово» в 1904 г. (№ 16, стр. 3).

² Н. Н. Г у с е в. Два года с Л. Н. Толстым. М., 1928, стр. 127.

³ П. И. Б и р ю к о в. Биография Льва Николаевича Толстого, т. III, стр. 221.

⁴ В. Г. К о р о л е н к о. Разговор с Толстым. — «Голос минувшего», 1922, № 2, стр. 11.

⁵ Л. Л е о н о в. Слово о Толстом. — «Лит. наследство», т. 69, ч. 1, 1960, стр. 13.

VIII

ТРИ ВОЙНЫ

1. НА ФИЛИППИНСКИХ ОСТРОВАХ

¹ В примечаниях к 31-му тому Юбилейного издания ошибочно указано, что письмо Глодвин не сохранилось. Нами приводится полный текст этого письма.

² См. адресованное Лаверсону письмо Герцена от 3 марта/19 февраля 1858 г. в кн.: А. И. Г е р ц е н. Собр. соч. в тридцати томах, т. XXVI. М., 1962, стр. 162—163.

³ Dr L e v e r s o n. Anti-Imperialistic Conference. Philadelphia. February 22—23, 1900. Speech. — Экземпляр этой речи есть в яснополянской библиотеке.

⁴ H. W e l s h. The Other Man's Country. An appeal to conscience. Philadelphia, 1900. Книга сохранилась в яснополянской библиотеке.

⁵ Theodore R o o s e v e l t. Tolstoy. — «The Outlook», 1909, vol. 92, p. 103—105.

⁶ В. К р у г л я к. Рузвельт о Толстом. — «Русское слово», 1909, 19 мая.

⁷ Д. П. М а к о в и ц к и й. Яснополянские записки. Запись от 3 мая 1905 г. (47).

2. В ТРАНСВААЛЕ

¹ П. И. Б и р ю к о в. Биография Льва Николаевича Толстого, т. IV. М., 1923, стр. 4.

² Там же.

³ G. V o l k o n s k y. Pour les Boers. Contre l'Impérialisme. Préface du comte Léon Tolstoy. Genève, 1900.

⁴ А. Б. Г о л ь д е н в е й з е р. Вблизи Толстого. М., 1959, стр. 60.

⁵ «Лит. наследство», т. 37-38, 1939, стр. 339.

3. НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

¹ См. отрывок из этого письма в кн. 2-й настощ. тома.

² П. И. Б и р ю к о в. Биография Льва Николаевича Толстого, т. IV, стр. 93.

³ См. кн. 2-ю настощ. тома.

⁴ Н. Н. Г у с е в. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого. 1891—1910. М., 1959, стр. 487.

⁵ D. M e j í a. Fiestas Universales de la Paz. Socorro a las Victimas de la Guerra. A la Prensa de la Capital de la República. México, 1904. Брошюра сохранилась в яснополянской библиотеке.

⁶ Отрывок из письма Мехиа опубликован в статье В. Н. К у т е й щ и к о в о й «Творчество Л. Н. Толстого и общественно-литературная жизнь Латинской Америки конца XIX — начала XX в.» — «Из истории литературных связей XIX в.», М., 1962, стр. 233—234.

⁷ П. И. Б и р ю к о в. Биография Льва Николаевича Толстого, т. IV, стр. 96.

IX

В ОТВЕТ НА ТРЕБОВАНИЯ ВЕКА

1. «ДОЛЖНЫ ЛИ МЫ ИМЕТЬ КОЛОНИИ?»

¹ Цит. по кн.: А. И. Ш и ф м а н. Лев Толстой и Восток. М., 1960, стр. 352.

² «Яснополянский сборник». Тула, 1962, стр. 68.

³ Толстой цитирует Герцена неточно. Последние два слова у Герцена: «освобождение человека» (А. И. Г е р ц е н. Собр. соч. в тридцати томах, т. IV. М., 1955, стр. 119).

2. «РАБСТВО НЕГРОВ»

¹ Waterman, Judge, A. N. A. Century of Caste. Chicago, 1901.

² Уильям МакКинли (1843—1901) — президент США с 1897 по 1901 г.; один из ревностных проводников империалистической политики.

³ В яснополянской библиотеке сохранились следующие книги Б. Вашингтона: «The Successful Training of the Negro». New York, 1903 («Успешное обучение негров»); «Twenty five Years of Tuskegee. The Building up of the Negro as shown by the Growth and Work of this School managed wholly by Negroes». New York, 1906 («Двадцать пять лет Таскиги. Рост и работа школы, которую ведут сами негры, как показатель развития их сознания»); «Up from Slavery. An Autobiography». New York, 1907 («От рабства к свободе. Автобиография»). На форзаце этой книги дарственная надпись: «To count Leo Tolstoy with high regards of Booker T. Washington, Tuskegee. Alabama, USA» («Графу Льву Толстому с глубоким уважением. Букер Т. Вашингтон. Таскиги. Алабама. США»); «„Working with the Hands“. Being a sequel to „Up from Slavery“, covering the Author's Experiences in industrial Training at Tuskegee». New York, 1904 («„Ручной труд“. Продолжение книги «От рабства к свободе», содержащее описание опытов автора по производственному обучению в Таскиги»). На форзаце дарственная надпись: «To Count Leo Tolstoy with best wishes of Booker T. Washington. Tuskegee. Alabama». Oct. 19, 1908, USA» («Графу Льву Толстому с наилучшими пожеланиями от Букера Т. Вашингтона. Таскиги. Алабама. 19 окт. 1908 г. США»).

⁴ В Юбилейном издании Лиззи Уокер названа Лиззи Уокер Пресс. Последнее слово читается как «президент», т. е. председатель, и к обозначению имени собственного отношения не имеет.

⁵ «What would Tolstoy say?» by John H. Stotsenburg. — «Alexander's Magazine», 1908, p. 64—66.

3. АННЕКСИЯ

¹ В Юбилейном издании имя «сербской женщины» дается в двух транскрипциях; одна из них ошибочная — Анна Петробутеева (т. 37, стр. 439), другая — более правильная — Анджа Мита Петрович (т. 78, стр. 369). В подлиннике письмо подписано: Анджа М. Петровичева.

² М. Стеванович. Лев Толстой о аннексии. — «Недельни преглед», 1908, № 36 и 37.

³ Д. П. Маковицкий. Яснополянские записки (Рукопись, АТ). Запись от 23 февраля 1909 г., стр. 4317—4318.

⁴ Там же, стр. 4324.

⁵ М. С. Сухотин. Толстой в последнее десятилетие своей жизни (по записям в дневнике М. С. Сухотина). — «Лит. наследство», т. 69, кн. 2, стр. 208.

⁶ Впервые воспроизводимый в настоящей публикации портрет Анджи Петровичевой разыскан в белградском Народном музее С. А. Макашиным при содействии Веры Стоич.

4. СУД В МИЛАНЕ

¹ «Лев Толстой об итало-абиссинской войне». — «Известия», 4 октября 1935 г.

² Впоследствии Монета выступал за участие Италии в первой мировой войне, отказавшись от своей прежней позиции в вопросах мира.

³ Статья из газеты «Secolo» дается по вырезке, присланной Толстому редактором Монетой (перевод М. И. Перпер).

5. КОНГРЕСС МИРА

¹ П. И. Бирюков. Биография Льва Николаевича Толстого, т. IV, стр. 191.

² Ф. Энгельс. Может ли Европа разоружиться? — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 387.

³ См. сообщение М. Чистяковой «Толстой и европейские конгрессы мира». — «Лит. наследство», т. 37-38, М., 1939, стр. 599—616.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПИСЬМА ИНОСТРАНЦЕВ К ТОЛСТОМУ

Обзор Т. Н. Волковой

В Архиве Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве хранится около *девяти тысяч* писем из-за рубежа на русском и иностранных языках. Это основной фонд иностранной почты Толстого. Общее число зарубежных корреспондентов Толстого — около шести тысяч человек.

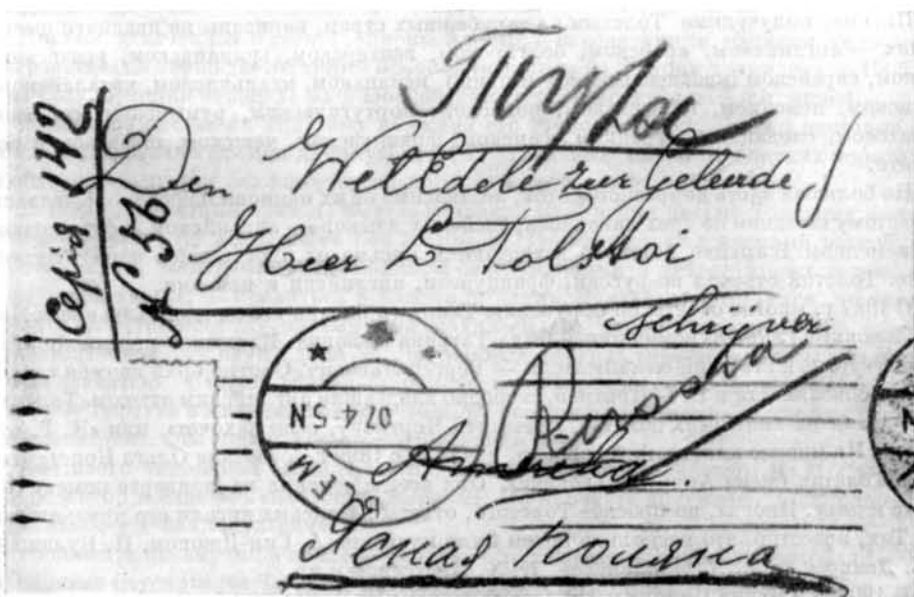
Краткие сведения об истории этого фонда, его составе и библиографии опубликованных материалов мы попытаемся представить читателям в настоящем обзоре.

* * *

В августе 1857 г. Толстым было получено первое письмо из-за границы, сохранившееся в его архиве, — от французского банкира и экономиста Э. Пего-Ожье, с которым Толстой познакомился случайно в вагоне поезда, на пути из Штутгарта в Баден-Баден, во время своего первого путешествия по Европе. Из Парижа в Ясную Поляну письмо это шло более двух недель.

Из второго путешествия за границу (1860—1861) Толстой привез несколько писем иностранных педагогов, с которыми он встречался в Англии, Франции и Германии. Между прочим среди них сохранилась доверенность известного писателя Б. Ауэрбаха, выданная Толстому в день его отъезда из Берлина для переговоров с редакцией журнала «Современник».

После 1861 г. наступает длительный перерыв в переписке Толстого с зарубежными корреспондентами.

АДРЕС НА ОДНОМ ИЗ ПИСЕМ ИНОСТРАННОЙ ПОЧТЫ ТОЛСТОГО
«Глубокоуважаемому Учителю, господину Л. Толстому, писателю. Америка»

Исправления («Россия. Тула. Ясная Поляна») сделаны на почте

Конверт письма голландского корреспондента Толстого В. Нэля, 1907

Архив Толстого, Москва

В начале 1870-х годов, стремясь подыскать подходящих гувернеров своим детям, Толстой вступил в переписку с женеvским педагогом *М. Перро*, с владельцем конторы по приисканию учителей в Женеве — *А. Дембюм* и с гувернерами *Э. Клерком*, *М. Колиньюном* и *Ж. Ре*. Однако переписка эта, начавшаяся в ноябре 1874 г., через полгода прекратилась.

В 1878 г. Толстой получил письмо от английского литератора *У. Ш. Ролстона* и отвечал ему (см. выше). Но систематическая переписка его с зарубежными корреспондентами завязалась значительно позднее, во второй половине 1880-х годов, когда за границей стали появляться новые переводы произведений Толстого. Свидетельством растущего признания были не только статьи в иностранных журналах и газетах, но и письма от его рядовых читателей и почитателей. Крупные общественные и политические события в России (помощь голодающим крестьянам в 1891—1892 гг., русско-японская война 1904 г., революция 1905 г. и др.) вызвали мощный приток писем. Это свидетельствует о том, что Толстой — художник и мыслитель был неотделим от исторических судеб России.

Весть об уходе Толстого из Ясной Поляны в ноябре 1910 г. распространилась с огромной быстротой и в России, и за рубежом. Вскоре стало известно, что Толстой остановился в Астапове. Поток писем и телеграмм в эти дни шел на имя Толстого из всех стран мира.

На другой день после смерти Толстого, 21/8 ноября 1910 г., не зная еще о случившемся, англичанин *Ф. Дегген* направил из Лондона в Астапово письмо, в котором писал: «И в Англии, и во всем мире миллионы сердец сочувственно бьются заодно с вашим. Россия может гордиться вами...»

Русский почтовый чиновник зачеркнул адрес на письме: «Астапово» и написал: «Ясная Поляна».

* * *

Письма, полученные Толстым из зарубежных стран, написаны на двадцати шести языках — английском, арабском, болгарском, венгерском, голландском, греческом, датском, еврейском (древнееврейском и идиш), испанском, итальянском, каталанском, латинском, немецком, норвежском, польском, португальском, румынском, сербско-хорватском, словацком, турецком, финском, французском, чешском, шведском и эсперанто.

Но большая часть корреспондентов, независимо от их национальности, обращалась к Толстому на одном из трех западноевропейских языков — английском, французском или немецком. В архиве Толстого встречаются письма от иностранцев и на русском языке. Толстой отвечал по-русски, французски, английски и немецки.

С 1887 г. многие ответы по поручению Толстого писали его дочери, Татьяна и Мария Львовны. Главной помощницей была Татьяна Львовна. Изредка в переписке принимал участие и старший сын писателя — Сергей Львович. Охотно брал на себя секретарские обязанности и В. Г. Чертков, свободно владевший английским языком. Толстой часто делал на конвертах пометы: «Ответить Черткову, если захочет», или «В. Г. ответить». На многие иностранные письма, начиная с 1899 г., отвечала Ольга Константиновна Толстая (жена Андрея Львовича). Она всегда ставила на конверте помету об ответе и дату. Иногда, по просьбе Толстого, ответы на письма писали его друзья и гости. Так, известно, что несколько писем было написано А. Син-Джоном, П. Буланже, Е. С. Денисенко, М. А. Маклаковой, К. Х. Классеном и др.

В 1904 г. в Ясной Поляне поселился доктор Д. П. Маковицкий. Он знал несколько иностранных, в том числе и славянских языков. Толстой часто пользовался его помощью и неоднократно писал на конвертах: «Душану» и «Душану отв<етить>». В этих случаях Маковицкий ставил свою помету на конверте: «Отв. Д. П. М.» и дату.

В Юбилейном издании, начиная с 64 тома (1887—1889) и кончая 82 томом (1910), при публикации переписки Толстого была введена специальная рубрика: «Список пи-

сем, написанных по поручению Л. Н. Толстого». Всего в этом издании значится около 520 писем иностранцев, на которые были посланы ответы по поручению Толстого. Однако эти списки далеко не полны.

* * *

Письма, адресованные Толстому, — русские и иностранные — бережно сохранялись в Ясной Поляне и, насколько можно судить, дошли до нас лишь с незначительными потерями. На ранних письмах, относящихся к 1860-м годам, рукой С. А. Толстой проставлены красными чернилами порядковые номера. Однако дальше первых попыток систематизации дело в ту пору не пошло.

Лишь во второй половине 1899 г. в Ясной Поляне была установлена систематическая запись получаемых писем. Первая запись датирована 27 сентября.

В архиве Толстого хранится пять переплетенных книг большого формата, в которые русская и иностранная почта вносилась попеременно по трем следующим рубрикам: 1) имя корреспондента, 2) место отправления, 3) краткое содержание письма. Здесь же делалась помета об ответе и ставилась дата. Сто писем составляли серию. На конверте каждого письма проставлялся порядковый номер и серия. Таким образом, письма получали свой яснополянский шифр.

Записи в книгах делались не ежедневно. Дата получения часто обозначалась условно, иногда только месяцем. Регистрационные книги являются надежным источником для определения даты того или иного письма в тех случаях, когда она не проставлена самим корреспондентом, а почтового штемпеля на конверте нет. Отметим, что почти с половины конвертов иностранных писем кем-то были срезаны марки.

По записям в этих книгах можно судить о том, как постепенно увеличивалось количество получаемых Толстым писем. Например, в октябре 1899 г. Толстой получил 132 письма, а в марте 1910 г. — 326 писем (русских и иностранных). Эти цифры относятся к «спокойным» периодам жизни Толстого. Вполне понятно, что такие события, как, например, отлучение Толстого от церкви и его восьмидесятилетний юбилей вызывали поток писем, намного превышавший количество получаемой повседневно корреспонденции.

Письма, отмеченные в регистрационной книге и перевязанные пачками, складывались в шкафы на площадке лестницы яснополянского дома, где они хранились до 1905 г., когда С. А. Толстая передала их в Московский Исторический музей (см. ниже).

Многие из писавших Толстому не знали его точного адреса. Иногда почтовые пометы на конвертах отражают длинную историю скитания писем в поисках адресата. Не обходилось дело и без комических недоразумений.

В 1890 г. известный врач *А. Форель* отправил из Швеции письмо Толстому по следующему адресу: «H. Herr greve Leo Tolstoi. St. Petersburg». Озадаченный петербургский чиновник, по-видимому, не слишком осведомленный в литературных делах, написал на конверте: «Справиться в Академии наук». Почтальон справился, но адреса Толстого не установил. К письму был подклеен его рапорт: «Справка 106 округа 9 отдела. В Академии наук в доме №... по домовый книге г. граф Лев Толстой не состоял и не значится». Второй почтальон принес в тот же день столь же неутешительные вести: «По справке в Академии наук в доме №... по домовый книге г. Толстой не значится и неизвестен». Обе справки помечены 6 февраля 1890 г.

Почтового чиновника осенила мысль: не знает ли адрес Толстого М. М. Стасюлевич, редактор и издатель «Вестника Европы». На конверте появилось распоряжение: «Справиться у г-на Стасулевича».

Наконец, к письму была приложена третья справка, датированная 7 февраля 1890 г. «По справке Стусилевича Толстой — Ясная Поляна Тульской губернии».

Еще более любопытную историю рассказывает конверт письма *В. Нэля* из Голландии, который почему-то вообразил, что Толстой живет в Америке, и написал адрес: «Hier L. Tolstoi. Schruyver. Amerika». Письмо пришло в Соединенные Штаты. Почтовый чиновник зачеркнул последнее слово и написал: «Russia». Письмо вновь пересекло океан и прибыло в Россию. На конверте есть надпись: «Получено в Варшаве 19 декабря 1907 г. в мешке из Нью-Йорка в Америке» и проставлен адрес: «Ясная Поляна».

Иногда адрес обозначался условно. *Т. Зейлер* из Цюриха написал на конверте: «Herrn Schriftsteller Graf Leo Tolstoi. Petersburg oder auf seinem Landgut in Russland oder wo er sonst ist» («Г-ну писателю графу Льву Толстому в Петербург или в его имение в России или туда, где он находится»).

Э. Беннет прибавил к адресу просьбу, обращенную к тем, в чьи руки попадет его письмо: «Count Leo N. Tolstoi. Yasnaia Polyana. Moscow. Russia. Europe. Will the Moscow Post Master forward this to count Tolstoi?» («Графу Льву Толстому. Ясная Поляна. Москва. Россия. Европа. Не перешлет ли московский почтмейстер это письмо графу Толстому?»).

Х. С. Хоуард писала Толстому из Голландии: «Мне абсолютно неизвестен ваш теперешний адрес. Но, без сомнения, письмо дойдет, если я напишу: „Графу Л. Толстому — автору „Анны Карениной“ и „Войны и мира“, Россия“. Она так и поступила. И письмо, разумеется, было доставлено Толстому.

Постоянное железнодорожное сообщение между Москвой и Тулой открылось в ноябре 1867 г. В трех километрах от Ясной Поляны находилась станция Козлова Засека. Сюда направлялась почти вся почта на имя Толстого. Почтовое отделение станции Ясенки находилось в семи километрах от Ясной Поляны. Сюда прибывали и отсюда отправлялись заказные письма, а также бандероли.

В 1880—1890-х годах почту из Козловой Засеки и Ясенок доставлял кто-нибудь из домашних. Иногда на станцию ездил верхом или на велосипеде и сам Толстой. В последние десять лет жизни Толстого за письмами ездил почтарь Филя. Его большая кожаная сумка ныне хранится в музее-усадьбе Ясная Поляна.

* * *

Большинство зарубежных писем, адресованных Толстому, написано от руки. Примерно десятая часть из них (главным образом, присланные американцами) напечатана на машинке. Некоторые короткие обращения к Толстому написаны на визитных карточках. Вместе с письмами Толстой получал различного рода приложения — конверты с марками и надписанным адресом для ответа, открытки, фотографии, вырезки из газет и журналов, рукописи и, наконец, книги.

Приложения большого формата и значительные по объему (прежде всего книги и рукописи) были еще при жизни Толстого отделены от писем и хранились в другом месте. Особенно часто Толстой получал книги. На многих из них есть дарственные надписи. Яснополянская библиотека пополнялась в значительной мере за счет такого рода «приложений» к письмам. «Библиотека Ясной Поляны, — писал Д. П. Маковицкий, — составляет целым миром» *. Книги и журналы, полученные Толстым от его корреспондентов, хранятся в библиотеке музея-усадьбы Ясная Поляна; статьи, трактаты и прочие рукописные приложения к письмам — в Архиве Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве.

В 1912—1916 гг. В. Ф. Булгаковым было составлено описание русских и иностранных книг и журналов яснополянской библиотеки. Описание русских книг уже частично вышло в свет. Что же касается каталога иностранных изданий, то он еще не издан. Рукописные экземпляры этого описания хранятся в Архиве Толстого в Москве и в Яснополянском музее. В них воспроизведены все дарственные надписи на книгах, а также оговорены пометы Толстого. Не лишена интереса особая рубрика, которая позволяет судить о степени интереса Толстого к тому или иному произведению: «разрезано», «не разрезано», «разрезано не вполне».

Описание библиотеки Толстого, сделанное Булгаковым, является тем более важным источником при изучении и комментировании переписки Толстого с иностранными корреспондентами, что некоторые книги, описанные им, не сохранились в яснополянской библиотеке.

* «Библиотека Л. Н. Толстого в Ясной Поляне», I. М., 1958, стр. 6.

ДОМ В. Г. ЧЕРТКОВА В ТАКТОНЕ БЛИЗ КРАЙСТЧЕРЧА (АНГИЛИЯ).
ЗДЕСЬ ХРАНИЛСЯ АРХИВ ТОЛСТОГО

Фотография 1900-х годов
Музей Толстого, Москва

ВХОД В ПОМЕЩЕНИЕ, ГДЕ ХРАНИЛСЯ АРХИВ ТОЛСТОГО В ДОМЕ В. Г. ЧЕРТКОВА
Тактон близ Крайстчерча (Англия)

За столом сотрудник Черткова Э. Я. Перна

Фотография 1900-х годов
Музей Толстого, Москва

* * *

Толстой получал ежедневно так много писем, что не имел возможности ответить всем к нему обрадовавшимся.

Просматривая почту, Толстой обычно делал карандашом пометы на конвертах. Иногда это были краткие конспекты ответа — большей частью условные сокращения, понятные секретарям и помощникам. Толстой либо характеризовал содержание письма: «Пр(осительное)», «Авт(ограф)», либо давал указание, кому отвечать на письмо: «Тане», «Душану».

18 августа 1908 г. члены румынского клуба для чтения обратились к Толстому с просьбой прислать им какое-нибудь из его произведений. На конверте появилась надпись Толстого: «Душану отвечать, что я отдал все мои сочинения и переводы в общее пользование и не имею их».

На некоторых письмах встречаются вопросы Толстого, обращенные к секретарям и помощникам. Так, 1 сентября 1908 г. англичанин *Д. П. Куинтон* сообщал Толстому о том, что он посылает в Ясную Поляну свою драму. Толстой написал на конверте: «Б(ез) о(твета)». Есть ли книга, которую посылает?»

Не следует думать, что Толстой делал пометы на всех письмах. На многих конвертах нет никаких надписей. Наиболее часто встречаются пометы «Б. О.» — «без ответа». Ее можно увидеть почти на половине всех писем последних лет жизни Толстого.

«Усевшись за разборку корреспонденции Льва Николаевича, — пишет секретарь Толстого В. Ф. Булгаков, — я полюбопытствовал, между прочим, какие письма он оставляет без ответа. Оказалось, что в большинстве случаев — все написанные высокопарно, патетически, с необыкновенными излияниями, одним словом, внушающие подозрение в искренности их авторов» (В. Б у л г а к о в. Л. Н. Толстой в последний год его жизни. М., 1960, стр. 88).

Хотя В. Ф. Булгаков вел только русскую корреспонденцию Толстого, его наблюдение относится и к определенной категории писем иностранной почты. Но, конечно, это объяснение не охватывает всех случаев, когда появлялась на конверте пометка «Б. О.».

* * *

В 1905 г. С. А. Толстая передала на хранение в Исторический музей русские и иностранные письма, адресованные Толстому, и в последующие годы, вероятно, пополняла эту коллекцию некоторыми новыми материалами. В. Г. Чертков хранил свое собрание рукописей в Англии. Между С. А. Толстой и Чертковым возникло судебное дело за право распоряжаться рукописным наследием Толстого.

Во время разбирательства этого дела Исторический музей, по-видимому, наложил «вето» на бумаги Толстого. С. А. Толстая выразила недоверие администрации музея и, добившись признания своих прав, в 1915 г. передала рукописи в Румянцевский музей (ныне Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина).

В 1926 г. В. Г. Чертков передал все свое собрание Архиву Государственного музея Толстого (в том числе и две с половиной тысячи писем иностранцев).

Разбор двух огромных фондов иностранной почты Толстого в собраниях Всесоюзной публичной библиотеки им. В. И. Ленина и в Архиве Музея Л. Н. Толстого начался в 1920-х годах, в связи с подготовкой Юбилейного издания. Е. В. Козловой, Е. Н. Рунич и Л. И. Сперанской был составлен аннотированный каталог иностранных писем. В «Записках отдела рукописей» Всесоюзной библиотеки В. И. Ленина появился краткий обзор (всего в две страницы) Е. Н. Рунич: «Корреспонденты Толстого».

27 августа 1939 г. было принято постановление Совета Народных Комиссаров СССР «О Государственном музее Л. Н. Толстого» и о концентрации в нем всех бумаг писателя. 15—27 декабря того же года все толстовские материалы были переданы из Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина в Государственный музей Л. Н. Толстого.

Впервые публиковать адресованные ему письма начал сам Толстой, включивший некоторые из них целиком или в отрывках в свои публицистические работы (см., например, статьи «Приближение конца» (т. 31), «Об общественном движении в России»

(т. 36), «О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии» (т. 37), «Патриотизм и правительство» (т. 90) и др.).

Некоторые статьи Толстого представляли собой развернутый ответ на адресованные ему письма: «Письмо к индусу» (т. 37), «Письмо к китайцу» (т. 36), «Ответ польской женщине» (т. 38) и др. В этих случаях переводы писем делались самим Толстым.

В 1920-х годах, работая над четвертым томом «Биографии Льва Николаевича Толстого», П. И. Бирюков включил в свою книгу девять писем к Толстому зарубежных корреспондентов. Большая часть этих писем была опубликована в периодической печати еще при жизни Толстого.

КОНВЕРТ ОДНОГО ИЗ ПОСЛЕДНИХ ПИСЕМ, ПОЛУЧЕННЫХ НА ИМЯ ТОЛСТОГО

Письмо англичанина Фреда Деггена, 21/8 ноября 1910 г., Лондон
Архив Толстого, Москва

В 1925 г. Бирюков выпустил в Берлине книгу «Tolstoi und der Orient» («Толстой и Восток»), в которой опубликовал на немецком языке двадцать два письма к Толстому от М. Ганди, Дас Шарма, Иво Абэ и других выдающихся деятелей Востока. Однако представление об иностранной почте Толстого продолжало оставаться неполным, несмотря на довольно многочисленные, но разрозненные публикации.

Новый этап научного освоения всего рукописного наследия Толстого связан с Юбилейным изданием полного собрания сочинений, в котором были опубликованы все известные в то время письма Толстого. Письма иностранных корреспондентов печатались в комментариях иногда целиком, чаще в отрывках или в изложении.

Работа над полным собранием сочинений Толстого продолжалась тридцать лет (1928—1958). За это время появились некоторые выборочные публикации иностранных писем и в других изданиях. Л. П. Гроссман в 1928 г. в книге «Собеседник Толстого» опубликовал пять писем Р. Роллана. В 1937 г. в «Лит. наследстве» появилась статья М. М. Чистяковой «Лев Толстой и Франция», в которой приведено полностью и в выдержках сорок писем французских корреспондентов Толстого.

В «Сборнике Толстовского музея» (1937) Г. А. Волков опубликовал письма Д. Т. Синклера и Э. У. Эллиса. Н. Н. Гусев в том же сборнике поместил письмо Л. Сарракана.

В 1939 г. А. П. Сергеевко в «Лит. наследстве» опубликовал переписку Толстого с *М. Ганди* и *Т. Эдисоном*. Там же Э. Е. Зайденшнур напечатала переписку *Р. М. Рильке* с Толстым.

Т. Л. Мотылева включила в свою книгу «О мировом значении Толстого» (М., 1957) отрывки из писем *Р. Роллана* и *Дж. Б. Шоу*. В книге «Творчество Ромена Роллана» ею также приведены отрывки из двух писем Роллана к Толстому.

Большая публикация писем, полученных Толстым из стран Востока, была сделана А. И. Шифманом в его книге «Лев Толстой и Восток» (М., 1960). Здесь опубликовано шестьдесят два письма.

В статье В. Н. Кутейщиковой «Творчество Л. Н. Толстого и общественно-литературная жизнь Латинской Америки конца XIX — начала XX века» приведено в отрывках двадцать одно письмо из Аргентины, Венесуэлы, Гватемалы, Мексики, Перу, Уругвая и Чили (см. сб. «Из истории литературных связей XIX века». М., 1962, стр. 227—247).

Новые публикации появились в последние годы за рубежом. В пражском журнале «Československa Rusistika» С. Калафа напечатал тринадцать писем чешских корреспондентов Толстого («Československa Rusistika», 1960, № 4, стр. 226—238). В Варшаве Б. Бялоковичем опубликованы польские письма из почты Толстого в обзоре «Польские корреспонденты Л. Толстого» в сборнике «Lew Tolstoj». Warszawa, 1961, стр. 12—40.

Для работ, появившихся в последние годы, характерно соединение публикаторских задач с исследовательскими. Переписка Толстого с его зарубежными современниками имеет для нашего времени не только историческое, но и актуальное значение.